

НАЧАТЬ ЖИЗНЬ ЗАЧЕВО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛАНА КИНЛЕМ

Лана Кинлем

Начать жизнь заново

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69579001

SelfPub; 2023

Аннотация

Алекс считал, что вся его жизнь похожа на абсурд. Некую постановку, придуманную сумасшедшим маразматиком, в которую он попал случайно. Однако у жизни поганое чувство юмора. Одна-единственная встреча перевернула его мир, погрузив в вечный ночной кошмар. Получится ли у него убежать? Сможет ли он начать жить заново или навсегда погрязнет в пучине отчаяния, одиночества и страха?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	27
Глава 4	44
Глава 5	59
Глава 6	84
Глава 7	104
Глава 8	129
Глава 9	151
Глава 10	173
Глава 11	192
Глава 12	215
Глава 13	240
Глава 14	261
Глава 15	282
Глава 16	306
Глава 17	330
Глава 18	353
Глава 19	379
Глава 20	409
Глава 21	428
Глава 22	453
Глава 23	476

Глава 24	496
Глава 25	530
Эпилог	539
Благодарности	542

Лана Кинлем

Начать жизнь заново

Глава 1

– Не забудь, сегодня в пять конференция в «Джонс Дей». Тебе обязательно нужно встретиться с профессором Миллегером.

– Я помню, мам, – отзываюсь я.

Уже минут 10 я просто пытаюсь выйти из дома, но мать ходит за мной по пятам с блокнотом, в котором – мое расписание. Маразм.

– В два часа тебе нужно заехать на фирму к отцу. Он представит тебя Джорджу Ли. Будь с ним любезен, этот человек может помочь тебе в будущей работе.

– Я помню, мам.

Да сколько уже можно? Сейчас только семь часов утра. Если я сейчас же не выйду, рискую опоздать в колледж. Не хочу бежать сломя голову.

– Вечером у нас встреча с представительными людьми, так что...

– Я помню, мам! – с раздражением отвечаю я, резко повернувшись к матери. Она отрывает глаза от блокнота, внимательно смотрит на меня. В ее взгляде – привычная над-

менность.

– Не смей так разговаривать с матерью! – доносится из комнаты голос отца. Смотрю на открытую дверь гостиной и вздыхаю.

– Прости, пап. Прости, мам.

Она продолжает молча смотреть на меня, и я, отвернувшись, обуваюсь.

– Ты все запомнил, сын? – спрашивает мать, снова сверяясь со списком моих обязательных дел на сегодня. Поворачиваюсь к ней, накидывая пиджак на плечи.

– Да, мам, я все запомнил. Мне надо идти – время.

Мама смотрит на часы над дверью и кивает. Я уже почти взялся за ручку двери, но она окликнула меня.

– Алекс, поцелуй.

Закатываю глаза и оборачиваюсь. Она выжидательно смотрит на меня, и я, вздохнув, наклоняюсь и чмокаю ее в щеку.

– Попрощайся с отцом.

– Пока, пап, – кричу.

Он говорит в ответ что-то неразборчивое, и я, наконец, выпрыгиваю за дверь. Быстрым шагом пересекаю улицу, смешиваясь с толпой, лавирую между спешащих людей, ныряю во двор и выхожу на остановку с другой стороны дома. Опустившись на скамейку, я вздыхаю. До моего автобуса еще есть минут пять.

Как вы уже поняли, меня зовут Алекс. Мне 23 года, я

учусь на последнем курсе юридического колледжа, собираюсь в скором времени стать адвокатом. Мои родители – уважаемые люди в этом городе. Отец – судья, мать – прокурор. И сын – будущий адвокат. Полная коллекция гос. контроля и наказания. Следователя не хватает, да нотариуса – до кучи. В общем, эталон счастливой чикагской семьи.

Но грех жаловаться, живем мы неплохо. И моя жизнь... на самом деле совсем не моя жизнь. Давайте я объясню, почему.

Вас спрашивали когда-нибудь, кем вы хотите стать? А меня нет.

Когда-то мне еще хотелось стать великим художником, но отец сказал, что это несерьезно. Поэтому я уже в первом классе знал, что буду юристом.

Каждый мой день расписан по часам. Учеба, конференции, консилиумы, круглые столы, встречи с важными людьми, «здравствуйте», «приятно видеть Вас сегодня», «Ваша речь была великолепна».

У меня нет друзей. На них просто не остается времени. Друзей мне заменили педагоги, профессора, доктора наук, чиновники. Обед по расписанию, сон по расписанию, разговор с отцом – с пяти до семи вечера.

Знаете, как это называется? Диктатура. Абсолютная монархия.

Меня это никогда особо не беспокоило. Когда всю жизнь живешь вот так, это становится привычным, даже правильным. Если бы не одно «но».

Мне 23 года, а за мной все еще ходит мать с блокнотом.

Когда это начало раздражать? Когда она с этим чертовым блокнотом завалилась в колледж, напомнить мне, что в три часа пятнадцать минут я должен быть в ресторане на празднике по случаю ее юбилея.

Нет, меня совсем не беспокоили насмешливые взгляды одноклассников. Хотя я и поддерживал со всеми ровные отношения, но ни с кем близко не общался. Просто именно в тот момент я понял, что это все начинает заходить за рамки.

С того дня прошло уже три месяца, а ситуация только ухудшалась, становясь почти абсурдной. В конце-то концов, родители пасли меня чуть ли не в уборной. И мое терпение медленно таяло.

– Алекс, твой автобус, – сказала женщина, дотронувшись до моего плеча. Я слегка вздрогнул, вынырнув из своих мыслей, и вскинул на нее взгляд. Наша соседка, Аманда, пожилая женщина с большими добрыми глазами улыбалась мне, кивая в знак приветствия.

– Большое спасибо, – улыбнулся я в ответ и запрыгнул в автобус.

Что ж, день обещал быть насыщенным. Как всегда.

«В два часа тебе нужно заехать на фирму к отцу», – раздался голос матери в моей голове, и я от души фыркнул.

И ни минутой позже, черт бы побрал эту пунктуальность. Как же оно все достало.

Глава 2

– Система идей о правовом государстве сложилась в концепцию правового государства, принципом которой стала реализация замысла о построении конституционного государства, где...

Наверное, многие скажут, что я странный студент. Мне хочется сесть и писать диплом. Желательно, чтобы меня при этом еще не отвлекали. Но если вам приходится уже второй час слушать юридические концепции правовых государств, если это происходит почти каждый день, то такое желание становится вполне оправданным.

– В своей теории Макиавелли предпринял попытку набросать контуры идеального государства, наилучшим образом отвечающего потребностям...

Джордж Ли. Известный адвокат, заслуженный юрист, бывший президент Адвокатской палаты. Высоко востребован и крайне профессионален. И дико раздражает меня.

Ровно в два часа дня я был в офисе отца. Он познакомил меня с Джорджем, мы перекинулись парой дежурных фраз, а потом началась лекция. Как она должна была помочь мне в моей профессии, не понимал даже отец, судя по его взгляду. Но перебивать знаменитого адвоката никто бы не стал, поэтому я слушал его, изображая живой интерес. Как будто бы я не наслушался этого в колледже.

– Монтескье объяснял установление правовой государственности необходимостью свободы в гражданском обществе...

Свобода. Что такое свобода? Кто-то говорил, что свобода находится в пяти шагах от тирании. Кажется, это был Ницше.

Свободный человек имеет право делать все, что он хочет. И я считаю себя свободным человеком. Ведь я делаю именно то, что хочу. Правда ведь?

– Алекс.

Укоряющий голос отца оторвал меня от размышлений. И он, и Джордж внимательно смотрели на меня. Видимо, я пропустил окончание этой лекции. Поднявшись, я протянул руку адвокату.

– Спасибо Вам большое, мистер Ли. Мне льстит, что такой человек, как Вы, уделили мне немного внимания. Отец ни раз говорил, что благодаря Вашему опыту смог достичь таких высот. И я равняюсь на Вас.

– Что ж, молодой человек, надеюсь, Вы нас не разочаруете.

Потрясающая вера в меня. Я просто тронут.

– Конечно, мистер Ли.

Джордж еще раз смерил меня взглядом и отошел к отцу. Они вышли из кабинета, заговорив о чем-то, что не предназначалось, по всей видимости, для моих ушей. Я снова опустился в кресло, наблюдая за ними через стекло двери.

Этот Джордж был одним из многих, с кем знакомил меня отец. Они с мамой считали, что мне пора заводить достойные связи в кругу юристов, что это быстрее продвинет меня по карьерной лестнице.

Ну что за чепуха? Востребованность адвоката растет со стажем, опытом и количеством выигранных дел в судебных разбирательствах. Если ты плохой юрист, то никакие связи тебе не помогут удержаться на плаву. А если хороший – не потребуются. Но родители считали иначе.

Я вздохнул и бросил взгляд на часы. Уже четыре, через час конференция в международной юридической фирме, а мне нужно как обычно прийти пораньше. Снова я опаздываю.

Дверь бесшумно открылась, и в кабинет вошел отец. По его лицу ничего нельзя было понять, впрочем, как и всегда.

– Алекс, мне не очень нравится, что ты отвлекаешься на что-то, – сев за стол, начал он. – Минутное промедление ведет к краху, я постоянно повторяю это тебе. Джордж заинтересован в твоём успехе, так что не подведи его. И меня тоже.

Спорим, Джорджу глубоко плевать и на меня, и на мой успех, и на отца в том числе. Мы оба это знаем. Но я только кивнул.

– Иди, Алекс. Мама ждет тебя в «Джонс Дей» через полчаса.

– Да, отец.

Быстрым шагом выхожу из кабинета, а потом и из здания,

сдерживаясь, чтобы не сорваться на бег. Полчаса, а мне нужно успеть забежать домой переодеться и погулять с собакой. Благо офис отца был недалеко.

О да, у меня есть собака. Удивлены? Что ж, вероятно, это единственный мой каприз, удовлетворенный родителями. На шестнадцатилетие мне подарили двухмесячного лабрадора ретривера. Наверное, я был не прав, когда говорил, что у меня нет друзей. Один друг точно был. И теперь эта рыжая махина по кличке Ричард радостно встречала меня, пока я, взмыленный и запыхавшийся, пытался добраться до лестницы на второй этаж, где была моя комната.

Добравшись до своего шкафа, я оперся на него, пытаюсь восстановить дыхание. Ричард сел на пороге комнаты, терпеливо дожидаясь прогулки, и я улыбнулся, глядя на него. Хороший пес, послушный.

Стянув с себя один костюм, я натянул брюки другого и бросил взгляд в зеркало. Тонкое лицо с высокими скулами, полноватые губы, аккуратно приглаженные каштановые волосы, которые успели немного растрепаться во время моего незапланированного марш-броска от офиса до дома. Но самыми примечательными были глаза: ярко зеленые, почти кошачьи. Мне никто не верил, что это не линзы. Но так уж случилось, что никакого обмана здесь не было.

Застегнув рубашку, я пригладил выбившуюся прядь волос. Мать всегда дотошно относилась к моей прическе, она говорила, что внешний вид должен быть презентабельным.

Черт его знает, как этому виду могли поспособствовать приглаженные гелем, словно слюнями, волосы.

Собравшись, я повернулся к Ричарду. Пес немедленно завилял хвостом, выкатив из пасти язык. Я улыбнулся.

– Ну что, брат, пойдем прогуляемся?

Ответом мне был глухой лай и цокот когтей по паркету сбежавшего вниз по лестнице пса.

Он бегал по лужайке довольный жизнью больше, чем все люди на нашей улице. И у меня, глядя на него, поднималось настроение. Сейчас и всякий раз.

В 16 у меня появился защитник. Даже будучи мелким щенком, он кидался на всех, кто подходил ко мне близко не с самыми хорошими намерениями. С годами лаять на всех подряд он перестал – разобрался, но грозного вида огромного пса хватало, чтобы местная гопота в парках раздумывала ко мне подходить. Зарычал он только один раз, оскалив клыки, – когда после прогулки мы с ним возвращались домой, и ко мне пристал какой-то пьяный мужик. Но тот был слишком пьян, чтобы понять это предупреждение, и Ричи сбил его с ног. Прижатый к земле собачьей лапой, смотрящий в умные карие глаза, мужик сразу же растерял весь свой пыл, и, возможно, даже протрезвел. По крайней мере, убежал он быстро и по прямой, не врезавшись ни в один столб. Больше его я никогда не видел рядом с нашей улицей.

– Ричи, мне идти надо, – окликнул я пса.

Тот оглянулся на меня и ушел в кусты. По какой-то при-

чине он никогда не делал своих уличных дел при мне или родителях. Мы не учили его этому, но маме нравилась эта привычка. «Воспитанный парень», – всегда говорила она, улыбаясь. По всей видимости, мой пес считал недостойным задрать ногу при хозяевах. Интеллигент, с кем поведешься, впрочем.

Задумавшись об этом, я пропустил момент, когда Ричард оказался рядом и легонько боднул меня головой в колено. Я улыбнулся, потрепав рыжую шерсть на загривке. Мне казалось, или в его глазах было сочувствие?

– Да уж, брат, снова мне бежать. Хотя я и так уже безнадежно опоздал.

Заведя его домой, я рванул в «Джонс Дей». Люди уже собирались, и я скользнул к черному входу. Пригладив волосы и поправив галстук, я вышел в холл, кивая коллегам родителей и профессорам юридических наук. Минут через 10 из все прибывающей толпы меня выцепила мать.

– Алекс, почему так долго? – не прекращая улыбаться ни на секунду, спросила она.

– Гулял с Ричи, – слегка пожал я плечами. Мать посмотрела на меня, на мгновение ее лицо скривилось.

– Понятно, – только и сказала она.

Мама не любила, когда я называл пса Ричи. Она считала, что такое сокращение звучит неблагородно и едва ли не плебейски. Даже меня она никому не позволяла называть Алом, когда я был еще ребенком. Но с моим другом у нас

была негласная договоренность по этому поводу. Мой озорной, шепутной, жизнерадостный Ричи сразу превращался в спокойного, статного пса, высокомерно задирающего голову, стоило ему услышать родительское «Ричард». Он был дрессированным, выполнял все команды, не отходил от хозяев, серьезен, сосредоточен. Собачий пафос, да, и такое было возможно. Кто бы мог подумать, что с этим непоколебимым воплощением невозмутимого послушания мы гоняли наперегонки по лесным тропинкам, кубарем скатывались с горок и плескались в озере Мичиган. Да никто и не знал. У нас с Ричи были свои секреты.

– Мистер Харис, позвольте представить Вам моего сына Алекса.

Мама уже мягко и ненавязчиво подводила ко мне очередного умудренного опытом старика из многочисленных профессоров. Я натянул привычную улыбку стюарда, которая к концу вечера должна была перекрутить все мышцы на лице. Ну, начали. Еще один день из этого калейдоскопа важных знакомств.

Да чтоб они все провалились.

***

День тянулся за днем в духе дурной бесконечности. Колледж, отцовская фирма и мое посвящение в тонкости работы, конференции, заседания, консилиумы. И люди, люди, люди. Меня уже тошнило от этих лиц, ото всех юристов вместе взятых. Я не успевал запомнить одно имя, а мне уже на-

зывали другое. Дошло до того, что я взял дополнительные часы в колледже для написания диплома. И я его писал, хотя это и было сделано не ради него. Что угодно, лишь бы подольше не видеть всех этих людей, не вдыхать запахи дорогого парфюма, не выслушивать кучу лекций и самых разных мнений, которые не совпадали ни на дюйм. И не улыбаться. Почему-то это меня напрягало больше всего. По моим расчетам, через пару таких встреч у меня должны были появиться морщины. Либо же лицо просто треснет. Ох, ну и дурацкое выражение.

Я схитрил, возможно, впервые в жизни, взяв эти часы. Хотя в чем тут была хитрость, я ведь действительно занимался делом. И родители согласились со мной, пусть даже мать сначала скривилась, как будто бы закусила эту новость лимоном. Но, в конце концов, меня перестал спасать даже мой диплом.

Закончилась осень, пролетела зима. Чем ближе мелькал выпуск, тем сильнее на меня наседали. Весь суд я уже знал в деталях, мог едва ли не карту нарисовать с закрытыми глазами. Даже план эвакуации, напротив которого я проводил по часу в день в ожидании очередной беседы с адвокатом, намертво отпечатался на сетчатке глаза. Дома же за завтраком, за ужином, после еды, когда семья собиралась в зале, мне нудно, долго и ежедневно рассказывали о востребованности, оплачиваемости, конкуренции, перспективах, трудовых барьерах – словом, обо всем, что окружало мою специ-

альность. Еще никогда я так не любил ночь, когда можно было закрыться в комнате. Мой дом стал тюрьмой без возможности смягчения приговора за примерное поведение.

Почему-то я все чаще вспоминал Джорджа Ли, точнее, случайно им упомянутую концепцию Монтескье о свободе в гражданском обществе. Что это такое – свобода? Как описать то, чего не знаешь? Я мог с уверенностью сказать только одно: у меня ее нет.

Иногда мне хотелось выйти на балкон в трусах и сладко потянуться. Но это было не солидно. Хотелось открыть бутылку холодного лимонада и выпить ее из горла. Но это было не представительно. Да меня периодически так и подмывало плюнуть на асфальт, сунуть руки в карманы и, громко хохоча, скакать по покрывкам в соседнем дворе. Только, боюсь, от такого мою мать бы хватил удар.

Что это было? Юношеский максимализм? Долгие годы я жил в едином ритме однообразных будней. И меня все устраивало. Что случилось теперь?

Каждый день все больше наполнялся абсурдом, напоминая жалкий фарс. Моя жизнь была бутафорией, и самое поганое – иначе я жить не умел.

Единственное, что радовало меня до сих пор – Ричи. Мой пес все понимал, и каждый вечер, когда я выжатым лимоном падал на кровать, мечтая не просыпаться утром, он ложился рядом, клал огромную голову мне на живот и сочувствующе смотрел на меня. А потом начинал бодать меня и кусать за

руки, пока я не засмеюсь. Да, определенно, это был самый лучший друг в мире.

***

Солнце лениво выползло из-за горизонта, крадучись забралось в окно, пробежало по столу, открытому ноутбуку, по одеялу. Наглый рыжий луч зашекотал мне нос, дотронулся до дрогнувших ресниц. Я чихнул и открыл глаза. Ричи тут же поднял голову, внимательно глядя на меня, и я улыбнулся. Дотянувшись до будильника, я удивленно приподнял брови. Было еще рано. Хотя я и так поднимался раньше всех, чтобы погулять с собакой, но сегодня часы били все рекорды моих утренних пробуждений. Спать уже не хотелось. Я сел на кровати и растрепал волосы, задаваясь вопросом, что меня разбудило в такую рань. Такое бывало, если на утро планировалась важная встреча. Нервы, нервы. Но сегодняшней день был относительно спокойным.

Тут до сонного, медленно разогревающегося мозга дошло. День Рождения. У меня День Рождения.

Один мой университетский профессор как-то сказал, что двадцать четыре – это тот возраст, в котором большинству придется страдать от угрей в последний раз. А еще я читал где-то, что 24, 36 и 48 – это возраст, когда случаются судьбоносные вещи. Что-то такое было связано с китайским гороскопом, уже точно и не вспомнить. Я всегда скептически относился к астрологии, звездам, восходящим и нисходящим знакам, считая все это чистейшим бредом, но почему-то эту

статейку запомнил.

Усмехнувшись и покачав головой, я пошел умыться. Судьбоносные вещи в мой план-график точно не были вписаны.

Мы с Ричи тихо спустились на кухню и подкрались к холодильнику. Глаза пса шаловливо блестели, наверняка отражая мои. Я достал хлеб и палку колбасы, отрезал два огромных ломтя и сделал бутерброды. Вытащив бутылку с апельсиновым соком, я уселся прямо на пол, прислонившись спиной к дверце холодильника, и отдал один бутерброд Ричи. Мы сидели с ним, кроша хлеб, и чавкали. Натурально чавкали, чего я себе не позволял лет с пяти. И кто бы только знал, какое же это великолепное чувство! Половина пятого утра, я в растянутых спортивках и старой футболке сижу на полу с собакой и чавкаю бутербродом, запивая его соком из бутылки. Из бутылки! Невероятное чувство, пьянящее. Как же мало нужно человеку для счастья. Я тихо смеялся над Ричи, пока он расправлялся с колбасой, и поднялся на ноги только тогда, когда пес подошел к двери на улицу. Пора гулять. С наслаждением вытерев руки о штанины, я надел тапки и выскользнул во двор вместе с моим лабрадором.

Мы носились как сумасшедшие, ловя руками и лапами лучи поднимающегося солнца, и совершенно забыли о времени.

– Алекс! Что... что все это значит?!

Как ушат холодной воды на мою голову в декабре месяце.

Рефлекторно втянув голову в плечи, я медленно обернулся. На мамином лице был написан такой неприкрытый шок, как будто бы минимум, что она увидела на своем заднем дворе – окровавленные трупы и наши танцы на костях. Я запустил руку в свои и без того растрепанные волосы, но тут же опустил ее. Иначе бы у матери начался нервный тик, ей-богу.

– Да мы тут... гуляем вот, – выдавил я, вместо своей головы потрепав голову сидящего рядом с виноватым видом пса.

– Да, я вижу!

О-ёй. В ее голосе прорезались истеричные нотки. Плохо, очень плохо. Я закусил губу, отведя взгляд. Мать открывала и закрывала рот, как выброшенная на берег рыба. А я стоял и молился только об одном – не засмеяться.

– Быстро приведи себя в порядок, пока отец не спустился! – наконец сказала она.

Два раза повторять не пришлось – мы вместе с Ричи влетели в дом, вихрем пронеслись по лестнице и ворвались в комнату, захлопнув дверь. И я сделал то, чего не делал уже очень давно – расхохотался в голос, упав на кровать. Ситуация была абсурднее некуда: мне 24 года, а я убегаю от матери, как нашкодивший школьник. И в самом деле глупо, что это за подростковый бунт? Черт меня понес на улицу в оборванной старой одежде? Но стыдно мне не было. Да что уж там, мне давно не было так легко и свободно. Свободно. Вот в чем было дело. Возможно, выйти на улицу в растянутых спортивках, было моим первым самостоятельно принятым

решением за всю жизнь.

***

К завтраку я спустился уже готовый в колледж. Уложенные волосы, отглаженный костюм, белоснежная рубашка – чистейший трюизм. Показалось, или на лице матери мелькнуло облегчение? Я сел за стол, пряча улыбку за чашкой.

– Сын, сегодня после колледжа возвращайся домой. Не нужно ехать в офис. Нам с мамой нужно с тобой поговорить, – не отрываясь от утренней газеты, сказал отец.

Я бросил на него быстрый взгляд. Мое хорошее настроение быстро смешалось. В чем был подвох? Я бы мог подумать, что родители хотят устроить мне праздник, но что-то не вязалась вечеринка с тоном отца. Впрочем, кто знает, может быть, в них неожиданно проснулись обычные люди. Я вздохнул.

– Хорошо.

– Но не забудь позвонить Жозефине, она перенесет встречу с профессором Эллом на пять часов пятницы...

А, нет. Все нормально.

***

К счастью или несчастью, я пока не понял, но отпустили нас поздно. Приехал очередной профессор с очередной лекцией, и у нас внезапно возникла еще одна пара. Но лекция была интересной и в любом случае лучше, чем высокопарные речи отцовских коллег. Я даже остался поболтать с этим пожилым человеком, чьи глаза лучились энтузиазмом.

Не каждый из нас мог таким похвастаться.

Меня немало поразила его искренняя увлеченность юридическими науками. Он действительно получал подлинное наслаждение от изучения теории государства и права, криминалистики, судебной статистики и экспертизы, что мне даже стало немного завидно. И почему у меня не было такого живого интереса?

Обменявшись рукопожатием и взаимным пожеланием удачи, мы разошлись в разные стороны уже на улице. Я не торопился домой. Хотя мне безумно хотелось открыть дверь и увидеть маленький тортик. Это уже было бы что-то. Что-то, что вряд ли произойдет. Я хмыкнул, ловя такси. Скажете, не может такого быть, чтобы родители не подарили даже торт на День Рождение? Тогда вы просто не знаете моих родителей.

Стоило мне открыть дверь, из зала меня позвал отец. Замечательно. Спасибо, что встретил, пап.

Конечно же, я не увидел никакого торта. Мать с отцом сидели за журнальным столиком, заваленным бумагами, и, нацепив на носы очки, что-то подсчитывали. Рядом лежали их телефоны, по два у каждого. Видимо, работа была продуктивной.

Я сел в кресло напротив, и родители подняли головы. Около минуты мы играли в гляделки, переводя взгляд друг на друга. Наконец, отец снял очки и вздохнул.

– Алекс, ты помнишь Митчелла Моргана из самой круп-

ной Адвокатской палаты штата?

Я осторожно кивнул. Митчелла Моргана я помнил смутно, в последнее время моя жизнь и без него кишела огромным количеством новых знакомств. Но само имя было известным, его, кажется, даже упоминали на сегодняшней лекции.

– Его агент прислал нам сообщение с предложением оферты, – подхватила мама. – Он возьмет тебя в свою фирму штатным сотрудником. Но у него есть пара условий.

Она протянула мне листок бумаги. Я без особого интереса побежал взглядом по строчкам, но дочитать мне не дали.

– Естественно, окончить колледж ты должен с отличием. За это мы с мамой не беспокоимся, у тебя отличные оценки, количество кредитов превышает твоих товарищей, так что диплом с высшим почетом уже почти у тебя в руках. И второе его условие – ты должен жениться.

В ушах резко зазвенело. Я не ослышался? Какая к черту женитьба?! Мой взгляд, тупо застывший на ровных машинописных строчках, медленно поднялся на родителей. Эталон невозмутимости, ни один мускул на лицах не дрогнул. Мы как будто бы рецепт лазаньи обсуждаем, твою мать.

– З... зачем мне жениться? На ком? Причем тут работа?

– Успокойся, Алекс, это всего лишь формальность. К тому же мы уже акцептировали его предложение.

Моя челюсть совершенно непредставительно поздоровалась с полом. Согласились они, почему бы и нет. Всего лишь

формальность? Алло, это еще и моя жизнь!

– Вы с ума сошли?! Какого черта?! Не хочу я ни на ком жениться, да у меня девушки-то никогда не было! Чем женщина может способствовать работе? Этот Морган ваш совсем конченный извращенец?! И почему вы меня даже не спросили?!

Обычно я не повышал голос на родителей. Обычно я не ругался. Обычно... но сейчас ничего обычного не было. Но отец, все также спокойно, нацепил очки обратно на нос.

– Алекс. Это престижная фирма. И если сам мистер Морган согласен взять тебя на работу, то нужно радоваться такой возможности.

– Да черта с два!!! – я сорвался на крик.

– Сядь.

Я и не заметил, что вскочил с места, но рухнул в кресло, как подкошенный.

– Не вижу смысла в твоих бунтарских выкриках. Договор составлен. Девушку мы тебе найдем, из приличной семьи, обученную манерам, с хорошей родословной.

Я недоверчиво уставился на отца. Он сейчас точно говорит о моей невесте или Ричи сучку собрался искать? Я потрянул головой и сжал руками виски. Какой-то бред, вся эта ситуация побила все вершины абсурда в моей жизни.

– ...Оформим фиктивный брак. Тебе нужен наследник, Алекс. А мистер Морган ценит надежность. У семейных людей меньше вероятность сорваться с места, да и на конку-

ренцию они не так падки.

Отец все еще что-то говорил, но я уже не слушал. Как связаны семья и конкуренция на рынке труда, я не понимал однозначно, зато понимал, что моя жизнь катится ко всем чертям ада. Она, конечно, и раньше не была пушистой и воздушной, но сейчас мне казалось, что кто-то наверху, если там кто-то и был, играет со мной очень паршивую злую шутку. Бунтарские выкрики. Меня собрались скрестить с породистой сукой ради прибыли и потомства. Это определенно был бунт.

Внезапно на меня навалилась усталость. Тяжелая, удушающая. Было ощущение, что мне не 24 года исполнилось с утра, а стукнуло под 90. И очень болезненно стукнуло.

– Я пойду к себе, – глухо сказал я, не узнавая собственного голоса. Мать подняла голову от бумаг.

– А ужин?

– Я не голоден, – бросил я и поплелся к лестнице, краем уха слыша, как отец говорит маме, чтобы она оставила меня в покое.

Я не стал закрывать дверь, не стал раздеваться. Просто свалился мешком на кровать, зарывшись лицом в подушку, и заорал в нее. Подушка скрыла звуки, впитала их в себя. А я так и лежал: не было желания двигаться, не было желания просыпаться завтра утром. В бок мне что-то аккуратно ткнулось. Я повернул голову, встретившись взглядом с тоскливым взглядом Ричи. Пес забрался ко мне, тихонько по-

скуливая, и лизнул в нос. Я вяло улыбнулся, отмахнувшись. Вот кто меня точно понимал. Я обнял горячее собачье тело, уткнувшись лбом в его бок, и вздохнул. Стало немного легче. Совсем чуть-чуть.

Проглотил? Да, проглотил. Я убеждал себя, что мне плевать. В который уже раз я убеждал себя в этом? Я уже сбился со счета. Но знал, что, в конце концов, я с собой договорюсь. Разве у меня был выбор?

– С Днем Рождения тебя, Алекс.

Мой пропитанный сарказмом голос отразился от стены и растворился в подкрадывающейся темноте ночи.

Глава 3

Я никогда бы не мог похвастаться близкими отношениями со своими родными. Когда я был еще маленьким, отец с матерью упорно строили карьеру, оставляя меня на нянек. Да, они добились высот, да, наша семья ни в чем себе не отказывала, будучи по меркам Чикаго довольно обеспеченной и даже богатой. Однако я бы многое отдал, чтобы мой отец научил меня в свое время кататься на велосипеде, а мать хоть раз сводила в театр. Увы, они всегда были заняты. Когда вообще успели обзавестись наследником?

– Алекс Брайн!

Я слегка вздрогнул и обернулся от окна, глядя на преподавателя. Как жаль, меня прервали как раз на размышлениях о технологиях суррогатного материнства.

Вздыхаю, поднимаясь с места. Алекс Брайн. Ну не глупо ли? Гениальные юристы, которые воспитывают не менее гениального сына, носят самую, что ни на есть, заурядную фамилию.

– Повтори, что я только что сказал.

«К чему этот суровый тон?»

– Глава муниципального образования является высшим должностным лицом муниципального образования и наделяется уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения, –

лениво проговариваю я.

Преподаватель недовольно хмыкает, но разрешает мне сесть. И на чем он пытался меня подловить? Я знаю всю программу вплоть до экзаменационных вопросов. Да, так бывает, когда в сухих законах ты спасаешься от ежедневности.

Я снова отворачиваюсь к окну, подперев рукой голову. С того памятного разговора мы с родителями практически свели наше общение к нулю. Учитывая, что мы и до этого не особо задушевно беседовали, сейчас вся ситуация дома стала... абсурдной, именно. Думаете, этого слова слишком много в моем лексиконе и вообще в жизни? Я тоже так думаю.

Самое паршивое, что невесту они мне нашли, как и обещали. Зовут ее Андреа, она дочь второго судьи из отцовского штата. Очаровательная блондинка с ногами от ушей, ямочками на щеках, замазанных тонной косметики, и обворожительной улыбкой. А еще она редкостная дрянь и, на самом деле, та еще сука. Что говорить, мне искали породистую сучку, ее и нашли. Но родителям Андреа понравилась, о чем мне незамедлительно сообщили и потащили знакомиться. Естественно.

За весь вечер мы перекинулись буквально парой фраз, однако даже этого хватило, чтобы у меня выработалось стойкое отвращение к размалеванной курице. После этого я всячески избегал дальнейших встреч, что на удивление увенчалось успехом. От меня отстали с предложениями навестить семью нареченной, и я снова скрылся от мира за кипой книг.

Только слышал иногда, как отец говорил матери: «Ничего. Мы с тобой тоже не разговаривали до свадьбы». Да вы и сейчас кроме работы ничего не обсуждаете, Господи.

Вздыхнув, я потер виски. Не самое лучшее время думать об этом. Дернув упавшие жалюзи, я снова повернулся к профессору, привычно погружаясь в простоту юридических законов.

***

После занятий у меня был запланирован очередной маршбросок до суда. И почему все мои встречи назначены вприпрыжку? Времени на дорогу совсем не остается. Но у меня же «плотный график», на мелочи просто нет времени. Конечно, подумаешь, полчаса на такси. Впрочем, неважно.

Но когда я добрался до места, мой «курирующий судья» (привязалось как-то к нему это прозвище, ну не помню я имени) меня немало удивил. Уже даже тем, что мне не пришлось в который раз ждать его, разглядывая план эвакуации. Он встретил меня у дверей своего кабинета и огорошил новостью, что сегодня он возьмет меня с собой на суд. Естественно, не за судейскую трибуну, но я не думал об этом. Наконец-то мне стало интересно, ведь, как бы удивительно это не было, но на настоящем суде мне предстояло быть впервые.

Рассматривалось дело о причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности. Двое мужчин, по показаниям следствия, давних друзей, выпили и начали драку. Причина драки установлена не была, скорее всего, ее и не было. Начали

махаться кулаками на потеху публики, такое бывает. Но закончилось все плачевно. Один толкнул другого, тот упал и ударился затылком об угол стола. Результат – черепно-мозговая, реанимация, кома. Прогнозы врачей были неутешительны.

Мужчине, сидящему на скамье подсудимых, я бы дал лет 50, не меньше, но знал, что ему всего 32. Уже полгода шло следствие, теперь суд.

Весь судебный процесс я был поглощен работой адвоката и прокурора, делал заметки в блокноте, отмечал что-то новое для себя. Они устроили настоящую словесную баталию, и меня потрясло, насколько четко сформулированы и продуманы их выпады. Кажется, это был едва ли не первый раз, когда я не думал, что профессия адвоката – совсем не то, чего бы я хотел.

Судебное разбирательство шло уже второй час, когда судья объявил перерыв. Он скрылся в совещательной комнате, и в зале повис легкий гул голосов. Я как раз перечитывал то, что успел записать, когда ко мне кто-то подошел. Я смутно узнал в мужчине одного из коллег отца, но не смог вспомнить ни имени, ни фамилии. Впрочем, это было и не нужно. Главное, он знал меня.

Перекинувшись со мной парой фраз, отцовский коллега повел меня к адвокату – познакомить. Неожиданно мы разговорились. Как оказалось, Чак, а именно так звали адвоката, работал на Митчелла Моргана. Совпадением это было

или нет, но мы успели несколько поверхностно обсудить дело, по которому шел суд, затронуть некоторые части следствия и плавно перешли на более интересную тему, касающуюся непосредственно его работы на мистера Моргана.

Казалось, что этот Морган был славным малым, если такое словосочетание вообще было применимо к чиновникам. По крайней мере, он был неплохим руководителем, по словам Чака.

Судьи не было около часа, и все это время мы с адвокатом вели довольно непринужденную беседу. Я бы не сказал, что воодушевился после нее в ожидании моей будущей работы, но настроение все-таки улучшилось. Суд продолжился, и я снова занял свое место в зале.

Еще час, и все закончилось. Мужичку дали три года, видимо, прокуратура поработала на славу. Или же Чаку обещали недостаточный гонорар, в конце концов, я прекрасно знал, как устроена эта система. Пока суд принимал решение, я успел поговорить с коллегой отца. Ничего особо интересного от него я не узнал, но все же считал, что день мой прошел продуктивно.

Когда объявили приговор, мыслями я уже был дома, выстраивая разговор с отцом. Я так увлекся этим делом, что пропустил момент, когда осужденного попросили вывести из зала суда. Но вдруг... Этот мужчина поднял голову, и я случайно столкнулся с ним взглядом. И в этот момент мой мир, остановившись на секунду, дал трещину.

Эти глаза... Лучше бы я никогда не видел этих глаз. Но это я понял далеко не сразу.

***

Остальные события, произошедшие после суда, я помнил смутно. Я перекинулся еще парой фраз с Чаком, попрощался с ним и с коллегой отца. Мой «курирующий судья» встретил меня у своего кабинета. Мы о чем-то еще поговорили, и он проводил меня до такси. Не помню, как я ехал домой.

В зале меня ждал отец. Его коллега уже успел ему позвонить. Даже не знаю, назвать это оперативностью, или более низко – сучеством. Наверное, зависит от ситуации, но я не сомневаюсь, что крыса – она и есть крыса. Позитивно, ничего не скажешь.

Он дотошно выпросил у меня обо всем, что происходило на суде, просмотрел мои заметки, спросил про Чака. Я помню суть разговора, но я знал ее еще до того, как он начался. Я знал об этом еще тогда, когда судья встретил меня у своего кабинета. Но если бы кто-то спросил меня об отдельных фразах, я бы не вспомнил. Никогда еще я не был таким дезориентированным. О чем незамедлительно сообщил мне отец.

Очнулся я среди ночи, лежа на кровати и тупо уставившись в потолок. О чем я думал все это время, в какой полудреме был? Не знаю. Поднявшись, я щелкнул выключателем, зажмурился от яркого света. Скинув одежду, я зашел в ванную и еще долго стоял под струями воды, прокручивая

в голове прошедший день. Колледж, суд, дом. Все было как обычно, но одновременно что-то было не так.

Вздохнув, я прикрыл веки. Тут в моих мыслях промелькнул осужденный на моих глазах мужчина. Его взгляд...

Никогда прежде я не видел такого взгляда. За полгода в тюрьме из него успело исчезнуть выражение паники, вины, раскаянья. Там осталась только безысходность, покорное смирение и тоскливое отчаяние. Он знал, что его упекут за решетку, знал, что адвокат не поможет ему. В один день его жизнь закончилась, оборвалась, без возможности стать прежней. Но ведь он ничего не мог с этим сделать, не мог этого изменить. Он не мог больше быть свободным. Мертвый человек, который еще дышал. И это все было в его глазах.

Меня поразили этот взгляд, ошеломил, выбил из равновесия. Я не мог похвастаться, что разбираюсь в людях, и меня удивило, как за короткий миг я увидел это все. Стянув полотенце с головы, я взглянул в зеркало.

Впрочем, я знал, как мне это удалось. Я уже видел такие глаза, видел это выражение покорной безысходности. Видел их каждый день, правда, старался не думать об этом, не разбираться. Даже сейчас...

Я смотрел в зеркало на свое отражение, а мое отражение смотрело на меня. Я снова видел это выражение глаз, словно опять оказался на суде. Только в этот раз это были мои собственные глаза.

***

Я стоял в своей безлико черной мантии выпускника на сцене рядом с вещающим деканом и откровенно скучал. Меня представляли, как лучшего студента, жали мне руки, фотографировали с этой бумажкой, которая подтверждала, что теперь я первоклассный юрист. Куча поздравительных слов, улыбок, кивков. Смех со стороны моих одноклассников, теперь уже бывших. Значимость события зашкаливала.

А в моей голове была сплошная вата. Без удивления я понимал, что этот день стал просто очередной галочкой выполненных дел. Ничего необычного. Но улыбающиеся лица молодых людей в точно таких же, как у меня, мантиях навевали странное чувство. Огорчения или разочарования, я не понимал. Только смутно ощущал, что хотел бы быть с ними, пусть никто из них так и не стал мне другом. Вздохнув, я отвернулся и попытался протиснуться сквозь толпу.

– Эй, Алекс!

Голос нагнал меня, когда я уже преодолел половину расстояния до выхода. Я обернулся, встретившись взглядом с парнем с моей группы. Как же его звали? Майкл? Джек? Джонни? Впрочем, какая разница.

– М-м-м... Да?

– Пойдем с нами? Мы хотим отметить с ребятами. Все-таки, мы долго к этому шли.

Парень улыбался и светился от счастья. Меня кольнуло чувство мерзкой зависти.

– Нет. Спасибо. Извини.

– Да брось, Ал, последний раз, возможно, видимся. Пошли! Родители тоже пойдут, только в другое место. Где твои, кстати?

– Их тут нет. Извини. Спасибо, – снова повторил я и почти сбежал от него, нырнув в толпу.

Да, моих родителей не было на церемонии. Удивлены все еще? Можете уже перестать удивляться. Для них это не было чем-то из ряда вон. К тому же у отца сейчас было много работы, а мать разбирала бумаги, я это понимал. Я все понимал.

Да черта с два – я был обижен настолько, что руки чесались швырнуть все любимые бумажонки в родительские лица. Какого черта?! Но с другой стороны, если бы они приехали, чтобы изменилось?

Воображение услужливо нарисовало картину, как отец сухо кивает, а мать, нацепив очки на нос, открывает блокнот и ставит галочку рядом с пунктом «получить образование».

– Отлично. Это есть, наконец. Далее по плану встреча...

Я тихо завыл, дернув себя за волосы, и начал еще активнее проталкиваться сквозь толпу.

Да я жил юриспруденцией все эти годы, я вывернул себе весь мозг, выучил столько, что казалось невозможным все это знать. Я был единственным студентом с дипломом высшего почета. Я был лучшим. И я заслуживал хотя бы улыбки, разве нет?

И тут я со всей дури врезался в кого-то.

– Вот ведь засада, – пробормотал я, лежа на асфальте и потирая ушибленный локоть.

В поле зрения возникла рука, предлагающая помощь.

– Надо же смотреть, куда бежишь. Хотя бы для того, чтобы добавить сил, если человек крупнее тебя.

Я поднял взгляд, до этого тупо уперевшийся в ладонь, и уронил челюсть.

– Мистер Морган?

Митчелл Морган, директор Адвокатской палаты, один из самых известных людей в моем окружении и мой возможный руководитель в будущем, стоял передо мной с протянутой рукой. Ему было лет 40—45 на вид. Темные волосы едва тронула седина, стройное подкачанное тело было завернуто в строгий костюм. Но галстука на нем не было. Да и впечатление создавалось, что он никакой ни директор, а просто клерк. И веселая улыбка на его губах добавляла плюстик к этому образу. А еще... Еще он был красив.

Я сглотнул и принял помощь. Мужчина рывком поднял меня на ноги и отряхнул мою мантию.

– Алекс, верно? Поздравляю с окончанием. Ты потратил много сил и добился больших успехов.

Я так и застыл, снова приоткрыв рот. Черт, мой будущий директор будет считать меня слабоумным, если вообще на работу возьмет. Морган протянул мне руку, на этот раз пожать, а я все не мог двинуться. Но даже тут он не растерял-

ся: сам сжал мою ладонь и, пару раз тряхнув ее, отпустил. А потом как-то уютно хлопнул меня по плечу. Я почувствовал ком в горле.

Если вам нужны объяснения, то вот они. Мои родители даже не пришли, а этот человек меня поздравляет. Я не надеялся даже на одобрительный кивок, а тут вот так... так... приятно. У меня даже не возник вопрос, что такой человек здесь забыл и к кому пришел. Единственное, на что меня хватило – я неопределенно дернул головой в знак благодарности.

Митчелл Морган рассмеялся.

– Да расслабься ты. У меня предложение. Пойдем, выпьем немного, Алекс. Ты заслужил сегодня повеселиться. К тому же, нам все равно предстояло встретиться – скоро ты станешь моим сотрудником, так ведь?

– Я... да... собирался...

Слова никак не желали связываться, и мне пришлось ущипнуть себя за ногу. Хорошо, что в мантии этого видно не было. Мистер Морган все еще смотрел на меня с вопросом в глазах, и я, выдохнув, кивнул. В конце-то концов, я столько впахивал, столько трахал собственный мозг. У меня был праздник. Праздник, чтоб его! И я хотел почувствовать, хотя бы немного, что мои старания оправданны.

– Я принимаю Ваше предложение, мистер Морган. Это честь для меня.

Я кивнул, подтверждая свои же слова. Морган рассмеял-

ся.

– Зови меня Митч. К черту всю официозность, мистером я буду на работе. А сегодня мы будем отрываться, Алекс Брайн!

Все посмеиваясь, он приобнял меня за плечи и повел из шумной толпы. У меня земля из-под ног уходила, на таком подъеме я был. И еще я был уверен, что родители меня поймут и даже похвалят, ведь я налаживаю отношения с будущим руководством.

Если бы я знал тогда, чем все это закончится, я бы не задумываясь убежал следом за одноклассниками. Но я ничего не знал, кроме того, что меня наконец-то (наконец!) кто-то хвалит.

***

– А я тебе говорю, что у меня адвокаты лучшие!

– Ни фиги! Все одинаковые адвокатишки! У нас принцип равноправия есть, я ваще в курсе.

Митчелл Морган рассмеялся, и я пьяно улыбнулся ему.

Сколько времени мы уже сидим и пьем, я не имел ни малейшего понятия. Мне было весело, пьяно, раздольно. Я разговаривал с человеком, который понимал, о чем я говорю, и не учил, как все мои профессора и знакомые отца. И наконец я чувствовал свободу. Мне казалось, что выглядит она именно так.

– У тебя нос еще не дорос, зеленая молодежь. Поговорим через пару лет о принципах твоих.

– Я колледж только что закончил! Я зна-а-аю, о чем говорю, и ты, Митч, меня не переубедишь!

Мужчина покачал головой и придвинул мне еще один бокал виски с колой, в котором звякнул о стеклянные стенки лед. Я выхлестнул его одним глотком и окинул помещение гордым взглядом. Мы сидели в самом обычном баре при отеле. То есть, я мог бы назвать его обычным, если бы хоть раз до этого бывал в барах. Но я не бывал, поэтому мне казалось, что это место – что-то из волшебного мира взрослых. И конечно, я считал, что весь бар смотрит на меня, и смотрит, как на своего. Это чувство пьянило еще больше.

Внезапно меня повело, и я бы упал с нагретого задницей стула, если бы Митчелл не поймал меня за руку.

– Кому-то уже хватит на сегодня, – со смехом протянул он. Я нахмурился.

– Ничего не хватит. У меня праздник, и я буду его отмечать! Не пойду никуда, хоть че делай.

Я вырвал у мужчины руку и снова едва не свалился. Морган и на этот раз меня поймал и поднялся.

– Будешь, будешь. Пойдем. Покажу тебе еще кое-что занятное.

Он потянул меня на себя, и я поднялся, тут же забыв, что только что упирался. На самом деле, я был готов идти куда угодно. Тем более с Митчеллом. В мутную голову лезли мысли, что вот наконец у меня появился друг. Он потянул меня через бар к выходу. Мой взгляд зацепился за высокую

блондинку, пившую у стойки какой-то коктейль, и я усмехнулся.

«Гулять так гулять»

Как только мы сравнялись с блондинкой, я протянул руку, чтобы ущипнуть зад, обтянутый красной атласной тканью, но промахнулся. Вместо этого моя рука скользнула мимо и выше, пальцы ткнулись в грудь.

– Упс...

Девушка выпрямилась и развернулась, мои пальцы, так и оставшиеся на одном месте, прошли дальше, поперек груди и застыли на одной. Я честно думал, что сейчас получу по лицу, и зажмурился. И тут почувствовал, как на мою ладонь опустились нежные пальчики, прижимая. Я явственно ощущал сосок под платьем самым центром ладони. От неожиданности распахнув глаза так, что им стало больно, я уставился на девушку. Блондинка улыбнулась и прижала мою руку еще сильнее.

– Что? Нравится?

Я со свистом втянул воздух. Голова закружилась еще сильнее, в брюках стало невероятно тесно. Выглядел я, наверное, как полнейший дебил: с красной рожей, выпученными глазами и видимым даже через ткань брюк стояком. Скорее всего я бы грохнулся в обморок прямо у барной стойки, если бы не Митчелл. Вынырнув из толпы, он схватил меня за руку и поволок за собой. Мои пальцы выскользнули из-под руки блондинки. Как мы вышли оттуда, я помню смутно,

помню только ее смех, перекрывающий музыку.

В себя я пришел на балконе отеля. Опираясь на парапет я, тяжело дыша, туло пялился вдаль. Митч стоял рядом с сигаретой в руках, тоже глядя на линию горизонта, и усмехался.

«Я полный кретин»

Зажмурившись, я дал себе мысленно качественный подзатыльник и, приоткрыв один глаз, косо посмотрел на мужчину.

– Чего ты ржешь? – хмуро поинтересовался я. Митч перевел на меня взгляд и взорвался хохотом.

– Видел бы ты свое лицо! Как собака, трахающая хозяйские брюки, которую спалили! Понимает, что получит, а остановиться не может.

Моргана сложило пополам в приступе смеха. Я хотел обидеться, но губы сами собой стали растягиваться в улыбку. Через секунду я уже хохотал вместе с женщиной.

– Пошли уж, девственник несчастный.

Смахнув навернувшиеся слезы, Митч приобнял меня за плечи и повел обратно. Я даже не понимал, куда мы идем, просто плелся, еле переставляя ноги. Если бы не Митч, я бы уже не стоял на ногах, но мне было все равно.

***

Щурясь, я пытался разглядеть бог весть с какого этажа отеля хоть что-то внизу: человека, машину, велик. Но видел только маленькие точки, хаотично двигающиеся по еле освещенной улице. Я даже не знаю, сколько так стоял – я был

слишком пьян, чтобы вообще иметь возможность проводить анализ. Примерно соображал лишь, что я в номере отеля на балконе, и скорее всего, в номере Митча. Сам Морган шуршал чем-то в глубине помещения, не включая свет.

Я растекся по парапету, повиснув на нем. Периодически меня сотрясало иканием, мятая и липкая от пота одежда неприятно прилипала к телу, ноги не держали абсолютно. К тому же я все-таки навернулся по дороге, и теперь локоть саднило. Но все это не имело никакого значения. Я чувствовал, что губы все еще расплываются в дурацкой пьяной улыбке, но не мог ее контролировать.

«Свобода...»

Больше в голове никаких мыслей не было.

Митч вышел наконец на балкон и, бросив на меня насмешливый взгляд, снова встал рядом, достав сигареты.

– Ну что, бывший студент? Как тебе выпускной? – тихо спросил он.

Моя тупая улыбка стала еще шире, но я ничего не ответил. Язык меня слушался примерно также, как и ноги. То есть никак. Повернув голову, я посмотрел на мужчину, чувствуя щекой прохладную поверхность камня парапета. Морган оказался на удивление компанейским мужиком, с отличным чувством юмора. Плюс приятная наружность. Половину вечера у меня крутилась мысль, что этот человек за один вечер проявил ко мне больше участия и заинтересованности, чем родители за всю мою жизнь. Вечера я был пьян в стель-

ку, поэтому мыслей не было вообще. Но я был ослепительно счастлив.

Если бы только пол не уходил из-под ног.

Я плавно сполз на плитку балкона и растерянно потрепал волосы. Пара секунд, пока мое тело оседало, тут же вылетели из головы, и я не сразу понял, почему я сижу на полу. Рядом засмеялся Митч, и я снова улыбнулся, даже не понимая, из-за чего он веселится.

– Все, парень, погнали спать. Готов.

Он без особого труда подхватил меня на руки и перекинул через плечо. Моему желудку такие путешествия не очень понравились, но я героически унял позыв блевать немедленно. Я не знал, что для этого надо делать, но интуитивно держал глаза широко раскрытыми и старался не болтаться во все стороны. Вроде получилось, и черт с ним.

Упав на кровать, я выдохнул и с наслаждением потянулся. Мелькнула мысль про мать с блокнотом, сверяющая мое расписание, и я засмеялся. Митч упал рядом, зевнув до хруста челюсти.

– Спокойной ночи, Алекс, – тихо протянул он.

Я кивнул и зажмурился. Голова кружилась, комната кружилась еще сильнее за закрытыми веками. Казалось, я не смогу уснуть, но меня выключило моментально. Я лишь успел подумать, что этот день – лучший за всю мою жизнь.

Глава 4

Просыпаться было тяжело. Однако странные ощущения не давали спать дольше. Я чувствовал, как по телу прокатывается жар, волнами обжигая сознание. В паху приятно тянуло, голова все еще кружилась от выпитого алкоголя, тело парило, словно в невесомости. Улыбнувшись, я вытянул руки над головой и сладко потянулся.

– Давай, малыш, получай удовольствие от своей взрослой жизни.

«Что за...?!!»

Весь алкогольный дурман как рукой сняло. Широко распахнув глаза, я подскочил на кровати и уперся спиной в ее изголовье. Скатившийся в истерику пульс набатом стучал по вискам, и я не сразу смог понять, что происходит. Но когда увидел кривую улыбку Митча, сидевшего передо мной, сердце из горла ухнуло в пятки. Осознание того, что полусонные грёзы о легких ласках тела оказались реальностью, ударило по мне. Я даже не сразу понял, что на мне нет рубашки.

– Митч? Ты... ты что делаешь? – дрогнувшим голосом спросил я.

Нет, не спросил, это больше было похоже на жалкий сип. Проклиная себя за слабость, я отодвинулся еще дальше от усмехнувшегося мужчины.

– Собираюсь доставить себе удовольствие. А если ты не

будешь сопротивляться, то тебе будет даже приятно, приятель.

Его голос неприятно вибрировал от... от чего? Похоти? Возбуждения? Я сглотнул и начал медленно сползать с кровати.

– Ты с ума сошел? Я, наверное, домой пойду, родители наверняка меня потеряли и...

Не договорив, я соскочил на пол и бросился к двери. Она оказалась заперта, а я, ничего не видя перед собой, как полоумный дергал ручку, едва не вырывая ее с корнем. А когда ко мне со спины прижалось теплое тело, я сначала замер, а потом начал вырываться, словно безумный, и завопил настолько громко, насколько позволили легкие.

– Да заткнись ты, маленький убудок! – рыкнули мне на ухо, и в следующую секунду я почувствовал ослепляющую боль от удара, выбившего из легких весь воздух. Захрипев, я повис в руках мужчины, и тот без труда швырнул меня обратно на кровать.

– Вот ведь юные недоноски, взял и испоганил момент, – сплюнув прямо на пол, протянул мужчина.

Я смотрел в потолок, на котором мне мерещились звезды, стараясь перевести дыхание. Митч, грубо расстегнув мой ремень, рванул его, так что шлёвка оторвалась от пояса брюк. Я потянулся к ним дрожащей рукой, но получил оглушительный удар по лицу. Морган с оттяжкой тряхнул рукой.

– Ты че, сучонок, совсем не понимаешь? Я тебя весь вечер

развлекал, чтобы ты потом руки свои тянул, куда не следует? Я тебе не мальчик, который сводил курву на свиданку, и ему обломилось.

Он рванул верх рубашки, и пуговицы весело застучали по полу. Я проследил взглядом, как Морган стащил рубашку через голову, и, застонав, перевернулся на живот, пытаясь ползти. Мысли путались, руки тряслись настолько, что я не мог толком зацепиться пальцами за одеяло. Меня топил животный ужас, которого я не испытывал еще никогда в жизни.

Да, я был девственником. Но это совсем не значило, что я не понимал, что происходит. И чем закончится.

Шторы мерно колыхались от легкого ветра с открытых балконных дверей, и я, сосредоточив взгляд на них, полз вперед. Сейчас я был готов сигануть с балкона, наплевав на количество этажей под нами. Я уже добрался до края кровати, испытав короткий всплеск ликования, когда меня резко дернули обратно за ноги.

– Куда ты собрался, Алекс Брайн? Всё веселье только впереди, – засмеялся Митч.

И тут меня накрыло. Снова закричав, я неистово замахал руками и ногами, колотя по кровати. Пару раз мои руки врезались во что-то теплое, и я надеялся, что тихие охи и ругательства означают, что я-таки вмазал куда-нибудь этому уроду. Он попытался пару раз перехватить меня, но безрезультатно. Зарывав, Митч отошел в сторону, за пределы видимости, и я, воспользовавшись этим, снова вскочил на ноги,

собираясь все-таки махнуть на балкон. Но сориентироваться не успел. На мою шею внезапно опустилась моя же рубашка и резко стянулась, заставив захрипеть. Схватившись за горло и царапая кожу ногтями, я пытался сделать хотя бы глоток воздуха, чувствуя, как неотвратно темнеет перед глазами, а лицо словно пухнет от нехватки кислорода.

Я почти потерял сознание, когда Митч уткнул меня лицом в одеяло, больно вцепившись в волосы.

– Что ты сопротивляешься, идиот? Ты же хочешь работать на меня? Вот и работай, – пропыхтел мужчина и рванул мои брюки. Я протестующее застонал в ткань одеяла, за что меня еще сильнее вжали в него. Я услышал, как Митч сплюнул, а через мгновение моей задницы коснулись влажные пальцы. Тут не надо было быть ни гением, ни геем, чтобы понять, что будет дальше.

Я предпринял еще одну слабую попытку освободиться, но лишь получил болезненный шлепок по заднице. Сознание медленно уплывало от меня, поэтому, когда Морган выпустил мои волосы, я так и остался лежать, уткнувшись лицом в одеяло.

Словно сквозь вату я слышал тихое звяканье пряжки ремня и шорох брюк, чувствовал чужое тепло рядом, когда Митч навис сверху. Он огладил мою ягодицу, а потом безо всякого перехода ввел в меня палец. Вздвогнув, я дернулся всем телом прочь, но Морган удержал меня, вцепившись пальцами в бедра. А через мгновение меня пронзила ослепитель-

ная боль, какой я никогда до этого не знал.

Выгнувшись дугой, я заорал, раздирая горло в кровь. Митчелл тут же зажал мне рот рукой, и я орал уже в его ладонь. Из глаз брызнули слезы, но я совершенно не замечал этого. Весь мой мир сосредоточился на адской боли, которая с каждым толчком Моргана становилась все невыносимее.

Я мечтал потерять сознание. Мечтал о том, чтобы все происходящее оказалось всего лишь кошмарным сном. Мечтал проснуться как никогда раньше. И мечтал не проснуться никогда.

Я мечтал умереть в этот момент.

Сколько прошло времени, я не знал. Несколько минут или часов. У меня было чувство, что прошла целая вечность, прежде чем Митчелл Морган слез с меня.

Я так и остался лежать, глядя в стену пустым взглядом. Где-то фоном я слышал, как Митч собирает одежду, как он, насвистывая, скрывается в ванной, из которой слабо доносится звук льющейся воды.

Надо было вставать и валить домой, но я не мог пошевелиться. Я был раздавлен, уничтожен, унижен. Казалось, я никогда уже не отмоюсь от этой грязи.

Я почувствовал, как по ногам потекла сперма Митча, и зажмурился. Из-под век снова скользнули слезы. Я еще никогда не чувствовал себя настолько отвратительно. И наконец потрясенное сознание не выдержало, и я с облегчением нырнул в спасительную темноту.

***

Прыткий солнечный луч, скользнув за тюль, пробежался по сбившемуся покрывалу, отразился от лакированной поверхности тумбочки, запутался в моих волосах, а потом нагло защекотал нос. Я поморщился, неохотно выплывая из сна, и резко чихнул. Спросонья было чувство, что мозг перекувырнулся в голове и снова встал на место. Потерев нос, я развалился на кровати и медленно продрал глаза.

Минуту я отупело смотрел на незнакомый потолок. А потом сознание решило сделать мне сюрприз, резко подкинув все воспоминания о прошлой ночи. Меня подбросило на кровати, настолько неожиданно бухнула память. Но стоило подскочить, как я со стоном снова скатился обратно.

Казалось, на мне нет ни единого места, которое бы не болело. Но стоило мне опустить взгляд на ноги, как меня пробрал ужас. Пятна засохшей спермы и крови, все еще липкой, спускались по ляжкам до колен, перепачкав когда-то белоснежную простынь. Я смотрел на них и не мог оторвать взгляд, тело прошибла такая крупная дрожь, что кровать и собственные ноги смазывались в одну непонятную кашу. Я словно оцепенел, не в силах сдвинуться с места или хотя бы закрыть глаза. С ужасом я вдруг понял, что снова теряю сознание.

Неимоверным усилием сдвинув руку, я со всей силы ущипнул себя за бок и, вздрогнув, мешком свалился с кровати. Ноги почти не держали меня, пока я, запинаясь за все

подряд, натягивал брюки. Найдя рубашку на кресле у входа, я накинул ее сверху, все равно застегнуть бы не получилось – пальцы не гнулись. Ремень я даже не стал искать, прыгнул в ботинки и, рванув на себя дверь, вылетел в коридор. Дверь с треском ударилась о стену. Я был уверен, что она заперта, поэтому и дернул со всей силы. Но задаваться вопросами было некогда.

Трясаясь как при лихорадке, я бросился к лестнице, совершенно забыв, что нахожусь этаже на двадцатом. Перепрыгивая через три ступеньки и игнорируя боль, я несся так, как будто бы за мной гнался сам дьявол.

Где-то на середине моего спуска голова закружилась, и я, оступившись, кубарем скатился через пролет. Но, вскочив на ноги, я бросился дальше. Такого запала адреналина мое сердце еще не знало.

Оказавшись на ресепшене, я сдуру влетел в крутящиеся двери, не обращая внимания на растерянные взгляды и возгласы, и, свезя коленями каменные плиты у входа, помчался прочь от отеля.

«Только не оборачивайся! Не оборачивайся!» – набатом било в голове.

Мне казалось, что Митч бежит следом. И как только догонит, то сразу убьет. Я слышал его шаги, чувствовал затылком его дыхание. И это заставляло бежать и бежать, снова срывая в кровь легкие.

***

– Отец!

Ввалившись в дом, я шлепнулся на пол, проскользив по нему пару метров, но тут же подорвался, ворвавшись в гостиную. Родители были там. Привычно обложившись тонной бумаг, они о чем-то спорили, склонив друг к другу головы. Но стоило мне показаться в комнате, как оба выпрямились, уставившись на меня.

Я, уперевшись руками в колени, пытался отдышаться. Впервые в жизни мне нестерпимо захотелось кинуться к матери на шею, почувствовать ее родные объятия, услышать успокаивающие слова. Услышать, как отец скажет, что мы со всем справимся, и мне не о чем переживать. На глаза навернулись слезы. Вот же они, родители, самые близкие мне люди. Люди, которые поймут и поддержат, чтобы не случилось. Ведь так это работает, верно? Семейные узы. Выпрямившись, я уже сделал шаг к ним, как...

– Алекс. Что это за вид? Ты выглядишь совершенно недостойно своего имени.

Ледяной тон матери, в котором очень хорошо улавливалось отвращение, пригвоздил меня к месту. Пару раз открыв и закрыв рот, я сглотнул.

– Я... меня... на меня напали... – хрипловато выдавил я. Горло болело после бешеного бега и вчерашних криков.

Родители переглянулись. Во мне вновь зародилась надежда, что вот сейчас в их глазах мелькнет тепло, и они раскроют мне объятия. Но взгляды из-под модных очков по-прежнему

нему светились снисходительностью и недоверием.

– Ну и кто же на тебя напал, Алекс? – вкрадчиво поинтересовался отец. Вздохнув, он снял очки и потер переносицу. Как будто бы надоедливый сынишка своей болтовней о потерянной машине отвлекает его от важного дела.

– Митчелл... Морган... – шепотом произнес я, не мигая глядя на отца.

Вся ситуация казалась мне какой-то жалкой пародией на дешевый фильм ужасов. Это было неестественно, наигранно, глупо. Но все это происходило со мной.

Отец снова переглянулся с матерью и, поднявшись, подошел ко мне.

– Повтори.

Я отчаянно замотал головой. Произносить это имя снова я не хотел. Я хотел соскрести его ногтями из своей памяти, разодрать всю подкорку мозга, но больше никогда и нигде не слышать его. Отец покачал головой, окинув меня взглядом с головы до ног.

– Ты серьезно думаешь, мальчик, что я поверю, будто такой человек, как мистер Морган нападет на тебя? Да и вообще на кого-либо. Это полный абсурд.

– Папа... – едва слышно выдавил я. Меня снова затрясло.

Еле двигаясь, я повернул голову к матери. Ее взгляд смягчился. Совсем немного, на сотую долю градуса, но все же.

– Алекс. Сын, – начала она, отложив документы и сложив руки на коленях. – Как он мог напасть на тебя?

– Выпускной...

Мой голос дрожал так сильно, что пришлось повторить. Родители снова встретились глазами, и меня внезапно захлестнуло горькое отчаяние. Упав на колени и вцепившись в волосы, я завыл так, что отец шарханулся в сторону.

– Он пришел ко мне на выпускной! А потом мы пили в баре! А потом он меня изнасиловал!

Мой голос сорвался в истерику, но мне не было до этого совершенно никакого дела. Признаваться в этом было стыдно, больно, мерзко, гадко. Ни один нормальный мужчина никогда не признается, что его изнасиловали. Но я не знал, как еще достучаться до своих милых предков. И совершенно точно я не представлял, что они отреагируют так.

– Выпускной? – приспустив очки, переспросила мать.

Поджав губы, она вытащила из кипы бумаг блокнот и зашелестела страницами.

– Действительно. Вчера у тебя был выпускной.

Она кивнула и закрыла записную книжку. Я вытаращил на нее глаза, не в силах больше выдать и слова. Так и замер, вцепившись в волосы пальцами, глядя на мать. Отец рядом прочистил горло.

– Алекс. Я не понимаю. Ты не пришел домой на ночь, напился, как эти... – отец неопределенно повел рукой, явно имея в виду «этих смердов и оболдуев», – а теперь заявляешь, что сам Митчелл Морган сделал такое. Да с чего бы вообще директору Адвокатской палаты приходиться на твой вы-

пускной?

– Что...?

Отец, скрестив руки, покачал головой, глядя на меня сверху вниз. Мать зеркально отразила его движение. Я смотрел то на него, то на нее и... не верил.

– Если ты не хочешь работать на него, сын, то так и скажи. Не нужно придумывать подобное. Ты дискредитируешь в первую очередь себя.

Посчитав разговор оконченным, он развернулся и быстро вышел из комнаты, набирая чей-то номер в телефоне. Мать, вздохнув, поднялась и подошла ко мне. Но остановилась в паре шагов. Как будто бы ей было противно даже стоять рядом.

– Приведи себя в порядок, Алекс. Мы с папой не будем ругаться, что тебя не было ночью и... за этот отвратительный запах, – ее передернуло при этих словах. – Только... только переоденься и прими душ, пожалуйста. Ты выглядишь...

– Непредставительно, – хриплым шепотом закончил за нее я.

Мать порывисто кивнула. Сделав шаг ко мне, она протянула руку к моей голове, но остановила ее в каком-то дюйме. Кончики ее пальцев едва задели мои волосы. Отдернув руку стремительнее, чем нужно было бы, она вышла следом за отцом. Видимо, им обоим было противно находиться рядом со мной в этот момент. В другой бы ситуации я бы посмеялся, но не сейчас.

Тело почти не слушалось, но я смог подняться на ноги. Не видя ничего перед собой, я, запинаясь, дошел до своей комнаты. Все казалось чужим: кровать, стол, диван, одежда. Все это было словно не мое, а того, другого парня, который сутки назад выходил из этой комнаты, спеша на выпускной.

Дойдя до ванной, я скинул с себя одежду и встал под сильные струи. Я простоял там довольно долго, прежде чем понял, что вода ледяная, а меня трясет от холода. Переключив воду едва ли не на кипятик, я с остервенением мылся. Мне хотелось содрать кожу, в которую впитались духи и запах тела Митча. Взяв самую жесткую губку, я тёр кожу до тех пор, пока она не стала алой, а на ногах появились кровоподтеки.

Вытеревшись, я еще несколько минут отупело смотрел на следы крови на полотенце, а потом отшвырнул его к грязным вещам. Вернувшись в комнату, я долго копался в гардеробе, в конце концов вытащив из него темные брюки и черную атласную рубашку. Облачившись во все это, я бросил взгляд в зеркало и кивнул своему отражению. Представительно. Только лицо цвета побелки, но выглядел я представительно.

Собрав в кучу рваную одежду вместе с полотенцем, я спустился вниз и бросил этот комок в горящий камин. Пламя разбежалось по сторонам, как совсем недавно мои родители от меня, а потом медленно поползло по ткани, отправляя ее в преисподнюю.

Я смотрел на огонь, словно загипнотизированный, и ду-

мал... ни о чем я не думал. Во моей голове, мыслях и сердце была только пустота. Полномасштабная, всепоглощающая, черная. Затягивающая меня в пучину.

Я не слышал, как в комнату вошла мать. Она что-то говорила, но я не понимал, что именно, и не хотел в этом разбираться. Когда она вышла, я тоже упустил. Очнулся я уже в своей комнате. Сидел на стуле, уставившись в стену, с идеально ровной спиной и сложенными на коленях руками. За окном начинало смеркаться, и в голове мелькнул вопрос, сколько я так уже сижу. Но он быстро забылся, разве это было важно сейчас. На меня навалилась страшная апатия, и мне казалось, стряхни я ее, и мою голову разорвет осознание всего произошедшего.

Я считал свою жизнь дерьмовой? Что ж, надо думать, я совсем недооценивал то, что принято называть «дерьмовой жизнью». Я не знал, как жить дальше, не видел выхода из этой ситуации.

Хотя нет, один выход все-таки был.

Не давая себе передумать, я поднялся и, добежав до шкафа, принялся рыться в нем, выбрасывая вещи наружу. То, что я искал, было подарком какого-то дальнего родственника, которого я видел лишь однажды.

После недолгих поисков я выпрямился, держа в руке перочинный нож. Это был дорогой и красивый перочинный нож, от фирмы Rikeknife, с рукояткой из титанового сплава и стальным клинком. Когда мне его только подарили, я точил

и полировал его целыми днями. Но потом оказалось, что это непредставительно для достойного человека, и нож навсегда остался в дальнем отделении моего шкафа.

Как замороженный, глядя на отблески стали, я неровной походкой дошел до кровати и присел на ее край. То, что я собирался сделать, граничило с безумием. Как и моя жизнь. Или уже не моя?

Зажав нож в зубах, я закатал рукав рубашки и уставился на свою руку, как будто в первый раз ее увидел.

Впервые я задумался о таком страшном исходе моей судьбы. Но это было так просто. Я не видел больше никакого повода продолжать жить. Опозоренный, униженный, лишенный уверенности в себе, я потерял все за такой короткий промежуток времени. Я больше не мог назвать мужчину и женщину, с которыми жил, своими родителями. И не только потому что они не поверили мне.

В памяти всплыло выражение брезгливости и отвращения на лице матери, в ее глазах, когда она смотрела на меня этим утром. Скрещенные руки отца и его поджатые губы. Я мечтал об объятиях, я молил о поддержке. Они даже не подошли ко мне!

Покачав головой, я сглотнул подступившие к горлу слезы, сжал рукоятку ножа, задев пальцами лезвие. Из-под стали скользнула капля крови, и я зажмурился.

Быстро. Нужно сделать это быстро. Главное не дать себе времени на раздумья, хватит уже с меня мыслей.

Я задержал дыхание, крепче сжав нож, и...

– Черт!

Внезапная боль в руке, причиненная не мной, заставила меня дернуться от неожиданности, распахнув глаза. Мой верный друг, мой прекрасный лабрадор, схватив зубами мою руку, смотрел на меня и тихо рычал. Нож выпал из моей ладони, стукнувшись о пол и укатившись под кровать. Прикусил он несильно, но ощутимо. И не отпустил.

Я думал, что никогда больше не услышу, как он рычит, после того единственного раза. Я думал, что собака не может спасти человека от самоубийства. Я думал, что никогда в глазах пса не увижу столько человечности, сколько не видел в глазах собственных родителей.

– Ох, Ричи...

Из моей груди вырвался всхлип, а из глаз брызнули слезы. Я бросился ему на шею, зарыдав, пряча лицо в густой шерсти. Ричи выпустил мою руку, тихо поскуливая и пытаясь лизнуть везде, где только мог дотянуться.

Я потерял счет времени, сколько мы так пролежали на полу, пока меня била истерика. Я спрашивал своего пса, как мне жить дальше, а он скулил в ответ, не пытаясь отстраниться от моей хватки. И в конце концов, глубокой ночью, я забылся тревожным сном. Опустошенный, разбитый, убаюканный мерным дыханием единственного родного мне существа в этом мире.

Глава 5

На выходные отец уехал по рабочим вопросам, а мать осталась дома хлопотать над предстоящим торжеством. Адвокатская палата Моргана праздновала юбилей, и наша семья была приглашена на него. Это было значимое событие, к тому же меня должны были представить на этом мероприятии, как нового члена команды.

На эти два дня я закрылся в коконе апатии, максимально отстранившись от мира. Закидываясь с самого утра кучей обезболивающих и найденными в аптечке матери прозаком и мапротилином¹, я часов на 18 терял способность рационального мышления. Смесь обезболивающих и двух видов антидепрессантов давала спасительный эффект пустоты в моей голове.

Двигаясь словно робот, я автономно выполнял все то, что ждала от меня моя мать, и хорошо поставленная речь давала гарантию, что я не бляял, как debil, когда ко мне обращались. Однако я почти не помнил эти разговоры. Я не помнил почти ничего, кроме смутных образов, как будто вспоминал фильм, просмотренный несколько лет назад. Через каждые несколько часов я склонялся над унитазом, освобождая протестующий желудок от колес, закидывая парочку новых.

---

¹ Прозак – антидепрессант, производное пропиламина. Мапротилин – тетрациклический антидепрессант.

И каждый вечер, выbleвывая из себя все таблетки вместе с прожитым днем, я засыпал после этого на полу в обнимку с Ричи.

В понедельник вернулся отец, и они с матерью, обзвонив всех своих «полезных людей», собрали семейный совет. Я смог уловить, что семья моей нареченной тоже приглашена на торжество, и родители хотят объявить о помолвке. И обстановка, мол, подходящая, да и перед мистером Морганом это выглядело бы как почти выполненное обязательство.

Я согласился без боя. Мать с отцом только молча переглянулись: видимо, они ожидали от меня очередного всплеска «подросткового бунта». Но я был не в состоянии спорить. Я только выдавил из себя согласие и снова уперся взглядом в пол. Но все же успел заметить удовлетворительный и облегченный кивок матери и слегка подозрительный взгляд отца. Вспышкой молнии в моей голове пронеслась мысль, что вот сейчас он мне скажет: «Сын. Если вдруг ты подсел на наркотики или что-то подобное...»

Что он бы сказал дальше? «Ты можешь рассказать мне»? «Я беспокоюсь о твоём состоянии»? «Это не то занятие для молодого успешного парня»?

В любом случае, он просто промолчал. А я не стал развивать мысль. Потому что не хотел и потому что не мог. Всё, чего мне хотелось – лечь на пол с Ричи и тупо смотреть в потолок.

Ну и блевать. Нестерпимо хотелось блевать.

Бросив что-то о сне перед тяжелым днем, я, пошатываясь, поднялся в свою комнату и бросился в туалет. Упав на колени перед унитазом, я обхватил дрожащими руками его бока и с мерзким звуком выплюнул то скудное содержимое, которое было внутри. Живот свело резкой режущей болью, и я, свернувшись в клубок на коврик, тихо заскулил, обняв колени.

Блевать больше не хотелось, а вот сдохнуть – безумно. Впрочем, это желание поселилось во мне с той ночи и не отпускало, пока я не закидывал в себя антидепрессантов до отупения.

Когда я проснулся после удушающей истерики в тот роковой день, в голове еще мелькала мысль сходить к врачу. В конце концов, мой зад кровоточил, а на шее осталась полоса от рубашки. Но перед глазами всплывали лица родителей, на которых – неверие, смешанное с плохо скрытым отвращением.

Я не мог представить, что еще когда-то смогу произнести словосочетание «меня изнасиловали». Эта фраза окончательно уничтожит меня, и я это знал.

И вот я валяюсь на полу ванной, умирая от боли. В глазах плясали черные мушки, а сама комната танцевала с ними самбу, и я зажмурился.

«Нужна таблетка, – думал я, – и еще одна, от боли»

Но стоило хоть немного разогнуться, и боль снова скручивалась тугим узлом, заставляя тихо выть. Черные мушки

стали черными пятнами, продолжая свой танец даже через закрытые веки, сознание медленно уплывало от меня. Чему я был несказанно рад. Я только успел понадеяться, что впаду наконец в кому, когда чернота окутала меня полностью.

Очнулся я от теплого, мягкого и влажного прикосновения к лицу. Попытался отмахнуться от этого вторжения, но промазал, и пальцы стукнулись о плиты. Сквозь полубредовое состояние пробилось теплое дыхание, а потом – тихие поскуливания. Этот звук заставил меня сделать над собой усилие, и я с трудом приоткрыл глаза.

Ричи лежал рядом, подталкивая лапой мою руку и периодически бодая меня в грудь головой. Я слабо улыбнулся и, позволив ему приподнять мою руку, зарылся пальцами в шерсть. Говорить я не хотел, да и не факт, что смог бы. К тому же это было и не нужно, мы понимали друг друга без слов.

Еще раз лизнув меня в щеку, пес поднялся на полусогнутых лапах и дернул головой, перекидывая мою руку на свою шею. Он пытался заставить меня подняться, и я оперся на него, кое-как оторвав голову от пола. Она была тяжелой, словно в уши залили свинец, но Ричи дернулся в сторону комнаты, и я пошел за ним на коленях.

Доведя меня до кровати, лабрадор помог мне усесться, оперевшись спиной о нее, а сам утопал, открыв лапой дверь комнаты. Я посмотрел ему вслед, пробежался глазами по комнате, и мой взгляд остановился на зеркале у окна. Я по-

что сразу отвернулся, но мой вид напугал меня. Лучшего грима на Хэллоуин и придумать нельзя: мертвенная бледность, белые губы, черные круги под глазами и торчащие во все стороны грязные волосы. Я бы обделался, если бы увидел такое на улице ночью.

За дверью послышался цокот когтей, и я снова посмотрел туда. Ричи, по-деловому распахнув дверь, вошел в комнату, таща в зубах свою миску с водой. Аккуратно опустив ее рядом со мной, он поднял на меня глаза, облизнув нос. А я снова улыбнулся. Если бы мог, то рассмеялся бы. Пес, опустив голову, носом подвинул миску ближе и снова воззрился на меня с немым укором в глазах.

Я был уверен, что умею он разговаривать, назвал бы меня неблагодарной мразью.

Качнув головой, я поднял миску и сделал глоток. Руки дрожали, расплескивая воду, я едва не подавился, но выпил сколько смог. Ричи довольно фыркнул и улегся рядом со мной, помахивая хвостом. Я упал на него, привычно зарываясь руками в шерсть. Живот снова резануло, и я, подтянув к груди колени, сосредоточился на сердцебиении моего верного друга. Вскоре темнота снова поглотила меня, но теперь меня топила не боль, а обволакивало тепло Ричи.

***

– Боже мой, Алекс!

Я поморщился и приоткрыл глаза. Мать стояла на пороге комнаты с выпученными глазами. В другой бы раз я подско-

чил, но не сейчас. Я просто не мог. Кое-как подняв голову, я сел на полу, потеряв лоб. Ричи, убедившись, что я не упаду обратно, уселся в своей обычной торжественной позе королевской собаки. Как и всегда при родителях. Мать смотрела на меня взглядом полным ужаса. Я вспомнил свое отражение в зеркале и усмехнулся. Какая ирония, мать пугает мой вид, а не причины моего вида. Она попыталась что-то сказать, но я лишь махнул рукой и, пошатнувшись, поднялся. Затылок и поясница тут же отозвались болью, но я не обратил внимания.

– Ты... приводи себя в порядок, сегодня...

– Я помню, – выплюнул я и уплелся в ванную.

Я слышал, как хлопнула дверь моей комнаты.

Мать заходила ко мне крайне редко, по крайней мере не когда я был в комнате. Но сегодня был особенный день. Ведь сам Митчелл Морган пригласил мою семью.

При воспоминании ненавистного имени меня передернуло. В груди еще со вчерашнего вечера теплился удушливый страх этой встречи, но таблетки удачно подавляли его. И сейчас я собирался снова закинуть в себя прозак и парочку таблеток анальгина.

Открыв шкафчик, я достал бледно-оранжевую баночку с антидепрессантом и подкинул ее на руке. Однако поймать не смог, эти таблетки здорово нарушали координацию движений. Баночка упала на пол и весело покатилась по нему. Я вздохнул, потеряв лоб. Чувство безграничной усталости вне-

запно навалилось на меня, тупая боль в голове все нарастала. Достав анальгин, я запил таблетку водой и обернулся, ища взглядом закатившуюся баночку.

И я ее нашел. На пороге ванной сидел Ричи, а баночка была в его зубах. Я вздохнул.

– Спасибо, Ричи. А теперь отдай ее мне, – устало попросил я, протянув к псу руку.

И тут всегда послушный лабрадор вдруг попятился и выскользнул за дверь.

Мои брови взлетели на лоб от удивления, я завис на пару секунд, а потом бросился следом. Ричи фыркнул мне от дверей комнаты и скрылся, я только успел заметить мелькнувший хвост на лестнице. Выбежав из комнаты, я остановился, переводя дыхание. Даже это маленькое физическое напряжение далось мне с трудом, поэтому пробежка по лестнице в таком состоянии могла кончиться весьма плачевно. Ричи вернулся минуты через две уже без таблеток, очевидно он и не собирался мне их возвращать.

Я снова вздохнул и присел перед ним.

– Ну что, брат? Ты-то точно прочитал бы мне лекцию о вреде своему организму, правда?

Пес заворчал и подтолкнул меня в комнату, намекая, что я много говорю. Я со смешком пошел собираться.

Минут через 15 я спустился вниз. Нацепив один из лучших костюмов, приведя в порядок волосы и умывшись, я все равно выглядел довольно криповато. Отсутствие антиде-

прессанта давало о себе знать зарождающейся в груди нервной тошнотой, и я боялся, как бы она не перешла в горло, а потом и наружу.

Мать вышла с кухни, разговаривая с кем-то через гарнитуру, окинула меня взглядом и, качнув головой, махнула рукой, призывая следовать за ней. Продолжая разговор, мне она не сказала ни слова, но меня это вполне устраивало.

Остановив меня жестом у дверей своей спальни, она скрылась внутри, чтобы через пару секунд выйти с тональным кремом в руках. Внимательно вглядываясь в мое лицо, она машинально открыла тюбик, прикидывая, как замазать мои круги под глазами, а потом, словно опомнившись, замерла, глядя на открытый крем в своих руках. Она бросила на меня растерянный взгляд, словно протянув бомжу деньги вдруг спохватилась, что не занимается благотворительностью. Снова посмотрела на тюбик и приставила палец, как будто бы собиралась выдавить на него немного. Но тут из гарнитуры послышался визгливый голос, окликнувший ее, и мать вздрогнула.

– Да, я Вас слушаю, Анабель! – резковато ответила она.

Дерганным движением закрутив крышку тоналки, она сунула ее мне в руки, как будто бы самую мерзкую вещь, которую когда-либо держала в руках, показала на мое лицо и быстро скрылась в своей комнате.

Я еще с минуту тупо смотрел на захлопнувшуюся перед носом дверь, перевел взгляд на крем, как совсем недавно

мать, и, глубоко вздохнув, покачал головой.

Этот день обещал быть дерьмовым, и начался он все с того же дерьма.

***

– Доброго дня, мистер и миссис Брайн!

– Как Ваши дела, мистер Брайн?

– Миссис Брайн, чудесная прическа!

– О, это Ваш сын, мистер Брайн?

– Ах, Алекс, приятно познакомиться с Вами!

– Алекс, говорят, Вы будете работать в команде мистера Моргана?

– Мистер Брайн, Ваш сын принесет нам прибыль, мы так думаем!

Бла-бла-бла. Я незаметно потер пальцем висок и скользнул в тень. Прислонившись спиной к стене, я вздохнул, продолжая массировать виски. Боль возвращалась, все эти дежурные обмены любезностями сливались в единую какофонию шума, треплющего нервы.

Мне очень хотелось сбежать куда-нибудь, хотя бы просто спрятаться, чтобы не слышать этот гул и не видеть мельтешащих людей. Или хотя бы таблетку, чтобы это собрание альтернативно одаренных перестало трепать мне нервы. Но у меня не было ни одной из этих возможностей.

На другом конце зала я увидел Андреа. Моя невеста со скучающе-заинтересованным видом, как и полагается дамам нашего круга общения, беседовала с одним из юристов Ас-

социации. Перехватив мой взгляд, она слегка кивнула и снова переключилась на юриста, со внезапным оживлением подерживая диалог. Мужчина слегка опешил этой перемене, но с пылом начал что-то говорить. Андреа снова поймала мой взгляд, на ее красивом кукольном лице мелькнуло злорадное торжество и самодовольство.

«Сука», – подумал я и отвел глаза.

Уж не ревновать ли она пыталась меня заставить? Но это было маловероятно. Из разговора наших родителей я знал, что нареченная моя очень интересуется Ассоциацией юристов. Только они это выставляли, как искреннее увлечение юриспруденцией, однако я знал, что увлекается она именно юристами. Большие дяденьки с большими кошельками и малым количеством времени на личную жизнь очень привлекали эту избалованную дрянь. Хотя к нашему фиктивному браку она отнеслась спокойно. То ли думала, что я стану таким же большим дядей, то ли уже планировала через какое-то время занять в любовниках одного из этих жирных боровов.

При удачном раскладе для нее, если я стану одним из партнеров фирмы Моргана, она сможет водить шашни с нашими подчиненными. А те в свою очередь будут не мало ей платить, чтобы начальник не узнал. Я слишком хорошо знал эту систему и таких дам, слишком много у меня было знакомств.

Покачав головой, я оглядел зал. Отец у фуршетного сто-

ла разговаривал с группой мужчин, иногда они смеялись какой-то весьма удачной шутке, и тогда отец слегка склонял голову вперед. Это значило, что ему вовсе не смешно, но он обязан поддерживать этот разговор.

Мать в окружении богато наряженных дам обсуждала последнюю моду. Пусть она сама была юристом и с большим бы удовольствием поддержала разговор в компании отца, но таковы были правила приличия. Я всегда задавался вопросом, как она может поддержать разговор о моде, если в ее гардеробе висят лишь деловые костюмы и всего два платья, одно из которых свадебное.

– Алекс!

Сдержав желание сморщиться от досады от того, что меня заметили, я обернулся на оклик и облегченно выдохнул. Ко мне пробирался Чак, тот самый адвокат из компании Митчелла. Мы снова разговорились, лишь изредка касаясь работы. Чак был вполне интересным собеседником, и более того, пока мы общались, ко мне не подходили напыщенные ублюдки с намерением потрясти руку и вставить пару фраз о том, какие на меня возлагаются надежды.

Мы с Чаком успели выпить по бокалу шампанского, когда в зале началось оживление. Мы замолчали, оглядываясь по сторонам, как неожиданно рядом возникла мать и, схватив меня за локоть, потащила к небольшой сцене. Там уже стоял отец и Андреа, с таким видом, словно была не меньше, чем королевой Великобритании. Сдержавшись от того, что-

бы закатить глаза, я встал рядом с ней, посмотрев в зал. На нас уставились сотни глаз.

Отец, поправив галстук, вышел к микрофону и прочистил горло.

– Дамы и господа. Рад приветствовать сегодня всех в этом зале.

Толпа вежливо зааплодировала. Я вздохнул. Снова эти помпезные речи. Отец еще в течение минут двух разглагольствовал о прекрасном вечере, приятном времяпрепровождении, продуктивной работе и прочем.

– Помимо повода нашей сегодняшней встречи, у меня есть еще одно объявление. Митчелл Морган, директор адвокатской палаты, принял на работу нового сотрудника. Теперь в Ассоциации юристов на одну светлую голову больше. Поприветствуйте – мой сын Алекс и его невеста Андреа.

Снова раздались аплодисменты. Андреа подняла руку, помахав ладошкой, и я, не сдержавшись, фыркнул. Ее, мать твою, величество. И вообще, никто меня еще не нанимал, я не подписал ни одного документа. Но видимо это были детали, не имеющие значения. Как и мое мнение.

Аплодисменты слегка затянулись, среди людей пошли шепотки, и отец поднял руку, привлекая внимание.

– Дадим слово Алексу. Прошу.

Он уступил мне место у микрофона, и я незаметно вздохнул. Андреа положила мне руку на плечо, демонстрируя людям, что она поддерживает меня, хотя мы еще не женаты.

Дамы заулыбались, мужчины закивали. А мне нестерпимо захотелось повернуться и оттолкнуть ее. Желательно, чтобы она при этом упала со сцены. Желательно, чтобы свернула себе шею. Такие мысли пугали, поэтому кивнув ей, но даже не посмотрев в ее сторону, я подошел к отцу. Пожав ему руку, я начал скучную речь о том, как я рад влиться в ряды властителей мира сего: полслова про усердие, полслова про целеустремленность, пять слов про прибыль. Даже у речей были свои концепции.

Когда я закончил, люди снова захлопали, а я, выдавив улыбку, слегка поклонился и отошел к Андреа. То есть я хотел отойти и уже сделал шаг назад, как вдруг мой взгляд зацепил знакомую фигуру.

Митчелл Морган, взойдя на сцену, махнул рукой своей публике. Люди зааплодировали с новой силой и даже свистом. Митчелл по-хозяйски прошелся по сцене, поклонился народу, пожал руку отцу и встал перед микрофоном.

– Мои многоуважаемые коллеги, – вкрадчиво и мягко начал он, улыбнувшись обворожительной и в то же время какой-то шкодной улыбкой, – я безумно рад всех вас видеть!

Толпа буквально разорвалась от хлопков.

Но я почти не слышал их. С того момента, как Морган появился на сцене, меня парализовал липкий противный страх. Я стоял буквально в шаге от него и не мог сдвинуться с места, не мог выдать ни слова. Я чувствовал ледяную змейку ужаса, прокатившуюся по позвоночнику, и каплю пота вслед

за ней скользнувшую по виску. Стоило мне снова услышать мягкий голос Митча, как память услужливо подкинула картины из прекрасного вечера выпускного, когда он говорил тем же самым голосом. И я отчетливо помнил, что за этим последовало.

Мое дыхание сбилось, я сильно прикусил щеку изнутри, почувствовав резкий металлический привкус крови во рту. Я не слышал людей, не слышал, что говорил Морган. Не знаю, сказали ли хоть слово отец и Андреа. Все мое существо сосредоточилось на фигуре передо мной, а единственным желанием было бежать. Ощущение опасности плотным кольцом окутало меня, став почти осязаемым.

Но я не мог отвести от него глаз.

Закончив свою речь какой-то шуткой, вызвавшей общий смех, Морган повернулся ко мне, добродушно улыбаясь, и, протянув руку, положил ее на мое плечо. Это прикосновение вывело меня из состояния ступора.

Резко оттолкнув его руку, словно мог ошпариться, я отпрыгнул назад. Я бы, наверное, заорал, если бы голос меня слушался. Толпа недоуменно замолкла, я чувствовал на себе кучу взглядов, в том числе недовольный взгляд отца за спиной. Митчелл смотрел на меня все с тем же радушием, его улыбка не дрогнула ни на дюйм.

Я попытался сказать, чтобы он не прикасался ко мне, но из горла вырвался лишь глухой сип. Я отшатнулся еще на шаг, задев плечом руку Андреа, и оцепенение, сковывающее все

тело, окончательно отпустило. Бросив взгляд в толпу, я развернулся и бросился прочь со сцены и из зала. Я еще успел услышать, как Митч отшучивается, мол, переволновался парень, и как по толпе проносится неуверенный смешок.

Пролетев по коридору, я едва не сбил с ног встретившегося официанта. Оттолкнув его, я пробежал дальше, ворвался в туалет и с размаху захлопнул за собой дверцу кабинки. Едва переводя дыхание, я опустился на унитаз, глядя на дверь. Все тело трясло, рубашка противно прилипла к телу, голова разрывалась пульсирующей болью, которую я пока не особо чувствовал, благодаря приливу адреналина. К горлу снова подкатила тошнота.

Когда живот все-таки свело спазмом, я скользнул на пол и выплеснул в унитаз поток желчи. Ничего другого, кроме бокала шампанского, в желудке не было. Дрожащими пальцами я убрал волосы со лба и сел, прислонившись спиной к стенке.

Я не мог не знать, что Морган будет на этом банкете, в конце концов, он же был его организатором. Я думал, что каким-то чудесным образом смогу избежать встречи с ним в зале, где была сотня людей? Думал, что смогу сделать вид, будто ничего не было? Сделать вид, что мы вовсе не знакомы?

На самом деле, я вообще не думал. Старательно прячась от мыслей о Моргане в целом, я просто плыл по течению, думая только о том, когда этот вечер закончится. Возмож-

но, это было неразумно и глупо с моей стороны, надо было хоть как-то подготовить себя к тому, что увижу его снова. Но лишь одно его имя вызывало у меня приступ удушья и навевало чувство страха.

Подтянув колени к груди, я уткнулся в них лбом и закрыл глаза, представляя тепло Ричи, пытаюсь заставить пальцы вспомнить ощущение шерсти под ними. Понемногу дыхание выровнялось, а сердце перестало вырываться из груди. Я отключился от мира, казалось, на долгое время, находясь мыслями рядом со своим псом.

– Алекс, ты там?

В тишине этот голос показался громовым, а стук в дверь едва не разорвал барабанные перепонки. Я подпрыгнул, вскочив на ноги и больно ударившись локтем об унитаз. Сердце снова застучало в горле, и я, закрыв глаза, задержал дыхание на пару секунд, медленно выдохнув.

– Алекс, выйди оттуда немедленно! – снова раздался строгий голос отца.

Еще раз вздохнув, я открыл дверь. Предо мной предстал мой предок с крайне недовольным, но обеспокоенным видом. Правда я очень сомневался, что беспокоился он за меня.

– Что случилось? Ты выглядишь...

Он повел рукой, не подобрав нужного слова. Я слегка дернул бровью.

– Непредставительно? – спросил я.

В этом вопросе явно должен был быть сарказм или хотя бы доля ехидства, но их не было. Мой голос звучал настолько безжизненно и вяло, что я сам этого испугался. Отец тихо хмыкнул.

– Не паясничай, сын. Что с тобой случилось? Ты... ты заболел?

В его голос скользнуло беспокойство. Если честно, я ожидал, что после этого вопроса он сделает шаг в сторону. Мало ли я заразный, я бы уже этому не удивился. Но он остался на месте, и я мысленно заплодировал ему за эту сдержанность.

– Наверное, съел что-то не то, – выдавил я.

Отец смерил меня взглядом. Повисла недолгая пауза.

– Да... – протянул наконец он. – Здесь сегодня на редкость пакостные устрицы. Что ж.

Он встряхнулся, дернув полы пиджака. Мой ответ его устроил, необходимость родительского обязательного переживания за здоровье своего ребенка потеряла актуальность, и он снова стал самим собой.

– Мистер Морган не в обиде на тебя за твой внезапный побег, к тому же твой нездоровый вид и состояние здоровья в целом оправдывают твой поступок. Однако, Алекс, ты должен понимать, что это выглядело крайне...

– Некрасиво, – равнодушно кивнул я. Адреналин отступил, оставив место критичной вымотанности.

Отец кивнул.

– Я передам мистеру Моргану твои извинения, но впредь,

если ты чувствуешь себя нехорошо, предупреждай сразу, чтобы избежать подобных инцидентов.

«Началось время нотаций»

– А если уж происходит такая ситуация, научись выйти из нее достойно. Ты мужчина, Алекс, мужчина должен быть сильным и уметь преодолевать свои проблемы. Бери пример со своего отца, сын.

«Да неужели? Тебя тоже насильовал твой начальник через пару часов после знакомства? Как, интересно, ты преодолел бы такую проблему? Стереотипами?»

Мой мозг взорвался потоком брани в сторону милого предка, но вслух я сказал только:

– Да, отец.

Тот еще раз окинул меня взглядом, а я взмолился про себя, чтобы он не заставлял меня возвращаться в зал. Я не был уверен... нет, я был уверен на сто процентов, что не переживу еще одной встречи с Морганом сегодня. К счастью, отец решил, что «для своего имени я выгляжу недостойно возвращения».

– Возвращайся домой, Алекс. Мы с мамой подъедем позже.

Я молча кивнул и выскользнул за дверь, не глядя на него.

Выскочив из здания, я поймал такси. Всю дорогу до дома я напряженно думал, что мне теперь делать. Я не мог работать на Моргана. Я даже находиться с ним в одном помеще-

нии не мог, чего тут говорить о работе. Нужно было составить в голове план разговора с отцом. Он ведь говорил, что я мог просто сказать, что не хочу работать на Митчелла. Я собирался так и сделать.

Когда я подъехал к знакомой тропинке, в моей голове уже были аргументы, вроде того, что я пока не готов работать в такой большой фирме. Извинения, что не оправдываю надежд, и мои размышления о том, что мне нужно набраться опыта в более простой команде. Ведь родители не хотят, чтобы я опорочил наше имя некачественной работой.

На первое время этих аргументов должно было хватить, дальше я собирался решать по ситуации.

Наконец, из этой задницы показался маленький просвет, и я немного успокоился. Я смогу это пережить, убеждал я себя. Все наладится.

Расплатившись с таксистом, я побрел по тропинке к дому, как вдруг мой взгляд зацепился о поднятый флажок почтового ящика. В этот день у нас не должно было быть почты, а значит, кто-то принес письмо сам. Нахмурившись, я подошел к ящику, и, открыв его, ахнул. В глубине лежал мой мобильник. Я совсем забыл про него в эти дни, да я про все забыл, закидываясь таблетками. А последний раз свой телефон я видел... Всё верно. В номере Митчелла Моргана в день своего выпускного.

Дрожащими руками забрав гаджет, я кинулся к дому. Пару раз уронив ключи, я все же открыл дверь и, захлопнув ее

ногой, опустился на диван в гостиной. Телефон был выключен, и я зажал кнопку включения, с замирающим сердцем ожидая того, что должен был там увидеть.

Мобильник высветил мне экран приветствия и показал главную страницу. Я еще минуту смотрел на нее в ожидании чего-то, а потом, выдохнув, откинулся на спинку дивана, заблокировав телефон. И чего я ожидал там увидеть?

Но через пару секунд раздался характерный звук входящего сообщения. Я вздрогнул и снова уставился на экран.

Сообщение пришло от контакта, взглянув на имя которого, я снова ощутил тугой узел в животе. «Митч» значилось в имени, и рядом был смайлик сердечка.

С гадким предчувствием я открыл сообщение.

«Привет, малыш. Куда же ты свалил с праздника? Я устроил его и в твою честь тоже!»

Я выругался. Это ублюдок забил свой номер в мои контакты, каким-то образом подбросил телефон в почтовый ящик, когда знал, что я дома один, а теперь еще и глумился. Меня ослепило вспышкой злобы, но это было лучше, чем купаться в страхе и отчаянье.

«Ответь мне, сладкий, или я буду настаивать, чтобы проведать тебя дома»

Я снова выругался и, остервенело щелкая по экрану, набрал ответ:

«Пошел ты!»

«Как грубо. Неужели никакого уважения к начальнику и

хорошему другу, Ал?)»

Да он издевается!

«Да иди ты в задницу со своей дружбой! И я не собираюсь работать на тебя, найду другое место, где тебя не будет видно!»

Я отбросил телефон и ушел на кухню. Меня пробирала злорада и едкое желание плюнуть уроду прямо в лицо. Пиликанье из гостиной сообщило мне о новом сообщении, но я не спешил возвращаться.

Открыв холодильник, я окинул взглядом продукты. Надо было поесть в конце концов, иначе мой организм рисковал обзавестись серьезными проблемами. Но я решил перенести трапезу. Достав из холодильника бутылку молока, я сделал два глотка прямо из горла. Из зала снова донесся звук пришедшего сообщения, и я, захлопнув дверцу, решил засунуть Митча в черный список.

Вернувшись, я взял телефон, но, открыв сообщения, опустился на диван.

«Если ты приглашаешь меня в свою задницу с предложением дружить, то я им обязательно воспользуюсь, малыш!»

«И ты будешь работать на меня. Или хочешь, чтобы я тебя убедил в этом? Тогда посмотри свои фотографии, шалуншика»

Нахмурившись, я открыл галерею и, резко выдохнув, выронил телефон, отскочив от него. Там было примерно с де-

сяток фотографий меня. Голого, распластанного на кровати Митча, со следами спермы на заднице.

Во мне смешались несколько чувств сразу: ненависть, отвращение, страх и ярость. Схватив телефон, я набрал номер, и как только Морган взял трубку, я заорал:

– Ты совсем больной ублюдок! Да я тебя засужу, ни один адвокат из твоей конторы не поможет!

– Эй, эй, малыш, успокойся, – засмеялся Митч на том конце провода, и я разразился бурным потоком мата.

Мою мать точно хватил бы инфаркт, если бы она услышала, но к черту мою мать.

Морган выслушал меня, не перебивая, а потом вкрадчиво поинтересовался:

– Ты закончил?

Я не ответил, тяжело дыша после такого запала. Митчелл хмыкнул.

– А теперь послушай меня, мальчик. Можешь удалять эти фотографии, можешь пойти показать кому-нибудь. У меня они тоже есть, так что, если удалишь, перешлю снова, только попроси. Но идти с ними к копам я тебе не советую. Во-первых, тебе никто не поверит. Как не поверили и твои родители, не так ли?

Я сглотнул. Откуда он это знал?

– Ты же не удосужился сходить к ним в первый же день накатать заявку, не заявился в травмпункт снять побои и сделать анализ спермы из твоей чудной попки. Сейчас это де-

лать уже бесполезно, судмедэксперт откажет тебе в экспертизе, потому что следов уже нет. Да и не мне тебе рассказывать, как это делается. У тебя же диплом с почетом, – Митч хохотнул.

Да, я прекрасно это знал. Но я даже не думал о том, чтобы идти в полицию. Я и представить себе не мог судебного разбирательства случая сексуального насилия, где я бы выступал в роли истца. Да я бы сквозь землю провалился от такого позора.

Чувствуя подступающую панику и отчаяние, я рухнул в кресло, не в силах отключить телефон.

– Свой шанс наказать меня ты упустил, а теперь я воспользуюсь нашим маленьким приключением в своих интересах. Ты же не хочешь прослыть в Ассоциации, как подстилка начальника, правда, Алекс?

Мне стало плохо. Внезапно меня озарило, что именно задумал Морган. Имея на руках эти фотографии, он мог требовать, что угодно. Он мог меня шантажировать, и он собирался заняться именно этим.

– Если ты не будешь послушным мальчиком, эти фотки попадут в прессу. А потом твою семью и тебя разорвут на лоскутки, после того, как весь мир узнает, что сын известного судьи и отличного прокурора, двух лучших юристов Ассоциации, трахается со своим начальником, как дешевая проститутка, и все это ради повышения и денег. Если ты думал, что ты теперь опозорен и унижен, то ты глубоко ошибаешь-

ся. Я могу тебе показать, что значит позор на родовом имени.

Меня замутило. Я слышал на заднем фоне, как продолжается эта гребаная вечеринка, слышал смех и хлопки пробок шампанского. И слышал реальную угрозу в голосе Моргана. Если такое произойдет, жизнь моей семьи будет кончена навсегда.

– Так что подумай еще раз, малыш, – продолжил Митч. – Ты хороший юрист, лучший на своем потоке. Поговорив с тобой тем вечером, я понял, что у тебя потрясающий склад ума, ты настоящий самородок в нашем деле. И я хочу, чтобы ты работал в моей команде. Но мне нужны были гарантии, что ты никуда не денешься. Со временем ты меня поймешь. Обещаю, что ты очень быстро продвинешься по карьерной лестнице, но помни – никаких необдуманных поступков без моего ведома. Попытаешься продать меня, подставить или уйти – ты знаешь, что будет. Ты понял меня, Алекс?

Я не мог выдавить из себя ни слова. Я знал, что такое подлость и жестокость, но впервые столкнулся с этим. Взрослая жизнь в кругу элиты слишком резко шибанула меня реальностью. Как можно сделать с человеком такое, только ради гарантии, что он не свалит к конкурентам?

– Алекс? Отвечай мне, когда я задаю вопрос. Ты понял меня или нет?

– Понял... – едва слышно выдавил я.

– Ну и отлично. Жду тебя завтра в своем офисе. И да, захвати бутылочку вина – отметим твой первый рабочий день.

Только помни, на работе я «мистер Морган», в остальное время можешь называть меня Митчем. Запомнил?

– Д-да...

– Прекрасно. Тогда до встречи, малыш.

Я чувствовал по голосу, что он улыбается.

Не дождавшись ответа, Морган скинул, а я так и сидел с прижатой к уху трубкой. В моей голове роился целый шквал мыслей, я пытался найти хоть один выход из этой ситуации и не находил его.

Не знаю, сколько я просидел так, сверля глазами пол. Из моей комнаты послышался задорный собачий лай, и я, вздрогнув, опустил руку. Телефон выскользнул, стукнувшись о пол. На непослушных ногах я поплелся в свою комнату, держась за стену. Казалось, земля уходит у меня из-под ног, а сознание тонет в бездне, из которой нельзя выбраться.

Ричи встретил меня, радостно виляя хвостом, но я не обратил на него внимания. Закрыв за собой дверь, я замер посреди комнаты, а потом рухнул на колени и, схватившись за волосы, заорал во всю мощь легких. Мой крик спугнул стаю птиц, сидевших на дереве за открытым окном. Ему вторил протяжный собачий вой.

Глава 6

Почти всю ночь я не мог уснуть. Находясь в полудреме, я метался по полу, как в бреду. Когда мой скулёж переходил в стоны, меня будил Ричи, и я еще несколько минут успокаивался, зарывшись лицом в его шерсть. Утром я предпочел не смотреться в зеркало, но на ошупь все равно намазал круги под глазами маминой тоналкой.

Еще час я провел в поисках прозака или мапротилина, но в маминой аптечке больше не было, а Ричи упорно делал вид, что схватил где-то собачью деменцию и теперь совсем не понимал меня.

В конце концов я сдался и, схватив со стола яблоко, вышел из дома. Дождаться, когда родители сядут завтракать, я не собирался. Я в принципе не хотел их видеть, слушать про планы, про линии поведения и все остальное, что непременно бы услышал сегодня. Только не без таблеток.

Было еще довольно рано, город только-только начинал просыпаться. Я решил пройтись пешком, все равно офис открывался только через пару часов.

Пустили первый общественный транспорт, на улице появлялись редкие люди, спешащие на работу. На их лицах было написано, что они продали бы душу дьяволу, лишь бы поспать еще минут 15. Во дворах встречались собачники. Широко зевая и почесываясь через домашнюю одежду, они

наблюдали за своими питомцами, весело гоняющими по кустам. Я улыбнулся, глядя на них. Мы с Ричи тоже успели погулять немного.

Засмотревшись на собак, я врезался в какую-то женщину. Папка выпала из ее рук, рассыпав листы, и мы, одновременно извинившись, присели, собирая бумагу. Я мельком взглянул на нее. На вид ей было немного за тридцать, глаза блестели за стеклами цветных очков. На ней было цветастое платье и легкая кофточка поверх него. Я не сдержал улыбку: она выглядела настолько непохожей на всех, с кем я общался, словно не было никаких правил дресс-кода. Когда мы поднялись, я протянул ей бумаги, и она благодарно улыбнулась мне.

– Спасибо большое! – радостно сказала она.

Словно это случилось не из-за меня. Я качнул головой, продолжая улыбаться.

– Не за что.

Она рассмеялась. Таким легким и беззаботным смехом, что я в своей голове скинул ей лет 10.

– Надо говорить «пожалуйста». Потому что, если ты говоришь «не за что», ты обесцениваешь свою помощь. И обесцениваешь мою к тебе благодарность. Понимаешь? Но ты же помог, и я благодарна. Так что, спасибо тебе большое! А ты мне скажи «по-жа-луй-ста»!

– Пожалуйста... – эхом отозвался я.

Она весело кивнула и, пожелав мне хорошего дня, пошла дальше, напевая про себя какую-то мелодию. А я еще с ми-

нуту смотрел ей вслед. Она была как яркий разноцветный карандаш, случайно попавший в упаковку к простым. Как воздушный шарик среди всех гандонов этого города. Среди которых, увы, был и я.

Тряхнув головой, я пошел дальше, задумавшись, будут ли мои глаза когда-нибудь светиться также, как у этой женщины.

***

– Молодой человек, Вам кого? – спросил меня один из клерков, когда я вошел в офис.

– Я к мистеру Моргану, – слегка поморщившись, протянул я и тут же спохватился. – Алекс Брайн.

Я протянул мужчине руку, и он задумчиво пожал ее. А потом пазл в его голове сложился, и на лице проступило озарение.

– О, конечно, мистер Брайн, мы Вас ждали. Прошу за мной.

Он почти бегом поскакал вперед, ловко лавируя между коллегами. Я едва поспевал за ним, стараясь не думать о предстоящей встрече. Однако увидел я вовсе не Митчелла, а миловидную девушку с тугим пучком на затылке и в деловом платье. Она казалась старше меня года на два.

– Доброе утро, мистер Брайн. Меня зовут Эмили. К сожалению, мистер Морган не сможет Вас принять. Он уехал рано утром по срочному делу и вернется только через пару дней. Мистер Морган попросил меня все Вам рассказать и

показать.

Она говорила что-то еще, но я не слушал ее после слов «он уехал рано утром». С моих плеч словно свалился тяжелый рюкзак, тугой узел в животе развернулся. Казалось, что даже дышать стало намного легче. На пару секунд прикрыв глаза, я подавил желание опереться о стену и сползти по ней на пол.

– Мистер Брайн?

Я снова посмотрел на девушку и улыбнулся. На этот раз улыбнуться у меня получилось достаточно непринужденно.

– Называйте меня просто Алексом, хорошо? – попросил я и протянул ей руку.

Эмили порывисто кивнула и, пожав мою ладонь, махнула мне, призывая следовать за ней.

***

Я не мог и мечтать, что первый день в команде Моргана может пройти так хорошо. Меня познакомили с коллегами, рассказали особенности работы их команды, даже устроили в мою честь чаепитие с тортиком.

Я без труда влился в команду, к тому же Морган был в чем-то прав. Мой уровень знаний был высоким, разве что практики немного не доставало, как отметил один из парней.

Домой я вернулся в неплохом настроении. До хорошего ему было далеко, но это было достижением за все эти дни. И я прекрасно знал, как поднять свое настроение.

Удачно сбежав от родителей, жаждущих знать, как всё

прошло, я переоделся и смылся на улицу вместе с Ричи. Мы ушли с ним в парк, где застряли до глубокого вечера. К тому же, у меня были деньги: Морган перед отъездом обязал бухгалтерию выдать мне аванс. Я понимал, что это еще один плюс к его плану шантажа, но я и так уже был в полной заднице, так что какая разница.

Мы с Ричи купили шаурму и съели ее на лавочке, разделив пополам. Долго бегали наперегонки вокруг деревьев, а когда ушли дети, то и на игровой площадке. Моему псу безумно понравилось кататься на детской горке: он ложился на нее пузом и, растопырив лапы, катился вниз, заливаясь озорным лаем. Он даже предпринял попытку раскачать меня на качели, но получив по лбу (благо не сильно), передумал заниматься этим.

Правда от меня он далеко не отходил, а стоило мне переставать смеяться, как Ричи оказывался рядом, заглядывая в глаза, а потом начинал облизывать все, до чего дотягивался, так что я был весь в слюнях. И только когда я заливался хохотом, он отходил от меня, весело гоняясь за хвостом.

Он был единственным, кто волновался за меня, и единственным, кто меня понимал.

Вернулись мы, когда родители уже легли спать. Собственно, я на это и рассчитывал, мне совершенно не хотелось с ними пересекаться. Конечно, я понимал, что не высплюсь, но мне и так это не светило. Неважно, во сколько я лягу, кошмары никто не отменял.

Оказавшись в комнате, я пошел умываться, а Ричи улегся на нашем месте на полу у кровати. Но когда я вернулся, рядом с псом была моя подушка, стащенная с кровати. Сам Ричи упорно смотрел в другую сторону, словно был совсем не при делах. Я тихо рассмеялся и присел перед ним, потрепав по голове.

– Спасибо, брат.

Пес лизнул меня в нос и подтолкнул подушку. Я, оглянувшись на постель, пожал плечами и стащил на пол еще и одеяло, задаваясь вопросом, почему не сделал этого раньше. Все равно я спал на полу с Ричи. Хотя лабрадор мог спать и со мной на кровати, но я сам не хотел. Казалось, что на полу я ближе к своему другу, да и постель теперь казалась чужой. Развернув одеяло, я упал на него сверху. Укрываться мне было не нужно, тепло Ричи согревало и так. Пес плюхнулся рядом со мной, еще раз лизнув в нос, желая спокойной ночи, которая мне не светила. Но я с улыбкой обнял его и закрыл глаза.

В конце-то концов, как бы дерьмова ни была моя жизнь, у меня был верный друг. И пока он был рядом со мной, я считал, что смогу справиться.

***

В результате Моргана задержали дела, поэтому он не вернулся через два дня. Не вернулся он и через неделю. Когда он придет, никто не знал, в том числе и он сам. Мне он больше не звонил и не писал, видимо узнавал все, что нужно, от

Эмили. Поэтому я перестал таскаться на работу, словно на казнь. Наоборот, я почти летел туда каждое утро.

Дела со сном так и не наладились, и после двух бессонных ночей, просыпаясь в истерике и пугая Ричи, я купил себе снотворное. После него утром было ощущение, что в рот нассали коты, да и чувства, что я отдохнул, не было. Но я хотя бы отрубался на шесть-семь часов, и ладно. Правда таблетки пришлось прятать, больно уж подозрительным взглядом сверлил меня мой пес.

Иногда он пугал меня, честное слово.

Мне стоило больших усилий убедить его, что со мной все в порядке, и больше я не возьмусь за нож или страшные оранжевые таблетки, которые он утащил. Я их, кстати, так и не нашел. Через несколько дней Ричи перестал пасти меня в ванной и на улице, проверяя, все ли хорошо.

С родителями все же пришлось поговорить. Они выловили меня спустя несколько дней и вывели на разговор. Но к тому времени я успел вернуть привычный им образ образцового сына. Наш разговор прошел по-деловому сухо, но после этого они отстали от меня. И чудеса! – мать куда-то спрятала мой блокнот с расписанием, предоставив мне в распоряжение часть самостоятельности.

Однако, что-то умерло между нами после того дня. Что-то, чему я никогда не придавал значения до этого, совсем крошечное, похожее на семейное единение. Я жил и общался с ними, словно они были моими соседями в общежитии,

не более. Иногда я ловил задумчивый, слегка напряженный взгляд матери и внимательный – отца. Но ни один из них так и не подошел ко мне, за что я был благодарен. Я больше не чувствовал потребности в их заботе, словно мои родители умерли в день моего выпускного.

В офисе дела шли как нельзя прекрасно. Коллектив принял меня как отличного специалиста и учил тонкостям практического дела. Работа, как недавно учеба, помогала мне прятаться от собственных мыслей и воспоминаний, и я цеплялся за нее, как за доступный мне антидепрессант. Пару раз ребята брали меня с собой на суд, как наблюдателя, а вскоре мне предстояло впервые в жизни выступить самому в качестве адвоката. Занимаясь этим делом, консультируя клиента, накидывая фразы в защиту, я настолько погружался в работу, что на самокопание просто не оставалось времени. И я ждал этого дня с волнением и отголоском радости.

На работе я думал о работе, а дома – о Ричи. Моя жизнь снова обрела ритм, вошла в какую-то колею, и потекла своим чередом. И, конечно, я был этому рад.

***

– Встать! Суд идет!

Я незаметно сжал руку сидящего рядом парня и поднялся. Первый раз выступая адвокатом, я волновался, но не запнулся ни разу, пылко споря с прокурором и оправдывая своего клиента. К тому же, парень волновался намного больше, что придавало мне сил.

– ... суд в составе: председательствующего судьи...

Я скосил глаза на прокурора, и тот слегка кивнул мне. Он был в курсе, что это мое первое дело, и таким жестом признавал во мне профессионала. Я выдохнул, переведя взгляд на судью.

– ...рассмотрев материалы дела в отношении...

Мой клиент шумно вздохнул и, видимо, задержал дыхание. Я его понимал. Это был напряженный момент, ведь приговор был длинным, а вердикт он узнает только в самом конце. Но я был уверен, что его оправдают. Слишком мало было доказательств.

– ...суд установил...

Недалеко от меня со скучающим видом щелкал по клавишам секретарь, привычно ведя протокол заседания. На его лице была такая вселенная тоска, что было ясно – работа его доконала, став душной рутинной. В моей голове мелькнул вопрос, станет ли моя работа такой же рутинной для меня через несколько лет.

– ...суд приговорил...

Я тут же обратился в слух, как и парень рядом со мной.

– Оправдать *N.F.D.* по предъявленному ему обвинению в совершении преступления...

Дальше можно было не слушать. Я выдохнул, даже не заметив, что задержал дыхание, и украдкой глянул на клиента. На его лице нарисовалось такое облегчение, что я начал опасаться, что он свалится в обморок. И не прогадал: парень на-

чал оседать, мне пришлось поддержать его под локоть, чтобы он не упал.

– Приговор может быть обжалован в апелляционном порядке в течение 10 суток с момента вынесения.

Судья кивнул мне, прокурору и удалился. Раздались шепуршание и тихие разговоры, истец тихо выговаривал что-то прокурору, но тот с невозмутимым видом разводил руками. Я усадил парня на стул и кивнул ему с легкой улыбкой.

– Поздравляю.

– Спасибо. Большое Вам спасибо, мистер Брайн, если бы не Вы... – его голос сорвался.

Я слегка сжал его плечо. С моих губ уже почти сорвалось «не за что», но я вспомнил женщину, встретившуюся мне в мой первый рабочий день.

– Пожалуйста, – мягко ответил я.

Я помог ему подняться и вывел из зала. К нему тут же кинулась его мать. Целуя его лицо, глядя волосы, она плакала, и парнишка заплакал вместе с ней. Она все не переставала меня благодарить, и я, похлопав ее по спине, поспешно ретировался. Мне было неловко, я чувствовал себя лишним в этой маленькой семейной радости, которую не понимал.

Умывшись, я случайно столкнулся в коридоре с прокурором. Он похвалил меня за работу, указал на пару ошибок, которые я принял к сведению, и мы разошлись.

А когда я вышел из здания суда, меня ждал сюрприз.

У двух припаркованных рядом машин собралась почти

вся моя команда. Ребята встретили меня бурными овациями и бутылкой шампанского, чуть не окатив струей с головы до ног. Я опешил, но меня схватили за руки и вволокли в группу людей, наперебой говоря. Я не понял ничего в этом хаосе, кроме того, что они все были здесь и наблюдали за процессом, и они мной очень довольны.

Пока нас не спровадила охрана, мы расселись по машинам и рванули в офис. Естественно, работать больше никто не собирался – все собирались отмечать мой триумф. Шок давно прошел, и я был на вершине ликования. Это была такая искренняя радость, что я забыл обо всем на свете, веселясь с ребятами и упиваясь своей победой.

Зря я расслабился.

– Алекс, я поздравляю тебя с твоей первой победой в суде, – раздалось, едва мы вошли в офис.

Этот голос пригвоздил меня к месту. Ребята снова взорвались криками и хлопками, а я повернул голову и замер. Перед нами стоял Митчелл Морган собственной, вернувшейся в мою реальность кошмаром, персоной.

***

Ребята освободили один из столов, выставили чашки и чайник, торт и другую мишуру для чаепития, как в мой первый день. Но чайник так и остался нетронутым, потому что с легкого кивка Моргана Джек, ведущий адвокат по делам несовершеннолетних, притащил откуда-то ящик шампанского.

Началось веселое застолье, а я сидел как под тонной воды, слыша голоса фоном, и старательно отводил глаза от своего начальника. Пока мы накрывали на стол, я спросил у Эмили, почему она не предупредила меня, что мистер Морган вернулся. Ответ был простым и лаконичным: «Мы хотели сделать тебе сюрприз».

Сюрприз удался, сказать было нечего.

Пока что все было спокойно, но я думал о том, что будет, если мы с Морганом вдруг останемся наедине. Эти мысли уносили меня в знакомую пучину, поэтому я стал отвлекать себя наблюдением за коллегами.

Казалось, что ребята любят Моргана. Эмили говорила, что в нерабочей атмосфере он позволяет им некую фамильярность. То есть он старался быть хорошим боссом, а вне работы – хорошим другом.

О, это я знал. Только, по всей видимости, любовник из него вне работы был дерьмовым.

Мы просидели так до конца рабочего дня. Ребята во главе с Эмили пытались заставить меня выпить с ними. Я и выпил, правда, когда мы ехали в офис. А потом весь алкоголь моментально испарился, и пить я больше не хотел. Я помнил, что такое пить с нашим боссом.

Расходиться никто не собирался. Остаться же для меня было бы большой ошибкой. Я был уверен, что все придет к тому, что я останусь поговорить с Морганом о первом выигранном деле, а это было последнее, чего бы я хотел.

Но у меня был повод уйти.

– Ладно, ребята, – протянул я, вымучив из себя улыбку и поднявшись. – Спасибо вам всем большое за поздравления, но мне уже пора.

– А-а-а-алекс, ну куда ты? – протянула Эмили. Кто-то из ребят подхватил:

– Мы даже чай еще не выпили!

Коллеги рассмеялись, на моем лице тоже растянулась улыбка, слишком уж их смех был заразителен.

– Простите меня, правда, я бы остался. Но мне нужно погулять с собакой.

Отлично. У меня был весомый, черт возьми, аргумент.

– А родители? Они не могут с собакой погулять?

– Да брось, Лили, где мои родители и где выгул собак? – отшутился я, подхватив пиджак.

Коллеги снова залились хохотом. Я вылез из-за стола и уже почти дошел до дверей, как Митчелл поднялся мне на встречу.

– Алекс, может, подвезти тебя? – спросил он.

В моем сердце искрой пронеслась паника, но слова сорвались с губ раньше, чем я вообще подумал:

– Спасибо, но меня уже ждет такси, мистер Морган. Правда, спасибо.

Мой голос даже не дрогнул. Митч с легким подозрением посмотрел на меня, но через секунду на его лице снова засияла улыбка.

– Ну что ж, тогда до завтра. Передавай привет родителям.

Его рука дернулась, чтобы подняться и пожать мою, но я, сделав вид, что не заметил, обернулся к ребятам, махнув на прощание.

– Всем пока! – крикнул я и вылетел за дверь. Проигнорировав лифт, я промчался по лестнице, выскочил на улицу и сходу влетел в первое же такси.

Водитель возмутился, но я сунул в его руку сумму, раза в три больше той, которая должна была оплачивать поездку от офиса до дома, и он заткнулся. Только минут через десять я отдышался, и до меня медленно начало доходить, что произошло. А когда все же дошло, я рассмеялся в голос, заставив водителя недовольно посмотреть на меня в зеркало заднего вида.

Черт возьми, да у меня же появилась отличная возможность отвязаться от Моргана вне работы. Мой пес спасал меня даже сейчас. И я собирался на сегодняшней прогулке скормить ему целую шаурму.

***

К моему крайнему изумлению, Морган оказался отличным директором.

То есть, если бы у меня спросили, что он за человек, я бы непременно назвал его ублюдком. Но как директор фирмы он был силён, это я понял сразу же.

Конечно, Митчелл не перестал вызывать у меня приступы паники, когда находился слишком близко. И совершен-

но точно я ненавидел его всей душой. Но делать из-за этого ненавистной и свою работу, значило, что мне точно будет некуда спрятаться.

Пару дней он не подходил ко мне, только давал задания и передавал бумаги. Мы перекинулись всего несколькими фразами и то на рабочие темы. Но напряжение не отпускало меня: я прекрасно знал, что вскоре Митч вызовет меня на ковер. Даже Эмили удивлялась, почему босс не позвал меня на личную беседу, ведь я теперь являлся сотрудником его фирмы.

От девушки мне удалось отвертеться быстро: я сказал ей, что мы уже поговорили, только в более неформальной обстановке. В их офисе такие вещи были частыми, так что вопросов она мне больше не задавала.

Работа перестала быть моей отдушиной, как в первые недели, потому что я все время был настороже. Но она и не переставала мне нравится. Я разбирался в том, что я делал, у меня наметился новый клиент, и я понемногу начал готовиться к новому делу, искренне собираясь его выиграть. И возможно, я бы смог действительно забыть обо всем в привычном ритме жизни, если бы Митчелл Морган не был все время поблизости.

***

– Алекс! Зайди ко мне, пожалуйста.

Голос Митча неожиданно резанул слух, оторвав меня от планирования защитной речи. Коллеги, переглянувшись, на-

чали показывать мне большие пальцы с тупыми улыбками на лицах, и я, натянув улыбку, ответил им тем же.

Сердце, сделав кульбит, замерло на секунду, а потом застучало как бешеное. Дорога до кабинета Митча показалась неожиданно долгой. Кто-то из коллег подтолкнул меня, и я чуть не навернулся от неожиданности. Для ребят мое волнение выглядело совсем не так, они считали, что попасть в кабинет директора в рабочее время – это редкая возможность. Если бы они только знали...

Глубоко вдохнув, я стукнул в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел. Морган сидел за своим столом, нацепив очки на кончик носа, и внимательно вглядывался в бумаги. На его лбу пролегла морщинка, губы слегка подрагивали, беззвучно воспроизводя слова из документов в его руках.

Я медленно выдохнул.

– Садись.

Морган, не глядя на меня, кивнул на кресло напротив своего стола. Я не сдвинулся с места. Митч продолжал копаться в документах, не обращая на меня внимания, и я, потоптавшись на месте, все-таки подошел, опустившись в кресло.

– Итак, как тебе коллектив? Нормально тебя приняли? – равнодушно спросил он.

Я сглотнул, в горле пересохло с тех пор, как я оказался в кабинете.

– Д-да. Довольно хорошо, – выдавил я, глядя в точку чуть выше плеча Моргана.

– Как прошло первое дело? Я наслышан о проведенной тобой работе, но мне интересно знать, какие у тебя были чувства. Ты ведь впервые выступал в суде в качестве адвоката.

Я чуть нахмурился, бросив на мужчину косой взгляд. Казалось, он полностью сосредоточен на деле. Он не был похож ни на того человека, с которым мы сидели за одним столом во время чаепития, ни на человека, который причинил мне боль. Сейчас он был моим начальником, ни больше.

– Ну-у... – я растрепал волосы, задумавшись. – Было волнительно, но интересно. У нас была азартная битва аргументами с прокурором. Это занимательно.

Митч кивнул.

– А судьба парня тебя интересовала?

– Конечно! – воскликнул я и тут же понял, что соврал. – То есть... он же был моим клиентом. Я должен был сделать всё, чтобы его вытащить.

Взгляд Митча скользнул на мое лицо поверх очков.

– А если он действительно был виновен?

– Но он не был, – уверенно ответил я, снова нахмурившись.

– А если бы был, Алекс? Как бы ты поступил?

– Точно также, конечно, – не задумываясь, фыркнул я.

Почему-то я не подумал, на что именно пытается вывести меня Митч, к чему все эти вопросы. Я даже успел на мгновение забыть, с кем разговариваю: обсуждение рабочих моментов полностью сосредоточило меня на деле.

Морган усмехнулся, снова уставившись в документы.

– Верно. Ведь тебя нанимают для защиты, а не для установления справедливости. Я хочу, чтобы ты запомнил это чувство и работал на каждом заседании суда также, как на первом. Решать виновен человек или нет – задача судьи. Твоя задача – защищать не зависимо от того, знаешь ли ты о вине клиента.

– Но ведь...

Я осекся, задумавшись. Воображение тут же нарисовало ситуацию, где я бы был адвокатом серийного убийцы. Если бы я знал, что это действительно он, если бы воочию видел его деяния, то мне все равно предстояло бы сделать все, чтобы его оправдали. Или хотя бы смягчили приговор.

Это было профессионально правильно, об этом говорил сейчас Морган. И еще это было отвратительно.

– Моя команда берется за дела любой сложности. Мы никогда не отказываем клиентам, ни при каких обстоятельствах. И мы выигрываем, Алекс.

– Как адвокат дьявола, – вырвалось у меня.

Я сразу вспомнил этот фильм, ассоциация прошла мгновенно. Только вот Кевин там застрелился в конце².

У Митчелла вырвался смешок, он снова поднял на меня взгляд.

---

² «Адвокат Дьявола», фильм 1997 года, США, режиссер Тейлор Хэкфорд; прим. автора: По сюжету фильма главный герой в конце получил второй шанс, но Алекс забыл про это.

– Можешь считать так. Ты же не думал, что работа адвоката – занятие во имя справедливости, пока учился?

Я вздохнул. Вообще-то, именно так я и думал. У меня было право отказаться от защиты клиента при выяснении обстоятельств, ранее неизвестных. Но Морган мне сейчас говорил о том, что в его команде такого права нет.

– Вскоре тебе предстоит защищать виновного. Дело, над которым ты сейчас работаешь...

Я вскинулся. Дело было о домашнем насилии, но у моего клиента было алиби, я был уверен в его непричастности.

– Этот мужик действительно бил свою жену. Он виновен, Алекс. Но ты адвокат первоклассной фирмы. Ты должен его вытащить.

– Но откуда Вы...

– Я знаю эту женщину, – перебил меня Морган. Его глаза блестели за стеклами очков. – Скажем так, я знаю ее очень близко. И я был свидетелем того, в чем обвиняют ее мужа.

Я едва не подпрыгнул. Вот так новости!

– Но почему Вы тогда не сообщили в полицию? Почему не скажете сейчас, или хотя бы, выступите свидетелем в суде.

– Мне не платят за доносы. Я адвокат, Алекс. Ни меня, ни тебя не должно волновать, как было на самом деле. Ты должен выполнять свои обязанности, не задавая вопросов. И я жду от тебя отличной работы.

Он с усмешкой качнул головой, положив бумаги на стол. Я не знал, что сказать. Митчелл Морган определенно был

ублюдком, а теперь он пытался сделать ублюдка и из меня тоже.

– Это несправедливо, – пробормотал я. Митч фыркнул.

– Мир несправедлив. Иди работай, Алекс.

Я, покачивая головой, поднялся. Мне нужно было время, чтобы переварить этот разговор. Но когда я был уже у двери, Морган окликнул меня.

– Алекс, давай пройдемся после работы. Покажу тебе одно место.

– Нет, – не оборачиваясь, ответил я. – Мне нужно гулять с собакой.

Выскользнув из кабинета, я прикрыл дверь. Что ж, моя работа оказалась не такой уж радостной, как казалось сначала. Чертов Морган.

Глава 7

Суд состоялся через несколько дней после нашего с Митчем разговора. И я выиграл его: мужчину полностью оправдали, сразу же отпустив из-под стражи.

В этот раз я не испытал никакого ликования и триумфа. Мне было сложно даже составлять речь в защиту, и я попросил помощи у Джека. Всё-таки он работал с малолетками, это было в сотню раз сложнее. Адвокат выслушал меня внимательно, пожевал губами, а потом сказал: «Просто относись к каждому из них, как к несправедливо обиженному»

Я спросил у него, как быть с теми, которые действительно совершили преступление, и ты *знаешь* об этом, а не просто предполагаешь. Но Джек только усмехнулся: «Ты странный, Алекс. Нам платят большие деньги не за то, чтобы мы копались в чужом грязном белье, а за нашу работу. Тебе-то не все равно, виновен человек или нет?»

Вообще-то всё равно. Но пока это не касалось меня лично. А меня не покидало чувство, что, защищая преступника, я и сам становлюсь преступником.

Вот и сейчас я стоял в коридоре, наблюдая, как плачет женщина, чьего мужа только что оправдали. Мужик вышел к ней, притянув в объятия, совсем не замечая, что она сопротивляется. Он поцеловал ее в висок, сильно схватив за шею, а потом потянул на улицу, сжав ее локоть. Женщина вскрик-

нула, попытавшись вывернуться, но муж встряхнул ее, и они вышли из здания. Все, находящиеся здесь люди, видели эту картину. Но никто не подал виду.

Я думал о том, что ждет бедную женщину дома. И это была и моя вина тоже.

В окне у дверей я увидел Моргана. Он курил, глядя, как парочка спускается по лестнице и садится в машину. Мой ответчик грубо запихнул жену в тачку и, обернувшись, кивнул Митчу. Тот ответил ему тем же, а потом обернулся, поймав мой взгляд. Улыбнувшись, он сунул сигарету в зубы и, подняв руки, захолопал, одобрительно кивнув.

Я сплюнул прямо на пол и, отвернувшись, ушел оттуда. В душе поселилось мерзкое противное существо, которое расплодилось гнилью и вызывало тошноту.

***

– Алекс, не сходишь со мной на обед?

Я вздохнул, не отворачиваясь от ноутбука. У Митча появилась новая фишка, после того, как я пару раз сбежал от него после смены. Теперь он звал меня обедать.

– Извините, мистер Морган, работы много, – ровно ответил я.

Пока я не смотрел на своего босса, у меня даже получалось сохранять спокойствие в диалогах с ним.

– Если ты будешь голодать, то ни с какой работой справиться не сможешь, – возразил Митчелл.

У меня был готов ответ.

– У меня с собой, – усмехнулся я и поднял лежавший на столе контейнер с парой бутербродов.

На самом деле я не ел на работе. Я просто не мог, становилось как-то тошно. Мне вполне хватало пары тостов на завтрак и какой-нибудь гадости на ужин в парке, что стало уже привычкой у нас с Ричи. Но после того, как Морган начал усердно звать меня отобедать, я стал брать с собой бутерброды, чтобы в конце смены выбросить их в урну.

Задумавшись об этом, я на секунду потерял бдительность, за что и получил. Митчелл, неожиданно оказавшись сзади, прижался ко мне со спины и, наклонившись, сказал на ухо:

– Не бережешь ты себя, Алекс. На бутербродах далеко не уедешь.

Я не ответил. Мое тело оцепенело, руки, замершие над клавиатурой, мелко затряслись. Казалось, что даже мои внутренности протестуют против такого близкого контакта с этим ублюдком, и я всерьез подумал, что меня сейчас вывернет прямо на рабочий стол. Морган усмехнулся и слегка похлопал меня по плечу.

– Ладно, работяга, принесу тебе что-нибудь, – дружелюбно выдал он и отстранился.

Он спросил у ребят, кому что захватить, выдал очередную шутку из своего арсенала и ушел. А я так и сидел, невидящим взглядом сверля монитор. Очнулся я, только когда Эмили аккуратно потрясла меня. Вздрогнув, я перевел на нее взгляд. Она, видимо, уже не первый раз пыталась до ме-

ня достучаться.

– Алекс? Ты в порядке? Ты какой-то бледный, – с легким беспокойством протянула она, стараясь заглянуть мне в глаза.

Я выдавил из себя улыбку.

– Да все в порядке. Не выспался, наверное, или подхватил простуду, – пробормотал я.

Снова бросив взгляд на ноутбук, я вздохнул и, закрыв его, поднялся.

– Слушай, я домой, наверное, пойду. Передай мистеру Моргану, что мне нехорошо, ладно. Обещаю, отлежусь и завтра буду как огурчик, – почти нормальным голосом сказал я, улыбнувшись Эмили.

Девушка неуверенно повела плечом, а потом кивнула.

– Конечно, Алекс. Поправляйся.

Она улыбнулась и отошла от моего стола, а я, схватив сумку, пошел прочь из здания, старательно сдерживая себя, чтобы не перейти на бег. На сегодняшний день мой лимит общения с Митчеллом Морганом был израсходован.

Едва ли не прячась по кустам и за машинами, как сбежавший с уроков школьник, старательно обходя центральные улицы, на которых обычно обедал Митч, я поспешил домой. Было ли странным, что я знал, где мой босс любит есть? Я так не думаю. Во-первых, я хороший сотрудник, знающий интересы начальства. А во-вторых, врага надо знать в лицо. Гораздо проще избегать ублюдка, зная, где он обычно оши-

вается.

Только закрыв за собой дверь дома, я наконец вздохнул свободно. Родителей дома не было, они еще работали, что было мне на руку. Дольше бы пришлось объяснять, почему я так рано вернулся, при учете, что им было бы неинтересно.

Поступок и прикосновение Моргана задела меня куда больше, чем я мог бы предположить. Снова хотелось закрыться в ванной и тереть кожу, пока не пройдет это зудящее чувство. Собственно, этим я и собирался заняться.

Ричи, широко зевнув, поднял голову, когда я вошел в комнату. Обычно он не спал при моем возвращении, но он явно не ожидал увидеть меня дома в этот час. Махнув псу рукой, я скрылся в душе, старательно переключая мысли на то, что сегодня у нас с Ричи будет намного больше времени, чтобы погулять.

***

– Оставь мне немного! – возмутился я, заметив, как Ричи увлеченно грызет хотдог, собираясь полностью его проглотить.

Пес заворчал, но все же опустил голову, аккуратно положив оставшуюся жопку хлеба на пакет рядом со мной. Я рассмеялся.

– Спасибо, брат, что не даешь помереть мне с голоду.

Мы сидели с ним на лавочке недалеко от ворот парка. Мужчина, что торговал фастфудом в фургончике, уже здоровался с нами, предлагая то, что мы еще не пробовали, или

то, что мы брали чаще всего. Обращался он преимущественно к Ричи: когда продавец произносил блюдо, которое бы сегодня хотел отведать мой друг, Рич выдавал тихий благодарный «гав», и наш выбор был сделан.

Дядька не переставал удивляться умному псу, и каждый раз развлекался, как мог, выдавая что-то новенькое.

Сегодняшний «гав» остановил нас на хотдогах, и я взял четыре штуки. Правда, Ричи поделил их по-своему, и теперь с непониманием смотрел на меня, безмолвно вопрошая, зачем мне понадобилась хлебная корка от третьего, поглощенного им, хотдога.

Я, закатив глаза, взял кусок булки и кинул обратно лабрадору. Однако пес, аккуратно поймав его зубами, вернул угощение на мои колени. Еще и обиделся, что я не принимаю его широкие жесты, отвернувшись от меня. Я со смехом прожевал булку и обнял собаку.

– Да съел я, съел, видишь?

Я показал Ричи пустые руки, и он, понюхав каждую, лизнул меня в нос. Вырвавшись, он удрал на площадку, и я поспешил за ним. Вскоре детей разобрали родители, и мы полноценно захватили детский городок.

Я сидел на качели, наблюдая как этот дурак катается на своей любимой горке, иногда сдуру врезаясь в перила. Я был настолько увлечен этим зрелищем, что не обратил внимания, когда на соседнюю качель кто-то опустился. Да и мало ли кому захотелось покататься. Ричи снова скатился, кувыркнув-

шпись в конце, и, тут же вскочив на лапы, помчался к лесенке. Я засмеялся, прикрыв глаза рукой.

– Так вот где ты проводишь вечера, Алекс.

Я шарахнулся в сторону, едва не свалившись с качелей. Железные балки глухо загудели, задрожав. Митчелл Морган, с усмешкой на губах, покачивался рядом со мной.

Преодолев резкое желание потереть глаза, чтобы проверить свое зрение на вменяемость, я тряхнул головой. Нет уж, сволочь, ты не запугаешь меня на детской площадке центрального парка. У тебя на это и так есть целый рабочий день.

– Что ты здесь делаешь? – довольно грубо спросил я, отвернувшись от него, но продолжая наблюдать краем глаза.

Митч хмыкнул.

– Как это? Мой сотрудник ушел с обеда с жалобой на плохое самочувствие. Что я за босс такой, если не удосужусь, что все в порядке?

«И что же ты, скотина, не пришел меня проведать после выпускного, интересно?»

– Я не об этом спросил. Я спросил, что ты *здесь* делаешь? – я снова уставился на него, нахмурившись.

Конечно, моя бравада была напускной: я боялся Митча до звона в ушах. Но показывать этого я не хотел, и мой страх вырывался наружу грубостью и злобой.

– Зашел к тебе домой, спросил у родителей, – он пожал плечами с самым невозмутимым видом. Я фыркнул. Мог бы

придумать что-нибудь более правдоподобное.

– Мои родители понятия не имеют, где я и что со мной, Митч. Я быстрее поверю, что тебе пришло сообщение со спутника, чем в это.

Морган закатил глаза.

– О, ну значит Эмили мне сказала, она живет неподалеку, – отмахнулся он.

Снова прокол.

– Эмили живет на другом конце города, – склонив голову набок, парировал я. – Она каждое утро жалуется, что ей приходится вставать посреди ночи, чтобы успеть добраться до офиса.

Митчелл вздохнул и снова внимательно посмотрел на меня.

– А ты уверен, что хочешь знать правду, Алекс? Может быть нам лучше сойтись на версии со спутником?

Я отвернулся. Я понятия не имел, хотел ли я знать, что Морган следит за мной. Это было уже и так очевидно. Ричи, сев рядом с горкой, почесал лапой ухо, и я улыбнулся.

– Так значит, это и есть твой пес? Славный. Как зовут? – оперевшись локтями о колени, спросил Морган, глядя на лабрадора.

– Ричард, – нехотя выдавил я, не оборачиваясь. Митч снова хмыкнул.

– Прекрасное имя для такой собаки. Ты выбирал или твоя, помешанная на торжественности, мать? – бесполезно, Мор-

ган, ты не заденешь меня моими родителями. – Так вот, значит, на кого ты меня променял, – в его голос скользнуло веселье. – А я все думаю, как же вытянуть тебя отметить твоё зачисление в штат и два выигранных дела.

Меня передернуло, и я кожей почувствовал удовлетворение Митча моей реакцией.

– Я не собираюсь отмечать с тобой что-либо и, тем более пить. Никогда, – процедил я, сжав зубы. Митчелл хохотнул.

– Почему это? Мы бы отлично провели время.

– Ты совсем спятил?!

Я резко обернулся к нему. Думаю, если бы взглядом можно было убить, то Морган валялся бы уже на земле. К сожалению, я не был ни Суперменом, ни Медузой Горгоной. Хотел испепелить монстра взглядом, но лишь разжег в нём нездоровое любопытство.

– Нет. Я абсолютно серьезно. Что плохого в том, чтобы провести прекрасный вечер в прекрасной компании? Как насчет... я, ты и твоя чудесная задница, малыш?

Его глаза заблестели, но понять от смеха или от похоти было невозможно. Только я и не хотел разбираться. Спрыгнув с качели, я отпрянул, собираясь крикнуть в морду этого ублюдка, чтобы проваливал, но Морган оказался на редкость прытким. Соскочив за мной следом, он поймал меня за руку, до боли сжав запястье.

– Я бы на твоём месте не убегал, малыш, – протянул он.

Я попытался его ударить свободной рукой, но он легко её

перехватил. Во мне начала подниматься паника, перед глазами замелькали воспоминания из той роковой ночи.

Но ни Морган, ни я больше не успели ничего сделать: неожиданно рядом с нами послышался злой собачий рык. Митч посмотрел за мое плечо слегка опешившим взглядом. Рычание усилилось, я ногой почувствовал такое родное тепло. Морган медленно разжал пальцы и также медленно отступил назад.

– Хоро-о-о-оший песик... – протянул он тихим голосом, но Ричи вдруг рывкнул на него (даже не гавкнул, а именно рывкнул) так, что мужчина вздрогнул.

Я, моргнув, опустил руки, которые так и держал на весу, и посмотрел на своего пса. Его шерсть стояла дыбом, мне казалось, что сейчас из спины полезут шипы. С оскаленной пасти срывалась пена. Он был как пружина, вот-вот готовая сорваться. Никогда в жизни я не видел его таким, даже в тот единственный раз, когда он рычал на пьяного.

– Алекс, убери своего пса, – также тихо попросил Митч.

Но я успел услышать в его голосе страх. Это здорово отрезвило меня. Я посмотрел на него, и мой собственный страх улетучился. Я опустил пальцы на загривок Ричи, меня наполнила уверенность и... злорадство.

– Зачем? Ты же сказал, что он славный? – я улыбнулся, продолжая почесывать шерсть Ричи.

Морган отступил еще на шаг, а пес опустил голову, словно собирался кинуться на него, и Митч слегка присел.

– Тебе никогда не говорили, что не стоит доставать хозяйина на глазах у собаки, а, Митч? – да ладно, я сам не ожидал. – Валил бы ты отсюда.

Я присел рядом с Ричи, обняв его за шею. Морган, выставив перед собой руки, начал пятиться. Он хотел еще что-то сказать напоследок, может быть что-то вроде: «Увидимся на работе», но передумал. И правильно сделал, я едва удерживал своего пса. Отойдя подальше, он развернулся и быстро пошел прочь. Я подозревал, что Митч сдерживается, чтобы не побежать.

Когда он скрылся за поворотом, Ричи тряхнул головой, облизал нос, а потом, повернув голову, облизал и мое ухо. А я, открыв рот, все смотрел на поворот, за которым исчез мой начальник, и упивался странным чувством победы.

Ричи, не дождавшись похвалы, боднул меня, и я уселся на траву, не удержав равновесия.

– Ричи! Ты молодец, Ричи, просто умница, – улыбнулся я, потрепав пса по голове, а потом упал на траву, рассмеявшись.

Лабрадор задорно гавкнул и начал скакать вокруг меня. А я все смеялся и не мог остановиться. Это было потрясающее чувство, словно я вернул что-то, отнятое у меня этим уродом. Чудовище, преследовавшее меня в кошмарах, сбежало, поджав хвост, от моей собаки. И пусть это звучало банально, но эту битву я выиграл.

Если бы я знал, что будет дальше, я бы отпустил своего

пса, чтобы он загрыз ублюдка насмерть.

***

– Алекс!

– Извините, мистер Морган, у меня встреча с клиентом!

Я промчался мимо Митча, подхватив со стола Эмили пирожное. Сунув его в рот, я обернулся, махнув рукой коллегам, и скрылся за дверь.

– Он отличный сотрудник, мистер Морган, – протянула Эмили, подперев руками голову, глядя мне вслед.

Митчелл фыркнул и молча ушел в свой кабинет, хлопнув дверь.

После встречи в парке Морган не появился в офисе. Пришел он только через день: нервный, дерганый и неразговорчивый. Среди ребят сразу же поползли слухи: они обсуждали, какая баба не дала нашему обаятельному начальнику. А я сидел за столом и улыбался, глядя в монитор.

Попытки босса затащить меня на обед стали более жесткими, к тому же он то и дело вызывал меня в кабинет. К счастью, мне подвернулось сложное дело, и я был занят с утра до вечера. Моё сердце пело от чувства, пусть маленькой, но всё же мести.

Правда, счастье не могло длиться вечно, и Морган все-таки поймал меня в один день.

– Ты правда думаешь, что отвязался от меня, Алекс? – прошипел мне в лицо Митч, прижав меня к стенке офисного туалета.

Я сглотнул, но выдавил из себя нахальную улыбку.

– Я не понимаю, о чем Вы, мистер Морган. Если Вы о моем новом деле, то все продвигается отлично. Думаю, я смогу вытащить нашего клиента, – как ни в чем ни бывало протянул я.

Лицо Митча побагровело, я уже начал опасаться, что он ударит меня прямо здесь, среди рабочего дня. Но в туалет пришел кто-то из ребят, и он отступил. Я, воспользовавшись возможностью, ускользнул на консультацию к клиенту. И больше в туалет без парней я не ходил. Пусть это выглядело по-бабски, да и черт с ним.

Когда мы с Ричи выходили в парк вечером, я еще пару раз видел знакомую фигуру вдалеке, но больше Морган не подходил – боялся.

Митчелл больше не контролировал ситуацию полностью, и его это дико бесило. А я ликовал. То есть ситуация оставалась такой же дерьмовой: мне так и приходилось работать на него на его условиях, приходилось терпеть его присутствие каждый день и всякий раз вздрагивать, стоило ему оказаться ко мне ближе, чем я мог позволить.

Но тем не менее, все неумовимо изменилось. Я чувствовал это, как и Митч. И я мог с этим жить вполне комфортно, насколько это было возможно в моей ситуации. Если бы не одна небольшая проблема, вылезшая вдруг на горизонте.

Корпоратив.

***

– Алекс, ты обязан пойти!

– К тому же, ты еще не проставился за первый выигрыш, это почти преступление.

Стоило мне отказаться от этого мероприятия, как коллеги обступили меня со всех сторон. В этот момент они казались мне даже хуже Моргана.

– Брось, Алекс, будет весело. Просто рабочий междусобойчик: еда, выпивка, танцы, – Эмили засмеялась, и остальные подхватили ее смех.

Я закатил глаза. Тягу к вечеринкам у меня раз и навсегда отбили. Я бы мог даже пальцем показать, кто именно, только они загородили дверь кабинета директора.

– Эми, я не люблю такие мероприятия, – вздохнув, попытался я остудить девушку. Она только фыркнула.

– И я не люблю. И Джек терпеть не может. А Эван вообще социофоб, правда, Эван?

Эван энергично закивал. Я подумал, что у него защемит шею завтра.

– Тем более, Ал, это важно для престижа фирмы. Мы ведь лучшие и должны быть лучшими, – с важным видом протянул Дэниел, адвокат по вопросам налоговых.

Я издал протяжный стон, запрокинув голову. Прекрасно понимая, что эти пиявки не отвяжутся, пока я не соглашусь, я все же бодался до последнего. Но они и так уже сидели надо мной последнюю неделю.

– Если я там не появлюсь, ничего не изменится. К тому же, я новенький. Всем будет все равно, пришел я или нет, – в очередной раз предпринял попытку я.

Лили, наш бухгалтер, едва не упала с моего стола, на котором сидела.

– Ты с ума сошел! Наоборот, новые люди – лицо фирмы! Они считают, что мы уже куплены, а ты, как новенький, можешь им сказать, что фирма действительно классная! Алекс!

Я потерял виски и вздохнул. Я знал, что этот праздник дерьмово закончится, но эти сволочи даже здесь подрывали мою уверенность. «И так все дерьмово. Что может стать хуже, если ты немного повеселишься?», – шептал мне внутренний голос, на который действовали их убеждения.

А с другой стороны, я знал, что может быть хуже. Нутром чувствовал. И я ощущал себя, как человек с ангелом и демоном на плечах. Стало быть, психом.

Однако, проблема решилась очень просто, плохо, что не в мою пользу.

– Что за собрание у вас тут? Работать кто-нибудь собирается?

Хмурый голос дерганного директора фирмы прервал наш спор. Ребята тут же вскочили на ноги, а я уткнулся в ноутбук с наигранной заинтересованностью.

– Мистер Морган, мы насчет корпоратива говорили, – осторожно начала Лили, но Митч прервал ее жестом.

– Эти вопросы обсуждаются в перерывах или во внерабо-

чее время, – отрезал он.

Коллеги переглянулись, уже готовые рассосаться по своим местам, но Эмили, как вечная выскочка и личная секретарша Моргана, не смогла промолчать.

– Но, мистер Морган, у нас тут не все идти хотят. А ведь престиж фирмы проявляется и на совместных праздниках. Мы просто беспокоились, что о нас не так подумают, вот и решили обсудить нюансы мероприятия. Думали, поговорить с нашими «нехочухами» и...

Боже, иногда она бывала несносна. Видимо, Митчелл Морган думал также, потому что, остановив ее взмахом руки, он сжал пальцами переносицу.

– Ты действуешь мне на нервы, Эмили. Так, все идут на этот корпоратив, ясно? – он скользнул по мне взглядом, что я заметил в отражении экрана. – Считайте это устным распоряжением. Иначе урежу премию. А теперь бегом за работу! – чуть повысил голос он.

Коллеги разбежались по своим местам, Эмили, похлопав меня по плечу, упорхнула в сторону кофейника. Она была вполне довольна собой. Митчелл еще с минуту постоял рядом, сверля меня взглядом, я это чувствовал. Но я не обернулся, задорно стуча по клавишам, и он, наконец, скрылся в своем кабинете.

Едва за ним закрылась дверь, я откинулся на спинку кресла, тяжело вздохнув. Ох и поганая была идея. Но теперь у меня не было выбора, моя премия у этого урода измерялась в

другой валюте. Он ждал от меня отличной работы, что включало в себя следование всем распоряжениям, включая и это. А значит, теперь было не отвертеться.

Спасибо тебе, Эмили.

***

Громкая музыка вызывала головную боль. Тела, сливающиеся в экстазе танцев в дико мелькающей светомузыке, вызывали приступы тошноты. А еще эти полуголые девицы, обливающие свои сиськи джином, виски или текилой, и с противным смехом дающие мужикам облизывать это безобразие.

Я этого не понимал. Что ж, должен признать, что я был самым странным человеком на этой вечеринке. Но никто и не говорил, что корпоратив будет проходить в клубе.

Нет, сначала все было цивилизно: мы встретились в торжественной обстановке зала суда, расселись за стол. Подобно стариковским замашкам мы еще обменивались тостами, чокаясь бокалами после каждого.

Первые пару часов все обсуждали работу, и я охотно влился в этот разговор. Тем более Морган сидел от меня через стол, занятый беседой с судьей, и меня это вполне устраивало. Через два часа разговоры, контролируемые количеством выпитого алкоголя, плавно сместились на обсуждение последних сплетен. А сплетни в конце концов пришли к финальному развитию разговоров любой пьяной посиделки: кто с кем трахается.

Я болтал в руке свой первый и единственный бокал вина, краем уха прислушиваясь к трёпу коллег. Я уже вполне напраздновался и продумывал план, как свалить домой, когда в свободный ход времени Вселенной снова вмешалась Эмили. Гениальная идея поехать в гадюшник, в народе называющийся клубом, понравилась всем присутствующим юристам.

Забрав с собой только недопитое вино, эта, накаченная своим профессионализмом, толпа двинула в ближайший отстойник, дабы забыть свои проблемы и проф. деформацию в парах алкоголя и того окружения, которую всю мою жизнь называли недостойным нашего уровня.

Проститутки да наркоманы.

Естественно, у меня не было ни единого шанса отвязаться: на мне тут же повисла вездесущая Эмили, по другую руку которой вышагивал Морган. Трезво рассудив, что стоит мне сейчас свалить, и Митч попрется за мной следом в своем довольно хмельном состоянии, я решил остаться. От греха подальше.

Пропустили нас без очереди, еще бы. Ни один охранник не устоит, когда нахлынувшая толпа местной аристократии наваливается на тебя, сунув в руки сумму, на которую можно купить квартирку в центре города.

И теперь я боролся с приступами морской болезни и общей непереносимости мира, стоя за колонкой. Своих я давно потерял в этой богомерзкой вакханалии, чужие у меня вызывали резкое отвращение. Поэтому я прятался от людей,

как воробушек-социофобушек, и думал о том, что так просто родительское воспитание из меня не выбить.

– А-а-ик-лекс, – пьяно выдали рядом, и я обернулся.

Ко мне за колонку пробрался Джек. Хотя правильнее было бы сказать: «прополз», но он все же стоял на двух ногах. Как он меня нашел, осталось загадкой, но ведь нашел. Во мне проснулось нездоровое любопытство.

– Джек, а ты тут со своими клиентами случайно не встречаешься? – слегка ядовито спросил я, но парень даже не заметил.

Пьяно улыбнувшись, он обнял меня за шею и ткнул пальцем куда-то в толпу.

– Видишь, вон та сладкая цыпочка. Ее я защищал год назад. Наркоту она так и не бросила, но какая тигрица в постели, эх, ты представить себе не можешь.

Я поморщился. Цыпочку я не видел, но мне хватило и слов. И я был уверен, что наркоманка-малолетка вряд ли платила Джеку за свою защиту купюрами.

– Она сейчас-то уже совершеннолетняя? – не слишком надеясь на положительный ответ, спросил я.

Джек задумался, покачнувшись, а потом пожал плечами.

– А черт ее знает. Черт их всех знает. Вон, глянь на ту сучку. Нет, не на эту курицу, на парня у колонны, видишь?

Меня что-то затошнило. Проследив за пальцем Джека, я нашел взглядом парнишку лет пятнадцати с черными грязными волосами, падающими на лицо. Я недоверчиво поко-

сился на мужчину.

– Ты хочешь сказать... что и с ним тоже?..

Адвокат оскорбленно фыркнул, забрызгав слюной мне лицо.

– И с ним. И вон с той шлюшкой, ха, я, кстати, по этому делу ее и отмазывал. И вон с тем мальчиком, видишь, ему на вид лет одиннадцать, но на самом деле четырнадцать. И еще... Алекс, ты куда?

Он окликнул меня еще пару раз, но я, не оглядываясь, протискивался сквозь толпу подальше от своего коллеги. Нет, я не думал, что в нашей деятельности всё чисто и гладко, хотя и старался в это верить. Но, черт возьми, я не ожидал, что Джек, эталон спокойствия и радушия, муж и отец троих детей, спит с малолетками, которых защищает в суде по делам, далеким от приличных.

Добравшись до ближайшей стены, я пошел вдоль нее, надеясь добраться до выхода, но неожиданно увидел Лили. Наша милостивая блондинка целовалась за столом с каким-то мужланом, с татушками по всему телу. По крайней мере, весь его оголенный торс был украшен рисунками. Он лапал ее, сунув руку под легкую кофточку, а она вылизывала его шею, словно собиралась сожрать прямо здесь.

Тряхнув головой, я отвел взгляд. Эмили говорила мне, что они коллективом часто отмечают праздники, да и просто собираются по разным поводам. Если каждое празднование проходило вот так, то я не желал знать эти поганые, грязные

вещи о своих коллегах. Было мерзко. Было противно.

Снова хотелось блевать.

Наконец, я вырвался из шумного зала, музыка и мелькающие огни которого сводили меня с ума. Здесь музыка была приглушенной, но даже это спасало меня от помешательства. Следуя указателям, я почти доплелся до выхода, как передо мной открылась картина, которую я меньше всего хотел застать.

У дверей туалетов я увидел Моргана. Он прижимал к стене какую-то девушку, грубо сжимая ее грудь, залезая руками под юбку и яростно двигая рукой. О, я прекрасно знал, что я видел. Грязный секс посреди коридора.

Но вот Митч наклонил голову, и я увидел искаженное гримасой удовольствия лицо Эмили.

В общем, что такого я увидел? Роман между начальником и секретаршей был вещь банальной, обсосанной со всех концов, описанной в книгах и фильмах. Я, возможно, даже не удивился бы этой сцене. Если бы всё это не было так мерзко: посреди средней поганости клуба, у дверей сортиров, в окружении целого притона, начальник крупной адвокатской компании натирал свою секретаршу.

Видимо, я был слишком не готов увидеть эту грязь.

Эмили была хорошей девушкой, я неплохо ладил с ней. Впрочем, как и с Лили, и с Джеком. Тошнота усилилась. Я только был благодарен, что не встретил других своих коллег.

Я попытался незаметно проскочить мимо, желая забыть

то, что только что видел, но не успел. Короткий вздох Эмили, произнесшей мое имя, и цепкая рука Митча, вцепившаяся в мою рубашку, не дали мне сбежать.

– О, Ал, ты хочешь к нам присоединиться? – совершенно пьяным голосом спросила Эмили и раздвинула полы своей блузки, выставляя напоказ голую грудь.

Я выпучил глаза, а Митч, оттолкнув девушку, затолкал меня в мужской туалет. Эмили воскликнула, но он захлопнул дверь перед ее носом и обернулся ко мне.

И вот тогда мне стало по-настоящему страшно. Оказалось, что весь свой страх, который я испытывал в присутствии Моргана, был жалким отголоском того, что я чувствовал сейчас.

Он был пьян, но его глаза были ясными. И в них горела злость вперемешку с похотью. Внезапно я понял, что попался. Тогда Морган изнасиловал меня для собственной выгоды, с целью шантажа и манипулирования. А теперь он был зол. И за ту сцену с Ричи, и за то, что я динамил его всё это время. Да еще и выставил его дураком.

И я очень сомневался, что он меня не убьет, утопив в унитазе.

Адреналин ударил в голову с силой молнии, я рванулся вперед и вбок, пытаюсь обманным маневром проскочить между Морганом и кабинками. Но поскользнулся и упал прямо в руки этого монстра. Митчелл схватил меня за широт и швырнул в глубь туалета. Я влетел спиной в ракови-

ну и со стоном свалился на пол. Мне даже показалось, что я услышал хруст позвоночника. Но боли я не почувствовал.

– Ты че, сучонок, думал, сбежишь от меня? – прошипел Морган и, оказавшись рядом в два шага, поднял меня над полом, вцепившись в одежду. – Ты думал, раз у тебя есть гребаная псина, ты можешь спокойно гулять по улицам? Тогда ты ошибся, маленький ублюдок!

Я попытался ударить его по лицу, но он, увернувшись, схватил меня за шею. Я захрипел, пытаюсь схватить ртом хоть немного воздуха. Митч потрянул меня, и я ударился затылком о кафель.

– Я всегда получаю, чего хочу. А хочу я тебя. Запомни, мальчишка, ты мой и принадлежишь мне!

Его рычание сорвалось в задушенный крик. Чуть отступив, он рванул мою рубашку, пуговицы застучали по полу. Он резко провел ногтями по моей пояснице, и я выгнулся, глухо зашипев. Голова кружилась от удара, но я отчетливо уловил момент, когда пальцы Митча сжались на моей заднице, просунувшись через пояс брюк.

Матерясь сквозь зубы, он рванул мой ремень пару раз, а потом вытащив из-за пояса нож, разрезал его одним движением. Я хрипло вскрикнул, увидев лезвие, и оно тут же прижалось к моей щеке.

– Молчи, гаденыш, а то я зарежу тебя! Зарежу, слышишь, прямо тут, и искупаюсь в твоей крови, – шипел Морган.

Я замер, а он, опустив руку, быстрым движением распорол

мою ширинку, снова приставив лезвие к моему лицу.

Я был готов заорать. Я был готов умереть, лишь бы не произошло то, что должно было произойти. Но внезапно на Митча кто-то налетел сзади.

Морган навалился на меня, оцарапав кожу на щеке, и резко обернулся.

– Митчи, ну куда ты ушел? Я ведь ждала тебя так долго! – плаксиво пожаловалась Эмили.

Она осела на пол, обняв его ногу, расстёгнутая блузка болталась на ее плечах. Морган попытался поднять ее на ноги, но не удержав равновесия и не рассчитав силу хватки девушки, навалился на нее. Нож, выпав из его руки, проскользил по полу, закатившись за одну из кабинок.

– Сука! Ты не видишь, что я занят?! Это мужской туалет, тупая ты корова, какого черта?!

– Ну Митчи-и-и, я соску-у-у-училась!

Морган пытался подняться, но Эмили повисла на нём балластом, не отпуская. Больше я смотреть не собирался.

Перепрыгнув через сплетенные тела, я вывалился из туалета и понесся к выходу. В ушах свистел ветер и бешено билось сердце, охранник на выходе, в которого я врезался со всей дури, посмотрел на меня ошалевшим шокированным взглядом. Но я, не обращая внимания, мчался дальше.

Влетев в первое попавшееся такси, я дрожащими руками полез в карман за деньгами, как водитель, обернувшись, гаркнул мне в лицо:

– А ну пошел из моей машины, поганая проститутка, а то я полицию вызову! Понаплодили уродов, тьфу! Че вылупился? Проваливай!

Я едва не бросился на него с кулаками, но, сдержавшись, вывалился из машины и пустился по улице.

Я снова несся так, словно за мной гнались все черти ада. И в моей голове не было мыслей, кроме одной: я ненавижу Митчелла Моргана. Конечно, я и до этого его ненавидел.

Но сейчас я желал ему **смерти**.

Глава 8

Выходные я провел, запершись в комнате. Ричи, не дождавшись прогулки, недовольно фырча, помочился в ванну. Когда я не вышел и субботним вечером, пес притащил откуда-то пакет чипсов, и мы сжевали его напололам.

К вечеру воскресенья я всё же выполз вниз: надо было добраться до холодильника в конце концов. Если я сам мог еще один день поголодать, то Ричи нужно было что-то достать, так я думал.

Пока мы крались по лестнице, я понял, что родителей нет дома. Может быть они легли спать раньше, но это было маловероятным. Скорее всего, либо работа, либо... работа. Глупо полагать, что мои предки ускакали в ресторан.

Не включая свет, я распахнул дверцу холодильника и посмотрел на пса. Ричи нетерпеливо улыбнулся, вывалив язык, и я улыбнулся в ответ. В следующую секунду мы накинулись на еду, словно варвары, уминая всё, что вываливалось в руки.

Впихнув в себя полкастрюли супа и целый мясной рулет, я прислонился к столешнице. Порез на щеке тянуло, но я старательно делал вид, что его не существует. Покачивая в руке бутылку молока, я смотрел, как Ричи уничтожает остатки стейка. Он достал его вместе с тарелкой и теперь, будучи интеллигентом, аккуратно ел мясо. Разве что ножом с вилкой

не пользовался.

Я тихо засмеялся, сделав глоток, и поперхнулся, услышав тихое рычание. Ричи, вылизав тарелку дочиста, рычал на окно, опустив к полу голову. Я проследил за его взглядом, снова посмотрел на пса и сглотнул. К сожалению, или к счастью, но я знал того единственного человека, на которого он мог так реагировать.

Поставив бутылку на край столешницы, я медленно подошел к окну и, всего на пару миллиметров сдвинув штору, осторожно выглянул наружу.

И не ошибся.

Чертов Морган стоял у нашего газона (мамина гордость) рядом со своей машиной и курил, глядя на окна моего дома.

Я резко отстранился, прижавшись спиной к стене. Дыхание участилось, сердце снова заколотилось как бешеное. Побегав глазами по полу, я внезапно даже для себя бросился к двери. Заперев все цепочки и проверив остальные замки, я подпер дверь стулом и, пригибаясь, бросился к лестнице. В этот момент меня совсем не заботило, как родители попадут домой. Если честно, я о них даже не вспомнил.

Мы же жили как соседи в общеаге, а в общеаге есть правило: кто приперся после полуночи – ночует на улице.

Оказавшись в комнате, я захлопнул дверь, передвинул к ней комод, а сам заперся в уборной. Ричи уже сидел в ванной, и я, недолго думая, залез к нему, задернув шторку. Конечно, это бы меня не спасло, но я руководствовался лишь

импульсом. В голове гроыхал набат, очень хотелось найти чертову баночку с антидепрессантами и отключиться. Но таблеток у меня не было, зато был пес. Обняв его, я спрятал лицо в его шерсти, стараясь выровнять дыхание. Я задыхался, хрипел, почти теряя сознание.

Воспаленный разум воспроизводил звуки крадущихся шагов по лестнице, скрип половиц, тихий удар двери о стену. Мне казалось, что я схожу с ума. Я потерял счет времени, забывшись в собственном помешательстве.

В чувство меня привело что-то мягкое, теплое и влажное, коснувшееся лица. С трудом открыв глаза, я сначала не понимал, где нахожусь, и что произошло. Я лежал в своей ванной, а на мне лежала тяжелая туша довольного жизнью Ричи. Он вывалил язык, снова лизнув меня в нос, и я отмахнулся, попытавшись отодвинуть его.

Пес легко поднялся и выпрыгнул из ванны, сдвинув шторку. Я уселся, глядя на него, и, сморщившись от боли, потер поясницу. Спина болела, впрочем, болело всё тело. Кое-как выбравшись, я открыл дверь, с удивлением обнаружив, что на улице утро.

Застыв на пороге, я растрепал волосы. Видимо меня все-таки вырубил, но беспокойное сознание сработало как-то иначе. Потому что мне казалось, что прошло всего несколько минут.

Тряхнув головой, я подошел к окну и аккуратно выглянул. На улице никого не было, не считая пары соседей, плетущих-

ся на работу. Я закрыл глаза и, глубоко вздохнув, медленно выдохнул, считая про себя до десяти.

Чертов Морган сводил меня с ума, и у него это крайне успешно получалось.

***

Наскоро умывшись и позавтракав, я собрался на работу. Как оказалось, родители дома так и не появились. Возможно, у них был завал, но мне было все равно.

По дороге я пытался воспроизвести в памяти ночную сцену нашей трапезы и появления Митча. Сейчас, при свете дня, я уже начал сомневаться, был ли действительно Морган рядом с моим домом, или это была злая шутка сознания, спровоцированная голодом, нервами и недосыпом.

К тому же, я задавался вопросом, какого черта вообще прусь на работу. Гораздо проще, а возможно и правильнее, было бы прикинуться больным. Хотя бы день, чтобы привести мысли в порядок.

Но, во-первых, я не думал, что мне это поможет. Проходили.

А во-вторых, сейчас произошедшее пугало не больше, чем полузабытый ночной кошмар.

Я даже не был уверен, было ли это на самом деле, черт возьми.

Я остановился посреди улицы как вкопанный, уперевшись взглядом себе под ноги. В самом деле, не псих же я. Обеими руками зарывшись в волосы, я с силой дернул. Не помогло.

Тихо зарывчав, я отвесил себе пощечину, едва не наворачнувшись от собственного удара. Да уж, себя я не жалел.

Стало немного легче. Вздохнув и покачав головой, я поднял голову и столкнулся взглядом с десятком глаз людей на улице, пялившихся на меня. На их лицах были написаны все оттенки чувств: недовольство, шок, смех, сочувствие, скепсис, страх.

«Прекрасно. Нет, я определенно чокнутый»

Опустив глаза, я чуть ли не бегом бросился по дороге прочь оттуда. Теперь я знал, зачем мне на работу. Мне срочно нужно было увидеть Моргана и спросить, что он забыл в такое время у моего дома. Я должен был знать.

Должен был знать, что я не спятил.

***

– Алекс? Ты что здесь делаешь?

Вот так приветствие. Я только влетел в офис, направляясь прямо в кабинет Митча, но дорогу мне перегородила Эмили.

– Вообще-то я здесь работаю, – огрызнулся я.

Не очень дружелюбно, но у меня не было настроения вести светские беседы. Эмили заглянула в блокнот и снова перевела на меня взгляд. Меня накрыло раздражением: девушка на секунду возродила в моей памяти образ матери. Но разразиться потоком брани я не успел.

– У тебя же суд сегодня. Ты что, забыл?

Я резко выпрямился. Меня словно по голове огрели дубиной. Естественно, я забыл: какой тут суд, когда в голове

такая каша. С моих губ уже почти сорвалась просьба, чтобы меня заменили, но тело само собой двинуло к моему столу. Схватив со стола бумаги, я вылетел из здания, мчась к суду. Двигаясь на чистом автомате, я не имел ни малейшего понятия, какого черта делаю.

Успел я как раз вовремя. С трудом выровняв дыхание, я поправил галстук, поздоровался с прокурором и своим подзащитным и уселся на место.

Началось заседание, и я слушал истца, делая пометки в своих бумагах. Представил своего ответчика. Все шло так, как и должно было, я занимался привычным делом, сосредоточившись на нем.

Минут через 30 в зал пригласили свидетеля, и я обернулся на секунду. Но этой секунды хватило, чтобы мой взгляд, случайно брошенный за закрывающуюся дверь, поймал за ней знакомый силуэт.

Чертов Морган.

И всё: с этой самой секунды я перестал улавливать суть происходящего. Мне приходилось переспрашивать судью и прокурора, потому что я не понимал, какие вопросы они задают. Мой ответчик бросал на меня тревожные взгляды, как собственно и юристы.

Но, несмотря на это, дело я выиграл. Не знаю, кого мне благодарить за это: родителей, которые не слезали с моего «становления первоклассным адвокатом» многие годы, преподавателей, вложивших в мою голову умные речи, или бес-

численное число занудных снобов, с которыми я так много общался на ненавистных мной встречах. После окончания суда я еще послушал взволнованного моим состоянием прокурора, который весьма тонко подметил, что пусть я и блестящий адвокат, но за своим здоровьем надо следить. Я с трудом дослушал его до конца, и, наскоро поблагодарив за заботу, снова устремился в офис. Вряд ли Митчелл оставался бы здесь до конца заседания. А был ли он здесь вообще?

Я представил, что Эмили мне заявит по возвращению, что Морган свалил на другой конец планеты еще субботним утром, окончательно подписав мне диагноз, и снова перешел на бег.

Никогда бы не подумал, что буду так сильно желать увидеть ненавистное мне лицо.

***

К моему огромному облегчению, Митчелл оказался на месте. Сидел в своем офисе, лениво перебирая бумаги, и разговаривал с кем-то по телефону.

Я нашел взглядом Эмили и устремился к ней. Девушка ослепительно улыбнулась мне. Боги, либо эта оторва совершенно не помнит, чем закончился корпоратив, либо имеет такое вопиющее бесстыдство, что становится даже завидно.

– Эмили. Привет, – кивнул я, подойдя.

– Привет, Алекс. Как провел выходные? Как суд? Все прошло отлично, верно же? – как ни в чем ни бывало.

Я окинул взглядом офис, перехватил пару кивков и взма-

хов руки, обращенных ко мне, и, тряхнув головой, снова сосредоточился на секретарше.

«Животные», – думал я. Думал и не хотел думать об этом.

Я хотел спросить кое-что у Эмили, и она мне дала отличный вариант спросить об этом более осторожно.

– А ты разве не знаешь? – как можно невозмутимее спросил я. – Митчелл же был на суде. Он не рассказал?

– Мистер Морган? – она обернулась на кабинет начальника и снова посмотрела на меня. – Разве он был на суде?

От этого вопроса волосы на моей голове неприятно приподнялись. Не могло же мне показаться. Или могло?

– А разве нет? – удивительно, что мой голос даже не дрогнул. – Я видел его в здании по крайней мере.

Я пожал плечами, отвернувшись, но краем глаза продолжал наблюдать за девушкой. Ну же, Эмили, подай мне хоть один знак, что ты ошиблась или блефуешь! Моей выдержки не хватит надолго.

Эмили нахмурилась, задумчиво постучав пальцем по кончику носа.

– Ну... Может быть, конечно. Он пришел сегодня позднее, чем обычно. Но у него должна была быть встреча, вряд ли бы он оказался в суде.

Она пожалала плечами, и я повторил ее жест. Этого пока что было достаточно: девушка не была уверена, и это значило, что Морган мог быть там. Но как проверить был ли он у дома?

Я попытался слепить в голове тот образ Митча у машины с сигаретой в руках. Получилось несколько смазано, как будто... да, как будто сон.

Моя рука снова потянулась к лицу. Я перехватил ее за запястье, чувствуя себя идиотом. Кажется, у меня появилась тяга к самобичеванию, блеск. Этот кретин сводил меня с ума, но еще больше меня сводил с ума я сам. Но и просто отпустить эту ситуацию я не мог. Мне нужны были ответы.

– ... ты меня слушаешь вообще?

– А?

Я с удивлением глянул на Эмили. Если честно, я совсем забыл о ее существовании, погрузившись в собственную больную голову. Она нахмурилась и протянула руку к моему лбу, говоря что-то о здоровье и качественном сне. Яркой вспышкой перед глазами полыхнула картина, как Эмили этой же самой рукой залезает в штаны Моргана, а ее голая грудь качается в такт движениям тела.

Едва не ударив ее, я резко отшатнулся.

– Не прикасайся!

Легкий гул в офисе моментально стих. Ребята уставились на меня с недоумением и опаской, в глазах Эмили читались непонимание и обида. Я моргнул, пару раз открыл и закрыл рот, сделал несколько шагов назад.

– Ал, ты в порядке? – спросил Джек, и я отшатнулся уже от него.

Нет, черт возьми, я не был в порядке! Я был в абсолютном,

мать его, совершенном дерьме!

– Я... мне... мне надо к Моргану, – выдавил я из себя и шарахнулся к кабинету директора, успев заметить, как переглянулись коллеги.

Дверь впечаталась в стену, когда я со всей дури толкнул ее, и по инерции отлетела назад, задрожав и чуть не ударив меня по лбу. Я захлопнул ее за своей спиной, злобно уставившись на Митча.

– Какого хера?! – едва не заорав, зарычал я.

Морган смотрел на меня, слегка приподняв брови. В его руке был телефон, который он немного отвел в сторону при моем появлении. Криво усмехнувшись, он снова прижал его к уху, не отводя от меня глаз.

– Эндрю, я перезвоню. У меня форс-мажор, – прозвучал его насмешливый голос, и Митч, отключившись, положил телефон на стол.

Сцепив в замок руки и слегка подавшись вперед, директор переключил внимание на меня полностью, на его губах блуждала улыбка. Я резко выдохнул. У меня было чувство, что вот еще секунда, и я не сдержусь: подойду и вмажу со всей дури по этой самодовольной роже.

– Итак, Алекс, дорогой. Что у тебя случилось, чем я могу помочь? – вкрадчиво поинтересовался Митч.

Я сделал шаг к нему, пошатнувшись. Во мне шло безумное сражение злости, страха и ненависти, обращенных к этому человеку.

– Что случилось? Ты спрашиваешь, что, нахер, случилось? – зашипел я, слыша, как в моем голосе зарождаются истерические нотки. – Где ты был сегодня утром?!

Морган изобразил на лице приятное удивление, его улыбка стала шире.

– Работал, малыш, где еще я мог быть. А что такое? Ты ревнуешь?

Я скрипнул зубами, пальцы, сжатые в кулаки, больно впились ногтями в ладонь. Дьявол, как же мне хотелось стереть эту улыбку с его лица, желательно костяшками своих пальцев.

– Что ты делал в суде? – выплюнул я, хотя хотелось плюнуть ему в рожу.

Но мне надо было знать. Надо, черт возьми.

– Если ты забыл, малыш, я адвокат. И в суде я тоже работаю, очевидно, – Митч пожал плечами.

Что ж, отлично. Пятьдесят процентов того, что я еще в своем уме, у меня уже было.

– А рядом с моим домом в выходные какого хера ты делал? Там-то ты не работаешь, ублюдох!

Краем глаза я видел, как коллеги аккуратно заглядывают в окошко кабинета, но мне было плевать. К тому же вряд ли со стороны это выглядело как-то не так, главное, что они нас не слышали.

Ожидание ответа с первой же доли секунды напрягло меня до звона в ушах. Митч медлил, с улыбкой глядя на меня.

Качнув головой, он медленно поднялся, оперевшись ладонями в стол, и посмотрел на меня.

– С чего ты взял, что мне на выходных больше нечем заняться? – тихо спросил он.

Перед моими глазами словно взорвалась бомбочка. Зарывав, я схватил чашку с кофейного столика рядом со мной и швырнул ее на пол, не успевая понять, что я вообще делаю. Чашка разлетелась на осколки, брызнувшие во все стороны.

Морган рассмеялся и, выйдя из-за стола, подошел к окошку.

– Скандал решил мне устроить, Алекс? Ну давай попробуем, – протянул он, махнув ребятам.

Те с улыбками снова усадились в свои компьютеры и документы, а Митчелл потянул веревку, опустив жалюзи. Когда прозрачная преграда, открывающая работникам личные вещи, была ликвидирована, Митч повернулся ко мне, скрестив руки на груди и прислонившись плечом к стене.

Я резко выдохнул. Мой запал немного поутих: во-первых, я не ожидал, что поведу себя, как истеричная баба, а во-вторых, я не рассчитывал остаться с Морганом один на один. Хотя, спрашивается, чего я ожидал, когда поперся в этот кабинет?

– Я видел тебя рядом с домом. Я видел! – убеждая в этом больше себя, чем Митча, произнес я, нахмурившись.

– Ну видел. И что?

Да он издевается! Как с ним вообще можно разговари-

вать?!

– И зачем ты приезжал? Родителей не было дома, да и ты с отцом мог решить какие-то вопросы по телефону, если ты вдруг решишь сказать, что приезжал к нему, – надо же, мне удалось говорить почти спокойно.

Морган достал сигареты из кармана, сунул одну в рот и не спеша подкурил. Выпустив из легких облачко дыма, он снова улыбнулся.

– Значит, не к нему, – невозмутимо ответил он.

Моя выдержка катастрофически быстро летела в бездну. Я сделал еще один шаг к директору, сдерживаясь из последних сил, чтобы не разбить и кофейный столик вслед за чашкой.

– Морган, ублюдок! Какого. Черта. Ты. Делал. У дома?!

– Это ты мне скажи, если ты меня видел. И кто это за кем следит? – Митч дернул плечом, снова затянувшись.

Нет, он не просто издевался. Он определенно пытался выставить меня идиотом. Как будто бы я сам не справлялся с этой задачей. Я с бóльшим бы толком мог поговорить со стеной, чем с Морганом. Он слегка прищурился, глядя на меня сквозь дым, сигарета мелькнула алеющей точкой.

Где-то на подкорке сознания образ лица Митча в ареоле табачного дыма при солнечном свете наложился на такую же картину воскресного вечера, которую я наблюдал в окне. И это стало последней каплей.

С горловым утробным рыком я кинулся на директора, за-

махнувшись. Дикое желание выбить из его усмехающихся губ сигарету, стерев и эту усмешку, стало почти осязаемым до боли в висках. Разум отключился совсем.

Морган не дернулся. Мой кулак почти достиг своей цели, но Митч неожиданно быстро отклонился назад и, перехватив мою руку, развернул меня спиной, прижав к себе. Другой рукой он ударил меня под дых. Я согнулся, повиснув на его руке и закашлявшись.

Морган, последний раз затянувшись, затушил сигарету пальцами и отшвырнул окурок за свой стол. Сведя мои руки за спиной, он сунул руку под моими локтями, не давая вырваться, и другой рукой убрал волосы с моего лица. Пелена злости, ненависти, боли и страха застилала мне глаза. Я рычал, не в состоянии сформулировать ни одной внятной мысли. Митч, засмеявшись, прижался губами к моему уху.

– Какой ты сексуальный, когда злишься, малыш. Как ты смотришь на то, чтобы нам немного пошалить? – рокоchущим голосом протянул он.

Его рука скользнула по моей груди вниз и легла на пах. Я дернулся, вперед и в бок, пытаюсь вырваться, но Митч держал крепко. Продолжая нести какую-то околесицу, он медленно полез рукой в мои штаны, совершенно не замечая моих попыток вырваться. Я чувствовал его стояк, уперевшийся в мою ногу.

Кажется, он был действительно готов трахнуть меня на работе, прямо тут, в своем кабинете. А я в своем безумном

припадке был готов откусить его член и выйти в окно.

Кабинет директора адвокатской палаты мог стать местом двойного преступления, но в дверь неожиданно стукнули. Не дожидаясь приглашения, в кабинет впорхнула Эмили, но остановилась как вкопанная, уставившись на нас круглыми глазами.

О, смотрелись мы с Морганом очень колоритно, учитывая, что его рука все еще была в моих брюках.

Руки секретарши взметнулись к лицу, она закрыла рот ладонями, издав какой-то непонятный звук, похожий на что-то среднее между задушенным вскриком и поросычьим визгом. Покраснев до кончиков ушей, Эмили пробормотала невнятные извинения и пулей вылетела из кабинета.

Мы еще пару секунд простояли словно изваяния. Первым пришел в себя я. Уперевшись руками в живот Моргана, я со всей силы оттолкнулся и отлетел в сторону. Прислонившись спиной к двери, тяжело дыша, я положил ладонь на ручку, готовый выскочить. Митч выпрямился, поправил галстук, бросив взгляд в зеркало, и подмигнул мне.

– Жаль, что дверь кабинета не закрывается, правда? – весело спросил он.

Я не ответил, слова не лезли у меня из горла. Морган вернулся к своему столу, по-деловому пошуршал бумагами, сложив их в ровную стопку, и снова обернулся ко мне.

– Сегодня вечером можно будет продолжить. Как ты смотришь на то, чтобы сходить в ресторан, съесть по отличному

ростбифу, выпить и поехать покататься? Я думаю, что идея замечательная. Я позвоню вечером.

Его голос звучал настолько непринужденно, что со стороны могло показаться, будто мы встречаемся. Уже пару лет как. А то и в браке.

– Нет, – эхом отозвался я, едва шевеля деревянными губами. – Мне нужно гулять с собакой.

Я нажал на ручку двери, и та бесшумно распахнулась. Я почти выскользнул из кабинета, но успел услышать последние небрежно брошенные слова Митча:

– Я не думаю, что это станет проблемой.

Но я не придал им значения. Медленно добравшись до своего стола, я подвис, глядя на ноутбук. А потом, как по щелчку, я схватил его и помчался прочь. Можно было дойти до суда. Можно было сходить до нотариуса. Можно было навестить чью-то бабушку в доме престарелых. Всё, что угодно, лишь бы не здесь.

***

Домой я вернулся чуть раньше, чем обычно. Перебирая в голове дела, которые сделал сегодня, и те, которые предстояло сделать на днях. Завтра у меня должно было появиться новое дело.

Когда я вошел в дом, в кармане затрещал телефон. Я глянул на мобильник и фыркнул. Звонил Морган, видимо насчет нашего «свидания». Закатив глаза, я скинул.

Махнув рукой предкам, привычно сидящим за своим сто-

ликом в окружении бумаг, я поднялся наверх.

– Ох, Рич, что за дерьмовый день. Мне срочно нужна шаурма и... – начал я, открыв дверь своей комнаты, но внезапно осекся.

Ричи в комнате не было. Слегка нахмурившись, я пожал плечами. Обычно пёс ждал меня в комнате, но бывало, что он оставался или внизу, или на улице. Оставив ноутбук и документы, я заглянул в комнату родителей, спустившись вниз, осмотрел кухню. Гадая, куда мог запропасться мой друг, я вышел во двор. Ричи нигде не было видно. Минуты три похаживая вокруг дома, я все звал лабрадора, который так и не появился.

В совершенном недоумении я вернулся в дом, направляясь к родителям.

– Отец, – остановившись в нескольких шагах от него, окликнул я.

Отец поднял голову, встретившись со мной взглядом. Мать тоже отвлеклась от своих бумаг.

– Вы не видели Ричарда? Я нигде не могу его найти.

Я обернулся, словно показывая, что его действительно нет, и снова посмотрел на отца. Он переглянулся с матерью и отложил документы в сторону. Так, это было что-то новенькое.

– Алекс, сын. Послушай. Вчера мне звонил мистер Морган и...

– Где Ричи, отец? – перебил я.

Еще мне не хватало слушать про ублюдка в стенах дома. В душу помимо воли закралось поганое подозрение, и я постарался отогнать его. Я глянул на мать, но она отвела глаза. Ни слова, что я назвал пса сокращенным именем, которое ее так бесило. Я напрягся.

– Звонил мистер Морган и сказал, что ты не справляешься со своей работой. Многие вещи не получается решить в течение дня, и иногда нужно задерживаться, – продолжил отец.

– Да что за бред?! – я повысил голос.

Я справлялся со своей работой отлично. Очередные уловки Моргана докатились и до того, чтобы втянуть моих милых предков в наши игры. Но это было неважно сейчас. Подозрение во мне крепло.

– Где, черт возьми, моя собака? – выделяя каждое слово, процедил я.

Родители снова переглянулись, вызвав у меня нервную дрожь. Мать кивнула, и отец вздохнул.

– Мы отвезли его в ветеринарную клинику.

Меня словно утюгом по голове огрели. Весь смысл разговора внезапно потерялся, я отупело смотрел на своего родителя и не понимал, о чем он говорит.

– Зачем? – тупо переспросил я, зная ответ, но не желая его признавать. – Что с ним? Заболел?

Отец снова вздохнул. Я не хотел слышать его ответ, хотел зажать руками уши и запеть какую-нибудь навязчивую

песенку.

– Его усыпят, Алекс. Чтобы ты смог всецело посвятить себя работе.

Слова тяжелыми гирями упали в воздух. Я застыл на мучительно долгие доли секунд, а потом сорвался с места, не отдавая себе отчета в том, что я делаю. Отец вскочил следом за мной, но мне было абсолютно плевать на него. Влетев в ботинки и схватив курку с вешалки, я выскочил из дома и помчался по дороге. Отец вылетел следом за мной в одних тапочках, крича мне вслед что-то про мое благо, но я не слушал. Точнее не слышал: ветер свистел в ушах вместе с ударами бешено колотящегося сердца.

Ветклиника была не так уж и далеко, единственная, куда мы водили Ричи. Презентабельная. Было бы быстрее поймать такси, но я не задумался об этом. Я бежал со всех ног, сдирая горло в кровь, заставляя легкие и ноги работать на пределе своих возможностей.

У Шредингера, помнится, была теория. Парадокс кота. Я помнил, что, когда изучал квантовую механику, в моей голове не укладывалось, как это может быть – кот и жив, и мертв. Сейчас бы понял. Сейчас мой пес был и жив, и мертв одновременно. И я не хотел знать, что второе утверждение могло стать более вероятным.

Я почти задыхался, когда впереди показалась вывеска клиники, переливающаяся светодиодными огнями. Влетев в дверь и едва не сорвав ее с петель, я оглядел приемную су-

масшедшим взглядом. Несколько человек со своими питомцами уставились на меня с шоком и возмущением в глазах. Девушка за стойкой двинулась ко мне с элементарным вопросом: «Чем Вам помочь?», но я, оттолкнув ее, бросился в другую дверь, ведущую в коридор с кабинетами и операционными. Охранник попытался поймать меня, но я увернулся, подцепив с его пояса дубину.

Оказавшись за дверью, я сунул дубину в ручки, блокируя проход, и понесся по кабинетам. Как последний псих повторяя имя Ричи, я распахивал каждую, пугая врачей и посетителей. Открыв последнюю, я бросился вниз по лестнице, ведущей в подвал. Рядом была табличка с надписью «Крематорий».

Я ворвался туда, распахнув двустворчатую дверь, и замер. Прямо передо мной два санитары толкали каталку. Увидев меня, они остановились, переглянувшись, но я не смотрел на них. Я смотрел на гору на каталке, накрытую легкой тканью, из-под которой торчала рыжая шерсть.

Ноги внезапно перестали слушаться. Едва передвигая ими, я подошел к каталке и сорвал ткань.

Из моего содранного горла вырвался вопль, полный боли, горя и отчаянья.

Мой верный друг, мой умный прекрасный лабрадор лежал передо мной на холодной железной каталке и не дышал.

Ноги подкосились. Я вцепился в шерсть Ричи и, опрокинув каталку, упал вместе с ним на пол. Обняв бесчувствен-

ное тело за шею, лежа на полу, я орал в голос, мечтая умереть прямо сейчас, рядом с ним.

Я отказывался верить, что единственное дорогое мне существо в этом чертовом мире, которое любило меня, больше никогда не сможет согреть, успокоить, спасти от помешательства. Если его не будет рядом, я не смогу больше улыбаться, не смогу спать, есть, двигаться. Я не смогу жить без него.

Мой крик сорвался в сип, по щекам градом катили слезы. Внезапно дверь распахнулась, и сильные руки вцепились мне в плечи, пытаюсь поднять на ноги.

Я слышал голос, но не понимал слов. Я видел охранников, но не осознавал, кто передо мной.

Они попытались отодрать меня от Ричи, но я вцепился в него мертвой хваткой.

«Я никогда не отпущу тебя! Никогда!», – билась мысль в моей голове.

Охранник потянул голову пса, и что-то хрустнуло у меня под ухом. И меня окончательно сорвало с катушек. Крепче обняв Ричи одной рукой, второй я с размаху втащил охраннику по роже. Брызнула кровь.

Мужчина отшатнулся, прикрывая рукой разбитые нос и губы. Я схватил со стола какой-то нож и начал размахивать им, вопя, чтобы ко мне никто не подходил. Второй охранник пытался пробиться ко мне, другой, с разбитым лицом, вызывал копов. Я умудрился резануть подошедшего близко

мужика по ноге.

Больше они ко мне не подходили, пока не приехала полиция. У этих парней получилось меня скрутить, но я все равно пнул кого-то по колену и саданул кулаком по спине.

Тело моего пса осталось неподвижно лежать на холодном полу. Мне так хотелось согреть его, в голове поселилась безумная мысль, что если у меня это получится, то он оживет. Он снова будет со мной, и я никому не дам его в обиду.

Меня оттаскивали к выходу, выкручивая руки, а я не мог оторвать глаз от моего Ричи. Голос окончательно пропал, и теперь из моей груди рвалось рваное шипение.

Меня вытащили на лестницу, я бросил последний взгляд на двери крематория, закрывшиеся передо мной с глухим скрипом, навсегда отрезая меня от моего друга. И в этот момент меня накрыла темнота, утопив сознание.

Глава 9

В участке я провел несколько часов, прежде чем за мной приехал отец. Откровенно говоря, я ничего не помнил о нахождении там, кроме пары взволнованных лиц и решетки. Мог точно сказать только, что, судя по моим разбитым рукам, стены их гребаной клетки весьма попачкались кровью.

Когда приехал отец, я уже обессиленно лежал на полу, тихо воя. Хотя и этого я не помню: услышал краем уха разговор родителей.

Рваными всплесками я вспоминал, как отец выгрузил меня из машины, как тащил на себе в спальню, потому что мои ноги отказывались идти сами. Смазано помнил, как скатился с кровати на пол, на то место, где последние недели мы спали с Ричи, и, свернувшись клубочком, забылся тревожным сном.

Следующие дни я помнил несколько лучше, но тоже лишь отдельными моментами. Мать нашла меня утром все там же на полу, потом долго объясняла заглянувшему отцу, что у меня жар. Я помнил прикосновения ледяных рук вызванного врача и мерзкое чувство, когда в тело проникает игла шприца.

Ночами меня будил собственный крик. Каждый раз я просыпался на полу, бессознательно пытался найти руками Ричи, а когда не находил, мозг совершал очередной кульбит,

вгоняя меня в новый припадок.

Видимо, родители перестали нормально спать в эти дни. Кажется, впервые за эти годы я видел на лицах матери и отца беспокойство и озабоченность. Но меня это совсем не волновало. Я не всегда понимал, кто они такие. А когда понимал, хотелось только блевать.

Я не имел ни малейшего понятия, сколько дней провел в этом бреду, пока во мне уживалась мысль, что я остался один в этом мире.

***

Когда я открыл глаза, на дворе стояла ночь. Голова гудела, в ушах раздавалось шипение, а во рту словно кто-то скреб наждачкой. Ощущения, в общем-то, не самые радужные. Живот сводило голодным спазмом, но при мыслях о еде мутило.

Я уперся взглядом в потолок, замерев так на очень долгое время. Мыслей никаких не было, сознание было кристально чистым. Прошел ни один час, пока я неподвижно лежал на кровати. За окном залаяла собака, и я закрыл глаза, зажмурившись. Подняв руки, я согнул края подушки, зажимая уши.

Это было невыносимо.

Переборов себя, я все-таки поднялся. Тело отозвалось тупой ноющей болью, слабость подло валила с ног. С улицы слышался голос какого-то парня, видимо, это он гулял с собакой недалеко.

По стене я добрался до ванной, не включая света, нашарил на полке знакомые таблетки анальгина. Когда я медленно брел обратно, под кроватью что-то блеснуло в неясном свете фонаря, пробравшемся сквозь неплотно задернутые шторы. Тяжело опустившись на пол, я достал из-под кровати серебрящийся предмет. Миска Ричи.

В голову без спроса постучалось воспоминание, как мой лабрадор волок меня в комнату на себе, как принес мне воду в своей миске, откачивая от убивающих меня антидепрессантов, и как обиделся, что я не стал сразу пить из нее.

Глаза заволокло пеленой, а в голове сгустилась вата. Второй раз в жизни появилось почти болезненное навязчивое желание взять нож и завершить то, что однажды я завершить не смог.

Вместе с этими мыслями рука тупо заныла, словно вспомнив укус Ричи, спасший меня от самоубийства. О металлическое дно миски ударилась соленая капля, сорвавшаяся с моих ресниц.

А потом неожиданно я понял, что мне надо делать. Понял это с такой невероятно кристальной точностью и уверенностью, что ни одного сомнения в голове уже не было.

Аккуратно и бережно поставив миску на пол, я, пошатнувшись, поднялся. Окинув взглядом комнату, я подошел к шкафу, выудив оттуда старый рюкзак. Там же я нашел тот самый перочинный ножик и, покрутив его в руках, сунул обратно. Следом полетело кое-что из одежды, некоторые таб-

летки, записка из книги по юридическим законам, одной из многих, стоящих на полке, документы. Собрав всё по мелочи, я спустился вниз.

Мой телефон лежал на столике, за которым обычно проводили вечера родители в окружении бумаг. Взяв его, я пробежался взглядом по пропущенным вызовам. Куча звонков от Моргана, пара – от Эмили. Несколько смс от них. С отвращением я отбросил мобильник в кресло. Я знал, что больше не выйду на работу.

Немного порывшись в кухонных шкафчиках, я нашел записку отца. Там была достаточно большая сумма, даже слишком большая для меня. Я забрал половину и уже собирался уйти, когда мой взгляд упал на духовой шкаф. Я завис, глядя на него, и в этот миг сознание обрело зеркальную гладкость, словно абсолютно спокойное море темной ночью.

Больше я не задумывался о том, что делал. Ни о том, что произошло с моей дерьмовой жизнью, ни о том, что я буду делать дальше. Даже мои движения стали механическими, автоматизированными.

Скинув рюкзак с плеча, я поставил его на стол и подошел к варочной панели. Глядя сквозь конфорочные горелки, я вывернул ручки кранов на панели управления на самую мощь. В нос сразу же ударил запах газа. Подхватив из ящика охапку вилок, я закинул их в духовой шкаф. Забрав со стола пачку печенья, я взял рюкзак и вышел обратно в зал. Штиль в моем сознании не дрогнул.

Подхватив с кресла телефон, я прошел в прихожую, натянул пальто и обувь. Обернувшись, я последний раз окинул взглядом дом, в котором вырос, и вышел прочь. Пройдясь по лужайке, я вышел на дорогу и пошел прямо, ни разу не оглянувшись. Тишина ночного города ласкала мой слух, легкий ветерок гладил по волосам. Дойдя до моста недалеко от дома, я остановился и облокотился на парапет. Вода внизу переливалась, ловя отблески фонарей и Луны. Прикрыв глаза, я набрал полные легкие воздуха и медленно выдохнул.

В кармане тренькнул мобильник. Пришла очередная смска от Моргана, и я удалил ее, не открыв. Вместо этого я зашел в приложение R4S Home – это платформа для управления домашней техникой. Типа нашего умного духового шкафа. Я нажал на кнопку включения, и она загорелась зеленым, оповещая, что духовка заработала. Вздохнув, я вытащил сим-карту, бросив ее в воду, а потом, подняв булыжник, разбил телефон. Разбитый смартфон полетел следом за сим-картой.

Больше он был мне не нужен. Больше мне было не нужно абсолютно ничего.

Я пошел дальше через мост, когда сзади раздался взрыв. Заорали сигнализации машин, залаяли собаки, снова заставляя сжиматься сердце. Я не обернулся, лишь слегка втянул голову в плечи из-за нарушившего ночную тишину громкого звука. Я знал, что пожарная бригада приедет еще не скоро: сигналка сломалась не так давно, и отец все не мог собрать-

ся ее поменять. С другой стороны, пожарных могли вызвать соседи. Или родители. Я думал, что их нет дома. Ведь отцовской машины не было, когда я уходил.

В любом случае, все это больше не имело никакого смысла. Меня ничего больше не связывало с этим городом, ничего не держало здесь. Да и моя жизнь закончилась в крематории ветеринарной клиники несколько дней назад.

Через час я уже сидел в автобусе, уносящем меня из места, где я видел лишь тиранию, боль и разочарование. Из проклятого места, которое когда-то я называл домом.

***

– Эй, проснись! Приехали!

Я еле продрал глаза, не понимая, где я. В окна автобуса заглядывало яркое солнце, ослепившее меня. Парень, разбуживший меня, улыбнулся и скрылся в дверях автобуса. Кое-как выкарабкавшись со своего места, я вывалился на улицу, оглядываясь по сторонам.

Я понятия не имел, где нахожусь.

Помнится, ночью я попросил билет на ближайший рейс, даже не узнав, куда он следует.

Без телефона в руках узнать сразу же, где я и куда идти, было проблематично. Всё-таки какой век на дворе. Да и оказаться в совершенно незнакомых местах было страшнее, чем можно было бы себе представить. Даже заядлый энтузиаст растерялся бы в первые минуты, выйдя черт знает где.

Но у меня был один плюс во всем этом. Мне было абсо-

лютно похрену всё происходящее.

Простояв еще пару минут на вокзальной площади, я двинул вверх по улице. В первой же подвернувшейся лавочке купил газету и бутылку воды. Пить хотелось неимоверно.

Усевшись на скамейке в тени деревьев, я вылил в себя половину бутылки и развернул газету. Секунда, и я знал, что волею судеб я оказался в Торонто. Очередная ирония моей жизни – я когда-то мечтал покататься по Канаде, думал, что когда-нибудь в одном из отпусков на работе я обязательно организую такую вылазку. И вот я наконец был здесь. Именно тогда, когда мне было всё равно.

Хмыкнув, я перевернул несколько листов, ища объявления о сдаче жилья.

Пробежавшись взглядом по нескольким объявлениям сдачи квартир, я полез в рюкзак и достал ручку. Следующий час я обводил маленькие квадратики объявлений, запоминая улицы Торонто, раскидывая стоимость за квадратные метры и анализируя, какие цены слишком низкие, а какие высокие, за какие квартиры назначают адекватный ценник, а в какие лучше и не заглядывать.

Мозг по инерции занялся привычным делом, автопилотом концентрируя мысли на чем-то простом и понятном.

Я так увлекся, или, вернее сказать, настолько отключился от внешнего мира, что сначала не заметил подошедшей ко мне женщины. Она окликнула меня сначала на английском, но, не получив ответа, повторила свой вопрос на француз-

ском.

– Не возражаете, если я присяду тут, мсье?

Услышав знакомый язык, я поднял голову. На вид женщине было лет 40, ее темно-каштановые волосы были собраны в свободный пучок, словно она торопилась, когда забирала их. Она тепло улыбалась мне, словно мы были давно знакомы. Я выдавил из себя ответную улыбку.

– Конечно, мадам.

Ответил я ей тоже на французском. Я довольно неплохо его знал, по крайней мере, разговаривать на нем я мог свободно. В старшей школе мне очень хотелось его выучить, и я начал брать индивидуальные уроки и прослушивать курсы. Я уже тогда грезил о поездке в Канаду. К сожалению, полностью овладеть языком и изучить его грамматику я не смог. После поступления в колледж в моем расписании не нашлось для этого места.

Женщина с легким кивком опустила на лавочку, поставив на землю тяжелые сумки. Вытащив из кармана куртки длинную сигарету, она прикурила, откинувшись на спинку.

– Не возражаете? – снова обратилась она ко мне, приподняв сигарету.

Я лишь покачал головой и вернулся к изучению объявлений. Какое-то время мы сидели в тишине: она с наслаждением курила, шурясь на отблески солнца, пробивающиеся сквозь листву, а я рисовал свои кружочки в газете.

– Только приехали, мсье?

Я посмотрел на женщину, и она кивнула на кучу обведенных объявлений.

– Пару часов назад, – ответил я, перейдя на свой родной язык.

Ни малейшего удивления на лице женщины не мелькнуло, она только снова кивнула и тоже продолжила на английском.

– По работе здесь? Или путешествуете?

– Убегаю, – вполголоса ответил я, глядя на дым от ее сигареты.

Я не видел смысла придумывать нелепые истории. Она кивнула в третий раз и закинула ногу на ногу. После недолгой паузы она произнесла:

– Я сдаю комнату в своей квартире. Плата за нее чисто символическая. Не поймите неправильно: я живу одна, а мужские руки иногда очень нужны. Если бы Вы согласились помогать мне по хозяйству, я бы предложила Вам поселиться у меня. Хотя бы на первое время.

Ее слова повисли в воздухе. Она как-то элегантно затянулась и выпустила струйку дыма, чуть запрокинув голову. Я посмотрел на растворившийся в воздухе дым, на ее губы, подведенные розовой помадой, скользнул глазами по слегка усталому лицу. Ее взгляд был направлен вверх, на листья, колышущиеся на слабом ветру. Почему-то мне казалось, что ей, также, как и мне, плевать на всё. В конце концов, она предлагала жилье человеку, которого видела впервые. А в простую человеческую доброту я уже не верил.

– Почему бы и нет, – наконец, ответил я, пожав плечами. Женщина улыбнулась уголками губ. Затянувшись последний раз, она выбросила недокуренную сигарету и обернулась ко мне.

– Меня зовут Аманда, – представилась она.

Я помимо воли улыбнулся в ответ. Аманда протянула мне руку, и я, поколебавшись секунду, сжал ее ладонь.

– Оливер, – неожиданно для себя сказал я.

– Очень приятно, Оливер.

В конце концов, я сбегал от своей жизни, оставив всё, что меня с ней связывало, в прошлом.

***

– Поставь пакеты сюда, милый, – попросила Аманда, указав на место на полу у стола.

Я сделал, как она просила и, выпрямившись, огляделся. Кухонька была маленькой, давно нуждающейся в ремонте, но чистой и уютной. Видно было, что Аманда делала всё, чтобы здесь было приятно находиться и проводить время.

Пока она разбирала пакеты, разрешила мне осмотреть квартиру. Она была небольшой, если, конечно, сравнить с нашим домом. Маленькая гостиная со старым диванчиком, телевизором, парой кресел и покосившимся книжным шкафом. Хозяйская спальня, куда я не стал заглядывать, и еще одна – теперь уже моя. Мебели в ней особо не было: кровать, шкаф да стол. И две ванных комнаты, по одной на каждую спальню. Скинув рюкзак на кровать, я вернулся помочь хо-

зьяйке.

Так началась моя однотонная жизнь в Торонто.

Первые дни я спал почти всё время, пока организм окончательно избавлялся от болезни. Потом Аманда показала мне библиотеку не так далеко от нашего дома, и я стал часто там пропадать. Книги, как и прежде, помогали мне прятаться от реальности, унося куда-то в сухие законы юриспруденции, скучные правила грамматики французского языка или историю государств.

Иногда я оставался дома, развлекая себя ремонтом разваливающейся мебели. За полтора месяца я починил книжный шкаф и подклеил порванные книги, поменял обшивку дивана, настроил телевизор. У Аманды обнаружился старенький ноутбук, и я, начитавшись статей и посмотревшись видео по ремонту бытовой техники и сантехники, привел в порядок кухню и ваннные комнаты.

По вечерам Аманда рассказывала мне о жизни в Канаде, о здешнем менталитете, отличающемся от американского, об интересных местах, которые можно было бы посетить. Она могла часами говорить о своей молодости, об историях, приключившихся с ней. Я с упоением слушал ее, то печалюсь, то смеюсь. Иногда мы вместе засиживались за фильмом, а потом полночи могли его обсуждать. Мы смотрели только фильмы: Аманда ненавидела новости всей душой. Она говорила, что в новостях никогда не говорят ничего хорошего, а

дерьма в жизни хватает и без них. И я был полностью с ней в этом солидарен.

Меня она никогда не спрашивала о прошлом, лишь заметила однажды, что должны быть весомые причины, чтобы сорваться и уехать в никуда с одним рюкзаком за плечами. Я только кивнул, и наш разговор плавно сместился в другое русло. Эта женщина чутко улавливала, когда нужно помолчать, когда наступает время посмеяться, а когда – погрузиться. Она разбавляла мою жизнь своей легкой добродушной улыбкой с оттенком печали в уголках губ.

Единственное, что омрачало эти вялотекущие дни – мои кошмары. Почти каждую ночь мне снился крематорий. Мне снилось, что Ричи смотрит на меня из огня печи, а в его глазах плещется вопрос: «Почему ты бросил меня? За что?». Мне снился Морган, снова и снова насмехающийся над моим телом. Иногда это происходило прямо в крематории. Иногда родители стояли рядом с нами, и мать снова говорила о запланированных встречах, совсем не обращая внимания на мои мольбы о помощи. И еще мне снился огонь. Беспощадный огонь, вырывающийся из пасти ада, поглощающий всё вокруг без разбору.

И каждую ночь я просыпался от собственного крика. Когда это произошло впервые, в мою комнату ворвалась Аманда в ночной сорочке и автоматом в руках. Я тогда впал в ступор на первые пару секунд, забыв даже, что мне снилось. Мне даже не пришлось ей ничего объяснять: убедившись,

что всё в порядке, она принесла мне горячего молока, недолго посидела рядом. Она так ни о чем и не спросила, сказала лишь: «Я знаю, что такое ночные кошмары, Оли. Главное, чтобы они навсегда так и остались кошмарами».

Я знал, что она купила себе беруши, увидел в пакете с продуктами, который она принесла. Больше мы ни разу не вспомнили об этом.

Аманда была потрясающей. И я был ей благодарен за всё. Возможно, моя жизнь бы и текла своим чередом, в этом странном спокойном ритме, если бы не одна случайная встреча, случившаяся спустя два месяца моей жизни в Канаде.

***

Я убивал очередной день в библиотеке, когда ко мне подсел кто-то, кто едва не опрокинул стол. Успев поймать книгу, я только вздохнул, даже не удосужившись обернуться. Мало ли идиотов на свете. Но попытки сосредоточиться на теориях квантовой механики успехом не увенчались: я всей кожей чувствовал чужой взгляд.

Цокнув, я с раздражением повернул голову, встретившись взглядом с ярко-зелеными нахально мерцающими глазами.

– Привет. Я Лола, – выдала девушка.

Я отупело моргнул. Она сидела рядом, подперев рукой голову и почти лежа на столе, и смотрела на меня. У нее во рту был леденец, палочку которого она гоняла из одного уголка губ в другой. Меня слегка ошарашило такое внезапное наг-

лое вторжение в личное пространство.

– Серьезно? – спросил я, не успев понять, что я несую.

Вопрос сорвался с губ сам собой, я не успел его остановить. Но Лола только хмыкнула.

– Нет, конечно, идиот. Но тебя будут называть так, как ты назовешься. Я Лола, усёк? А тебя как звать?

Моя бровь против воли поползла вверх. А еще против воли меня разобрало любопытство, причем настолько, что это чувство едва не напугало меня. Последние месяцы я не чувствовал почти ничего, и теперь этот всплеск казался диким.

Лола была красива, как куколка. Впрочем, я встречал красивых девушек. Вот взять, например, хотя бы мою несостоящуюся невесту. Родители одевали ее с иголки, и она всегда выглядела так, словно только что сошла с обложки какого-нибудь *Vogue*³. Однако, Андреа была манерной сукой, она была также расчетлива, как и красива.

А девушка, сидящая передо мной, была словно ее антиподом. На ней был несуразный топ в черно-красную клетку, поверх которого была накинута черная кожаная куртка. Топ был коротким, выставляя на обозрение плоский живот с шариком пирсинга в пупке, а кожанка – еще короче. Ноги, обтянутые черными рваными джинсами, были облачены в высокие шнурованные ботинки гады.

Длинные черные волосы где-то с середины длины перехо-

---

³ *Vogue* – журнал о моде, издаваемый с 1892 года издательским домом Condé Nast Publications.

дили в розовый, глаза были ярко подведены. В брови болталось колечко.

Она сидела, по-пацански положив одну ногу на колено другой, и выжидательно смотрела на меня, продолжая издеваться над леденцом. Я хмыкнул.

– Оливер, – наконец представился я. Она фыркнула, чуть не уронив конфету.

– Серьезно? – в ее голос просочился сарказм, но, не успев я ответить, она рассмеялась, хлопнув меня по плечу. – Да ладно, не парься. Че хоть читаешь?

Я отодвинул книгу по квантовой механике подальше от ее руки и повернулся к ней.

– Ты чего хочешь-то? – напрямик спросил я.

Лола, потеряв интерес к книге, откинулась на спинку стула.

– Я тебя еще пару недель назад тут заприметила. Сидишь такой серьезный весь. Я подумала, может тебе скучно совсем, раз ты только в библиотеке тусуешься, и решила позвать тебя оттянуться. Ну как? Погнали?

Девушка уставилась на меня, а я едва не рассмеялся. Это было так нелепо, я вообще не понимал, как ее пропустили в библиотеку.

– И куда пойдём? – улыбнувшись, уточнил я.

– В клубешник, конечно. Че за дебилские вопросы? Ты вообще хоть раз в жизни оттягивался?

Она посмотрела на меня так, словно я сморозил дичай-

шую глупость, и я, все-таки не выдержав, прыснул.

– Представь себе, оттягивался. Только это иногда плохо заканчивается.

Да уж, я уже побывал на паре вечеринок. Воспоминания об их окончании были не очень веселые. Можно было бы сказать, что дело едва не кончилось сексом, а один раз до него всё же дошло. Было бы иронично.

Лола минуту наблюдала за тем, как я смеюсь, а потом подалась вперед и толкнула меня пальцем в лоб.

– Точно не умеешь оттягиваться. Ну погнали, будет круто, отвечаю.

Я потер лоб и, вздохнув, пожал плечами.

– Ну пойдем оттянемся, – согласился я. Девушка издала победный клич.

– Клево! Давай номер свой.

Она достала из заднего кармана джинс мобильник и посмотрела на меня. Я только покачал головой.

– У меня нет телефона.

– Вот дерьмо, – она закатила глаза, заблокировав смартфон обратно. – Да не выставлю я никуда твой номер, че ты мнешься?

– У меня правда нет телефона, Лола. Он... утонул, – я ведь даже не соврал.

– Че, серьезно? Капе-е-е-ец... Ну ладно, тогда давай вот тут встретимся часов в восемь, окей? – быстро нашлась она и, схватив ручку, написала адрес на клочке бумаги, выдран-

ном из лежавшей рядом книги. Я поморщился от такого обращения, но ничего не сказал. Лола сунула бумажку мне в руку и вскочила с места, сунув в рот новую конфету.

– В восемь! Не опаздывай! – напутствовала меня она и, круто развернувшись, пошла прочь.

Я смотрел ей вслед, все еще проводя остаточные аналогии с Андреа. Может быть в чем-то они были похожи...

– Лола, – неожиданно окликнул я, – ты не увлекаешься юриспруденцией?

Девушка обернулась, ее глаза округлились. Она достала изо рта леденец, глядя на меня, как на идиота.

– Чем я увлекаюсь? – переспросила она.

– Юридическими законами, правами, свойствами государств, – качнул я головой, не зная, как объяснить. Но она меня поняла и звонко рассмеялась, вызвав паническую атаку у библиотечарши.

– Ты че, дурак? Я, по-твоему, че, настолько скучно живу, чтоб такой фигней увлекаться? Чао!

Она махнула мне рукой и, всё еще смеясь, вылетела из библиотеки, пока дама, отвечающая за нее, не бросилась вдогонку с битой наперевес.

Мои ассоциации с аристократической сукой были окончательно разбиты.

***

В назначенном месте я был ровно в восемь вечера. В конце концов, пунктуальность мне прививали с детства, и я не

думал, что смогу скоро избавиться от этой черты. Зачем я вообще пришел, было тоже непонятно. Но с другой стороны, заняться мне всё равно было нечем. В результате я простоял на улице почти час и уже собирался уйти, когда на меня налетел красно-черный вихрь.

– Оли!!!

Она запрыгнула на меня, обняв руками и ногами, словно мы были старыми друзьями детства. Я едва удержал равновесие, по инерции обняв ее.

– Ты все-таки приперся! Вот приколы! Загудим на всю ночь! – проорала мне на ухо Лола и спрыгнула на землю, критично меня осмотрев.

На мне были светлые штаны и простая черная рубашка. Собственно, у меня не было богатого выбора одежды: я взял с собой совсем немного. Да и, если честно, мне было всё равно, как я выгляжу.

Лола, поджав губы, покачала головой и легким быстрым движением расстегнула пару верхних пуговиц на моей рубашке, запустила руки в волосы, растрепав их, и отошла на шаг, снова окинув меня взглядом.

– Уже лучше, но всё равно ты похож на ботана, – вынесла вердикт девушка и пожала плечами. – Ну и ладно, погнались, ребята уже ждут.

Я не успел спросить, какие еще ребята, а она уже потянула меня за руку, едва ли не бегом пересекая улицу.

Шли мы недолго, вскоре я услышал музыку, а когда мы

завернули за угол, я увидел и сам клуб. У входа толпилась небольшая очередь. Было достаточно шумно: люди переговаривались между собой, пытались что-то объяснить контролеру фейсконтроля, перекрикивая доносящуюся из недр клуба музыку.

Я успел подумать, что мы туда не попадем, но Лола уверенно тянула меня в обход толпы прямо к огромному мужчине в обтягивающей черной футболке с логотипом клуба.

– Привет, Жуть, пусти нас. Это мой новый друг Оли, – проорала Лола, когда мы подошли.

Контролер, не изменившись в лице, отступил, снова заняв оборонительное место, когда мы протиснулись внутрь. Я оглянулся на него и дернул Лолу к себе.

– Его что, правда зовут Жуть? – крикнул я ей на ухо.

Девушка рассмеялась.

– А черт его знает, мы называем его так, а он не возражает.

Идем! – вот и весь ответ.

Она провела меня по узкому коридору, мы вышли в огромный зал клуба, и сразу же по глазам резанула светомузыка.

В самом центре танцпола стоял бар. Бармены жонглировали бутылками, перекидывая их друг другу, виртуозно болтали шейкерами, смешивая коктейли, и поджигали их, разливая по бокалам. У дальней стены за пультом бился в экстазе диджей. Он был без футболки, вызывая своим голым, блестящим от пота торсом восторг у девушек, крутившихся рядом.

На нем были темные очки. Я не понимал, зачем они ему, но поймал себя на мысли, что с удовольствием бы посмотрел, как он впишется лицом в ближайшую колонку.

У дальних стен были столики с диванчиками вокруг них. Лола тащила меня к одному из этих столов. Когда мы подошли, я увидел двух девушек и трех парней. Они приветствовали нас дружным воем, одновременно подняв бокалы и расплескав половину их содержимого.

– Оли, это Том, он фальсик наш. Джей-Джей, пират. Юпитер, он же Санта. И девочки – Роза и Лилия, они дайки, так что ловить нечего, – представила нас Лола и подмигнула друзьям. – А это Оливер. Бродяга.

Я ничего не понял, но улыбнулся, слегка натянуто, махнув ребятам рукой. Они встретили мой жест новым потоком воплей, и вот я уже сидел между Лолой и Томом, пытаюсь понять, какого черта я здесь делаю.

Первые полчаса я пытался поддерживать беседу, но бросил это бесполезное занятие. Я совершенно не улавливал, о чем разговор, и подумывал смыться отсюда, но Лола вцепилась в меня мертвой хваткой.

– Эй, Юпи, принеси Оли выпить что ли, – крикнула она этому суровому на вид парню.

Я не успел возразить, а тот, кивнув, перепрыгнул через спинку дивана и скрылся в толпе. Вскоре он вернулся, поставив передо мной бокал с пойлом странного кислотного цвета. Я принялся: пахло манго и еще каким-то трудноопре-

делимым фруктом.

– Расслабься, Оли. Тут все свои, – похлопав меня по плечу, протянула Лола.

Я посмотрел на нее, обвел взглядом остальных ребят и плюнул. Какая, к черту, разница. Свои так свои.

Подняв бокал, я залпом опрокинул его в себя под дружное скандирование моих новых знакомых. Пойло ударило в голову сразу же: стало весело и пьяно. Через пару минут я уже активно обсуждал с ребятами последнюю моду, в которой ни черта не понимал. Потом сам же потащил Лолу на танцпол, где мы дали фору диджею в его экстазе. Позже к нам присоединились и остальные.

Мы танцевали до самого утра, а после этого пошли встречать рассвет на озеро Онтарио. Мы смеялись без перерыва, я чувствовал такой невероятный подъем, которого не ощущал никогда в жизни. Торонто был прекрасным городом, а люди, живущие в нем, – самыми замечательными из всех, кого я когда-либо встречал. Будущее больше не казалось безнадежным, а прошлое уже не было таким отвратным. Я был счастлив, как никогда.

Распрощались мы только к полудню. Когда я пришел домой, Аманды уже не было. Она оставила мне на плите завтрак, но есть совсем не хотелось. Напевая какую-то нелепую песенку, я переоделся, лег в кровать и еще долго пялился в потолок, вспоминая прошедшую ночь. А потом отрубился на двое суток беспробудным сном.

Так в моей жизни появились новые друзья. В числе которых был и амфетамин.

Глава 10

Через несколько дней мы с Лолой снова встретились в библиотеке. Она отволокла меня в первый попавшийся общепит, и, когда я заплатил за два бургера, которые она буквально проглотила, девушка рассказала мне, что не всё просто было с тем напитком в клубе. Лола тут же предложила попробовать снова, стоило лишь зайти за угол дома, и я согласился. Я помнил то состояние бодрости и подъема, я хотел еще.

После того вечера я начал общаться с ребятами постоянно. Очень быстро я узнал значение слов «система», «марфон», «фен», «спиды», да и других тоже. Знал, что такое трип и бедтрип. И меня всё вполне устраивало.

Компания, в которую привела меня Лола, была постоянной, и они быстро стали считать меня своим. Том был веселым компанейским парнем, он мог разбавить абсолютно любую атмосферу. Лола говорила, что мы внешне чем-то похожи, но я не соглашался. Он был выше меня, его волосы были темнее, да и с людьми он находил общий язык гораздо быстрее и проще. Том занимался подделкой документов, поэтому его и звали фальсиком – фальсификатором. Я незамедлительно этим воспользовался, и вскоре у меня были все документы на имя Оливера Уилсона.

Джей-Джея я мог бы описать, как слегка шизанутого па-

ренька. Казалось, что он воспринимал весь мир, словно тот был волшебной страной приключений. Он мог прийти в дичайший восторг от любой мелочи, а потом еще весь день делиться впечатлениями. И это притом, что этот шизоид ничего не принимал.

Он занимался хакерством: взламывал социальные сети, продавая к ним доступ, воровал e-мейлы, сливал информацию о банковских счетах, а некоторые обчищал сам. До чего-то масштабного Джей еще не добрался, хотя любил говорить о том, как однажды он взломает сеть NASA и станет известным черным хакером, как Джонатан Джеймс. Правда, когда я, поискав в интернете, рассказал ему, что Джонатан покончил с собой, Джей перестал сравнивать себя с ним, остановившись просто на «известном черном блэкхате».

Юпитер, он же Юпи, был поставщиком наркоты. Он имел где-то знакомого аптекаря, как они называли мед. работника, у которого можно было купить наркотик, да и не только аптекаря. Впрочем, Юпитер банчил и подгонял разную наркоту. Он рассказывал мне про действия кокаина, опиума, метадона, ЛСД, героина и прочего дерьма, которое сбывал. До этого я и не думал, что существует столько видов наркоты. Рассказывал он очень интересно, но желания попробовать что-то кроме амфетамина и экстази, которым он угостил меня на следующей тусовке, у меня не появлялось. Потому что про бывших своих клиентов он тоже рассказывал интересно и много, а бывшими они, как правило, станови-

лись посмертно.

Меня Юпитер называл аппером, он говорил, что так в его кругу называют амфетаминовых наркоманов. Но я постоянно забывал это прозвище, да и наркоманом я себя не считал.

По началу я старался с ним вообще не связываться. Юпи выглядел суровым мужланом, его широкие плечи, короткий ежик волос и колкий взгляд первое время вызывали во мне нервную дрожь. Но за обманчивой внешностью прятался добродушный, хоть и немногословный парень. И хоть никто из нас, кроме, наверное, Лолы, не знал его настоящего имени, он был хорошим другом.

Лилия и Роза оказались парой лесбиянок, пусть я понял это не сразу. Лилия была длинноногой блондинкой с мелодичным голосом и точеными чертами. Она была стройной кокетливой стервой, я бы дал ей такое определение. Роза же была ее полным антиподом, хотя тоже была весьма красивой девушкой. Она была жгучей брюнеткой с белоснежной кожей и черными глазами. Я еще никогда не встречал таких темных глаз. Она не могла похвастаться осиной талией, зато могла похвастаться ангельской улыбкой.

Я долго гадал, кто же какую роль из них занимает. В результате я решил спросить об этом у Лолы, а эта чертовка повторила мой вопрос в общем кругу. Я бы ее придушил, если бы не умирал от смеха вместе с остальными.

Девчонки сказали, что они свитчи, и объяснили мне, что так называют лесбиянок, которые чередуют принимающую

и ведущую роль в сексе. А еще рассказали, что они подрабатывают проститутками, но работают исключительно в паре и чаще всего просто опаивают своего клиента. Ничего не помнящий, но думающий, что провел отличную ночь, клиент обычно отваливал девушкам круглую сумму и уходил во свояси. Однако, если клиент им нравился, то отличная ночь воплощалась в реальность.

А Лола... Лола была просто оторвой. Ей было интересно попробовать всё на свете, что так или иначе доставляет удовольствие и кайф. Когда мы вместе юзали фен, она часами говорила, как пробовала групповой секс, спиды, дорогой и дешевый алкоголь, экстремальный секс, эротический массаж, конфеты, фрукты, опиум, танцы, йогу, гомосексуальный секс и траву. Вот в таком сумбурном порядке, и это только то, что я запомнил. Ребята называли Лолу Кутилой, и это полностью подходило ее разгульному образу жизни.

Меня же так и называли Бродягой. То ли потому, что я был скитальцем, пришедшим из ниоткуда, не имея ничего. То ли потому, что они знали о моем вынужденном побеге и смене имени, хотя и не знали причин и деталей. То ли просто потому, что Лоле так нравилось.

***

Первые несколько дней после первой дозы я употреблял только в клубе с ребятами. Юпи делал мне дорогу, а потом мы часа по два обсуждали лед в моем стакане с водой. А стакан менялся постоянно, потому что невероятно хотелось

пить. Юпитер говорил, что это нормально под феном, и я успокаивался.

После – колесо и бешеные танцы до утра. А потом еще одна дорога, и я возвращался домой, и, в ожидании пока амфа отпустит меня, смотрел фильмы или начинал убираться. Я мог трижды почистить ванную, дважды помыть полы и пересмотреть пару фильмов. А когда меня, наконец, отпускало, я впихивал в себя что-нибудь из еды и заваливался спать. Если вечером ты гений, то к утру дегенерат⁴ – такое было действие фена.

Но наши тусовки проходили всё чаще, и очень скоро, даже поспав, я стал чувствовать себя выжатым, лишенным красок жизни, в общем, безмерно уставшим. После ночной тусовки засыпалось всё тяжелее. Меня начинало тошнить, болел живот, но уснуть я всё еще не мог. И тогда я пошел за помощью к Юпитеру.

Юпи позакатывал глаза, но притащил мне траву, наказав курить ее после клуба. Он говорил, что таким образом можно заглушить отхода и быстрее вырубиться, и конечно же он оказался прав.

В таких бешеных движах прошел месяц, а потом мне стало мало наших тусовок.

Амфетамин давал мне потрясающие возможности, и я не хотел тратить их только на клуб и болтовню с ребятами. Да и амфа не казалась наркотиком для отдыха. Я начал занимать-

---

⁴ Строчка из песни: Дельфин – «Бриллиантовое небо»

ся другими, более важными, на мой взгляд, делами под феном, не переставая удивляться чудо-стимулятору. Один раз, второй. И, в конце концов, я сел на марафон.

Оказалось, если ты не спишь пару ночей и совершенно не чувствуешь усталости, можно практически перевернуть чертову Магометову гору. За пару месяцев я перелопатил всю библиотеку, всё-таки добил французскую грамматику, записался на курсы программирования, а вне их изучал увлечения Джей-Джея. Я проходил тренинги и уроки по копирайтингу, слету начав продавать посты в соц. сети, а вскоре уже всю торговал статьями и лендингами.

Я поглощал тонны информации, моя память была феноменально ясной, работоспособность поражала, настроение всегда было отличным, и я мог уболтать кого угодно на что угодно. Главное, чтобы под рукой всегда была вода и сигареты, а дома – трава.

Я так и жил у Аманды. Первое время она ничего не замечала, или делала вид, что не замечает. Я продолжал помогать ей по хозяйству, исправно платил за комнату. Мы даже всё ещё смотрели иногда фильмы, но, учитывая, что я обычно был под феном, я мог говорить весь фильм напролет. Тогда она просто выключала телевизор, слушая меня, а потом засыпала в кресле. В такие вечера я укрывал ее одеялом, а сам шел наматывать круги по городу, который за короткое время исходил вдоль и поперек.

В конце концов, Аманда всё же спросила меня, на что я

подсел, и я честно рассказал ей всё. Я думал, что она выгонит меня, сказав, что не потерпит наркомана под своей крышей, но нет. Она выслушала меня внимательно, долго молчала, а потом задала только один вопрос:

– Ты уверен в том, что ты делаешь, Оливер?

А я был уверен. Я был уверен, как никогда: и в себе, и в своей способности изменить всю мою жизнь к лучшему. Аманда со вздохом кивнула, попросила беречь себя и сразу же – купить одиннадцать фунтов картошки.

Пока я был под феном, моя жизнь была просто шикарной. Всё было великолепно до тех пор, пока не начинались отходы.

На пятый-шестой день марафона амфетамин переставал действовать. Неважно, насколько лошадиной была доза, мой организм просто отключался, он не работал. Юпи мне говорил, что после такого забега нужно останавливаться на несколько дней, давая организму время для отдыха и восстановления. Спать сутками и есть, много есть. Но мне не хотелось тратить на это время. Поэтому после пары тревожных ночей, я принимал минимальную дозу, чтобы иметь возможность хоть что-то соображать, плелся до первого попавшегося кафетерия, впихивал в себя еду, желательно пожирнее, и всё начиналось сначала. Я снова становился богом.

Фен был относительно безопасен для здоровья, чистый, разумеется. Но у Юпитера не всегда получалось достать белоснежный порошок, а ждать я не хотел. Поэтому брал то,

что было. И к тому же, фен не особо вредит здоровью при разовом употреблении, как я делал это поначалу. Но когда я стал марафонить, всё стало хуже, но все равно марафоны начали затягиваться всё дальше.

***

– Эй, Бродяга, ты живой?

Голос Лолы вывел меня из полудремы, и я еле-еле открыл глаза.

Пару недель назад я сделал дубликат ключа с разрешения Аманды и отдал его Кутиле. Ловя отходняки, я начал бояться, что умру к черту, пока хозяйки квартиры не будет дома. Аманда согласилась, хотя рада совсем не была. Но она тоже переживала за меня, я это знал, а покупать себе телефон я отказывался напрочь.

Сейчас был как раз день третий после очередного марафона. Я лежал на кровати в окружении пакетов из Макдака. На самом деле по окончанию марафона еду в себя приходилось почти впихивать, но так было нужно. На столике рядом была рассыпана трава. В комнате я не курил, но Аманда разрешала курить на кухне. Иногда она даже присоединялась ко мне, рассказывая, как по молодости тоже увлекалась шмалью. Мы со смехом обсуждали, как называлась марихуана в ее время и как сейчас. Как только не называли траву: анашей, башом, марь иванной, газетой.

Лола зашла в комнату и присвистнула.

– Ну ты и жрать, конечно. Ты бы так жрал на марафоне, а

то как дистрофан. Юпи же говорил тебе, пиши напоминалки себе на бумажке, или хоть будильник заведи, если телефона нет.

Я фыркнул. Будильник у меня был и бумажки с напоминаниями тоже. Но помогало это не всегда: я мог просто выключить звонок и продолжить заниматься делами. От еды откровенно воротило, я мог есть только какие-нибудь йогурты. И поэтому я сильно похудел за это время, несмотря на то, что после марафонов жрал бургеры и исключительно жирную пищу.

– Ты че, нотации мне пришла читать? Башка и так болит, – протянул я и отвернулся.

– Ой, какие мы злые, – рассмеялась Лола.

Она села за стол и, скрутив косяк, закурила. Я не стал ничего говорить, я хотел спать.

– Вообще странно, ты довольно давно уже сидишь. Проблем с едой быть-то уже не должно. Ты сколько грамм-то в неделю херачишь?

«Много», – подумал я, – «больше, чем на самом деле мне нужно»

Но вслух ничего не сказал. Она была права в чем-то: даже на марафоне, если употреблять от грамма до трех хотя бы, то последствий, кроме безграничной усталости конечно, особо не было. И есть можно, и засыпать проще, чем вначале. Да и я был молод и здоров, так что отход был минимальный по степени поганости. Но было одно но: я употреблял далеко не

до трех грамм.

– А че ты в клуб перестал ходить? Мы почти уже месяц тебя не видели.

– Потому что в клубе твой дружок Юпи вечно толкает мне мет, – с раздражением ответил я, привстав на локтях и глянув на девушку.

Лола закашлялась, а потом залилась хохотом, едва не свалившись со стула. Я закатил глаза и спрятал голову под подушку. Меня бесил ее смех. Хотя сейчас меня бесило абсолютно всё.

– Ты сел на мет! Обалдеть, я-то думала ты только по амфе, – она всё никак не успокаивалась.

– Под амфой нечего делать в клубе, – нехотя буркнул я. Лола соскользнула на пол и, сев на колени, приподняла подушку.

– И сколько ты уже перетрахал, а? – вкрадчивым голосом поинтересовалась она.

Я со вздохом сел на кровати. Поспать она мне точно больше не даст, я это знал, поэтому я просто полез за наркотиками в шкаф.

Задавала она этот свой вопрос еще долго. Метамфетамин был сродни афродизиаку, особенно в клубе от него вштыривало неплохо, и в принципе ее интерес был вполне логичен. Вообще, до мета я был уверен, что никогда не испытаю сексуального влечения к кому-либо после всего. Но я был не прав, очень жестоко не прав.

Когда я впервые почувствовал это желание, то перепугался. И перепугался очень сильно, в конце-то концов, я же был под наркотой. Тогда от панического припадка меня спасал Том, уведя из клуба. Он всю ночь доказывал мне, что секс – нормальное явление, и нет в этом ничего плохого. А прошлый опыт нужно оставить в прошлом. И уже на следующий раз из клуба я уехал не домой, а к девушке, даже не запомнив ее имени. Потом я уезжал и с парнями, и с девушками, и даже пару раз с Лилией и Розой. И именно поэтому я перестал ходить в клубы.

Я просто боялся, что когда-нибудь такими темпами у меня найдут какую-нибудь из многих болячек, от которых, в том числе, некоторые клиенты Юпи становились бывшими.

Достав порошок, я сделал два трека для себя и Лолы. Мы выпили чай, убрались в квартире и свалили гулять. Начиная очередной забег из бессонных ночей, когда ты чувствуешь себя максимально энергичным, и при этом максимально морально уничтоженным. Но морально уничтожен я был задолго до наркотиков, поэтому какая, к черту, разница.

***

– Эй, Бродяга, ты чего? Спятил?

Голос Джея нагнал меня где-то на повороте, когда я пытался забиться под кусты Хай-парка. Я резко обернулся, увидев его и мельтешащего сзади Тома, и зашипел на них.

– Чего вы орете? Он же нас найдет.

Парни переглянулись. Том легкомысленно пожал плеча-

ми.

– Словил идейку просто, ничего необычного, – заявил он и достал из кармана сигареты.

Я нервно посмотрел по сторонам и все-таки сунулся за кусты, попросив сигарету уже оттуда.

Это дерьмо началось пару дней назад. Мы сидели в баре с ребятами, и я понимал, что мне нужно поспать, потому что уже начинал ловить галлюны. Конечно, «скорость» я за это не винил, просто я не спал уже несколько дней. Снова. И вот потолок начинал раскачиваться, бармен орудовал двумя руками, имея третью фантомную, а у повара от колпака поднимался пар. Это всё я уже видел, когда изводил себя до предела, и знал, что дальше будет хуже. Поэтому я взял с собой бутылку коньяка и, придя домой, выпил пару рюмок.

Вообще, я почти не пил. Крайне редко я мог взять коктейль в клубе или глотнуть вина с девчонками, но мне совсем не нравилось то, что делал со мной алкоголь. Однако, мои ребята все как один говорили, что несколько глотков крепкого напитка сделают свое дело быстрее, чем трава. И я решил рискнуть.

Вырубило меня, конечно, быстро, но сон был рваным. Остатки стимулятора в моем организме воевали со снотворным действием алкоголя, и мне казалось, что я где-то на грани между сном и явью. А потом в мои бредовые сны внезапно вернулся Морган, заставив вспомнить о почти забытых кошмарах.

С тех пор с приемом наркотика я начинал ловить паранойю: мне всё время казалось, что он рядом, ищет меня, чтобы... А черт его знает зачем. Выяснить я не хотел. Зато стоило «скорости» немного отступить, и меня захлестывала злость. Чертов Морган нашел меня даже в этом новом, розовом от амфетамина и метамфетамина, мире. Мне до безумия хотелось вернуться в Чикаго, чтобы бить и бить ублюдка, желательно – арматурой.

Сегодня бэдтрип нагнал меня на улице, и я ломанулся в парк, увидев Митча среди прохожих.

Я выкурил сигарету в пару тяг и, пока парни обсуждали голубую ель, растущую неподалеку, забрался поглубже между кустов. В моей голове билась уверенная мысль, что Морган ходит по дорожкам парка и ищет меня. Просидел я там довольно долго, хотя казалось, что прошла пара минут, а когда вылез, с удивлением обнаружил, что на улице уже давно утро. Джей спал, свернувшись на лавочке, а Том все еще говорил ему про ёлку, покуривая траву.

Я кинул взгляд на часы и вздохнул. Прошло шесть часов с тех пор, как я полез исследовать местную флору.

– Том. Пошли пожрем, – устало протянул я, тронув друга за плечо. Он перевел взгляд на меня и усмехнулся.

– Шмали? – предложил он, и я согласился.

***

После этого инцидента я решил слезть с фена. Такой паники я больше переживать не хотел, и к тому же, у меня на-

чало покалывать сердце. Том говорил, что я просто себя накручиваю, Джей – что ищу повод бросить. Вариант Пирата устраивал меня больше.

Отоспавшись до более-менее нормального состояния, то есть когда я хотя бы мог соображать не так смазано, как первое время после забега, я выбросил все наркотики. Настроив себя решительно, я был уверен, что слезу с системы. Жил же я как-то все эти годы.

Но, как оказалось, это было сложнее, чем я думал.

Я прожил целую неделю на сухую. Режим сна категорически отказывал восстанавливаться, аппетит тоже не появлялся. Всё вокруг было абсолютно серым и мерзким, и всё бесило. После того, как я едва не сорвался на Аманду, я стал подгадывать время, чтобы находиться дома тогда, когда ее не было. Я боялся обидеть ее, боялся, что сорвусь. Эта женщина слишком многое для меня сделала, чтобы я мог так с ней поступить.

Я пытался снова сосредоточиться на книгах, но забывал то, что прочитал несколько минут назад. Пытался писать статьи, но лишь тупо пялился на издевательски мерцающий курсор. Со мной пытались заговорить, но я не знал, о чем говорить. Какой-то парень с курсов программирования нашел меня в библиотеке. Он пытался помочь мне, развеселить что ли, но я и слова не мог сказать. Всё, чем я занимался до амфы, больше не приносило удовольствия, а то, чем я занимался под ней, – не получалось.

Через неделю меня выгнали из библиотеки, когда я швырнул книгу, которую никак не мог прочитать. А ведь мог бы прочитать за часа два, стоило только взять пару грамм. А ведь мог бы не кидать книгу в ни в чем неповинную библиотечаршу.

Оказалось, что я многое мог бы, только не выйти из этой поганой системы.

Спустя эту сухую, самую отвратительную в моей жизни неделю я снова пришел к Юпитеру. Воспоминания о последнем бэдтрипе немного подсмазались, и теперь они казались мне не такими паршивыми, как эта чертова жизнь. К тому же во мне крепло стойкое желание отомстить Моргану, а потом повеситься или вскрыться.

Я не мог справиться с этим. Я хотел назад. Я хотел вернуться в тот мир, где мог быть богом.

Система не отпустила меня, и я с радостью вернулся в ее гнилые объятия.

***

– Бродяга у нас скоро перейдет на медляки, – протянула Лола, подперев рукой голову.

Мы сидели в клубе за нашим столиком. Мы с Томом перекатывали друг другу стаканы с водой, споря, какая из них вкуснее. В очередной раз моя ходящая ходуном рука дрогнула, и стакан опрокинулся, залив стол. Мы с Томом заржали, Джей со вздохом кинул на стол кучу салфеток. Роза с улыбкой глянула на меня и, взяв салфетку, пропитавшуюся

водой, бросила в меня.

– Вытрись, Оли, опять кровь хлещет, – качнув головой сказала она.

Я, всё еще посмеиваясь, приложил салфетку ко рту и засмеялся снова, увидев на ней алое пятно. Снова прокусил щеку, впрочем, для скоростного наркомана это было явление нормальное: челюсть-то ходуном ходит. Лола толкнула Юпитера локтем и кивнула на меня.

– Что скажешь? Когда он уже начнет бахать герыч? – ее вопрос звучал так, словно было очевидным, как существование солнца, что я перейду с быстрых наркотиков на медленные.

Юпи закатил глаза и присосался к своему коктейлю. Он последнее время был совсем неразговорчив. Кутила переключилась на меня.

– Эй, Бродяга, сколько грамм?

Мне захотелось тоже закатить глаза и фыркнуть, но Том рядом завыл от хохота, и я залился следом. Юпитер вздохнул.

– Дохера. Я пытался его уговорить, говорил, что не дам ему столько, даже если он удвоит сумму.

– Но..? – поднажала Лола, когда Юпи замолчал. Тот с легким раздражением скосил на нее глаза.

– Но чуть в глаз не получил и плюнул. Хочет убиваться спидами – его дело.

Я всё-таки кинул в них салфеткой.

– Вы задрали уже. Мне просто мало после перерыва, я уменьшу дозу через пару дней, – с улыбкой сообщил я. Теперь засмеялась уже Кутила.

– Ты это уже который день говоришь, Бродяга.

Который день я говорю, я не помнил. С тех пор, как я вернулся к наркоте, мы все время пропадали в клубах и барах. Учиться, писать, читать или заниматься хоть чем-то другим я не мог больше, да и не хотел. Доза, которая теперь была мне нужна, превышала ту, что была раньше, в несколько раз. Но я не парился об этом, пока не приходили отхода.

Вещество ошибки прощает, но скрипя душой. Отхода стали намного жестче, я серьезно думал, что убью кого-нибудь, или сам умру. Поэтому последнее время я тусовался то у Тома, то у Лолы. Один я боялся оставаться. К тому же, деньги стремительно улетучивались, и я думал о том, что скоро не смогу платить за комнату. О том, сколько уже длилось это «последнее время», я имел весьма смутное понятие.

Но сейчас всё это было неважно.

– Пойду возьму еще содовой. Кому надо? – спросил я, выбравшись с диванчика.

Том ответил мне взмахом руки, и я кивнул. Подойдя к бару, я заказал четыре порции и стал ждать, разглядывая бутылки с алкоголем.

– Эй! У тебя не будет сигаретки?

Я обернулся на голос и увидел рядом улыбающегося парня. Мне смутно казалось, что я видел его уже где-то, но я не

мог вспомнить, где именно. Кивнув, я достал пачку и протянул ему, но он качнул головой.

– Пошли со мной на улицу, покурим, – предложил он.

Я, чуть помедлив, пожал плечами и, крикнув бармену, чтобы отнесли напитки за столик, пошел следом за парнем, протискиваясь через танцующих людей.

На улице я с наслаждением вдохнул свежий воздух и снова достал пачку.

– Угощайся, – предложил я, и парень кивнул.

Мы подкурили, молча наслаждаясь сигаретой. Под амфой курение становилось чуточку приятнее, мне это всегда нравилось с тех пор, как я вообще начал курить. Парень окинул меня взглядом и улыбнулся, качнув головой. Я внезапно вспомнил.

– Черт, ты же этот! Тот самый чувак с курса программирования, мы еще в библиотеке виделись!

Тот, засмеявшись, кивнул, и я присоединился к его смеху.

– Ты больше не слушаешь курсы? И в библиотеке тебя нет последнее время, – протянул он.

Я вздохнул. Снова это загадочное «последнее время».

– Я, наверное, больше не буду слушать их, курсы в смысле. Не моё это видимо, что-то уже не интересно. Так ты за этим меня искал? Надо как-то отменить занятия? Или в библиотеку я что-то не вернул? Если так, то я верну, правда, не знаю, когда, – привычно затарахтел я, но он прервал меня, покачав головой.

– Нет, я не за этим тебя искал. Я хотел подружиться, – просто сказал он.

Я снова засмеялся. «Дружиться» можно было в детстве, не теперь. Но если и так, то дружить со мной? Глупо, неразумно, и у меня уже были друзья. Я уже собирался сказать ему, что я глубоко тронут, но вряд ли согласен, как он снова меня перебил.

– Я Ричард, кстати. Но можешь звать меня Ричи, не люблю свое полное имя.

Дерьмо...

На меня словно свалилась неоновая вывеска. Мои глаза полезли из орбит, вся разговорчивость куда-то делась, что редко бывало под феном. Мир на секунду остановился, а потом диким калейдоскопом замелькал вновь.

– Алекс, – тихим шепотом ветра вылетело из моего горла. Сигарета, поднесенная ко рту, выпала из моих пальцев и с тихим шипением погасла в темной луже.

Глава 11

– Я Ричард, кстати. Но можешь звать меня Ричи, не люблю свое полное имя.

Сердце привычно неприятно кольнуло, только в этот раз наркотики были ни при чем.

– Алекс, – представился я.

И только потом понял, что я сказал. Мое собственное имя, сорвавшееся с языка, удивило меня едва ли ни больше имени этого парня.

Никто в этом городе не знал моего настоящего имени. Вообще, пока ты под амфой, ты почти не контролируешь, что несёшь. Хотя нет, не так. Контролируешь, но вся информация, которую ты выдаешь, кажется безобидной и подходит как отличная тема для разговоров. Поэтому мои ребята знали обо мне многое из того, чего знать им было не нужно. Вот, например, хотя бы то, что я адвокат.

Юпитер, узнав, еще пару дней со мной не разговаривал – обиделся. А Том словил навязчивую идею, что я коп под прикрытием, и их скоро всех посадят. Но эта тема уже переболела.

Однако, несмотря на амфу, никто из них не знал моего имени. Я выдрессировал себя настолько, что даже под дозой не выдавал его. Имя тесно и опасно в моей памяти переплеталось с прошлым, от которого я бежал. А за последнее вре-

мя я вообще начал забывать, что когда-то меня звали иначе. За это чертово «последнее время».

И сейчас я был в шоке.

– Вот черт! Я хотел сказать Оливер, прости, – не очень удачно нашелся я, зарывшись пальцами в волосы.

Ричард засмеялся.

– Да брось. Если ты сменил имя, то была причина, – добродушно улыбнулся он и выбросил сигарету.

Я проследил за ней взглядом, прикусив щеку.

– Не говори никому. Никто не знает.

Ричи только кивнул. Я перевел взгляд на парня, рассматривая его в свете неоновой вывески. Он был... он был обычным. Просто парень, ни лучше и ни хуже остальных. Я как-то мало что мог сказать о парнях. Он был жилистым, чуть выше меня ростом, в черной футболке и джинсах. Его волосы были темно-русого цвета, отдававшего медью. Такой медно-русый, словно крашеный. Впрочем, это могла быть игра неона.

Глаз его я не видел, поэтому сразу заинтересовался их цветом. Не раздумывая, я сделал шаг к Ричи и едва не столкнулся с ним носами. Он засмеялся.

– Это гетерохромия, – выдал он, совсем не удивившись, и я нахмурился.

– Гетеро-чего?

Слово было знакомым. Может быть я его знал. Но я всё еще был под дозой.

Ричи неожиданно взял меня за руку и повел за собой. Я

покорно пошел следом, начав рассуждать сам с собой, что я скорее всего знаю значение слова, но забыл, а забыл, потому что сейчас вообще сложно концентрироваться. Я нес околицу до тех пор, пока Ричи, остановившись под фонарем, не повернулся. Он положил руки на мои плечи и приблизил лицо к моему.

– Смотри. Они разные.

Теперь я увидел. Его правый глаз был светло-карим, а левый – голубым. Я видел людей с глазами разного цвета, но сейчас это вызвало у меня бешеный восторг.

– Ого! А это как так? Это у тебя с рождения? А видишь ты нормально? Это как болезнь что ли? Точно не линзы? И че, это вот каждый у тебя спрашивает про них? А ты чувствуешь, что они разного цвета?

– Пойдем погуляем. Я тебе обязательно все расскажу, – перебил меня Ричи, тихо смеясь.

И я согласился, даже не задумавшись, что оставил ребят в клубе.

***

Прошатались по улицам мы до самого утра. Ричи терпеливо отвечал на мои вопросы, а я неустанно заваливал его новыми. Повернуло меня на его глазах.

Я узнал, что такие они у него с рождения, что это не болезнь, они ему не мешают, и, чтобы не спрашивали все подряд, обычно он носит линзу карего цвета на левом глазу. Потом он как-то ненавязчиво переключил меня на другую те-

му, которую я подхватил.

Почти в каждом магазине он покупал мне воду, хотя я даже не просил. Мне то и дело приходилось искать то биотуалет, то кустик. Но вода давала чудотворный эффект – отпускало меня быстрее, чем раньше. Юпитер говорил о чем-то таком, что от воды почки прочищаются что ли, и действие наркотика проходит быстрее. Но я этого никогда не замечал, хотя на самом деле я и не пил так много.

Под утро, к моему удивлению, мы оказались недалеко от дома, где жила Аманда. Оказалось, что Ричи тоже снимает квартиру неподалеку. Мы еще ходили между домов, болтая обо всем на свете. Ричард, казалось, не замечал, что я под дозой, а вот я замечал. Тяжело такое не заметить, меня буквально потряхивало на каждом шагу. Последний час мы просидели на лавочке, а потом я с удивлением понял, что вымотался и хочу спать. Еще ни разу амфа не истощивала себя полностью.

– Надо бы телефонами обменяться... – протянул Ричи, глядя на окна возвышающегося рядом дома.

Я пожал плечами.

– У меня его нет.

Я хотел привычно добавить, что он утонул, и новый я покупать не хочу, но Ричард меня опередил.

– О, какое совпадение! У меня тоже нет. Тогда давай послезавтра в полдень здесь встретимся и пойдем купим, идет? Будем переписываться, – радостно предложил он.

Он словно светился, воодушевленный этой гениальной идеей, так что из моей головы мгновенно испарились все аргументы против. И я снова согласился.

Черт бы побрал этого парня.

***

– Да ла-а-а-адно! Бродяга и с телефоном! Завтра точно эклеры посыпятся с неба!

– Эклеры – это вкусно, – вставил свои пять центов Джей, и Лола кинула в него куском хотдога.

Мы валялись на траве в парке Сэра Касимера Гзоуски. Лилии с нами не было. Роза сказала, что они ночью обрабатывали очередного клиента, и у того не оказалось с собой достаточно наличных. Поэтому они договорились встретиться где-то, и наша блондинка поехала за баблом. Мне всё это казалось странным, я спросил, не надует ли их этот клиент, но Роза только отмахнулась. Мол, он был у них постоянным.

Ребята с восторгом перекидывали друг другу мой новый телефон. Основной восторг, конечно, вызывал не сам телефон, а его наличие у меня, ведь они так и не смогли убедить меня купить мобилу за столько времени. Телефон был обычный: не самый дорогой, не самый дешевый. Sony Xperia Z3, с андроидовской платформой. Выбирал его не я, а Ричи. Стоило ему узнать, что мобильник водостойкий, как он с серьезным лицом протянул его мне. Правда, в глазах его плясали смешинки. Да, я успел ему рассказать о печальной участи моего старого телефона.

Вокруг были разбросаны пакеты из фастфудов, бутылки лимонада, ну и конечно трава. Трава на траве, иронично. Вообще мы достаточно редко собирались днем, по крайней мере, в последнее время, но у нас был повод потусоваться. Я тут выяснил, что в амфетаминовом забеге пропустил свой День Рождения.

Мы гуляли с Ричи, когда он вдруг спросил, сколько времени я уже в Торонто. Этот вопрос вогнал меня в ступор: с того момента, как я сел на амфу, время для меня стало довольно абстрактным понятием. Бодрствуя сутками, я терялся в днях недели и числах и со временем просто бросил выяснять, какой сегодня день.

Мы посчитали, что переехал в Канаду я где-то в конце осени, начале зимы. Следующие два месяца жизни с Амандой я помнил неплохо. Потом в моей жизни появились наркотики. Сейчас была середина июня, а мой День Рождения был весной. Ричи долго смеялся надо мной, удивляясь, как можно было забыть о таком дне. А я думал о том, что скоро будет полгода, как я стал наркоманом. Мне пришлось признать себя им после того, как попытка слезть провалилась с жутким треском.

Но пропущенное День Рождение не было поводом его не отметить. Так мне и сказал Ричи. Поэтому он частично оплатил мой телефон, а потом потащил в кафе. А теперь мы сидели с ребятами в парке, потому что я по дурасти рассказал им.

– Оливер, твою мать!

– А?

Юпитер широко развел руки, наклонив голову. Он всем своим видом показывал, что я не слушающий его придурок. Я засмеялся.

– Прости, залип немного, – я пожал плечами. Юпи смерил меня взглядом и вздохнул.

– Да ты вечно подвисаешь. Глянь, че творят, – он махнул рукой на озеро.

Лола с Розой увлеченно макали мой телефон в воду, а Джей снимал это на свой смартфон. Я только фыркнул.

– Да пусть развлекаются, – благодушно разрешил я и откинулся спиной на траву.

Солнце приятно пригревало. Том, валяющийся рядом с привычным косяком в зубах, передал мне другой. Я с благодарностью затянулся.

– И кто это тебя всё-таки убедил, что тебе нужен мобильник? – протянул Юпи, положив на меня листочек.

Видимо, это ему чем-то понравилось, потому что он, приподняв брови, хмыкнул и начал выкладывать листики на мне в незамысловатый узор.

– Друг, – ответил я, улыбнувшись и прикрыв глаза. Я чувствовал, как трава расслабляет каждую клеточку тела.

– Это какой такой друг, а? Бродяга нас променял, – внезапно оказавшись рядом, капризно заныла Лола. Вот ведь вездесущая гадина.

Я не ответил, и она запрыгнула на меня, шутливо избивая. Юпитер тяжело вздохнул и лег рядом, недооцененный художник в нем только что покончил с жизнью благодаря Кутиле. На наши крики подтянулись и Джей-Джей с Розой.

– Вы че?

– Бродяга друга завел! Он вот с ним, по ходу, и свалил из клуба тогда! Еще и не рассказывает! – слету сдала Лола, продолжая меня щипать.

Я только тихо фыркал от смеха и убирал косяк подальше от ее рук. Том, перевернувшись на живот, привстал на локтях, заглянув в мое лицо блаженным взглядом.

– Ладно тебе, Бродяга. Расскажи. Мне пришлось выпить четыре бутылки лимонада тогда, ты мне теперь должен, – лениво проговорил он.

Я посмотрел на лица друзей, на которых было написано любопытство, и рассмеялся. Я и не собирался скрывать, зачем мне это было нужно.

– Короче, его зовут Ричард, и у него глаза разного цвета.

***

Через пару дней Ричи показал мне свою квартиру. Это была простая однушка с большой кухней, большой комнатой и ванной, половину которой занимала здоровая ванна. В комнате умещались кровать, диван, кресло и шкаф. Еще здесь было здоровое зеркало. Телевизора у Ричи не было, он сказал, что не смотрит его. Мы просидели у него весь вечер, распивая чай, которых у него была целая коллекция. А еще

через пару дней я остался у него ночевать. Точнее мне пришлось остаться.

Мы снова были в клубе с ребятами, когда мне внезапно стало плохо. По-настоящему плохо. Выдавлив из себя, что пойду домой, я вывалился из клуба и, дойдя до ближайшего дерева, уселся под ним. Было чувство, что сердце сейчас разорвется, настолько сильно оно билось. Я слышал его биеение в ушах, чувствовал в висках, даже в горле. И тогда я позвонил Ричи. Мне больше некому было звонить: в моем телефоне было всего семь контактов, и шестеро из их обладателей остались в клубе.

Ричи приехал сразу же, загрузил меня в машину, привез домой. Так я узнал, что у Ричи есть машина, а Ричи узнал, что я наркоман. Впрочем, может быть он и до этого догадывался, но всё это было совсем неважно. Я думал, что умираю. Я орал во всю глотку всю дорогу.

Когда он дотащил меня до кровати, я был на грани истерики. Или обморока, черт его знает. Только продолжал твердить, что сердце остановилось, и легкие не работают.

Когда Ричи попытался подняться, я вцепился в него мертвым грузом, умоляя, чтобы он не бросал меня. Он закатил разноцветные глаза и, присев обратно, хлестанул меня по щеке. Потом по второй, и так несколько раз.

– Отставить истерию, я сейчас вернусь. Сиди, балда, а то свяжу, – фыркнул он и скрылся на кухне.

Всю ночь он отпаивал меня водой и впихивал какую-то

странную белую пасту⁵. На вкус она была сладковатой, но ничем не пахла. Ричи объяснял мне, что это белый уголь, и что он выводит из организма токсины. Уснуть мне не удавалось до самого утра, но после пары таблеток, заботливо впихнутых в меня Ричи, я всё-таки вырубился. Видимо, это было снотворное.

Когда я проснулся, он валялся на диване, глядя в телефон. Голова трещала по швам, во рту и горле чувствовалась Сахарá. Мучительно застонав, я уткнулся лицом в подушку. От нее пахло лавандой.

– Там на полу таблетки от головы и бутылка воды. Всё для тебя, – дружелюбно отозвался Ричи, скосив на меня глаза.

Я промычал в ответ что-то отдаленно похожее на благодарность и наощупь нашел бутылку. Влив в себя половину, я проглотил таблетку и выпил оставшуюся воду, а потом снова спрятался в дебрях подушки. Минут через 20 стало полегче, и я, повернув голову, посмотрел на своего спасителя.

– Прости... Хреновая ситуация получилась. Ты сам-то спал? – мой голос был хриплым, и я закашлялся.

Ричи вздохнул и, отложив мобильник, поднялся, сев рядом.

– Шутишь? Ты вторые сутки уже дрыхнешь. Я еще никогда так не высыпался, – со смешком выдал он.

Теперь вздохнул уже я. На какое-то время в комнате повисла тишина. Ричи ушел на кухню, погромел посудой, вер-

---

⁵ Энтеросгель – кишечный адсорбент для перорального применения.

нулся.

– Двигайся давай, тело, – сказал он, пнув меня в бедро.

Я повернул голову и послушно уселся, глядя на друга, как первобытный человек на огонь. В его руках был поднос, который он опустил между нами, а на нем – две чашки чая и нормальная человеческая еда. Я накинулся на нее так, словно не ел всю свою жизнь. А ведь обычно после отходов мне есть совсем не хотелось.

Я уже не помнил, когда последний раз ел что-то кроме фастфуда. Скорее всего это было еще, когда я жил у Аманды. А когда я последний раз там был, я не помнил.

Ричи тихо смеялся, наблюдая за мной. Когда я наелся и влил в себя чай, он подался вперед и дернул меня за волосы. Которые, кстати говоря, давно пора было подстричь.

– Расскажешь, может? – спросил он, вызвав у меня вздох. Что ж, этот разговор всё равно когда-нибудь бы случился.

– Ну... в общем... я наркоман, – выдавил я, поведя плечом и не глядя на друга. Но его следующая фраза заставила меня вскинуть взгляд.

– Да это-то я знаю, – он отмахнулся.

– Откуда ты знаешь? – меня едва с пол-оборота не унесло в паранойю. Ричи фыркнул.

– Ты глаза свои видел вообще? «Я наркоман», – передразнил он меня.

– Но... я же капаю...

Я задумался, прикусив палец. Том мне как-то подогнался.

какие-то капли, сказав, что они сужают зрачки. И я капал глаза каждый раз перед тем, как закинуть в себя наркотик. Или нет? Я совершенно не мог вспомнить этой маленькой детали. Ричи со снисходительной улыбкой покачал головой.

– Ну и, наркоман, как ты докатился до такой жизни?

Я вздохнул. Рассказывать ему отчего-то не хотелось, было стыдно, и Ричи это почувствовал.

– Да ладно тебе, я же твой друг, помнишь? Мне ты можешь рассказать, – он положил мне на плечо руку. – Я не буду тебя в чем-то винить. Люди просто так на такую фигню не подсаживаются, я знаю. Что произошло с твоей жизнью, Алекс?

Я посмотрел в его разноцветные глаза: в них не было ничего, кроме сочувствия, понимания и желания поддержать. И я сдался. На самом деле, мне так давно нестерпимо хотелось рассказать хоть кому-то.

И я рассказал ему. Еще никогда за такой короткий промежуток времени я не произносил настолько часто фамилию Митча. Те полгода, что я проработал на ублюдка, уложились в сорок минут моего рассказа. Следующие полгода в Торонто – в пять.

Однако, спустя эти 45 минут мне стало намного легче дышать.

***

С этого разговора моя жизнь словно разделилась надвое. Я всё так же гулял с ребятами, мы зависали в клубах, па-

ру раз я снова ловил бэдтрипы, и приходилось Тому с Юпитером вытаскивать меня из разных щелей города, куда я в панике сбегал. Когда деньги заканчивались снова, я вместе с Лилией и Розой шел обчищать кошельки клиентов. Лола стала называть нас секс-трио, но мы только отмахивались. После марафонов я оставался по-прежнему то у Лолы, то у Тома. А когда вновь оживал, сбегал от них на пару недель к Ричи.

Нет, при нем я всё равно употреблял, однако мои дозы вернулись к первоначальным. Даже с ребятами я их придерживался, на что Лола только присвистывала и трагично заявляла Юпитеру, что не стрясет он с меня денег за герыч видимо.

Возвращение к старым дозировкам проходило тяжело, меньшая доза поначалу меня не брала. Я скатывался в отхода даже употребив, постоянно рычал на всех и каждого, в голове поселилась тревога, которая не отпускала, меня постоянно трясло. Больше всех доставалось Ричи, но он стойко переносил мои дурные настроения, легкомысленно отмахиваясь от меня. Собственно, он и заставил меня уменьшить дозу после одного разговора.

Один раз, когда я сделал трек прямо у него на кухне, он попросил меня сделать ему тоже. Я не спрашивал, уверен ли он. Наркоманы такого не спрашивают. Человек либо просит, либо нет. И он попробовал. Но, в отличии от моего первого раза, он не пошел в клуб. Он убрался в квартире, приготовил

мировой ужин, сгонял до магазина, выпил литра два молока и уснул. Отпустило его часов через шесть-семь. И проспал он пусть часов 14, но точно не сутки.

Я был удивлен. Хотя Юпитер и говорил, что организм у всех разный, но такого я не ожидал.

Когда на утро я спросил его об ощущениях, он сказал только:

– Забавно, но дрянь дрянью. Мне вот когда машину пода-
рили, я и то больше кайфа почувствовал.

Ну что ж, справедливо. У меня машины не было, потому что: «Алекс, сын, на свою первую иномарку ты должен заработать сам».

После этого он больше не просил, а я не предлагал. Я знал, что это такое. Я не хотел, чтобы с Ричи происходило когда-либо то, что происходило со мной.

Зато после моего рассказа о жизни и этого первого и последнего раза его пробы амфа он долго еще думал, гонял что-то в голове, а потом выдал:

– А я знаю, почему ты влез в это дерьмо.

Я поперхнулся.

– Ну-ка просвети меня, несведущего.

Для меня-то всё было понятно. В тот момент, когда я увлекся, мне не было ни до чего дела. Я был мертв внутри. Я и сейчас был мертв. А наркотик давал мне иллюзию прекрасного, иллюзию жизни. Собственно, я и сказал об этом Ричи, не дав ему ответить.

– Ты был в депрессии, Ал, вот и всё. В глубокой, дерьмовой, но всё же депрессии, которая переросла в нервный срыв. А наркота тебя просто от этого отвлекала.

Ричи пожал плечами и уставился на меня, ожидая, что я начну возражать. Я и начал, оправдывая ожидания.

– Да ты понятия не имеешь, что это такое! Мне сдохнуть хотелось! – меня взорвало. Я поднялся из-за стола, опрокинув стул. – Я пил антидепрессанты, они ни хрена не помогают! И этот черт всё время поблизости был! Ты, мать твою, не был на моем месте!

Ричи покачал головой и, поднявшись, схватил меня за руки, пока я не снес ничего.

– Придурок, – спокойно протянул он. – Таблетки такие пьются по рецепту. А учитывая, как ты наркоту свою употребляешь, то предполагаю, что и колеса жрал пачками. А если бы помереть хотел, то давно бы уже помер. Но я не об этом вообще сказать хотел.

Он усмехнулся и внезапно притянул меня к себе, зажав мою голову в локте и начав методично лохматить волосы.

– У тебя друга просто не было, чтобы по башке дать. А теперь есть, и я именно этим и займусь. Ну-ка не вырывайся, я буду тебя бить по пустой тупой башке!

Он засмеялся, повалив меня на пол. Началась шутовская потасовка, которая закончилась только потому, что нам было трудно дышать от смеха.

Я валялся на полу и думал о том, что у меня был такой

друг. И да, он вытаскивал меня, как мог. А потом я его потерял.

Я посмотрел на Ричи: он кое-как поднялся, умыл раскрасневшееся лицо, а потом стал набирать воду в пульверизатор. Кажется, намечалась водная война. Я вскочил на ноги и бросился в ванную, прихватив со столешницы пустую бутылку.

Кажется, у меня снова был друг. И он снова вытаскивал меня из дерьма, пытаясь защитить от себя самого.

***

– Оливер, подожди!

Том попытался меня догнать, но, пробежав за мной с километр, остановился. Я мчался выше по улице, стараясь не оборачиваться.

За мной бежал Митчелл Морган в окружении адских гончих. Красные светящиеся глаза этих здоровых псов прожигали мне дырки на футболке, от них воняло так, что я задышался. По кустам, сзади деревьев и машин прятались копы. Они все хотели меня схватить, поэтому я несся со всех ног, бросая взгляды на искаженное небо.

Я пробежал через половину города, врезаясь в редких прохожих и едва не попадая под машины. Мне сигналили и орали вслед, а Морган скакал по крышам. Пару раз я навернулся, не вписавшись в поворот, и наконец остановился за каким-то зданием в тени, переводя дыхание.

Руки дрожали, когда я коснулся губ, впрочем, меня всего трясло. Футболка была напрочь мокрой. На пальцах осталась

кровь, и я отупело уставился на руку. А потом сполз по стене на землю. Сердце разрывалось, чуть ниже под ребрами как-то странно болело. Я попробовал подняться, но боль усилилась, заставив меня застонать. Я вышел на улицу, шаря глазами по зданиям, и наконец увидел вывеску госпиталя. Сейчас была ночь, но пункт неотложной помощи работал круглосуточно.

Я кинулся к госпиталю, воя от боли. Когда я ворвался внутрь, на меня обернулись все врачи, мне казалось, их там сотня. Я бросился к первому, крича, что мне нужно МРТ или КТ, срочно. Орал, что у меня сломано ребро и инфаркт. Врачи переглянулись, а я заорал, срывая горло, что сейчас умру, а меня никто не лечит.

Я носился по приемному отделению, опрокидывая кресла. Откуда-то появились санитары и попытались меня поймать. Не на того напали! Одного я со всей дури ударил локтем по ребрам. Как оказалось, дури у меня много, потому что мужик согнулся, присев на пол. Второму заехал кулаком в челюсть. Я собирался драться за то, чтобы меня лечили, ребро болело так, что я сам едва не падал. Я всё продолжал орать, что мое сердце останавливается, плюясь кровью, заливавшей подбородок.

И тут я снова увидел Моргана, на этот раз за стойкой. Замерев на секунду, я увернулся от рук санитары и выскочил из приемного отделения. Оглядевшись, я увидел полицейскую машину, заворачивающую за угол, и бросился за ней. Надо

было им сказать, что меня преследуют. Сказать, что меня не хотят лечить.

Только бы успеть, пока сердце еще бьется.

Я свернул в переулок, ловя сине-красные отблески на стенах домов, и, воя от боли, помчался следом. Я почти догнал машину, как на моем пути, прямо перед лицом, возник... кулак. Я не успел затормозить, перед глазами резко вспыхнули звезды, а сразу за ними меня накрыла темнота. Я не успел даже боли почувствовать, моментально отключившись.

***

– Вот черт...

Первое, что я почувствовал, открыв глаза, – адская головная боль. Я не сразу понял, где нахожусь, из-за боли всё вокруг смазывалось. Сначала я узнал запах, исходящий от подушки, – лаванда, а когда с трудом сел, увидел хозяина квартиры.

– Придурок, – поприветствовали меня.

Следом за приветствием последовал подзатыльник, правда слабый. Но даже этого хватило, чтобы я поморщился, застонав от боли. Ричи присел рядом и приподнял мою голову за подбородок. Челюсть отозвалась болью, ничем не меньше головной.

– Терпи, – строго сказал друг, одним движением вправив мне выбитую челюсть.

Послышался щелчок, раздавшийся в моей голове ударом колокола, и я заорал от волны боли. Перед глазами опять взо-

рвался фейерверк, я едва не отключился снова. Ричи хмыкнул и приложил к моей щеке что-то холодное. Даже не приложил, а шлепнул. На поверку это оказался кусок мяса, свинины, если точнее. Так я впервые в жизни получил леща куском свинины.

Я упал обратно на подушку, прикрыв глаза. От холода стало немного легче. Через пару минут Ричи принес мне таблетку от головы, и я выпил ее, радуясь колесу, как младенец конфетке.

Нормально функционировать я смог только часа через три, поев и выпив еще одну таблетку: хоть есть и не хотелось, но этот изверг не дал мне выпить таблетку на голодный желудок.

Сев на кровати, я растрепал волосы. Ричи валялся на полу перед открытым окном и читал книгу. Я хотел что-нибудь сказать, но не решался заговорить. Помнил о произошедшем я несколько смазано, но было жутко стыдно. А еще непонятно. У меня была куча вопросов, и они в конце концов пересилили стыд.

– Ричи... эм... спасибо, – выдавил я.

Говорить было немного больно, но терпимо. Друг поднял на меня глаза, долгую минуту просто смотрел на меня, потом закрыл книгу и со вздохом поднялся, сев рядом. Критично меня осмотрев, он фыркнул.

– Идиотский вопрос, конечно, но ты как? – спросил он.

Я неопределенно повел плечами.

– Бывало и хуже. Слушай, я...

– Ты придурок. Причем полный, – кивнул Ричи, перебив меня. Правда он улыбался, и у меня немного отлегло от сердца.

– Как ты меня нашел? И... где? – немного помолчав, спросил я. Ричи фыркнул и упал на кровать, заведя руки за голову.

– Я, вообще, мимо ехал, как увидел, что ты несешься к госпиталю. Я прям жопой почувствовал, что тут что-то неладное, поэтому пошел за тобой. Я даже успел увидеть чудесную картину погрома и чуть не получил по лицу.

Он хохотнул. Я отвел взгляд. Я смутно помнил, что ударил санитару. Или санитаров.

– А потом ты помчался за копами. Я испугался, что тебя сейчас там и примут, поэтому поехал следом. Чуть-чуть обогнал, а потом вырубил на дороге. Мне показалось, что так будет проще. Не думаю, что ошибся, решив, что ты не будешь со мной разговаривать.

Я вздохнул и потер виски.

– В госпитале мне помогать не захотели. Я думал, что у меня ребро сломано, – тихо протянул я. Рука сама собой легла на ребра. Они были целы. – А до больницы за мной... гнались и...

– Алекс, – перебил меня Ричи, приподнявшись на локтях, – никто не гнался за тобой. И в госпитале тебе предложили пройти к врачу, но ты начал всё крушить.

– Неправда! Я же видел, как он за мной несется!

– Кто?

– Морган! – я резко повернулся к другу.

Ричи уже хотел что-то ответить, но только выдохнул и покачал головой. Сев, он положил руки на мои плечи и внимательно посмотрел в глаза.

– Ал, Морган в Чикаго. Никто не гнался за тобой. Да и он бы вряд ли гонял за тобой по Торонто один.

Я открыл и закрыл рот пару раз.

– Но он был не один. Он был...

Я осекся. Что я хотел сказать? Что известный адвокат преследовал меня в окружении адских псов? Серьезно?

Ричи приподнял брови, и я вздохнул.

– Ладно, ты прав, – сдался я и потер ноющую челюсть. – А рука у тебя тяжелая.

– Занимался борьбой в детстве, – отмахнулся Ричи, но рук с моих плеч не убрал. – Сколько ты принял, а? Насколько я знаю, так выглядит передоз амфетамина. Ты же говорил, что уменьшил дозы.

Я опустил голову, позволив волосам закрыть лицо. Я-то уменьшил дозы, но у нас был повод.

Лилию с Розой кинули с деньгами, а там была довольно крупная сумма. Тома уволили с работы. Они позвонили мне, и мы вчетвером решили, что необходимо надраться до отупения. Девочки пили водку с содовой, Том глушил ее просто так. А я не хотел алкоголь, поэтому я сделал себе пару

треков, слегка увеличив дозу. А потом еще пару треков, потом еще немного. И меня накрыло: я больше не мог сидеть на месте, звуки и свет стали искаженными и непонятными. Мы вышли с Томом на улицу покурить, и я поймал привычную паранойю. Только в этот раз было похоже на шизу. Не думаю, что этот самый повод стоил того, и он точно не был оправданием, но всё было так. Я рассказал всё это Ричи и пожал плечами, старательно пряча глаза.

Друг цокнул и поднялся.

– Короче, я тут сейф купил, смотри.

Внезапно.

Я вскинул голову, ошарашенно глядя, как Ричи снимает с квадратного предмета простынь. Под ней и правда оказался сейф с кодовым электронным замком, маленький, примерно полметра в высоту. Но я совсем не понимал, к чему Ричи мне об этом сказал. Он присел перед сейфом, набрал комбинацию, а потом, обернувшись, подмигнул мне.

– Вот твой телефон, – он продемонстрировал мне мой мобильник, достав его из кармана, – вот твой паспорт, а вот ключи от этой квартиры.

Он сложил все вещи в сейф и захлопнул его. Поднявшись, он сел на него, вытянув ноги, скрестил их и, похлопав стенку сейфа, усмехнулся.

– Пока ты беспробудно дрых, я выбросил весь твой порошок. Там в тумбочке осталось немного травы. Продуктов я накупил на недели две, а то и три. Дверь закрыта, а мы на

десятом этаже, – ровно произнес он.

Я нахмурился.

– И к чему ты это всё? – осторожно поинтересовался я.
Пока что всё выглядело, как похищение.

Ричи усмехнулся еще шире.

– Пока ты не слезешь с этой дряни, я не выпущу тебя из квартиры. Хочешь ты этого или нет.

Глава 12

– Ты спятил?

Что ж, вполне закономерный вопрос. Правда, задал я его спустя минут пять после заявления Ричи о том, что он собрался снимать меня с наркотиков. До этого я просто отупело тарачился на него, открыв рот. Друг засмеялся. Накрыв сейф простынью, он упал на диван, потянувшись.

– Совсем нет. В отличие от тебя я в трезвом уме и светлой памяти, или как там говорят? И я готов терпеть тебя, ущербного, так что спасибо скажи лучше.

Я закатил глаза.

– Да брось, Ричи. Посмеялись и хватит. Ты же не можешь взаправду держать меня взаперти, – фыркнул я. Ситуация была какой-то абсурдной.

– Вообще-то могу, – невозмутимо отозвался друг.

– Это подсудное дело, ты в курсе?

– Сказал наркоман, – всё также невозмутимо парировал Ричи, уставившись в телефон.

Я открыл рот и закрыл его. Разумные аргументы катастрофически быстро заканчивались, я начинал злиться. Но пока еще держал себя в руках.

– Рич, меня ребята потеряют.

У того вырвался смешок, он скосил на меня глаза.

– Это которые? Твои наркоманы и парочка проституток?

И чего, они поднимут восстание и пойдут на меня с наездами и кулаками? Алекс, давай честно.

Он сел, посмотрев на меня. На его губах гуляла легкая улыбка. Кажется, он был собой доволен.

– Твои друзья пару дней будут названивать тебе, а потом решат, что ты или уехал, или помер от передоза. Так что тут даже говорить не о чем. Хозяйка квартиры, где ты комнату снимал, скорее всего думает также, причем уже давно. Кто тебя еще знает в Торонто? Заведующая библиотеки? По-моему, она до сих пор не простила тебе запущенную в нее книжку. Никто не будет тебя искать, остынь.

Я задохнулся внезапно накатившей злобой. Ричи был прав, а это бесило. Я почти вскочил с кровати, намереваясь треснуть друга по улыбающейся роже, но ноги подвели, и я упал обратно на подушки.

– Ты не можешь держать меня в квартире, как какую-то шавку! Я взрослый человек и сам могу решать, что мне делать со своей жизнью!

– Взрослый человек пару дней назад под наркотиками разнес приемное отделение госпиталя и чуть не сдался полиции, убегая от фантома, – фыркнув, отмахнулся Ричи.

Я разразился бурным потоком брани в его сторону. Он закатил глаза, и я швырнул в друга подушкой. Правда, едва сам не навернулся на пол. Ричи только покачал головой, с легкостью перехватив перьевой прямоугольник, и, подойдя ко мне, толкнул меня на подушки.

– Не в твоём состоянии со мной бодаться. Придешь в себя через недельку-две, потом подеремся, окей? – добродушно сказал он, положив пострадавшую подушку рядом.

Улыбнувшись, он ушел на кухню, снова загремев посудой, а я продолжал поливать его тоннами грязи. Злость застила глаза, мне хотелось хорошенько приложить этого парня башкой о стол. Но он был прав: я с кровати-то с трудом мог подняться. Челюсть ныла, готовая накрыть меня болью, как только закончится действие обезболивающего. Голова гудела, обещая тоже самое. К тому же меня слегка подташнивало. Я задался вопросом, не получил ли я сотрясение после такого удара.

Через полчаса злость угасла. Я смотрел в потолок и думал, как же мне выбраться из этой внезапной передрыги. Хотя где-то глубоко в подсознании я и думал, что друг в чем-то прав, но был уверен, что ничего не выйдет.

Ричи вернулся через час, принес мне чашку с каким-то отваром, от которого приятно пахло травами.

– Успокоился ли? – поинтересовался он, присев рядом. Я вздохнул.

– Слушай... может быть я вернусь к Аманде? – неуверенно протянул я. – При ней я всегда старался не перебарщивать с дозой.

– А если всё-таки переборщишь, то всегда можешь остаться у своих друзей, правильно? – Ричи усмехнулся. – А за комнату ты как платить будешь? На панель пойдешь?

Я отвел взгляд, прикусив губу.

– Ну... Работу найду, – едва слышно ответил я. Друг фыркнул.

– Ага, взяли тебя за твои честные глаза с прелестно широкими зрачками. Алекс, брось торговаться со мной.

Я вздохнул. Ну, хотя бы попытался. Спорить уже не хотелось, я дико устал, хотя и проснулся не так давно.

– У меня там сотряса нет после твоего альтернативного задержания? – вяло поинтересовался я, сделав пару глотков. Ричи покачал головой.

– Нет. Ушиб может быть, но не сотряс. Иначе бы я отвез тебя в госпиталь, который ты разнес.

Какие мы предусмотрительные. Я вздохнул, Ричи перехватил чашку, едва не выскользнувшую из моих пальцев.

– Ты-то откуда знаешь?

– У меня были сотрясения, просто поверь, я знаю. Отдыхай, Ал.

Я только промычал в ответ что-то невнятное, закрыв глаза. У меня было подозрение, что это не просто травяной отвар. А может быть и он. К черту всё, мне просто хотелось спать.

***

– Мне когда-то читал очередную лекцию известный адвокат. Джордж Ли, может знаешь, – протянул я, глядя в потолок.

Ричи, валяющийся рядом, повернул ко мне голову.

Прошла пара дней с того момента, как он закрыл меня в своей квартире. В первую же ночь я проснулся, задыхаясь от страха. Ускользящее сознание сходило с ума, я метался по кровати, съедаемый мыслями о том, что моя жизнь пришла в свою финальную точку. До утра Ричи пытался успокоить меня, но я его почти не слышал в полубредовом состоянии. Вымотав себя до изнеможения, я всё-таки вырубился, но лишь на пару часов.

С кровати я так и не встал – сил не было. В туалет и ванну Ричи таскал меня на себе. Я чувствовал себя разбитым и уничтоженным. Я чувствовал только пустоту внутри, сопровождаемую лишь головной болью.

Ричи почти насильно впихивал в меня еду: есть я не хотел от слова совсем. Он и не заставлял меня есть что-то грандиозное, тем более челюсть всё ещё болела. Он готовил бульоны, приносил йогурты, периодически пичкал меня уже знакомыми травяными отварами. То и дело он накрывал мой лоб холодными мокрыми полотенцами, от чего боль немного отпускала, и я проваливался в странное состояние полудремы.

К вечеру я начал нести околесицу: спрашивал у друга, нет ли у него знакомого волшебника, или на худой конец бабки-знахарки. Хоть кого-нибудь, кто сможет помочь и вернуть в мою жизнь часть цветовой палитры. Я просил у него номер телефона, чтобы позвонить своему ангелу-хранителю и по-

просить его вернуться.

Ричи слушал меня очень долго, а потом принес таблетки, со вздохом сказав выпить их. Впрочем, я согласился сразу же, у меня не было ни желания, ни сил спорить с ним. После колес стало легче, я даже смог поспать чуть подольше следующей ночью. Проснулся я от кошмара, и Ричи в очередной раз пришлось успокаивать меня.

Интересно, кому из нас со мной было тяжелее?

С трудом успокоившись, я спросил у него, что это были за чудо-таблетки, и он со скрипом после долгих уговоров признался, что это нейролептики.

Вот эта тема меня заинтересовала ни на шутку. Антипсихотические препараты без назначения психиатра не продавались. Более того, их почти нереально было найти в аптеках. Я доставал Ричи несколько часов, без вопросов выпил утреннюю порцию своего бульона с куском хлеба, только бы он рассказал. В конце концов, друг признался, что у него есть знакомый фармацевт, которого пришлось слегка ввести в курс дела. Зато он спокойно выдал Ричи нейролептики.

Черт, да это же как аптекарь у Юпитера. Могла бы быть еще одна точка скупки.

Ричи, раскусив ход моих мыслей, посуровел.

– Даже не думай об этом. А то я тебя в наркологичку увезу, – выдал он.

Странно, но эта угроза подействовала. Представлять, что судьба приведет меня, в конце концов, в наркологию, было

мерзко и отвратительно. Более мерзко и отвратительно, чем сами наркотики. Больше я выяснять по этому поводу ничего не стал, хотя в голове и осталась легкая навязчивая идея.

Следующий день был более спокойным, но не обошелся без очередного кошмара. Но хотя бы он настиг меня днем, когда я смог уснуть. Сон категорически не хотел возвращаться в норму, как и аппетит. Но я умудрился не заорать при пробуждении, это было достижением.

Ричи спал, свернувшись калачиком в кресле. Выглядел он уставшим, и я порадовался, что не разбудил его. Рядом с ним на столе стоял ноутбук. Я долго сверлил его взглядом, кусая губы, а потом всё-таки сполз с кровати, добравшись до ноутбука. Зачем он мне, я осознавал смутно. Может быть попробовать поискать поставщиков рядом, или найти своих ребят в социальных сетях, черт его знает. Но интернет был выключен. Зато была целая папка со скаченными фильмами, и я залип в один из них. Какой-то легкий комедийный боевик – как раз то, что нужно.

Когда он закончился, проснулся Ричи. Слегка побурчав на тему того, что не надо мне в экран пялиться с отшибленным мозгом, он принес поесть и карты. В колледже ребята часто играли, прячась то под партами, то за лестницей, то во внутреннем дворе. А я играть не умел, мне в те времена было не до этого. Но Ричи быстро научил меня, и мы скоротали так довольно много времени.

Сегодня утром друг притащил витамины и другие таблет-

ки, выставив их на столе. Он устроил мне целый спектакль, показывая каждую баночку и рассказывая, для чего их пить. Так в моем рационе появился Актовекин, способствующий улучшению кровообращения мозга, уже знакомый мне белый уголь, кальций и комплекс витаминов группы В. Ричи уверял меня, что они восстанавливают иммунную и нервную систему.

Ему даже удалось рассмешить меня этим представлением, однако смех чуть не перелился в истерику. Пришлось признать, что с нервами у меня действительно не всё в порядке. Кое-как утомив меня, Ричи притащил поднос, на котором кроме бульона спустя эти два дня появилось куриное мясо.

И вот после этой скромной трапезы мы валялись на кровати. Я рассказывал Ричи про профессоров, адвокатов и судей, которые часто читали мне лекции в кажущиеся уже далекими времена, пока не вспомнил про Джорджа.

– Имя знакомое, может, слышал где, – сказал парень. – И чего он?

– Он тогда вспомнил про концепцию Монтескье, говорил про свободу в обществе. Меня тогда пригрузило на этой теме. Я думал... знаешь, я думал, что понятия не имею, что такое свобода. У меня ее никогда не было.

Я замолчал, позволив воспоминаниям о прошлом ненадолго поглотить меня. Ричи терпеливо ждал, когда я продолжу.

– Когда я уехал из Чикаго, я нашел свободу, которую так долго искал. Бесплезную, гадкую, мерзкую... совсем не такую, какую ждал. Оказалось, что я не знаю, что с ней делать. Или она просто не оправдала моих ожиданий.

Я прикусил губу. Потолок расползлся перед глазами причудливыми узорами. Ричи задумался, а потом перевернулся на живот и заглянул в мое лицо, приподнявшись на локтях.

– Ты неправ, Ал. Ты всё еще не знаешь, что такое свобода, – тихо сказал он.

Я перевел на него взгляд, слегка нахмурившись.

– Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь.

Ричи вздохнул и покачал головой.

– Ты сбежал из города, но не сбежал от прошлого, Алекс. Там тебя пленил начальник, от которого ты не смог скрыться даже в Канаде, а здесь – наркотики. Если ты думал, что амфетамины и прочая дрянь дают тебе свободу, то ты крупно ошибался, мой друг.

Я опустил глаза, размышляя над его словами. К сожалению, он был прав. К сожалению, я понимал это только теперь, когда смутное подозрение обрело форму в словах Ричи. Я ведь не для этого бежал в другую страну. Но для чего тогда?

– Я... я уехал сюда... чтобы просто не быть больше там, – едва слышно протянул я. Ричи улыбнулся уголками губ.

– Это тоже дерьмовая идея. И всё же ты здесь, в Канаде, в стране, в которую мечтал съездить. Не повод ли это отпу-

стить своих демонов и попробовать еще раз?

– Не думаю, что у меня получится, – я пожал плечами.

Ричи повторил мое движение.

– Почему нет?

– Я не смогу спокойно жить, пока этот ублюдок где-то снова и снова творит беспредел. Я всегда буду ждать, что он доберется до меня рано или поздно.

Ричи тихо рассмеялся и растрепал мои волосы, слегка дернув за них.

– Ты параноик, Алекс.

– Возможно, – я вздохнул и посмотрел в разноцветные глаза. – Я хочу отомстить, Рич.

– Знаю, – ответил он мне. – Но в таком состоянии ты можешь только убить себя. Поверь мне, ни один ублюдочный адвокат этого не стоит. Ты должен попробовать для начала найти эту свою свободу. Если уж не от памяти о нем, то хотя бы от всего остального.

Я, как замороженный, смотрел в его глаза. Когда он так говорил, мне казалось, что всё возможно, настолько уверенно звучали его слова.

– Я пытался... пытался слезть с этого дерьма. У меня ни черта не вышло, стало только хуже. Моя жизнь потеряла все свои краски без дозы. Мне кажется... что я не смогу.

– Сможешь, – твердо произнес Ричи. Его глаза сверкнули. – Я помогу. Только и ты должен себе помочь. Нарисуем мы тебе новую баночку акварели.

Я не имел ни малейшего понятия, почему это происходило, но я верил ему. Я думал, что никогда уже не смогу верить людям, но ему поверил. Я готов был пытаться спасти себя, пусть и не был уверен в удачности этого предприятия. Нет, я был уверен в Ричи. Он уже вернул моей жизни по крайней мере два цвета: светло-коричневый и голубой.

У него могло получиться то, чего не получилось у меня.

***

Я знал, что будет тяжело. Знал еще с прошлого раза. Но, откровенно говоря, я не подозревал, что будет такая жесть.

Нейролептики Ричи мне больше не давал, говорил, что они нужны были на первые дни, пока наркотик полностью не выведется из организма. После этого он меня пичкал какими-то травяными отварами, якобы успокаивающими, но мои нервы были истрепаны слишком сильно, чтобы им помогала какая-то душица или мелисса.

Недостаток сна накладывался на все предыдущие бессонные ночи, аппетит не хотел возвращаться со стойкой категоричностью, и всё это бесило. Бесило, что я не могу выйти из квартиры, бесило, что я не могу выспаться, бесило, что я не могу решить эту проблему самым легким способом. Пара грамм, и я был бы в норме. У меня сносило крышу от всего этого.

Я постоянно огрызался на Ричи, орал, когда он пытался со мной заговорить. После того разговора мы ни разу не поговорили нормально больше двух минут. Чтобы не мозолить

мне глаза, Ричи стал торчать на кухне со своими книгами, пока я пересматривал фильмы на его ноутбуке уже по четвертому кругу.

День на пятый, или может шестой, я в очередной раз пересматривал «Иллюзию обмана», когда меня вдруг накрыло. Меня внезапно взбесил Марк Руффало: мне казалось, что его отвратительная игра совсем не вяжется с киношной погоней за «Всадниками». Вряд ли бы я смог объяснить себе этот всплеск в последствии, к тому же я любил этот фильм, но разозлился я настолько, что швырнул ноутбук с кровати. Он пролетел через комнату, врезавшись в кресло, и упал, хлопнув крышкой.

Ричи прибежал на этот звук и остановился на пороге, глядя на разбитый компьютер. Тяжело вздохнув, он собрал ноут и унес его на кухню. Он возился с ним до самой ночи, но в конце концов выбросил в мусорку.

– Проще новый купить, – пожал он плечами, вернувшись в комнату и упав на диван. Меня поражало его терпение, я бы вот уже давно придушил бы себя.

– Чай с мятой будешь? – спросил он, глянув на меня.

Я, фыркнув, отвернулся к стене, накрывшись с головой одеялом.

– Да пошел ты.

– Без проблем. Спокойной ночи, Алекс, – только и ответил он.

***

– А больно падать с десятого этажа?

Ричи поднял голову от англо-немецкого разговорника и, задумчиво посмотрев на меня, глянул в окно, рядом с которым я стоял.

– Смотря как упасть. Можно насмерть и со второго этажа грохнуть, а можно выйти с десятого и выжить. Но в последнем варианте будет чертовски больно, – протянул он и снова уставился в потрепанный томик.

Я постучал по стеклу, наблюдая за его легкой дрожью, а потом открыл окно. На меня дохнуло свежим воздухом, и я на мгновение прикрыл глаза. Приятно.

– А если я сяду на окно и опущу вниз ноги, какая вероятность, что я сорвусь?

Ричи вздохнул и, поднявшись, подошел ко мне, встав рядом.

– Сто процентов. Учитывая, что ты сам туда прыгнешь, – устало ответил он.

Я косил на него глаза.

– Что, настолько очевидно?

Друг не ответил, только взял меня за руку и отвел от окна подальше. Это был уже не первый раз: он меня находил, лениво обматывающим шею поясом халата, как-то заметил, что я царапаю ножницами руку. Когда он поймал мой задумчивый взгляд, остановившийся на таблетках, то убрал их подальше.

Нет, я не собирался умирать. Не хотел совершать суицид.

Ничего подобного. Во мне просто просыпалось время от времени нездоровое какое-то любопытство. Я пытался объяснить это Ричи, но он только кивал головой, не слушая меня.

Он толкнул меня на диван, отвесив легкий подзатыльник.

– Не подходи к окну, Ал. Твои странные заскоки могут печально закончиться. Я не горю желанием отскребать тебя от асфальта. Хочешь, я тебе волосы покрашу?

Вот это было неожиданно. Мои брови взлетели вверх, и Ричи рассмеялся.

– У меня там всякие тоники есть разноцветные и хна. Я ведь подрабатывал в магазине этих штук косметических, помнишь, я рассказывал? – это я помнил. – Оно всё смывается через несколько дней. Ну как? Хочешь?

Кажется, Ричи эта идея пришлась по душе. К тому же он смог отвлечь меня от идиотских мыслей этим внезапным предложением. Я улыбнулся.

– Хочу.

Ричи кивнул и убежал в ванную. Я с улыбкой покачал головой, посмотрев ему вслед, и, бросив взгляд на окно, начал убирать со стола разбросанные книги. В такие моменты я вспоминал своего пса и то, как он тоже однажды спас меня от глупости. Я не рассказывал Ричи, что у меня была собака, я вообще не хотел говорить об этом. Да и стоило ли ему говорить, что моего пса звали также, как его. Конечно, он многое обо мне знал. Много не знал. Но эту деталь своей жизни я не хотел раскрывать никому, навсегда похоронив ее

в своем сердце.

– Синий, зеленый или красный? Или сделаем из тебя радужного единорога?

Я обернулся и прыснул, глядя на Ричи, увешанного тубиками и флаконами, как рождественская елка игрушками.

– А рог будет? – поинтересовался я. Друг со шкодной улыбкой закатил глаза.

– Рожок от мороженого подойдет? Садись давай, я буду играть в стилиста.

Через пару часов я крутился перед зеркалом, рассматривая разноцветные пряди на волосах. Выглядело глупо, весело и стремно. Теперь у меня был лишний повод не появляться на улице в ближайшие дни. Хотя Лола бы оценила.

Я задумался о том, как там ребята. Вспомнил я про них не сразу, а когда всё-таки вспомнил, поинтересовался у Ричи, почему они ни разу не позвонили. Я ведь не слышал звонка. Друг сказал, что телефон на беззвучном режиме и, скорее всего, уже давно выключился. Я успокоился и снова забыл о них на какое-то время, собственно мне было не до ребят.

– Эй, единорог! Я нашел твой рог! – отвлек меня от мыслей крик от дверей кухни.

Ричи несся ко мне с явным намерением вклеить рожок с мороженым, который держал в руках, прямо посередь лба. Я затормозил буквально на секунду, а потом бросился от него, скидывая ему под ноги подушки.

Мы пробегали по квартире не меньше получаса, пока мо-

роженое не закапало весь пол, стремительно тая. Пришлось быстро его съесть, а потом убить половину вечера на уборку квартиры. Я то и дело отплевывал сине-зеленые пряди, лезущие в рот и глаза, пока мыл полы, чем спровоцировал Ричи еще на одну безумную мысль. Он предложил попробовать меня немного подровнять. Я только плечами пожал: почему бы и нет.

Получилось весьма сносно. Вот только полы пришлось мыть снова, пока мой друг убивался, что в нем помер первоклассный стилист. А потом снова пришлось мыться, потому что рог ко мне всё-таки прилетел. Этот засранец воспользовался тем, что я был увлечен уборкой, и, подкравшись, воткнул рожок мне в лоб. Он со смехом скрылся на кухне, а я едва удержался, чтобы не запустить мороженое ему вслед. В третий раз мыть полы мне точно не хотелось.

Зато у меня успешно получилось окатить его водой, пока он шаманил над чаем с барбарисом, корицей и мятой. После этого я почувствовал себя отомщенным и с достоинством победителя пошел помогать Ричи протирать лужу.

Легли мы поздно, но в ту ночь я впервые за всё это время проспал до самого утра, ни разу не проснувшись.

***

– Положи нож на место.

Ричи стоял напротив меня за креслом, держа перед собой руки. Я опустил глаза, поймав отблеск стали ножа в моих руках.

– Я тебя прирежу... – с каким-то присвистом вырвалось из моего рта. – Ненавижу...

Друг качнул головой и пошел вбок. Никогда я не видел его таким сосредоточенным. Я повторил его движение, двигаясь с ним по кругу.

Началось всё около часа назад. Эту ночь я не спал, зачитавшись одной из книг Ричи, поэтому лег поспать днем. А когда проснулся, на меня навалилась удушающая ярость, которая в первое мгновение поразила меня самого, пока не затмила абсолютно все чувства.

Этот кретин, который не выпускал меня из квартиры, заслуживал таких же страданий, как и я. Не думая, я взял нож на кухне и пошел к ванной, из которой как раз выходил Ричи. Парня спасла только отменная реакция и, видимо, детские занятия борьбой.

– Ал, ты с ума сошел?! Ты чего творишь?! – заорал он, отшатнувшись от меня.

– Выпусти меня отсюда! – наверное, мои глаза горели, как у дикого зверя, я рычал, а не говорил. – Отдай мои вещи, сука!

Ричи только коротко выдохнул, словно говоря: «Как мне надоели твои заскоки». По крайней мере, я понял именно так. Это взбесило еще больше.

– Убью!!!

Я кинулся на него, занеся нож над головой, но парень проскочил под моей рукой, оттолкнув меня к стене.

– Алекс, я не хочу причинить тебе вреда. Давай ты мне отдашь нож, – напряженным, но ровным голосом сказал Ричи.

Я резко обернулся к нему, оскалившись.

– Зато я хочу!!! – срывая голос на ультразвук, завопил я и бросился на друга.

Он резко ушел в сторону и заскочил в комнату. Я, словно обезумев, неся следом, сметая на своем пути всё, что попало под ноги. Ричи пытался подобраться ко мне и перехватить нож, а я пытался задеть его. Пока мы громили комнату, я успел распороть обивку кресла и дивана, разодрать простынь с одеялом. Ричи ко мне не подходил близко, только пытался обойти, но стоило мне повернуться к нему, как он оказывался с другой стороны комнаты. Я злился еще больше от того, что не могу его достать, моей жертвой стала растерзанная подушка. По комнате лениво кружили перья, подкидываемые в воздух снова и снова от наших шагов.

– Алекс, пожалуйста. Не вынуждай меня. Отдай мне нож, – снова повторил Ричи, аккуратно и мягко ступая по белоснежному полу.

– Отдам ща! В ребра отдам! – зарычал в ответ я. Друг вздохнул.

– Ладно, сам напросился. Потом не жалуйся.

Он неожиданно и стремительно бросился на меня. Я не ожидал этого, ведь он всё это время только уворачивался. Я успел замахнуться, но Ричи перехватил мою руку, ударив ногой по колену, и вывернул запястье. Нож со звоном упал

на пол, и Ричи пнул его, закинув под диван. Парень дернул меня в сторону, и я упал, снова зарывав, только на этот раз от боли.

– Ты меня так просто не возьмешь!

Перекатившись на спине, я попытался с силой ударить его по ногам своими, но тот успел подпрыгнуть. Однако не рассчитал равновесия и повалился на меня сверху. Я тут же вцепился в его футболку, а он в мою, и мы покатались по полу, как сцепившиеся коты. Мы успели собрать всю пыль и грязь, успевшую накопиться, и были оба в перьях, когда Ричи умудрился оказаться сверху, придавив меня лицом к полу своим весом.

– Прости. Но ты по-другому, видимо, не успокоишься, – слегка запыхавшись, произнес Ричи.

Я не успел спросить, о чем он говорит, а его рука локтевым сгибом сдавила мне горло. Я заметался под другом, пытаясь скинуть его руки, но он был сильнее. Я чувствовал, что сознание медленно уплывает от меня. Последним, что я увидел, был сноп перьев, поднятый в воздух моей, шлепнувшей по полу, рукой.

Проснулся я спустя час, может чуть больше. На меня давила привычная вялость, но я приподнялся, окинув комнату взглядом. Перьев на полу уже не было, простынь и одеяло были другие. Из неаккуратно наспех заштопанной обивки кресла торчала набивка.

Ричи сидел на полу ко мне спиной, колдуя над сейфом. Мне на секунду показалось, что он сейчас швырнет в меня телефоном и паспортом и скажет проваливать отсюда к чертовой матери.

– О, очнулся бунтарь, – насмешливо протянул друг, глянув через плечо.

Я опустил голову, отвернувшись. Щеки разгорелись, покраснев. Я всё прекрасно помнил. Помнил лютую ярость, помнил дикое первобытное желание навредить. И да, мне было жутко стыдно.

– Слушай, я конечно предлагал тебе подраться, когда ты в себя придешь, но не с таким же размахом. Мне ж хозяйка квартиры голову оторвет за мебель, – добродушно заявил Ричи и засмеялся.

От его легкого смеха стало еще хуже. Я не понимал, как он может так легкомысленно относиться к произошедшему. Не понимал, почему всё еще сижу в кровати, а не лечу с десятого этажа.

Ричи, поднявшись, оттряхнул джинсы, накинул простынь обратно на сейф и упал рядом со мной.

– Я убрал все ножи, вилки и всё, что было острее спички. Молодец, Ал, теперь мясо будем резать ложками и есть его тоже будем ложками, – он снова засмеялся.

– Рич... прости... я... я не знаю, что на меня нашло... – как-то жалко выдавил я и тут же получил щелчок в лоб.

Удивленно вскинув глаза, я машинально потер лоб ладо-

ню. Ричи усмехнулся. На его скуле виднелась маленькая царапина.

– А я знаю. Ты просто торчок придурошный, вот и всё, – он пожал плечами и со вздохом спрыгнул с кровати. – Не заморачивайся, с твоими нервишками это должно было произойти. Жаль я раньше не додумался ножи убрать.

Он уже почти скрылся на кухне, как, резко обернувшись, кинул в меня подушкой, прихваченной с дивана. Подушка впечаталась в мое лицо с глухим ударом, заставив упасть на кровать, задев макушкой стену. Я поморщился, стянув ее с себя. Ричи, скрестив руки, кивнул мне.

– Это тебе за то, что пришлось самому убираться. И за то, что у меня больше ножей нет. Истеричка, – выдал он и со смехом скрылся.

Я вздохнул, погладив несчастную подушку, а потом и голову. Что ж, справедливо, я это заслужил. Хотя на самом деле я заслужил гораздо больше, чем подушкой в табло. Зажмурившись, я до боли сжал переносицу. С этими срывами надо было что-то делать. И я смутно представлял, чем их можно перебить. Оставалось сказать Ричи.

«А еще не мешало бы помочь ему с готовкой, тупая ты башка», – отозвался внутренний голос.

Я хмыкнул и поплелся на кухню к другу.

***

Это был мой последний подобный срыв.

Меня переключило после этого капитально. Весь масштаб

трагедии произошедшего дошел до меня только под покровом ночи. Мы с Ричи поели и после нескольких партий в карты легли спать. Он уже давно спал, а я всё прокручивал в голове свой срыв, когда до меня вдруг дошла такая очевидная, но долго неосознаваемая мысль. Я ведь едва не потерял его по собственной глупости. Я уже однажды потерял лучшего друга. Я едва не потерял его снова. Только в этот раз это была бы полностью моя вина.

Пораженный этой простой истиной, я тихо закрылся в уборной и свернулся в ванне. Меня еще долго душила истерика. Не эта нервная, являющаяся последствием наркотиков, которая стала уже привычной, а уже давно забытая. Последний раз меня так трясло в ветеринарной клинике, когда я лежал на полу в обнимку с мертвым телом. Эта боль за время немного притупилась, но не исчезла.

Под утро я был твердо уверен – больше подобного не случится. Хватит с моей жизни потерь и падений. Ричи был прав, мне нужно было начать двигаться дальше.

Утром, пока Ричи еще спал, я приготовил завтрак и сварил кофе. Когда мы сели есть, я еще долго извинялся и говорил о том, что я для себя решил, попросив его не перебивать. Он внимательно меня выслушал, а потом только улыбнулся, кивнув.

Еще я вспомнил про то, о чем думал накануне. Если мне не помогали успокаивающие травы, имеющиеся в запасе бабки-знахарки Ричи (за это сравнение я тоже получил по лбу),

то я знал другую траву, которая могла помочь. Старая-доб-
рая Марь Иванна.

Ричи признал, что это может сработать.

Еще пару дней меня кидало из крайности в крайность. Ричи со смехом называл меня бабой перед красными днями, но я только бухтел на него и уходил на кухню забивать косяк. Травя на удивление дала тот самый чудотворный эффект, которого мне не хватало. Я старался не перебарщивать, поэтому не ловил от нее блаженную эйфорию, но она помогала успокаиваться сразу же.

Вскоре я наконец мог сказать, что высыпаюсь. Есть мне не хотелось, но лишь до тех пор, пока я не садился за стол. Стоило начать есть, и я сметал всё подчистую. Ричи иногда придиричиво тыкал меня пальцем в ребра, качал головой, поджав губы, и приговаривал старушечьим голосом: «Тощий-то какой». Звание бабки он подтвердил с успехом.

Медленно, но верно всё возвращалось в норму. Мне снова хотелось жить, черт возьми. И я с огромным удивлением обнаружил, что для этого мне не нужны наркотики.

В конце концов мне перестала быть нужна даже марихуана.

***

По моим подсчетам я провел у Ричи четыре недели. Может быть чуть больше.

Нет, я прекрасно знал, какой день сегодня, но когда всё это началось, не помнил. А спрашивать не хотелось.

В очередное утро я проснулся довольно рано. Глаза я открывать не спешил, блаженно потягиваясь на солнце. И тут мне на грудь что-то упало. Довольно ощутимо упало. Я открыл глаза, хмуро посмотрев на улыбающегося друга.

– Вставай давай. У меня есть отличное предложение, – возвестил он.

Я, бурча, сел, потирая глаза. Неведомое нечто скатилось с груди на колени, и я оступело уставился на свой телефон и паспорт. С непониманием посмотрев на них, я поднял на Ричи недоуменный взгляд. До сонного сознания как-то туго доходило.

– Ты о чем? – задал я идиотский вопрос. Ричи прыснул.

– Поднимай задницу, говорю. Я предлагаю навестить какой-нибудь Макдак, сожрать по огромному бургеру, немного погулять, а потом мы могли бы поискать тебе работу.

До меня доходило еще с минуту. Я перевел взгляд на телефон, снова на Ричи и так еще пару раз. Друг уже откровенно ржал надо мной.

– Стой... ты серьезно? – недоверчиво переспросил я.

Ричи издал непонятный горловой звук, запрокинув голову, а потом, наклонившись, потряс меня за плечи.

– Ты точно придурок. Скажи, хочешь свою гадость?

Я покачал головой, широко открытыми глазами пялясь на него.

– А траву хочешь? – я покачал головой снова. – Прекрасно. А орать хочешь? Посуду побить, поругаться, убить меня?

– Ты больной что ли? – я решил уточнить. На всякий случай.

– Это ты больной. Алекс, всё. Всё кончилось. Ты теперь сможешь жить нормально, слышишь? Ты свободен.

Он произнес последнюю фразу шутливым тоном, но она поразила меня словно молнией. Мое лицо разгладилось. Я медленно поднялся навстречу другу, а потом резко притянул его к себе, крепко обняв.

– Спасибо, – тихо произнес я.

Он смог совершить невозможное для меня. Он вытащил меня с самого дна. И чтобы выразить мою благодарность, не было подходящего слова.

Ричи, улыбнувшись, похлопал меня по плечу.

– Пожалуйста, друг мой. Всегда пожалуйста, – также тихо ответил он.

Глава 13

– Ты можешь быть крупье в казино! Представь, стоишь такой пафосный в костюме, зализанными волосами и говоришь: «Ваши ставки, господа!»

– Хватит с меня пафоса, можно что-нибудь более приземленное? – слегка ворчливо перебил я Ричи и улыбнулся, когда тот залился смехом.

Мы уже второй час сидели на летней веранде Макдоналдса. Наевшись, мы обложились газетами, купленными по дороге, и телефонами и теперь искали предложения работы в Торонто. Но все поиски сводились к шуткам и абсурдным предложениям, типа стать бьюти-специалистом, пройдя экспресс-обучение.

Закатив глаза, я кинул в друга картошкой фри и откинулся на спинку стула, прикрыв глаза.

Наконец-то я мог насладиться тем, что оказался в Канаде. Солнце приятно пригревало, напоминая, что лето еще не закончилось, оставив три недели, чтобы успеть им насладиться. Слух ласкала французская речь, перемежающаяся с английской, звонкий смех детей, шум проезжающих мимо автомобилей.

Я упивался тем, что могу дышать полной грудью, вдыхая запахи резких духов, жареной говядины и ни с чем не сравнимый аромат кофе. Все вокруг было настоящим, я был на-

стоящим.

Я радовался каждую секунду с начала этого дня, что просто живу. И если ради этих мгновений мне пришлось пережить такое, то всё было не зря.

– Эй, прием!

Ричи потряс меня за плечо, и я, открыв глаза, улыбнулся.

– Хватит утекать из разговора, мы должны найти тебе работу. К тому же, ты всё еще должен мне ноут, – без упрека протянул он, сунув мне в руки газету.

Я засмеялся.

– Да знаю я.

Из кафе мы плавно переместились в парк, купив кофе, и продолжили разговор уже там. Можно было бы просто устроиться в тот же Макдоналдс, но я оставил этот вариант напоследок.

– Смотри, еще одна фирма ищет юриста, – открыв ссылку в телефоне, протянул Ричи и показал мне. Я вздохнул.

– Да не хочу я идти юристом, что ты привязался, – закатив глаза, протянул я.

Друг уже раз третий предлагал мне этот вариант и сейчас фыркнул.

– Почему нет, ты же в этом разбираешься. Не все фирмы плохие, Ал.

– Не в этом дело, – отмахнулся я. – Кто меня возьмет без образования?

Ричи уже открыл рот, но я его перебил:

– Мой диплом остался в Чикаго, а точнее, скорее всего его уже и не существует. А если диплома нет, то и образования нет.

Друг задумчиво посмотрел на газеты, разваленные по газону, пока его лицо не озарилось.

– Давай запросим диплом из твоего колледжа. Его же можно восстановить, скажем, что был утерян, и они пришлют дубликат...

– Ричи, мой диплом на имя Алекса Брайна. А по документам я Оливер Уилсон. Если я и смогу каким-то невероятным образом восстановить диплом, то как я буду объяснять нанимателям, что у меня другое имя, которое я сменил незаконно? – покачав головой, я снова уставился в газету.

Ричард надолго задумался. Пару раз он открывал и закрывал рот, но, так ничего и не придумав, снова полез в телефон.

Когда начало смеркаться, я со вздохом начал собирать газеты. Ничего путного я так и не нашел, все профессии либо требовали образования, либо я в них совершенно ничего не понимал. Правда, Ричи едва не соблазнил меня на работу риелтора. Риэлтерская контора сама обучала своих сотрудников, а то, что я разбирался в юриспруденции, могло мне тут пригодиться. Я почти согласился, но было тут одно но. Обучение – это конечно хорошо, но мне нужны были деньги и нужны были сейчас. Вряд ли бы мне платили за прослушивание курсов.

Друг посмотрел на меня с вопросом в глазах, и я пожал

плечами.

– К черту это все. Пойду в Макдналс, устроюсь на первое время, а потом уже буду искать что-то другое. По крайней мере, у меня будут деньги. Пойдем лучше поедим.

Ричи, вздохнув, поднялся следом за мной.

Мы вернулись в кафе, где я взял у администратора анкету для трудоустройства. Зарплата была небольшой, но мне ли было жаловаться. Все деньги, которые у меня были, я спустил на наркотики и выпивку, а их было немало.

– Хотя часть я потратил на курсы, где мы познакомились. Значит, не так уж и бездарно я потратил бабки, – заметил я, заполняя графу дополнительной информации.

Ричи в упор уставился на меня, а потом, внезапно хлопнув себя по лбу, вырвал анкету из-под моей руки. На бумаге осталась длинная полоса от ручки, и я хмуро посмотрел на друга.

– Ты чего творишь?

– Алекс, мы идиоты! – воскликнул тот и принялся рвать почти заполненную анкету. У меня глаза на лоб полезли. – Преподаватель курсов же говорил, что есть много мест, куда требуются программисты. Тебе надо связаться с ним, и он найдет тебе место.

Я закатил глаза. Снова у этого парня была идея фикс. Покачивая головой, я поднялся, собираясь попросить у администратора еще одну анкету, но Ричи, вскочив, поймал меня за руку.

– Да чего ты? Позвони преподу. Программисты неплохо зарабатывают, для устройства не нужно образование и опыт работы. Неужели вместо этого ты предпочтешь стоять на касе?

Я цокнул, покачав головой.

– Какой в этом смысл? Я не закончил курсы, да и вспомни, что я был на наркотиках, когда их проходил. Это бесполезное дело, – уверенно заявил я и попытался освободиться от хватки парня.

Ричи посмотрел на меня, как на умалишенного, и, фыркнув, треснул мне подзатыльник. От неожиданности я опустился обратно на стул, ошарашенно глядя на друга.

– Ты точно идиот, – Ричи вздохнул. – Во-первых, ты проходил эти курсы в нормальном адекватном состоянии. И у тебя всё неплохо получалось. Во-вторых, ты их фактически закончил. Тебе оставалось сдать тест по окончании курса, когда ты внезапно исчез, и ты все еще можешь его сдать. А в-третьих, после всего, если ты даже не попробуешь, я тебя утоплю в озере Онтарио, – пылко закончил он.

Я так и сидел, отупело открыв рот и глядя на Ричи. Его реакция немало удивила меня, но я понимал, что он прав. Попробовать стоило. Друг, бурча про себя, копался в телефоне. Найдя там то, что искал, он протянул мне телефон.

– На, разговаривай. Вызов уже идет, – заявил он.

Я едва не выронил мобильник и уже хотел наехать на Ричи, но с того конца провода ответил знакомый голос пре-

подавателя по программированию. Поэтому, заговорив с ним, я бросил на Ричарда хмурый взгляд и вышел из-за стола.

Через пять минут я вернулся, и Ричи сразу же подскочил ко мне.

– Ну чего? Что он сказал? – нетерпеливо спросил он. Я улыбнулся.

– Завтра ждет меня у себя в офисе. Сказал, что у них как раз кто-то уволился, и они ищут замену, так что мы сможем помочь друг другу.

– Есть! – заорал Ричи, вскинув руки вверх и запрокинув голову.

Я засмеялся, и мы запрыгали по кафе, повторяя одно и то же слово. Люди косились на нас, но нам было абсолютно наплевать.

– Это надо отметить, – наконец сказал Ричи и, глянув на идущего к нам администратора, потащил меня из кафе.

– Предлагаю заказать пиццу и обожраться до состояния шара.

Я был совсем не против. Мы вывалились на улицу и, все еще смеясь, помчались бегом в сторону дома.

***

Как ни странно, но на работу меня взяли.

Я помнил занятия курсов, пусть и не в таком полном объеме, как мне бы хотелось, но тест, который мне провели сразу же, я сдал без проблем. Правда, я не ожидал, что все ока-

жется настолько легко, ведь устроится программистом в Канаде не так просто. Но удача, бегающая от меня всю жизнь, внезапно повернулась ко мне лицом. Фирме был позарез нужен человек, а мне очень нужна была работа.

Конечно, мне было нужно еще многому научиться, но учиться я любил. После первого рабочего дня, когда меня представили коллективу и разъяснили нюансы работы, я отправился в библиотеку, прикупив по дороге шоколадку.

Потратив несколько минут на извинения перед растроганной библиотекаршей и обещания, что подобного больше не повторится, я вернул себе возможность посещать библиотеку. Взяв несколько книг по программированию, я вернулся в квартиру Ричи, который еще долго смеялся надо мной и моими «унижениями» перед библиотекарем.

Я быстро вошел в режим рабочих будней. Наладить отношения с коллегами не составило труда, всё-таки когда-то давно мне приходилось общаться с разными людьми и очень много. Работа была интересной и нравилась мне, хотя бы потому, что для меня это было чем-то новым. В конце концов, спустя столько лет заняться чем-то, что не было связано с юриспруденцией, было здорово.

После работы я зачитывался книгами и смотрел видео по рабочим вопросам, стараясь улучшить свои знания в этой области. Ричи не мешал мне, он тоже вернулся на свою работу.

Спустя пару недель мне выдали аванс, хотя я считал, что я

на испытательном сроке. Но директор махнул рукой, сказав, что и мне нужно что-то есть.

Обрадовавшись, первым делом я купил Ричи ноутбук взамен разбитого мной. И его реакция меня тоже порадовала.

– Алекс, ты спятил? – спросил у меня друг, когда я торжественно вручил ему подарок. – Я же не серьезно говорил! Да и если бы серьезно, это могло подождать. Нет, ты точно чокнутый!

– Просто заткнись и скажи спасибо, – со смехом отмахнулся я.

А еще через две недели мне выплатили зарплату, сказав, что я теперь неотъемлемая часть коллектива. От праздника с коллегами я, правда, отвертелся, но это не помешало нам с Ричи на радостях снова завалить всю квартиру пиццей.

Наконец-то моя жизнь вернулась в нормальное русло. И наконец-то моя жизнь была моей.

***

– Я собираюсь вернуться к Аманде.

Мы бродили с Ричардом по тихим улочкам Торонто с неизменным кофе. Парень глянул на меня.

– Почему? – спросил он, а потом на его лице появилась хитрая усмешка. – Плохо тебе со мной, да? Не ценишь ты меня, сволочь.

Я засмеялся, и Ричи подхватил мой смех. Остановившись, я прислонился к стене дома, сделав глоток.

– Я не могу так и жить у тебя, – я вздохнул.

– Да брось, ты же заплатил за квартиру. Мы можем платить пополам и дальше. Я к тому, что я тебя не прогоняю, ты же знаешь.

– Знаю, – улыбнулся я. – Но нам приходится спать на кровати по очереди. И в однокомнатной квартире, в которую я нагло вторгся, нам обоим явно не хватает личного пространства.

Ричи снова засмеялся. Веселые разговоры о личном пространстве начались, когда мои книги и бумаги с работы, валяющиеся на столе, перемешались с бумагами Ричи. Мы потратили немало времени, чтобы разобраться с этой макулатурой. Все-таки, что ни говори, но в одной комнате нам было тесновато.

– К тому же я бросил ее, ничего не сказав, хотя обещал помогать по хозяйству. Учитывая всё, что для меня сделала эта женщина, это было некрасиво, – со вздохом протянул я.

Когда я начал ночевать у Лолы и Тома, я был уверен, что, когда все наладится, я вернусь к Аманде. Но ничего не налаживалось, а потом я и вовсе забыл о ней. И теперь меня мучила совесть.

Ричи кивнул, привалившись к стене рядом со мной.

– А если она уже нашла нового жильца? Ты ей хоть звонил?

– У меня нет ее номера, – пожал я плечами. – Если она нашла кого-то, то мне все равно нужно хотя бы перед ней извиниться. И забрать рюкзак, если она его еще не выкину-

ла, – внезапно вспомнил я.

Я совсем забыл о рюкзаке, хотя там ничего и не было, кроме пары рубашек.

– Ладно. Ее дом всё равно рядом, так что вали сразу утром, пока выходной. Но если вдруг у нее кто-то живет, то мы можем снять квартиру побольше вдвоем. Так проще.

Я покосился на друга, едва сдерживаясь от колких шуточек о прелестях гомосексуальных отношений. Но он меня понял и без слов, засмеявшись.

– Спасибо, Рич. Правда. Ты так много для меня сделал, – улыбнулся я, и Ричи, закатив глаза, похлопал меня по плечу.

– Для этого и нужны друзья.

Я кивнул, и мы пошли дальше, наслаждаясь прохладой сентябрьского вечера.

***

Утром я заскочил в магазин, купив букет цветов и коробку конфет. Стараясь вышвырнуть из головы мысли о том, что я перебарщиваю, пойдя на поводу у чувства вины, я добрался до места и застыл перед знакомой дверью.

Мне потребовалось еще несколько минут, чтобы собраться с силами и заставить себя нажать на кнопку звонка. В конце концов, я отвратительно себя вел и к тому же, многие вещи, которые я творил под действием наркотиков, смазались из моей памяти. Я понятия не имел, насколько сильно может злиться на меня Аманда, но надеялся, что она сможет меня простить.

Но того, что произошло, я точно не ждал.

– Боже мой, Оливер! – воскликнула женщина, увидев меня на пороге, и прижала руку ко рту.

Я неуверенно улыбнулся, чуть приподняв букет.

– Здравствуйте, Аманда. Я хотел извиниться, за... за всё.

Но я пойму, если...

– О, Оливер!

Не дав мне договорить, Аманда резко притянула меня к себе, задушив в объятиях. От неожиданности я выронил конфеты. Коробка глухо стукнулась о пол. Я вытаращил глаза, уставившись в стену за плечом женщины, не в силах выдать ни слова. Из шока меня вывел звук слишком громкий в повисшей тишине. Моргнув, я с удивлением понял, что Аманда... плачет.

– Аманда... Вы что... – тихо протянул я, обняв женщину за плечи, которые мелко тряслись.

Вздыхнув, я закрыл глаза, уткнувшись носом в ее плечо. Во мне смешались чувства облегчения, радости, умиротворения и вины. Ричи был прав, она действительно считала, что если я не умер, то уже на грани смерти. Но я даже не мог предположить, что она могла так волноваться за меня.

Через пару минут Аманда отстранилась, утирая слезы. Но на ее губах светилась улыбка.

– Прости меня за это. Просто я очень рада тебя видеть. Проходи, проходи, не стой в дверях!

Вскоре я уже сидел за столом, пока Аманда ставила цве-

ты в вазу, а потом наливала нам чай. Я молчал, не зная, что сказать. Мне хотелось рассказать, что жизнь дала мне неплохого пинка за то, что я был редкостным идиотом. Хотелось рассказать, что теперь все хорошо, я нашел работу, нашел, куда стремиться.

Мне очень хотелось извиниться перед ней снова и поблагодарить за всё, что она для меня сделала. Но я совершенно не представлял, как начать.

– Ты знаешь, я недавно посмотрела один фильм, – внезапно сказала женщина.

Я вскинул голову, посмотрев на нее. Она стояла ко мне спиной, но я чувствовал по голосу, что она улыбается.

– В этом фильме был один парень, он совсем потерялся в этой жизни, но нашел в себе силы, чтобы преодолеть самого себя, – спокойно продолжала она.

А я слушал не перебивая, внимая каждому слову, и сам улыбался. Как же часто мы обсуждали с ней фильмы.

– Этого парня жизнь потом еще не раз помотала, но знаешь, у него было несколько людей, которые в него верили. Они совсем ничего не просили у него, им было ничего не нужно говорить. Они просто верили в этого парня, и в конце концов он нашел свое место в жизни. И всё закончилось хорошо. Тебе нужно обязательно посмотреть этот фильм.

Она обернулась, поставив на стол две чашки, и присела рядом, глядя на меня.

– Я рада, что с тобой всё в порядке, Оливер, – с улыбкой

тихо произнесла она, похлопав меня по руке.

– Алекс, – поправил я. На моих глазах блестели непролитые слезы.

Аманда улыбнулась.

– Алекс, – повторила она, и, протянув руку, погладила меня по щеке. – Так, кажется, ты принес конфетки. Сладкое полезно для мозга, пойду-ка я их подберу. Нужно попробовать их с новым чаем, который я купила. Он с малиной, ты только понюхай.

Поднявшись, она вышла в коридор, продолжая говорить. Я украдкой смахнул скользящую по щеке слезу, продолжая улыбаться.

***

Никого в мою комнату Аманда так и не нашла, и я с радостью вернулся обратно. Она там убралась, но в моих вещах не рылась: не переставала надеяться, что я вернусь. Поэтому весь выходной я провел, избавляясь от старого хлама и перетаскивая одежду и кучу бумаг и книг от Ричи.

Сам Ричи уехал на работу по срочному вызову, успев сказать напоследок, что теперь мне хотя бы будет, что повесить в шкаф. Ну да, мне пришлось прикупить одежды, когда я нашел работу.

Вытащив рюкзак, я вытряхнул его и поморщился. У моих ног валялся прозрачный пакетик с грязно-желтым порошком. Видимо, я прятал его на черный день и совсем про него забыл, что странно. Мне казалось, что в амфетаминовом за-

беге невозможно забыть, что где-то у тебя есть доза.

– Отвратительно, – в полголоса протянул я и, присев, подобрал пакетик, подкинув его на ладони.

Он раскрылся, рассыпав мне в ладонь часть порошка, и я, вздохнув, размял его на пальце. Чувство было странным: как будто бы встретился со старым знакомым, с которым одно время очень близко общался, но впоследствии не хотел бы видеть. Я задумчиво уставился на палец, покрытый порошком, рука сама собой потянулась к лицу.

– Оли, обед почти готов! Не сможешь мне, дорогой? – послышался из кухни голос Аманды.

Я вздрогнул, стряхнув наваждение, и резко поднялся.

– Конечно! Я сейчас.

Дойдя до ванной, я высыпал порошок в унитаз, кинув пакетик следом, и без сожалений нажал на кнопку смыва. Посмотрев на маленькую воронку, я улыбнулся и пошел к Аманде.

Чтобы там ни говорили, наркотики действительно умели ждаться. Они жаждали тебя так же, как и ты их когда-то. И я знал, что мой организм и психика еще ни раз напомнят мне об этом опыте жизни.

Но теперь я готов был бороться за свою жизнь.

***

Что ж, я с уверенностью мог сказать, что это было лучшее начало осени в моей жизни.

Все вернулось в колею и закрутилось в обычном и пра-

вильном ритме. Работа была потрясающей, я даже не думал, что тема программирования сможет так меня затянуть. Коллеги все-таки смогли меня вытянуть в кабаk. Я боялся этого похода, как ребенок темноты: в моей памяти были совершенно отвратительные ассоциации того, как гуляют рабочим коллективом. Но я напрасно опасался.

Мы просидели довольно долго, ребята рассказывали о забавных случаях на работе, о своих домашних. А самое главное – мы не пили. После работы у Моргана, я считал, что люди не умеют веселиться без алкоголя. Но эти ребята были совершенно другими.

Дома я по-прежнему зачитывался книгами, пока Аманда не вытягивала меня смотреть очередной фильм или просто поговорить. Я даже сводил ее в пару ресторанов, с удовольствием глядя, как она преображалась на людях. Я думал, что она была очень эффектной и красивой женщиной в молодости, но ошибался. Она была такой до сих пор.

В наших отношениях с ней после всего пережитого появилась какая-то греющая сердце теплота. Аманда стала для меня близким и родным человеком, и я чувствовал, что это взаимно.

С Ричи мы виделись почти каждый вечер. Не спеша шатаюсь по улицам Торонто, мы могли разговаривать часами, и темы для разговора не иссякали никогда. В конце сентября друг встретил меня с работы, сказав, что нашел для меня новый вариант зависимости. Я даже успел испугаться: а не

поехала ли у Ричи крыша. Но оказалось, что этот придурок просто накопил денег и купил себе телевизор с приставкой. Так что от скитания по улицам мы перешли на диван в его квартире, проводя вечера за играми на игровой консоли.

В один из вечеров, когда я выигрывал друга всухую, он плюнул и, бросив джойстик, сурово пошел одеваться.

– Хватит с меня этой дряни, пошли прогуляемся, – ворчливо бросил он, пройдя мимо меня в ванную.

Я засмеялся, но покорно выключил приставку. Этот парень совсем не умел проигрывать.

В кофейне мы взяли американо и пару булочек с кленовым сиропом и пошли в музыкальный сад. Хотя я больше любил островной парк Торонто. Мы часто там бывали: мне нравилось наблюдать за парочками, валяться на пляже Уорда и ловить брызги фонтана на центральном острове.

Но в музыкальном саду было тоже безумно красиво. Ричи постоянно таскал меня сюда, пару раз я водил сюда и Аманду, и она рассказывала мне историю сада, который состоял из шести участков, олицетворяющих танцы сюиты Баха.

Мы бродили по парку, смеясь над тем, что игры на приставке тоже могут выгонять на прогулку. Я спорил и говорил, что на прогулку нас выгнал сам психованный Ричи, но он категорически отказывался это признавать.

Через час Ричарда позвала природа, и он сбежал от меня искать туалет. Я остался его ждать на скамейке, читая переписку коллег в общем чате.

– Бродяга? Это ты что ли? – внезапно раздался голос рядом.

Я поднял голову и увидел Лолу. Девушка, слегка наклонившись в бок, смотрела на меня, вытаращив глаза. За ее спиной недалеко угадывалась остальная компания. Мои губы сами собой расплылись в улыбке.

– Привет, Кутила. Я тут...

– Бродяга!!! – заорала она и кинулась ко мне.

Остальные с диким криком помчались за ней следом. Секунда, и все шесть человек уже висели на мне, придавив к скамейке и обнимая так, что я начал задыхаться.

– Обалдеть, Оли, мы думали ты уехал!

– Ты даже на звонки не отвечал, вот негодяй!

– Да конечно, уехал. Мы думали, ты помер уже, а ты...

– Охренеть просто, где ты был? О-о-о-о, Бродяга, да живой и хорошенький!

Они все галдели наперебой, а я даже ответить не мог. Только смеялся, пока Лола и Роза щипали мне щеки, Том дергал волосы, а Джей скакал вокруг как заведенный. Наконец отпустив меня, они уселись рядом, заняв всю скамейку и ее спинку. Ребята рассказывали, как искали меня по паркам, барам и переулкам. Потом искали по больницам и моргам. Том, смеясь, сказал, что даже заглянул в библиотеку, преодолев свой фобический страх перед книгами.

Когда все немного успокоились, Лилия растрепала мне волосы.

– Так куда ты исчез, Оли? – спросила она, и все уставились на меня, замолчав.

Я улыбнулся.

– Да так... Решил, что хочу жить, и слезал с наркотиков, – протянул я.

– Успешно? – спросил Юпи.

Он стоял рядом, скрестив на груди руки, и с легкой улыбкой смотрел на меня, как смотрят старшие братья на выросших младшеньких. Я кивнул, поймав улыбки остальных друзей. Юпитер, вздохнув, отстранил от меня Лолу и, протянув руку, сжал мою ладонь.

– Я тебя поздравляю. И... я рад, что ты в порядке. Правда, – серьезно сказал он.

Я только снова кивнул. Его слова растрогали меня, память сразу услужливо подсунула картинки из недавнего прошлого. Этот немногословный хмурый парень до последнего пытался убедить меня не перебарщивать с наркотиками. Он волновался за меня.

– Это просто круто, слышь, Оли, я ведь тоже слез! – заорал мне на ухо Том.

Я, вздрогнув, перевел на него взгляд и засмеялся, сморгнув едва не пролившиеся позорно слезы.

– Гонишь, – заявил я, и друг ткнул меня кулаком в плечо.

– Да правда! Только травой иногда балуюсь, но совсем редко и немного.

Ребята засмеялись, подтверждая его слова.

– А ты чего здесь делаешь-то? – задался вопросом Джей-Джей.

Я обернулся в сторону, куда убежал Ричард, но никого не увидел.

– Да я с другом гулял...

– Это который с глазами разноцветными? – тут же приподняла бровь Лола, и я, засмеявшись, подтвердил.

Мы просидели на скамейке еще около часа. Я рассказывал ребятам, как слезал с системы, рассказывал о том, что вернулся к Аманде, что нашел работу. Джей меня едва не придушил, когда я сказал, что работаю программистом.

Я всё оборачивался, гадая, куда же делся мой друг. Но он так и не появился, и я подумал, что у него была причина. Лола настаивала, чтобы мы сходили куда-то, где есть много жирной и вредной еды, чтобы отметить мое возвращение, и я в конце концов согласился.

В конце концов, с Ричи я мог поговорить и потом.

***

– А куда делся твой друг-то?

Мы сидели в кафешке, работающей до последнего клиента. Последними клиентами, как ни странно, были мы. Учитывая, что время было уже позднее, работники кафе хмуро поглядывали то на нас, то на часы, но должного эффекта на нашу компанию это не возымело.

Я перевел взгляд на Лолу, гадая, как она умудряется быть такой прыткой, сожрав четыре здоровенных бургера, три

картошки фри и выпив два литра колы. Мы с Томом вот совсем не могли двигаться, хотя съели даже меньше.

– Не знаю, наверное, у него дела. Его периодически дергают по работе, – лениво ответил я, попытавшись махнуть рукой. Она, правда, не поднялась.

Лола фыркнула.

– Ты обязан нас познакомить, – заявила девушка, накрутив на палец прядь ярко-синих волос.

Лилия с Розой одновременно закивали, даже Том под боком хрюкнул что-то похожее на согласие.

– Вы его испортите, – по-детски высунув язык, отмахнулся я. Ребята прыснули.

– Да ладно тебе, мамочка. Ты же не испортил, – Юпитер пожал плечами. – И я хочу видеть человека, который решил поиграть в нарколога, закрыв тебя в своей хате.

Я засмеялся.

– Справедливо, – я кивнул и со стоном сел нормально. – Ладно, договоримся как-нибудь. Он недалеко от меня живет.

Собственно, я не видел в этом ничего плохого и понимал любопытство друзей.

Мы просидели в кафе еще минут двадцать, прежде чем уставшие работники откровенно начали нас выгонять. А нам пришлось под руки вытаскивать из помещения Кутилу, которой хотелось ругаться и кричать.

Посмеявшись над администратором, захлопнувшим за нами дверь, мы еще немного прошлись, растрясая всё съе-

денное, и наконец попрощались.

Остановившись рядом с домом, я оглянулся на дом, где жил Ричи. Света в его окнах не было, и я, пожав плечами, пошел к себе.

Квартира встретила меня ароматом выпечки: оказалось, Аманда решила напечь на ужин булочек и побаловать нас обоих. Я застонал. Отказаться я не мог, и было у меня подозрение, что меня все-таки разорвет ночью. И почти угадал: уснуть я не мог еще очень долго.

Провалявшись пару часов, путаясь в одеяле, я скатился на пол, растрепав волосы. Упавший рядом телефон высветил три часа ночи, и я, покачав головой, взял его в руки. Немного подумав, я набрал Ричи, гадая, разбужу я его, или он все еще занят.

А через пару секунд мне ответил электронный голос, сказав, что телефон абонента временно недоступен.

Глава 14

– Оливер, ты не занят? Я хотела с тобой поговорить.

Я, улыбнувшись Аманде, отложил книгу.

– Конечно.

– Приходи на кухню, я заварила нам чай, – кивнула мне женщина и скрылась за дверью.

Потянувшись, я слез с кровати и открыл окно, впуская в комнату свежий воздух. Из приоткрытой двери слышался голос Аманды: она пела какую-то песенку, расставляя на столе чашки.

Она так и называла меня Оливером, и когда я спросил об этом, она ответила: «Я знаю, что ты не просто так хранил свое имя в тайне. И я очень ценю, что ты доверил ее мне. Но пусть тайна остается тайной, тебе, мой мальчик, так будет самому спокойнее».

И я был благодарен ей за эти слова.

– Сегодня апельсиновый? – спросил я, зайдя на кухню.

Аманда улыбнулась.

– Угадал. Садись.

Я опустился на стул, обхватив руками теплую чашку, и с удовольствием вдохнул аромат. Аманда любила заваривать чай, у нее был какой-то особый ритуал. Она скупала множество разных видов чая, покупала травы и сушеные ягоды, сама смешивала их, чтобы получился более насыщенный вкус.

А потом подолгу колдовала над заварником, чтобы получился неповторимый вкус и аромат.

Это было вроде своеобразного хобби, и мне нравилось слушать, как она рассказывает об этом.

– Апельсин, цедра лимона и... мята? – попробовал снова угадать я, сделав глоток.

– Почти. Цедра грейпфрута, – поправила меня Аманда, легко засмеявшись.

Я кивнул, с удовольствием отпив еще немного.

– Оливер, мне нужно будет уехать, – выдержав паузу, сказала женщина.

– Куда? – тут же спросил я и добавил: – Надолго?

Аманда с улыбкой откинулась на спинку стула и посмотрела в окно. На улице ветер весело гонял осенние листья, играясь ими, как кот с фантиком.

– Я пока не знаю. Это медицинский туризм, может быть слышал о таком, – протянула она. Я немного напрягся.

– Что-то случилось? Что-то серьезное? Я могу чем-то помочь?

Что такое медицинский туризм я знал. Так называли практику предоставления медицинских услуг вне региона проживания. Это совмещало отдых и получение высококвалифицированной медицинской помощи. Только вот в Канаде, насколько я знал, были лучшие клиники.

Аманда перевела на меня взгляд, тепло улыбнувшись.

– Не переживай, милый. У меня должно быть плановое

обследование, но ложиться в госпиталь мне совсем не хочется. И врачи предложили мне пройти обследование, а заодно и отдохнуть, в другом месте, – легкомысленно отозвалась она.

Я немного расслабился, отпустив чашку, в которую неосознанно вцепился пальцами.

– Не думал, что Вам нужны плановые осмотры, – слегка фыркнул я, спрятавшись за чашкой.

Она рассмеялась.

– Мне уже давно не 20 лет, Оли. Седьмой десяток – это уже почетный возраст.

Я едва не уронил чашку, зато уронил челюсть. Выглядел я наверняка очень глупо, потому что Аманда вдруг звонко рассмеялась. Еще пару минут я не мог издать ни одного членораздельного звука, пока женщина напротив меня утирала выступившие слезы.

– Что? Я не выгляжу на свой возраст? – внезапно кокетливо спросила она.

Я покачал головой и только потом догадался захлопнуть рот.

– Я... я думал, Вам лет 40, ну может быть 42, – выдавил я. Что сказать, я был в шоке. Аманда снова рассмеялась.

– Ох, милый. Это все здоровое питание и отличный парикмахер.

Я тряхнул головой, уставившись в свой чай. Для меня этот разговор стал откровением. Мы еще немного пошутили над

ее возрастом, и Аманда вернулась к изначальной теме нашего разговора.

– Я пока не знаю, сколько продлится эта поездка, но я хотела попросить тебя присмотреть за квартирой. Ты можешь привести сюда друга, если хочешь. Я знаю, что всё будет в порядке, – доверительно сказала она, склонив голову.

Я улыбнулся.

– Конечно. Всё будет в полном порядке.

Аманда кивнула и плавно перевела разговор в другое русло.

Через пару дней я проводил ее в аэропорт, но она не позволила мне ждать с ней самолет. Я пытался выяснить, куда же она всё-таки едет, но она, по-девчачьи подмигнув мне, сказала, что это не так важно.

– Я свободная красивая молодая леди, Оли. Куда хочу, туда лечу, – засмеялась она.

Я не стал настаивать. У меня в любом случае был ее телефон, я лишь попросил писать иногда, и она пообещала мне это.

В квартире после ее уезда стало не так уютно. Как будто бы забрали что-то очень важное, на чем держался дух этого жилища. Но я все равно проводил в ней не так уж много времени.

***

– Оли-и-и-и-вер! Ну Оливер! Ну пошли в кино, брось ты

свою работу уже!

– Дай мне доделать, и пойдем, – со смехом отмахнулся я от надоедливой вездесущей Лолы.

Я сидел в интернет-кафе, доделывая кое-какие дела, которые не успел доделать на работе, когда эта оторва на пару с Томом, решила вытащить меня. И зачем я только сказал, где я вообще?

Правда Том сидел через пару компьютеров, уткнувшись в какую-то игру. Уткнувшись почти буквально: он едва не касался носом экрана, пытаясь перестрелять всех своих врагов. А вот Лола каталась на стуле сзади меня, то и дело дергая за одежду. Ведь все интернет-кафе должно знать – Кутиле скучно.

– Ну Оли-и-и-и-и!

– Да ладно, ладно! – не выдержал я, со смехом закрыв программу.

Лола тут же подпрыгнула, едва не навернувшись со стула, и помчалась вытаскивать из игры Тома. Я спокойно открыл программу обратно. Мне оставалось закончить совсем немного, и я знал, что успею. Потому что вырвать Тома из игры было еще сложнее, чем успокоить Лолу.

В результате Тома нам пришлось вырывать вдвоем.

– А где все? – спросил я.

Мы стояли у кинотеатра, глядя на афишу. По дороге к нам присоединился только Джей-Джей, да и то он умотал куда-то

через пять минут.

Лола пожала плечами.

– Девочки работают. Юпитер скорее всего тоже. Ну ты понимаешь, – протянула она и, опустив голову, целенаправленно пошла в здание.

О, я понимал. Уж как работают эти трое я прекрасно знал. Девочки скорее всего были на вызове, а Юпи продавал наркоту. Мы с Томом переглянулись и поплелись следом.

– Позови своего друга, – предложила Кутила. Вытащив из кармана смятые банкноты, она вывалила их на кассу.

Я вздохнул. С тех пор, как мы разошлись в парке, Ричи я больше не видел. Его телефон был по-прежнему недоступен, а в квартире никого не было. Прошло уже две недели, а от него не было ничего слышно. Впрочем, у парня могли быть дела, да и какой-нибудь форс-мажор. Именно этим я себя и успокаивал.

Хотя ни черта у меня не получалось. Я понятия не имел, где этот гад, и волновался за него.

– Эй, пошли, сейчас фильм начнется, – треснув меня по спине, крикнула Лола и первая вбежала в зал.

Я тряхнул головой и пошел следом. Пока что у ребят получалось отвлекать меня от привкуса паники на губах, но мое терпение медленно таяло.

***

Начало ноября встретило меня внезапным недельным отдыхом и ледяным ливнем. Но если ливень можно было объ-

яснить тихой поступью приближающейся зимы, то незапланированные каникулы были вне понимания.

Я сначала подумал, что меня хотят уволить. Еще я подумал, что руководство узнало о моем прошлом и решило, что наркоман, хоть и бывший, портит лицо фирмы. Я даже успел испугаться, а не узнали ли они о том, что никакой я не Оливер.

Но всё оказалось прозаичнее, стоило только позвонить одному из коллег. Оказалось, что кто-то в нашем отделе заболел чем-то жутко заразным: то ли гриппом, то ли еще чем. Поэтому начальство решило распустить отдел на недельку, а, чтобы не провоцировать панику, они не стали озвучивать причины.

Конечно, я был премного благодарен. Но всё же предпочел бы паниковать из-за гриппа, чем из-за всего, что крутилось в моей голове.

Пару дней я бесполезной тенью шатался по квартире. На улицу высовывать нос не хотелось, в моих планах не было превращаться в ледышку, а дома я места себе не находил. Совершенно не зная, чем себя занять, я пытался привычно увлечь себя фильмами и книгами, но это не помогало. Пару раз я звонил Аманде. Она, смеясь, рассказывала мне о своих приключениях, и это ненадолго вытаскивало меня из оков скуки.

Несколько раз звонила Лола, но они с ребятами снова заседали в клубах, куда я идти совсем не хотел. Хватило с ме-

ня клубов на всю жизнь.

На третий день я не выдержал и всё-таки вышел из дома, собираясь прогуляться хотя бы до магазина. Добежав до ближайшего супермаркета, я раздраженно оттряхнул подморозившуюся куртку, думая, что это была не самая лучшая идея, как вдруг...

– О, привет. А я как раз собирался к тебе заскочить.

Я замер, уставившись на подошедшие ко мне ноги в белых кроссовках. Медленно подняв глаза, я столкнулся взглядом с Ричи. На его лице от уха до уха расплылась улыбка. Я пару раз моргнул, глядя на эту довольную морду, а потом, коротко размахнувшись, ударил друга в живот. Он резко выдохнул и согнулся, обняв себя руками.

– Ты рехнулся? – хрипло выдавил он.

Я хмыкнул.

– Я просто рад тебя видеть, – сказал я. Да ладно, я сам от себя не ожидал, но показывать это не собирался.

Краем глаза я увидел, как к нам поспешил охранник, и, взяв парня за локоть, вытянул его на улицу. Разговаривать под дождем было еще более тупой идеей, чем вообще выходить из дома, поэтому я потащил его за собой. Через 15 минут мы сидели на кухне Аманды, грея руки о чашки с чаем. Мы оба молчали всё это время, и я не выдержал первым.

– Ну и где ты был, черт возьми? – спросил я. В моем голосе проскользнула злоба, которую я и не думал скрывать.

Не выдержав, я встал со стула и заходил туда-сюда по кух-

не. Ричи вздохнул и, смешно надув щеки, виновато посмотрел на меня.

– Мне нужно было срочно уехать. Прости, – протянул он. Я закатил глаза.

– А телефон тебе на кой? Ты в курсе, что, когда люди пропадают посреди парка, а потом больше двух недель недоступны, другие могут, мягко говоря, волноваться? – неосознанно повысив голос, вывалил я. Так этот гад еще и расплылся в улыбке.

– А ты правда волновался? – с довольным видом ответил он вопросом на вопрос.

Я его чуть снова не ударил, честное слово. Видимо Ричи это почувствовал, потому что улыбка с его лица быстро пропала.

– Прости, Ал, но у меня правда была причина. Мне позвонили, когда я ушел отлить тогда, и я сорвался домой за машиной и сразу уехал. Думал, что позже позвоню тебе и извинюсь, но телефон умер и больше не ожил.

Он вздохнул, болтая ложкой в чашке. На меня он так и не посмотрел.

– Я только приехал и сразу же решил зайти к тебе. Хотел вот в магазин зайти, пожевать чего-нибудь взять.

В его голосе чувствовалась искренность и вина. Не поверить я ему не мог, но это не значило, что я перестал злиться. В конце концов, как бы глупо и сентиментально это ни звучало, но за эти дни я перебрал все самые дерьмовые вариан-

ты того, что могло с ним случиться. Я даже позвонил в пару больниц, пока сам себя не одернул.

– Так куда ты так экстренно сорвался? Опять по работе? – хмуро поинтересовался я.

Ричард качнул головой.

– Нет, – тихо ответил он. – В общем... отец умер. Ездил на похороны.

Я остолбенел, резко выпрямившись. Вся моя злость внешне бесследно испарилась. Медленно опустившись обратно на стул, я также тихо ответил:

– Прости.

– Да ладно, ты же не знал, – друг улыбнулся немного грустной улыбкой, подняв глаза.

Теперь, когда он не пытался казаться бодрым и веселым, он выглядел уставшим. Я вздохнул и положил руку на его плечо.

– Соболезную, – сказал я, и Ричи кивнул.

Мы посидели еще немного, а потом перебрались в гостиную, включив ненавязчивый легкий фильм. Минут через 10 Ричи уснул, сидя в кресле. Я укрыл его пледом, как всегда укрывал Аманду, и ушел к себе.

В этот вечер я быстро уснул. Как бы странно это не было, но после возвращения друга на душе у меня полегчало.

***

До конца недели Ричи остался у меня. Мы снова спали по очереди на одной кровати, только в этот раз на моей, но нам

было не привыкать.

С начала следующей недели мы оба вышли на работу. Жизнь вернулась в привычное русло. Вечерами я встречался или с Ричи, или с моими ребятами, коротая время в кафешках, кинотеатрах или интернет-кафе. Лола и Юпитер продолжали настаивать на встрече с Ричардом, чем уже порядком меня достали. Я объяснял им, что он не просто так исчез, и что ему пока нужно время. Но в конце концов я сдался.

В очередной вечер, когда мы сидели у Ричи, апробируя новую скачанную им игру, я предложил ему встретиться с моей компанией.

– Алекс, ты не пойми меня неправильно, – вздохнув, начал он, не отрываясь от игры, – но мне не очень хочется с ними видеться.

Я с удивлением уставился на друга. Вот уж этого я не ожидал. Ричи, воспользовавшись тем, что я отвлекся, убил моего персонажа и издал победный крик.

– Я сделал тебя! Видел, да? – он обернулся ко мне с радостной улыбкой, но, увидев мое выражение лица, со вздохом отложил джойстик. – Слушай, я знаю, что они твои друзья. Но это совсем не значит, что только поэтому я должен с ними тоже подружиться. Не все твои друзья должны дружить друг с другом, понимаешь?

Нет, я не понимал. И это было грубо с его стороны, на мой взгляд. Цокнув, я скрестил руки на груди.

– Я тебя не заставляю с ними дружить, что за вздор? Ты

сам себя слышишь? Я тебя просто прошу пересечься с ними, ты не помрешь, просто сказав «привет» незнакомым людям, – ворчливо проговорил я.

Ричи закатил глаза.

– Вообще не вижу в этом смысла. Не буду я с ними общаться.

– Да брось, что ты уперся, как баран? – слегка повысив голос, спросил я. – Ты им тоже не сдался, поверь, и никто не говорит об общении. Они просто хотят встретиться и разойтись, ясно?

– Ну а я не хочу встретиться, ясно? – в тон мне отозвался Ричард.

Я начинал злиться. Этот разговор очень напоминал театр абсурда и нелепости, и я не понимал, в чем проблема.

– Да что с тобой не так?! Это же глупо! Я тебе как будто бы предлагаю вандализмом заняться! Назови мне хоть одну причину твоего долбанного упрямства? – я чуть не заорал.

Друг, вздохнув, закрыл глаза, потеряв пальцами веки.

– Ладно, – наконец отозвался он. – Я тебе уже говорил когда-то, твои друзья – это парочка проституток да наркоманов. Подожди, не перебивай.

Попросил он, когда я с возмущением открыл рот. Я фыркнул, но промолчал.

– Я уже был в такой компании. И мне нравились мои друзья, пока некоторых из них не посадили, а другие не умерли от наркоты. И после этого меня еще таскали по судам. Тебе

рассказать, как стали смотреть на меня люди? Или как стали общаться с моей семьей? Прости, Алекс, но с меня хватит таких компаний.

Он поднялся и, убрав джойстик, направился в сторону кухни. Но в дверях остановился, не обернувшись.

– Мне все равно, что ты с ними общаешься, это твое дело. Но не тащи меня туда. Я не хочу вспоминать этот период своей жизни. И я точно не хочу, чтобы, увидев тебя с ними, в моей голове возникли ненужные ассоциации. Мне дорога наша дружба, Ал, и я не вынесу, если поймаю себя на мысли, что она может закончиться как та, из-за которой мне пришлось уехать из своего города, – вполголоса закончил он и вышел из комнаты.

А я так и сидел, пялясь на опустевший дверной проем. Такого я не ожидал. Я не мог сказать, что я понял его, но теперь я, по крайней мере, понимал его упорное нежелание пересекаться с компанией. Хотя мне и было до сих пор немного странно, но кажется, Ричи действительно это беспокоило.

«Да и к тому же», – думал я, – «сам-то я чего завелся?»

И я решил не поднимать больше эту тему. В конце концов, Лола могла и перебиться со своим любопытством.

Только вот я совсем недооценил любопытство Кутилы.

***

– Давай знаешь, как сделаем? Мы будем сидеть вот тут в парке, и вы туда тоже идите, – раскладывая на столе стаканчики и салфетки, строила планы по захвату Лола.

Я закатил глаза и со стоном опустил голову на руки. Этот идиотизм продолжался уже второй час. Мы сидели в пиццерии, думая, не смотаться ли нам на вышедший ужастик, пока снова не поднялась тема: «а давайте пересечемся с Ричардом». В результате про кино все забыли. Том с Джемем спустя полчаса устали в телефоны, играя в какую-то игру, Лилия с Розой тихо обсуждали друг с другом последний заказ, а Юпи откровенно скучал, подперев рукой голову и рассматривая людей вокруг.

– Лола, да успокойся уже. Ты пробовала уже нас поймать раз двадцать, – протянул я.

Девушка, оторвавшись от альтернативного наброска стратегического плана, посмотрела на меня.

– Это было не то, там я пыталась поймать, но не успевала. А сейчас ты целенаправленно пойдешь к нам, – закивала она.

Я вздохнул, снова опустив голову. Крашенная бестия теперь ходила за мной попятам, пытаясь застать меня с Ричи. Только у нее все не выходило. Она пыталась прийти в библиотеку, когда мы собирались с другом сдать книги, но промахнулась на пару минут. Она ждала у моей работы, зная, что мы с Ричи собирались после смены завалиться к нему поиграть. Но в тот день меня отпустили раньше. Эта оторва даже попробовала припереться к Ричи домой, но не застала нас там.

И вот теперь, устав тыкать пальцем в небо, она разрабатывала план «Перехват».

Юпитер с тоской посмотрел на меня, и я, закатив глаза, согласился. Только бы Лола уже заткнулась.

Но свершиться этому было не дано – в последний момент наши планы поменялись. Погода резко ухудшилась, и мы с Ричи пошли не в парк, а в излюбленную кофейню. Зато потом мне пришлось около часа выслушивать, как Лола замерзла в парке. А Том без устали над ней ржал, потому что он как раз должен был быть вместе с ней, но его пригласили на собеседование, и он удачно смылся.

После этого таких планов «Перехватов» было еще штук пять, мне казалось, Лола помешалась на идеи встретиться с Ричи. И, честное слово, я уже начинал бояться ее маниакальных наклонностей. Но каждый раз всё срывалось: то Ричи дергали на работу, то меня задерживали, то мы вдруг решали заняться не тем, чем собирались до этого.

Наши встречи с компанией всё больше походили на дурацкий каламбур, а вечера с Ричи – на побег от маньяка. Хотя Ричард даже не замечал, пока у меня назревала паранойя.

И наконец я не выдержал.

***

– Лола, твою мать, прекрати меня преследовать! Ты ненормальная! – заорал я с порога бара, где мы сегодня собирались.

Друзья, замолчав, повернулись ко мне, как и несколько столиков вокруг. Но я не обращал внимания.

– У тебя что своей жизни нет? Чего ты привязалась?

Глаза Кутилы сверкнули, она встала со своего места мне навстречу.

– Это ты ненормальный! – не осталась в долгу она. – Почему просто не встретиться? Вместо этого же надо устроить целый фарс!

Наконец очнулись ребята и, подскочив со своих мест, практически выпихали нас с Лолой на улицу. Но это не помешало нам продолжить орать друг на друга.

– Да если я не хочу вас знакомить? Если Ричи не хочет с вами знакомиться? Тебе-то что?! Твое извращенное любопытство всех уже задолбало, мы перестали нормально общаться из-за того, что ты помешалась на этом дерьме!

– Да, мне интересно! Нам всем уже интересно! Это не так сложно, просто пройти мимо и махнуть рукой, но ты категорически ныкаешься от встречи!

Мы стояли друг напротив друга, едва не вцепившись друг другу в волосы. Юпитер с Томом одновременно переводили взгляды на того, кто говорил. Видимо, собирались нас разнимать, если до этого дойдет. Девочки курили чуть в стороне, Джей стоял с ними. Но я их даже не замечал.

– Потому что это не твое дело, черт возьми! Ты ведешь себя, как маньячка, ты в курсе? Тебе в голову не приходило, что я принципиально не хочу, чтобы вы пересеклись, и поэтому у тебя ничего не выходит?

– А может быть дело не в твоей принципиальности, а в том, что твоего Ричи просто не существует?!

Я резко заткнулся, опешив и вытаращив на Лолу глаза. Она сердито фыркнула, скрестив руки на груди настолько стремительно, словно собиралась оставаться в такой позе всю жизнь. Я пару раз открыл и закрыл рот, пока мысли сформировывались в моей голове.

– То есть... ты хочешь сказать, что я вас всех обманываю? Придуманном другом? Ты больная? – севшим голосом спросил я. Лола фыркнула.

– А как, по-твоему, это выглядит? – спокойно спросила она и, достав из кармана Юпи пачку, закурила.

– Например, как «это не твое дело»? – предположил я.

– Нет, это выглядит, как «у меня есть воображаемый друг, и я ебу друзьям мозги», – отрезала подруга.

Я едва не задохнулся от возмущения и обиды. Какого черта?!

– Отлично. Ты прекрасного мнения обо мне, смотрю. Такого же прекрасного, как и мои дорогие друзья, – выплюнул я.

Том вздохнул и положил руку на мое плечо, но я стряхнул ее.

– Оли, брось, она не серьезно...

– Нет, она серьезно, – перебил я, бросив на него недобрый взгляд. – Замечательно, если ты так хочешь, то встречаемся завтра в Хай-парке. В полдень. Надеюсь, ты останешься довольна и перестанешь портить мне жизнь.

– Ладно, – вызывающе бросила Кутила, вскинув подборо-

док.

– Ладно, – я повторил ее жест и, оттолкнув Юпитера плечом, пошел прочь.

Но прежде, чем завернуть за угол я успел услышать, как Юпи, вздохнув, говорит Лоле:

– Зачем ты так? Что ты пристала к этому Ричарду, правда? Он нашего Бродягу из дерьма вытащил. В которое, кстати, ты его и втянула.

– Он первый орать начал, ты слышал? Я просто завелась, – ответила Лола капризным тоном, а потом до нее, видимо, дошло. – Постой, что?! Я втянула его в дерьмо? Да ты...

Дальше я уже не слушал.

***

На следующий день рано утром я пришел к Ричи. Я не знал, как он отнесется к моей просьбе, и, если честно, не хотел его просить. Но мне нужно было наконец закрыть этот вопрос.

Друг встретил меня веселым смехом, рассказывая про какую-то комедию, которую ему посоветовали коллеги. Но, заметив мой совсем невеселый вид, он осекся.

– Ал, что-то случилось? – осторожно спросил он, и я вздохнул.

– Я хочу тебя кое о чем попросить, но тебе это не понравится, – ответил я.

И я рассказал ему о том, как прошла моя встреча с ребятами, и о нашем с Лолой скандале. Ричи долго молчал, за-

думчиво глядя в окно, отвернувшись от меня. Я уже испугался, что он сейчас пошлет меня, выставив за дверь.

– Я понимаю. Но это плохая идея. Серьезно, Алекс, – наконец протянул он, обернувшись.

– Знаю я, знаю. Но мне уже это всё осточертело. Ты сам подумай, она ходит за нами буквально попятам! У меня скоро нервный тик начнется! – в сердцах воскликнул я, всплеснув руками.

Ричи промолчал, только тяжело вздохнул, глядя на меня. Я зарылся руками в волосы.

– Я прошу тебя. Как друга и просто по-человечески. Всего одна встреча, и мы сразу же свалим оттуда, обещаю.

Он так и не ответил, задумчиво кусая губу. Я едва не взвыл. Что вообще происходило, и почему это происходило? Ситуация походила на самый настоящий бред.

– Ричи, пожалуйста! Давай сходим туда, и больше никогда уже ты с ними не увидишься. Я прошу у тебя минуту. Всего лишь минуту, – почти в отчаянье протянул я.

Ричард внимательно посмотрел на меня и, потеряв лоб ладонью, кивнул.

– Ладно. Давай сходим, если это так важно, – наконец согласился он.

Во мне всколыхнулось мгновенное ликование, смешавшееся с облегчением. На лицо сама собой напоззла улыбка.

– Спасибо.

– Но, чтобы там ни случилось, помни – я тебя предупре-

ждал, – предостерег меня друг, но я даже не слушал.

И зря.

***

В полдень мы были у Хай-парка. Погода на удивление стояла отличная, на небе не было видно ни облачка. Мы не смогли отказать себе в привычном кофе с кленовой булочкой, поэтому по дороге заскочили в знакомый кафетерий.

Не спеша идя по дорожкам парка, мы говорили о том, что если такая погода продержится еще неделю, то на следующие выходные можно будет махнуть куда-нибудь в Гамильтон погулять. Торонто мы и так уже исходили вдоль и поперек.

Разговор как раз зашел на тему, как туда лучше добраться, когда я увидел друзей. Махнув им рукой, я посмотрел на Ричи.

– Вон они. Пошли, я скажу им, что они козлы, и пойдем дальше, – улыбнулся я.

– Точно уверен? – с какой-то смиренной обреченностью спросил друг, и я закатил глаза.

Я всё еще что-то говорил ему, когда мы подошли к ребятам. Те смотрели на меня с немым вопросом в глазах.

– Это Ричи. Ну? Довольны? – резковато спросил я.

Друзья не ответили, переглянувшись. Я, с легким раздражением качнув головой, обернулся к Ричи.

– Вот она, моя знаменитая компашка, – представил я, пожав плечами.

Ричи только молча кивнул, глядя на ребят. Я перевел

взгляд на друзей, снова посмотрел на друга. Эта немая сцена начинала меня доставать.

– В общем, ладно. Посмотрели и хватит. Мы пойдем. Спишемся еще как-нибудь, – бросил я, повернувшись к другу. – Пойдем.

Я уже развернулся, чтобы уйти, как меня нагнал голос Тома.

– Оли... с кем ты разговариваешь?

Его голос был тихим и осторожным. Я, закатив глаза, бросил на него взгляд через плечо.

– Очень смешно, Том.

Но выражение лица Тома не изменилось. Показалось, или он был... напуган? Я посмотрел на лица друзей. На них всех отпечаталось одно и то же выражение. Я глянул на Ричи и медленно перевел взгляд на Юпитера.

– Вы что? Серьезно? Вот же он, рядом со мной...

Юпитер покачал головой, в его глазах мелькнуло сочувствие.

– Там никого нет, Оли.

Меня словно по голове шарахнули чем-то тяжелым. Я открыл рот, но закрыл его обратно, не зная, что сказать. Мой взгляд снова скользнул к Ричи. Друг тяжело вздохнул, глядя на меня.

– Я же говорил, что это плохая идея.

Глава 15

Прошло почти две недели с той памятной встречи в парке с моими друзьями. В тот раз я позорно сбежал, так и не найдя, что еще сказать. А потом всю ночь метался по комнате, не в силах осознать всё происходящее. Принять тот факт, что я спятил, было за гранью моего понимания.

Я убеждал себя, что друзья надо мной просто подшутили. Отомстили за то, что я так долго не давал им встретиться с Ричардом. Приведя за ночь мысли в подобие порядка, на следующий день я составил для себя план.

Первым делом я спросил про Ричи у своего преподавателя по программированию. Если он и не помнил всех своих учеников, то у него в любом случае должен был быть их список. Соврав, что хочу найти друга, с которым потерял связь после окончания курсов, я заполучил заветные списки. Там было много имен, но я не пожалел времени, чтобы проверить каждого. Никого, похожего на Ричи, я так и не нашел.

Но первая неудача ничего не значила, хоть немного и пошатнула мою уверенность.

Я отправился в библиотеку, ведь мы с Ричи вместе брали книги, а значит, там должен был быть его читательский билет.

Правда, уговорить вредную библиотечаршу мне так и не удалось, поэтому пришлось пойти на хитрость, за которую

меня едва снова не вышибли из библиотеки. Но тем не менее я влез в ее стол, пока она куда-то отлучилась. Но и здесь меня ждало разочарование – в базе не было ни одного человека с именем Ричард. Да и разговор с библиотекарем перед этим сомнительным делом мне ничего не дал.

– Молодой человек, в эту библиотеку приходят тысячи студентов и взрослых людей. Если бы я помнила каждого, то книги бы мне возвращали в два раза быстрее. К сожалению, я не обладаю такой феноменальной памятью, – резко ответила женщина, строго сверкнув глазами из-под тонких очков.

Впрочем, во всех кофейнях и кафешках, где мы постоянно бывали с Ричи, мне ответили то же самое.

Матерясь сквозь зубы и глотая вернувшуюся панику, я сунулся на работу к Ричи. Это была последняя надежда, они ведь обязаны были знать людей, работающих у них. Но и там ответом мне было лишь качание головой.

Единственное, на что меня хватило после всех этих расследований – взять на работе отпуск за свой счет и закрыться в квартире. Тихо лелея свое безумие, я то злился, срывая голос и дубася стены, то прятался в кровати, пытаясь смириться.

Я не чувствовал себя сумасшедшим. Но разве не так рассуждают все безумцы?

Первые дни ребята обрывали мне телефон, но я не брал трубку. Было бы проще его вообще выключить, а то и выбросить в озеро. Но он был мне нужен, ведь Аманда почти каж-

дый день присылала какие-нибудь фотографии, а вечерами звонила.

Когда я не ответил ни на один звонок, ко мне пришла Лола. Но я не пустил ее даже на порог. Мне не нужны были ни оправдания, ни сочувствие, ни помощь. Мне никто был не нужен, хотелось только закрыться от всего мира и больше никогда никого не видеть. Я сходил с ума от того, что я сумасшедший. Какая ирония. Возможно только Аманда и держала меня на плаву.

Мне все еще казалось, что это какая-то дурацкая шутка. Я винил во всем сначала пережитый мной критический недостаток сна, потом наркотики, и в конце концов всё снова вернулось к Моргану. И конечно он снова вернулся ко мне в кошмарах. С него всё началось, им и кончилось. Какое же у жизни было поганое чувство юмора.

Целых две недели я не выходил из дома, не общаясь ни с кем, кроме моей соседки. Единственный же, кто так и был со мной – это Ричард. Друг (или кем он там был? Галлюцинацией?) постоянно торчал где-то рядом. Он продолжал готовить мне, а я потом задавался вопросом, как же это, черт побери, происходит, и сам ли я это делаю. Он будил меня ночами, вырывая из кошмаров. Периодически Ричи оставался у меня, сворачиваясь клубком в кресле Аманды.

Поначалу я стоически не обращал на него внимания, надеясь, что он просто растворится в воздухе, когда мой мозг поймет, что Ричи мне не нужен. Но это не помогало. Тогда

я снова с ним заговорил, хотя это сложно было назвать разговорами.

– Алекс, ну поговори со мной!

– Уйди к черту из этой квартиры! А еще лучше – из моей головы! – кричал я, захлопывая дверь комнаты перед лицом Ричи.

Ричард вздыхал, но оставлял меня в покое. Он мог уйти из квартиры, мог остаться, но я знал, что в любом случае, когда придет ночь, он снова будет бороться с моими кошмарами вместо меня. И чем дольше это продолжалось, тем больше я понимал, что этот парень никуда не пропадет. Потому что он всё еще был мне нужен.

И, снова перестав спать ночами, я всё-таки сдался. Мне было жизненно необходимо мое безумие.

***

– Это просто легкое снотворное, ну в конце концов!

– Ты не будешь глотать таблетки, у тебя с ними вообще не сложилось по жизни, – невозмутимо отозвался Ричи, заваривая чай.

Когда мы снова начали разговаривать, кошмары немного отпустили меня. Но лишь самую малость. Отсутствие нормального сна сильно било по нервной системе, и, учитывая мое наркотическое прошлое, организм был крайне возмущен. К тому же, последние дни сообщений от Аманды приходило меньше, и я нервничал. Поэтому я наконец выполз из дома и, шипя на солнце, как вампир, сбегал в аптеку. Однако

таблетки у меня отобрали сразу же, как только я вернулся.

– Да я, блин, спать не могу, понимаешь, – со стоном протянул я, уронив голову на вытянутые на столе руки.

Ричи сел рядом, поставив чашку у моих рук, и вздохнул.

– Я в курсе. Я вообще-то тоже не сплю из-за тебя, – фыркнул он.

Я закатил глаза, не поднимая головы. Разве для галлюцинации это проблема? С другой стороны, его состояние, возможно, зависело от моего собственного, он ведь был рожден моим больным мозгом. Я задумался об этом. В голову пришла мысль, что когда я сидел на амфетамине, Ричи вполне прекрасно себя чувствовал. Или мне так хотелось думать?

– Ты чай пить будешь? Сам же просил, – вырвал меня из раздумий голос друга.

Слегка вздрогнув, я присосался к чашке, пуская пузыри.

– Это вообще-то ненормально, что мой глюк отбирает у меня таблетки, – невнятно протянул я. Ричи засмеялся.

– Точно хочешь поговорить о ненормальности?

Я молча показал ему средний палец и отвернулся. Друг лишь с улыбкой покачал головой.

– Может быть я как раз та часть разума, которая осталась адекватной? – видимо Ричи эта тема понравилась, и он решил ее развить.

Хотя он и раздражал меня, но разговоры с глюками о моем собственном помешательстве казались довольно забавными. Мне казалось, что я даже смогу с этим смириться. Когда-ни-

будь.

Наш разговор прервал звонок моего телефона из соседней комнаты. Я почти поднялся, но Ричи меня опередил, выскочив из кухни вместе с чашкой, когда я даже и встать еще не успел. Я вздохнул и опустил обратно.

Спустя пару секунд в мои руки скользнул мой мобильник, а Ричард сел обратно за стол. Я снова задумался о том, сам ли я сходил за телефоном, или он был все это время в моих руках.

– Ты отвечать будешь или нет? – спросил Ричи, ткнув меня в ногу пальцем.

Я тряхнул головой и принял звонок.

– Да?

– Здравствуйте. Вы Оливер Уилсон? – спросил незнакомый мужской голос.

Я покосился на Ричи и, наклонившись вперед, оперся локтями о стол, постукивая пальцем по стенке чашки.

– Да, это я, – коротко ответил я.

– Меня зовут Мэттью Робинсон, я врач городской больницы в Оттаве.

Я снова посмотрел на Ричи, уже зная, что вряд ли услышу что-то хорошее. Друг нахмурился, но молчал.

– Чем я могу помочь?

– Я звоню по поводу Аманды Бейкер. Она сказала, что других родственников кроме Вас у нее нет. Я обязан сообщить, что она поступила к нам сегодня ночью, а час назад

была переведена в хоспис Мэй Корт, – вежливо-равнодушным тоном сообщил врач.

Теперь нахмурился уже я. Смысл сказанного этим Мэттью не сразу дошел до меня, я лишь понял, что Аманда попала в больницу. Но ведь она и должна была быть в больнице, разве нет?

– Вы что-то обнаружили на ее плановом обследовании? – тупо спросил я, глядя в чай перед собой.

На том конце провода на секунду озадаченно замолчали.

– Ал... – тихо сказал Ричи, но я остановил его взмахом руки.

– Плановое обследование? – наконец переспросил врач. В его голосе слышалось непонимание и смятение.

– Ну да, обследование, верно. Аманда ведь отправилась в медицинский туризм и...

– Алекс, – снова подал голос Ричи.

Я поднял на него взгляд, и тут до меня с опозданием дошло.

– Подождите, Вы сказали хоспис? Зачем хоспис? Она что... умирает? – мой голос внезапно сел на последнем слове.

– Мистер Уилсон, Вы разве не знали? У мадам Бейкер 4-ая стадия рака легких. Она неоперабельна, – негромко оповестил меня врач.

Хотя его голос все еще оставался равнодушным. В моей голове успела промелькнуть мысль, скольким людям он со-

общает о смерти близких во время своей работы.

– Сколько ей осталось? – неожиданно спокойно спросил я.

– Несколько дней, может, неделя. Но Вам следует поторопиться.

– Да. Спасибо, – глухо ответил я и, не дожидаясь ответа, отключился.

Положив телефон на стол, я взял свою чашку, осушив ее одним глотком. Ричи пристально смотрел на меня. Чего, интересно, он ждал? Что меня сорвет в истерику? Или что я разозлюсь, что Аманда не сказала мне ни слова о том, что больна? Но, чтобы ни ждал Ричи, я ждал примерно того же.

Однако внутри был абсолютный штиль.

– Надо ехать, – наконец сказал я и, поднявшись, пошел в комнату.

Через час я стоял в прихожей с рюкзаком за спиной. Ричи стоял напротив, но молчал. Да и я не сказал ни слова. Прошла пара минут, прежде чем парень положил руку мне на плечо, слегка сжав. Я вздохнул.

– Ты не поедешь со мной? – тихо спросил я.

Губы Ричи дрогнули в грустной улыбке.

– Не переживай. Я буду рядом, – также тихо ответил он.

Я кивнул, не поднимая глаз, и выскользнул за дверь.

***

До Оттавы лететь было не так долго, всего час. Но я надеялся подремать в самолете, предполагая, что за такой корот-

кий промежуток времени кошмары не успеют до меня добраться. Но так и не смог сомкнуть глаз.

Всё время полета мне казалось, что в салоне мелькает Ричи, но я не обращал внимания. Скорее всего так и было, друг же обещал быть рядом. Я думал о том, что нужно будет спросить у Аманды, почему же она мне ничего не сказала. Спросить о том, кому из родственников нужно сообщить. Я почему-то не верил, что у нее никого нет. Скорее всего она так сказала врачам, потому что мне было ближе ехать.

Мое спокойное, совсем безэмоциональное состояние пугало, но я думал, что лучше уж так.

Прилетев в Оттаву, я поймал первое же такси в аэропорту и помчался в хоспис. До этого я не бывал в таких заведениях и предпочел бы никогда не появляться. Как бы банально это не звучало, но здесь пахло смертью. Всё вокруг: стены, врачи, люди с потухшими глазами, всё кричало о скором конце.

Я потратил еще 15 минут на разговоры с врачами, и, наконец, меня проводили в палату.

Как оказалось, Аманда лежала одна. Пусть она и была плоха, но это не помешало ей выкатить круглую сумму, чтобы занять отдельную палату. Всё-таки Аманда была сильной женщиной и довольно упрямым человеком.

Но у дверей палаты я застыл, положив руку на ручку. Я боялся зайти, боялся, что опять не успел. Представив, что я открою дверь и увижу труп, эту пустую бездушную оболочку, я невольно отошел на шаг.

Да, может быть странно и некрасиво сравнивать человека и собаку, но у меня в жизни было не так много близких и дорогих существ. И вот один из них снова меня покидал.

Закрыв глаза, я глубоко вздохнул и толкнул дверь.

Аманда спала в кровати, укутанная в пуховое одеяло. На ее лице была кислородная маска, но даже сквозь нее я слышал ее хриплое дыхание. Аккуратно прикрыв дверь, я медленно подошел к кровати. Казалось, что за эти полтора месяца она постарела на несколько лет. Хотя она всё равно не выглядела на свой возраст.

Врачи говорили, что она много спит и почти не ест, но это нормально для ее состояния. Еще они говорили, что у нее случаются помутнения сознания. Но по крайней мере, она была еще жива. Слабое утешение, но у меня отлегло от сердца. Я успел.

Я присел рядом, взяв ее за руку. Ее ладонь была ледяной, и я успел подумать, что одного одеяла мало. Но все мысли испарились из моей головы, когда Аманда приоткрыла глаза и, взглянув на меня, улыбнулась.

– Оливер, – едва слышно сказала она.

Медленно она подняла руку и сняла маску, я видел, сколько ей стоило усилий, чтобы это сделать, но словно застыл, не в силах оторвать от нее глаз.

– Ты приехал, – тихо сказала она. – А я дождалась. Мне... мне нужно тебе сказать кое-что.

Ее голос хрипел, она дышала так, словно пробежала сот-

ню километров. И говорила так медленно и тихо, что мне приходилось прислушиваться.

– Аманда, не нужно. Вам нужно отдыхать, – начал я, но она слегка сжала мою руку, а ее глаза блеснули.

– Успею я... на том свете отдохну. Не так уж много мне осталось... Хоть ты поговори со мной.

Она была совсем слаба, но я осекся. В этой женщине даже при смерти остался железный стержень, который, я думал, не сможет сломить даже эта старуха с косой.

– Я... Ты прости, что не сказала. Я знала, что врачи не помогут. Такой рак, он не лечится. Не хотела, чтобы ты волновался, – делая паузы почти через слово, сказала она.

Я наклонился к ней, чтобы лучше слышать, и кивнул.

– А... Где Вы были тогда, если не лечились? – спросил я, и она улыбнулась.

– Путешествовала, – с каким-то восторгом и торжеством произнесла она. – О, Оли. Я посетила столько чудесных мест. Я успела побывать почти везде, где когда-то мечтала. В моей сумке есть фотоаппарат, старый-старый. Когда я уйду, прояви пленку и сделай альбом. Назови его... назови его «Последнее путешествие мечты».

Она поймала мой взгляд, продолжая улыбаться, и я не мог не улыбнуться в ответ. Моих щек коснулась влага, но я не обратил внимания.

– Мой милый мальчик... Ты так скрасил под конец мою жизнь. Скажи... ты счастлив?

– Да. Конечно, счастлив, – без запинки сказал я.

Аманда тихо засмеялась, закашлявшись, и я помог ей сесть повыше.

– Врешь. Бессовестно врешь мне. Но это ничего. Главное, ты найди его... свое счастье.

Она закрыла глаза, и через минуту я понял, что она спит. Аккуратно вернув на место маску, я тихо вышел из палаты. Умывшись, я нашел врачей.

Я спрашивал, могу ли я забрать Аманду домой, мне казалось, что умирать в хосписе – это отвратительно, хотя здесь за ней ухаживали. Я готов был платить за приходящего врача. Врачи не были против, но предупредили, что она может не пережить эту последнюю поездку, и я передумал. Пусть это было эгоистично, но я хотел побыть с этой удивительной женщиной еще немного.

Тогда я стал напрашиваться остаться здесь с ней. Мне сказали, что хоспис открыт для посещения всегда, а потом застелили кровать рядом с кроватью Аманды. Пока она спала, я успел пообщаться с несколькими пациентами и медсестрами. К вечеру мое мнение о хосписе неуловимо изменилось.

Может быть привкус смерти и был здесь все время на губах, но умирающие люди здесь улыбались. Я встретил многих родственников пациентов, которые, как и я, провожали своих близких. А больные люди все как один говорили, что здесь делают так, чтобы было не больно.

Это было странное впечатление. Я даже не смог бы пере-

дать его словами: было и печально, и тоскливо, и радостно, и спокойно.

Вечером я вернулся в палату и, не раздеваясь, укутался в одеяло. На удивление я быстро уснул, прислушиваясь к прерывистому дыханию Аманды. За долгое время я не боялся никаких ждущих меня кошмаров.

***

– Оливер... Оливер...

Я вздрогнул и открыл глаза. На улице была темень. Я бросил взгляд на часы и поднялся, подойдя к кровати Аманды. Было раннее утро.

Женщина со слабой улыбкой смотрела на меня, держа в подрагивающих пальцах маску.

– Дай мне, пожалуйста, воды, мой мальчик, – попросила она, скосив глаза на кувшин.

Я налил ей стакан и, приподняв, помог сделать несколько глотков, хотя она все равно слегка закашлялась.

– Простите, я сейчас, – пробормотал я.

Взяв платок, я промокнул ей губы и шею. Она слабо отмахнулась.

– Ты не виноват, я просто почти не могу глотать, – спокойно сказала она. Я кивнул.

– Пospите еще?

– Нет, милый, я хочу попросить тебя кое о чем.

Она рвано вздохнула, пытаясь сесть повыше, и я подтянул ее на подушки.

– Когда я умру...

– Аманда, давайте не будем, – взмолился я, но она оставила меня одним взглядом.

– Оли, мы не знаем, буду ли я в сознании дольше десяти минут. И я умираю. Имеет право дама попросить последнее желание? – ее голос был тих, прерываемый хрипом и одышкой, но даже сейчас я чувствовал в нем укор.

Вздохнув, я кивнул, взяв ее холодную ладонь.

– Я хочу, чтобы после конца ты забрал мое тело домой. И отвез в крематорий.

– Но... – попытался я, но меня перебили.

– Не потерплю, чтобы меня закопали и оставили гнить! – ее голос внезапно взвился вверх на высокой ноте, она снова закашлялась.

Я налил ей еще немного воды. Отдышавшись, она продолжила.

– В моей комнате дома рядом с кроватью стоит тумба. В ней есть деньги, они покроют все расходы. Я же дальновидная женщина, я откладывала на свои похороны, – из ее груди вырвался смешок, похожий на кашель. – А еще... там лежит завещание... оно заверено, все, как нужно. Я посмею попросить тебя исполнить мою последнюю волю, милый. Если ты не против...

Разве я мог быть против? Но у меня на языке все крутился вопрос.

– Аманда, а где... где Ваши родственники? Может быть

сообщить кому-то? Или они так далеко живут?

– Нет, Оли... У меня больше никого не осталось, – спокойно ответила женщина. Но развивать эту тему не стала: то ли не хотела, то ли боялась не успеть сказать всё, что должна была. – У меня есть знакомый юрист, он тебе поможет... В блокноте на кухне есть его номер, можешь ему позвонить. Или можешь сам, если хочешь.

Конечно, я мог сам. Я же чертов юрист. Но говорить об этом я не стал, как не стал и отказываться. Она была права, она имела право на свое последнее желание. И если эта женщина просила меня этим заняться, то я был готов. Я должен был сделать что-то для нее, после всего, что сделала для меня она. И если этим «что-то» была просьба достойно проводить ее, то я обязан был её выполнить.

– Конечно, Аманда. Я всё сделаю. Даже выбью Вам лучшее место в колумбарии, – тихо ответил я, снова улыбаясь сквозь слезы.

Она улыбнулась в ответ и закрыла глаза.

– Спасибо, мой мальчик, – шепотом ветра проговорила она, засыпая.

Я вернул маску на место и вышел из палаты. Мне нужно было на улицу. А еще я надеялся встретить кого-то, у кого можно стрельнуть сигарету. Пусть я уже не курил, но сейчас нестерпимо хотелось снова почувствовать горький привкус никотина на губах.

Я знал, что сегодня ночью больше не усну.

***

– Оли...

– Я здесь.

Отложив книгу, которую дала мне одна из медсестер, я пересел на кровать Аманды, снова взяв ее за руку. Был разгар дня, на улице на удивление было тепло и солнечно. Словно не приближалась зима, крадясь по тени города и прорываясь на холодных ветрах.

Рука Аманды дрогнула, но не поднялась, и я сам снял с нее маску.

– Что такое, Аманда? Воды? Позвать сестру?

– Ты знаешь... я никогда не сдавала комнату, – тихо протянула она, не открывая глаз.

Я сначала не понял, о чем она говорит, так неожиданно это было. Я подумал, что может быть у нее начались галлюцинации или бред, врачи предупреждали меня об этом.

– Жила одна... Почти ни с кем не общалась... Я думала... думала, так будет правильно. Не хотела, чтобы кто-то переживал, – продолжала женщина, улыбаясь уголками губ.

– А мне сдали комнату, – дошло до меня.

– Да... Ты так похож на моего сына... – протянула она.

– У Вас есть... был сын? – невольно я сам говорил тихо, но Аманда меня прекрасно слышала.

Ее улыбка стала шире.

– Да. Мой прекрасный мальчик. Он был твоим ровесником, Оли. Вечно... влипал в истории, но... был послушным.

Добрым. Очень верным...

В уголках ее глаз скопились слезинки. Я помолчал немного, но она не заговорила. Тогда я решился спросить, мне казалось, для нее было важно рассказать об этом.

– Что... что с ним случилось?

– О... он погиб. Это был несчастный случай, никто не ожидал...

– Смерть никто не ожидает, – вырвалось у меня. Я погладил Аманду по руке, а на ее лице вдруг мелькнула тень знакомой слегка хитроватой улыбки.

– А здесь ты не прав. Кое-кто и ожидает, – выдала она, и я тихо засмеялся.

Вот так черный юморок от умирающего в хосписе. Ладонь Аманды дрогнула в моей, она подняла дрожащую руку, коснувшись моей щеки. А я поддерживал ее за запястье, чувствуя, что ей тяжело дается даже это движение.

– Ох, ты так похож на него. И одновременно ты совсем другой. Увидев тебя в тот день... ты был таким потерянным, таким... печальным... я просто не смогла пройти мимо. И знаешь...

Она открыла глаза, посмотрев на меня с бесконечной теплотой и нежностью.

– Я смогла снова... хотя бы ненадолго... почувствовать себя матерью. Мамой, в которой нуждались. Хотя думаю, матерью-то я всё-таки была дерьмовой.

Аманда тихо рассмеялась, кашляя. Услышать такое из ее

уст было дико и непривычно, но я пропустил ругательство мимо ушей. Повернув голову, я прижался губами к ее руке.

– Неправда. Я бы сказал, что плохих матерей не бывает, но это не так, Вы просто их не видели. Одно точно могу сказать, Аманда. Вы были отличной матерью. А еще... Еще Вы стали мне хорошим другом. Правда... Если бы не Вы, то меня бы уже не было.

По моим щекам снова струились слезы, стекая по руке Аманды и капая на одеяло. Она погладила мою щеку большим пальцем.

– А если бы не ты... я бы никогда не осуществила свою мечту. Так бы и ждала своей смерти... сидя в кресле перед телевизором.

Она подвинула свободную руку, поймав мою ладонь, и слегка сжала пальцы.

– Прости, что не могу остаться с тобой, милый... Однако, я прожила долгую и очень хорошую жизнь... Можно уже идти... Но я всё равно буду рядом... буду оберегать тебя. А ты... когда будешь смотреть хороший фильм, вспоминай обо мне. А потом... спустя много лет, когда ты станешь папой... расскажи своим детям про такой фильм. Начни его так... «Жила-была тетушка Аманда, которая любила кино и мечтала путешествовать»... Обещай мне...

– Конечно. Конечно, я обещаю, – тихо ответил я, надеясь, что она меня услышит.

Я боялся, что если хоть немного повышу голос, то совсем

расклеюсь. Аманда снова прикрыла глаза.

– Я полюбила тебя, милый. Я всей душой желаю тебе найти свое счастье. И я знаю... ты будешь еще счастлив. Спасибо тебе... за то... что ты так скрасил мои последние месяцы...

Я видел, что Аманда засыпает, но никак не мог отпустить ее руку. Я чувствовал, что мы говорим в последний раз, знал это. А мне ведь так многое нужно было ей сказать.

– Нет, Аманда, это Вам спасибо. Вы же...

– Ш-ш-ш-ш, – ее палец, скользнув по щеке, лег на мои губы. – Не нужно слов. Я знаю. Я все знаю. Просто... обними меня на прощанье. Этого будет достаточно...

Я прикусил губу. Наклонившись, я аккуратно обнял ее, положив голову на ее плечо. А она, из последних сил сумев поднять руку, положила ее на мою голову, растрепав волосы.

– Береги себя... Алекс...

Ее голос был похож на подкинутый ветром пух, так он был тих и невесом. Но я услышал. Рука Аманды плавно соскользнула с моей головы. Она уже давно спала, а я так и лежал, рядом, не в силах остановить слезы.

Это было тяжело. Но я был благодарен судьбе за предоставленный мне шанс узнать эту невероятную женщину и проводить ее в последний путь.

***

Я оказался прав. Больше Аманда так и не пришла в сознание. Мне все казалось, что она просто спит, я говорил вра-

чам, что мы с ней проговорили довольно долго. А сейчас её сердце билось ровно и размеренно, даже руки вроде бы потеплели. Казалось, что ей лучше.

Но врачи сказали, что это агония. Так организм готовился к логическому завершению своей функции. Ей оставалось совсем чуть-чуть.

Выгнав из палаты всех людей, я попросил не беспокоить нас, обещав сообщить, когда всё закончится. Весь день и вечер я просидел рядом с Амандой. Я рассказывал ей истории, вычитанные в книгах, увиденные в фильмах. Пересказывал старые сказки и просто говорил. Не знаю, слышала ли она, но я, почему-то, был уверен, что так ей легче.

Ближе к полуночи меня сморило, и я уснул рядом с кроватью, положив на нее голову.

Проснулся я посреди ночи, не понимая, что меня разбудило.

– Аманда? – сонно щурясь, спросил я, взглядываясь в бледное лицо.

Я скользнул взглядом по ее телу, а потом глубоко вздохнул, прикусив изнутри щеку. Моя рука все еще держала ее запястье. Теперь я понимал, что не так. Пульса больше не было.

Зажмурившись, я поднялся, прижав пальцы к сонной артерии, чтобы окончательно убедиться, а потом осторожно снял с нее ненужную больше маску.

– Спи спокойно, Аманда, – шепотом сказал я и, нахло-

нившись, поцеловал ее в лоб.

Пошатываясь, я дошел до своей кровати и сел на нее, спрятав лицо в ладонях. Меня потряхивало. Я не мог просто взять и пойти за врачами сейчас, мне нужно было время. Хотя бы немного времени.

На мои плечи легли руки, но я даже не вздрогнул. Я знал, кто это, чувствовал кожей.

Ричи ничего не сказал, только опустился рядом, обняв меня, и я, развернувшись в его руках, спрятал лицо на его груди. Наконец я мог дать волю своим чувствам. Больше мне не нужно было сдерживаться.

Еще столько предстояло сделать, но все это могло подождать до утра.

***

Весь следующий день я просидел на телефоне. Забрав вещи Аманды, я сначала организовывал транспортировку тела. Потом договаривался с крематорием, колумбарием, заказал подготовку тела, урну.

Тело сразу же увезли в морг, пока я метался в поисках похоронного агента. Но и когда я нашел этого человека, снявшего с моих плеч половину забот, мне все еще было, чем заниматься.

Вернувшись домой, я сразу же забрал деньги, оставив пока завещание на месте. Для этого еще будет время.

В таком бешеном ритме прошла пара дней. Пока я занимался похоронами, времени тосковать и переживать не бы-

ло. Правда спать я толком не мог, перебивался парой часов и снова начинал по новой. Проблема, правда, была не в похоронах, а старая и уже задолбавшая. Морган. Но на это тоже не было времени.

И наконец всё закончилось.

Я стоял перед мемориальной доской, на которой значилось «Аманда Бейкер», годы жизни, а внизу надпись красивыми витиеватыми буквами: «Любимой матери и хорошему другу». Мне казалось, что так было правильно.

В моих руках был букет полевых цветов, которые Аманда любила, а в кармане лежало завещание. Я вздохнул и, с легкой улыбкой качнув головой, вставил цветы в специальное отверстие.

– Последнее желание дамы исполнено. Покойтесь с миром, Аманда, – тихо сказал я.

Сзади ко мне подошел Ричи, положив руку на мое плечо.

– Она завещала мне квартиру, представляешь? – глухо спросил я.

– Знаю, – негромко отозвался друг.

Сказать, что я был удивлен, прочитав завещание, это не сказать ничего. Но всё же... всё же. Вздохнув, я отошел, окинув взглядом остальные ниши. Здесь было красиво и очень тихо. А еще здесь было... спокойно.

– Ну вот. Я сделал всё, что она просила. С работы, думаю, меня уже раз десять уволили, пока я не брал трубку. Что теперь?

Я обернулся, посмотрев на Ричи. Он стоял в двух шагах от меня, сунув руки в карманы.

– Что теперь делать?

Друг пожал плечами.

– Сделай то, что давно уже пора было сделать. То, чего ты давно уже хотел, – просто ответил он.

Я с недоумением наклонил голову на бок, и Ричи усмехнулся.

– Отомсти Моргану.

Его негромкие слова отразились эхом от стен колумбария. Я открыл рот, но закрыл его, посмотрев на цветы, возложенные к плитам.

– А если у меня не получится? – через какое-то время спросил я. – Что, если мне духу не хватит?

– Алекс, – твердо окликнул меня Ричи, и я снова посмотрел на него. – Ты и так чокнутый. Ты разговариваешь со своей галлюцинацией в колумбарии. Чего тебе терять?

Я хмыкнул и, застегнув куртку, пошел прочь. Ричи зашагал рядом.

– Нечего мне терять. К черту всё.

Мы вышли на улицу и одновременно посмотрели на выглянувшее из-за облаков солнце, прикрыв глаза рукой.

– Так значит... Я возвращаюсь в Чикаго, – я глянул на друга, и мои губы расплылись в улыбке. – Нет. Мы возвращаемся в Чикаго.

Улыбка Ричи отразила мою.

Спустя пару часов мы мчались на автобусе в город, из которого ровно год назад я сбежал. Я ехал, чтобы испортить жизнь человеку, который полностью растоптал мою. И я не жалел ни о чем.

Глава 16

Я подавил зевок и подпер рукой голову.

– Всем встать! Его честь Маркус Пол, председатель судебного заседания.

Я приподнялся и, наконец, от души зевнул, спрятавшись за чужими спинами. Судья проплыл на свое место, и все сели обратно. Рассмотрение этого дела шло уже месяц, но я был уверен, что закончится всё так, как я хотел. Потому что в юридических вопросах я разбирался. Хотя бы ради этого стоило пройти через годы обучения, всех знакомых отца и просидеть полгода в конторе Моргана.

Кстати, о крысах.

Я перевел взгляд на Митчелла Моргана, сидящего на скамье подсудимых, и расплылся в улыбке. Я таскался на все заседания не только, чтобы узнать окончательный вердикт. Мне доставляло искреннее удовольствие смотреть на него. А выглядел мой бывший начальник отвратительно.

Его голова в очередной раз дернулась в нервном тике, и я спрятал лицо в ладонях, стараясь подавить смех. В лучшем из своих костюмов, обросший, с кое-как приглаженными гелем волосами, дерганый и периодически оборачивающийся с выражением паники на лице, он выглядел очень смешно. Я бы сказал, что Морган потерял весь свой лоск, но это было бы невероятным преуменьшением. Он потерял всё, включая

рассудок.

– Мистер Морган, Вы меня слышите? – спросил прокурор, повысив голос.

Митч дернулся и резко поднялся, опрокинув со стола папку адвоката. Больше я вынести не мог. Отчаянно закрывая рот рукой, я бесшумно выскользнул из зала суда и, покашливая от сдерживаемого смеха, быстро направился к выходу. Оказавшись на улице, я завернул за угол здания и рассмеялся в голос.

– Что, опять? Ты хоть одно заседание досидишь до конца? – приподняв бровь, спросил Ричи.

Он стоял рядом, прислонившись плечом к стене, хотя на его лице тоже расплывалась улыбка. Но едва я открыл рот, чтобы ответить ему, меня снова сложило пополам. Прошло минут пять, прежде чем я отдышался и, тяжело выдохнув, выпрямился, утирая слезы.

– Доброго дня! – весело кивнул я проходящему мимо мужчине. Тот неуверенно кивнул в ответ и поспешил пройти дальше, вызывая у меня новый приступ.

Ричи закатил глаза и, взяв меня за руку, повел через улицу в сторону кафе.

– Пошли уже, истеричка. Купим кофе, – качая головой, произнес друг.

Минут через 15 я с наслаждением вдыхал аромат кофе, глядя на людей, проходящих мимо открытой веранды. На

улице стояла чудесная теплая погода, деревья зеленели, возвращая веру в новую жизнь. В проблесках солнца угадывалось скорое лето, скрывающееся пока в последних майских днях.

Ричи притащил два куска пирога и снова куда-то ускакал. Люди, сидящие рядом, странно косились на меня, но я не обращал внимания. Я давно уже перестал задаваться вопросами, как происходит мое взаимодействие с Ричардом в глазах людей. Я давно наплевал, как на меня смотрят, пока я болтаю сам с собой. Я привык к своему сумасшествию и сроднился с ним, отгородившись от людей и их мнений.

Прошло уже полгода с тех пор, как я вернулся в родной город. Полгода с момента начала моей невероятной мести, которую я без зазрения совести мог назвать грандиозной. Погрязнув в ней, я снова забыл о своем Дне Рождения, зато о нем не забыл Ричи. Мы полночи тогда прошатались по ночному Чикаго, пугая случайных путников.

Зато я не забывал периодически кататься в Торонто, чтобы завершить дело о принятии наследства. Здесь тоже очень кстати пригодились мои знания, так что вскоре квартира Аманды была моей. Бросить ее я не мог, но и тратить на это много времени тоже. У меня были дела поважнее.

– Так, вот тебе твои любимые кленовые булки, а я сейчас приду, – быстро проговорил Ричи, внезапно появившись рядом и снова испарившись, едва сладости оказались на столе.

Я только головой покачал.

С блаженством потянувшись, я улыбнулся и сделал внушительный глоток из своего стакана.

– Алекс! Алекс, привет!

От неожиданности я поперхнулся, плеснув на футболку горячий кофе. Подскочив, я оттянул ткань от кожи, тихо зашипев, и, промокнув пятно салфеткой, поднял голову. И тут же уронил челюсть.

– Ой... Это из-за меня? Извини, пожалуйста, – прошептала девушка, подойдя ко мне и начав втирать кофе в футболку, видимо с целью того, чтобы она больше никогда не отстиралась.

Я тряхнул головой и отступил на шаг, слегка нахмурившись.

– Забудь, всё нормально. Ты чего здесь делаешь, Эмили? – вздохнув, спросил я.

Девушка смущенно улыбнулась, и я, закатив глаза, указал ей на стул и сел сам. Я не думал, что смогу легко избавиться от этой внезапной компании. Эмили опустилась напротив меня, с удовольствием сделав глоток кофе из второго стакана, и с улыбкой посмотрела на меня. Кажется, мои посиделки с Ричи на этом и закончились: он никогда не появлялся, когда я сталкивался со знакомыми. По моей настоятельной просьбе. Впрочем, это значило, что в моем организме будет меньше кофеина.

– Расскажешь?

– О чем? – рассеянно переспросил я, растрепав волосы.

– Как ты довел нашего начальника до состояния чихухуа? – легко спросила девушка.

Я, не выдержав, прыснул. Возможно, этим я выдал себя с головой, но мне было плевать. Я уже сделал всё, что хотел, я знал, что Моргана посадят, это был лишь вопрос времени. Но даже если так, даже если я был спятившим ублюдком, я не собирался вываливать всё этой потаскухе. По крайней мере, сразу.

– С чего ты взяла, что это я виноват, а? – весело спросил я. Эмили улыбнулась, сделав еще один глоток.

– Я была на заседании. Я давала против него показания. И я видела тебя там и видела раньше. Я, конечно, не шибко умна, но и не дура. Я знаю, что всё это, – она сделала широкий жест рукой, – твоих рук дело. Только не знаю, как.

Я молчал, по-прежнему с улыбкой глядя на нее. То, что она давала показания, я знал. Но это не делало ее моей внезапной подругой.

– Да брось... Слушай, мы все знали о том, что он творит, – понизив голос и наклонившись ко мне, быстро проговорила Эмили. – Да, я с ним спала, но я делала это по доброй воле только потому, что иначе он брал бы силой. Я уже проходила через это и выбрала не самый достойный, но самый легкий вариант.

Она стыдливо опустила глаза, а я перевел взгляд на улицу. Это я тоже уже знал. Я знал абсолютно все из грязного белья, которое хранила вся фирма Моргана и он сам. Этой инфор-

мации бы хватило, чтобы посадить каждого, кто работал на Митча, включая саму Эмили. Я усмехнулся.

– Зачем тебе это? – наконец спросил я, покосившись на бывшую коллегу.

Она пожала плечами.

– Чтобы было еще радостнее смотреть, как его упекают. Ты даже не представляешь, как я благодарна тебе, Алекс. И даже если ты подумаешь, будто я хочу его спасти, ты лучше всех знаешь, что это уже никому не удастся.

Эмили вздохнула и улыбнулась, глядя куда-то поверх моей головы. Она действительно была рада. Я тихо рассмеялся. Собственно, она была права. К тому же я был уверен, что дальше нее это никуда не уйдет. Вряд ли она была настолько глупа, чтобы потерять свободу, только что обретенную после Моргана.

А еще мне очень хотелось рассказать кому-то, кто не был моей галлюцинацией.

– Ладно. Я расскажу. Только никогда больше не называй меня этим именем, теперь меня зовут иначе, – через пару минут фыркнул я. – Все началось полгода назад, когда я вернулся в Чикаго...

***

– Итак... с чего начнем? – протянул Ричи, когда мы вышли с вокзала Чикаго.

Он с легкой улыбкой смотрел по сторонам. Я в отличие от него смотрел исключительно под ноги. Чувство было стран-

ным, непонятным и не слишком уютным. Воспоминания нахлынули сразу же, и появилось желание сесть обратно в автобус. Идея мести вдруг снова показалась невыполнимой и глупой.

Подойдя к лавочке, я уселся на нее, глубоко вздохнув. Мой хмурый взгляд скользнул по небоскребам. Когда-то родной и знакомый вид, вызывающий восторг и восхищение, сейчас навевал горечь и страх. Закрыв глаза, я надавил пальцами на переносицу.

Ричи опустился рядом, положив руку на мое плечо.

– Слушай. Я знаю, что тебе страшно. Но это только пока. Мы только приехали, надо придумать план, подумать, что нам нужно будет еще сделать. Ты же любишь сложные задачки, – тихо проговорил друг.

По его голосу я слышал, что он улыбается. Снова вздохнув, я посмотрел на него.

– Мне очень хочется свалить обратно в Торонто и забыть всё, – глухо отозвался я.

Ричи качнул головой.

– А получится? Ты пытался. Пытался ни один раз. Ты не сможешь спокойно жить, пока этот ублюдок за всё не ответит, и ты знаешь это лучше меня, – он собрал немного снега с лавки и подкинул вверх.

Снежинки легким пухом потекли по воздуху, кружась в неизвестном миру танце. Мы оба смотрели на него, ловя отблески фонаря в маленьких ледяных кристаллах.

– И ты исчезнешь после этого? Когда я отомщу? – через пару минут спросил я едва слышно.

Ричи улыбнулся, но я не увидел.

– Кто знает, – был его тихий ответ. – Уже поздно поворачивать назад.

Я медленно кивнул. К сожалению, он был прав. А может быть и к счастью, я пока не знал об этом. Знал только, что Морган не исчезнет из моей жизни, пока я не вернусь в его. Прикрыв глаза, я глубоко вздохнул и поднялся, чувствуя взгляд Ричарда.

– Начнем мы с того, что снимем комнату. Или нет, лучше квартиру. Трудно будет людям объяснить, почему я сам с собой говорю, верно? – я усмехнулся и, обернувшись, протянул руку Ричи.

Он ответил мне такой же усмешкой и поднялся, приняв мою помощь.

– А потом, – продолжил я, – мы зайдем в магазин, купим ноутбук и будем смотреть фильмы ужасов. Может быть они меня вдохновят на составление плана.

Моя усмешка стала злорадной. Парень рядом только кивнул с довольным видом.

Через пару часов мы уже сидели в кровати и пялились в экран, на котором происходило черт знает что. Глаза Ричи становились круглее с каждым часом, он даже иногда дергался, чем меня очень веселил. После второго фильма он на-

долго исчез на кухне, вернувшись с двумя кружками кофе только к середине. Правда, едва не расплескал весь напиток, когда на экране вылез скример.

Я засмеялся, поставив фильм на паузу.

– Как ты можешь это смотреть? – ворчливо спросил друг, бросив косой взгляд на экран. Он забрался на кровать и, сунув одну кружку мне в руки, влез под одеяло.

– А по-моему, весело, – я пожал плечами. – И еще веселее, что это действительно кого-то пугает.

Я бросил на Ричи многозначительный взгляд, и он, не обернувшись, двинул локтем по моим ребрам. Я снова зализался хохотом.

– Ты ненормальный.

– Сказала моя галлюцинация, – парировал я и отставил кружку. – В любом случае эти фильмы подали мне одну отличную идею. И кстати, нам не придется платить за квартиру, если эта идея окажется осуществимой.

Мои глаза загорелись. Ричард бросил на меня заинтересованный взгляд и тоже отставил кофе, повернувшись ко мне.

– Смотри внимательнее, – загадочно произнес я и воспроизвел фильм.

***

Я замолчал, глядя на молодую пару за соседним столиком. Они вроде бы ругались, но как-то непонятно, нежно и приторно. Казалось, если девушка сейчас даст своему мужику по морде, это будет выглядеть, как легкое поглаживание. Я

пожал плечами: чего только не увидишь на улицах города.

– Алекс? Ой, прости! – окликнула меня Эмили, тут же спохватившись.

Я снова повернулся к ней, перестав наблюдать за парой. В глазах девушки горело любопытство и недоумение одновременно.

– Я не совсем понимаю. Как ужастик смог помочь тебе придумать план? – спросила она, нахмурившись.

Мои губы сами собой растянулись в улыбке.

– Ты смотрела фильм «Пакт»? – ответом мне было показывание головой. – Или «Куклу»? Нет? И ты в не читала «Дерево лжи»?⁶

Глаза Эмили с каждым моим вопросом становились все круглее, и я засмеялся.

– Я не смотрю ужасы, Ал... – она осеклась.

– Оливер, – услужливо подсказал я, кивнув.

Девушка слегка закатила глаза.

– Оливер, – повторила она. – Мне и в жизни ужасов хватило.

– «Дерево лжи» – детская книга, но неважно, впрочем, – я пожал плечами. Выдержав театральную паузу, я все же признался. – Я влез в его дом. И остался там жить.

Стаканчик с кофе выпал из руки Эмили, расплескав часть

---

⁶ «Пакт», фильм ужасов 2011 года, режиссер Николас МакКарти; «Кукла», фильм ужасов 2016 года, режиссер Уильям Брент Белл; «Дерево лжи», роман в жанре детского фэнтези Фрэнсис Хардинг.

напитка на ее юбку, но она даже не заметила.

– Но это невозможно! – воскликнула она спустя секунду. С соседних столиков на нас обернулись. – В его доме отличная система безопасности!

Я рассмеялся.

– Ну, как оказалось, не такая уж она и отличная. Возьму еще кофе, – протянул я и поднялся.

На самом деле, она была права. Система безопасности в доме Моргана была на уровне. Но у меня тоже были свои люди, которые любили взломы и сложные задачки. Точнее один человек.

***

– Джей, привет.

– Оли! Ну наконец! Я уж думал, ты на нас обиделся и больше не будешь звонить, – восторженно проорал Джей-Джей с того конца провода.

Я вздохнул. Джей не менялся: его детская наивность и восторженность даже в моем случае не подвела. Возможно, он так и считал, что я их разыграл, а потом обиделся, что они не оценили шутку.

Покосившись на смеющегося Ричи, я закатил глаза и отошел от него.

На следующий же день после приезда мы отправились к дому Моргана, когда он был на работе. Я точно знал, когда он выходит и приходит обратно, это было очень важно в прошлой жизни. И ожидаемо мы нарвались там на сложную си-

стему сигнализаций.

О сигнализациях я знал не так уж много, но что-то знал. В конце концов, в моем доме она тоже была. Но этих знаний бы не хватило, чтобы ее взломать. Поэтому, поломавшись полчаса и поискав информацию в интернете, я решил позвонить Джею.

– Слушай, Джей, ты же хотел взломать что-нибудь сложнее, чем банковские счета, – с улыбкой спросил я.

– Конечно. А что случилось? Уже надо бомбить NASA? Я засмеялся.

– погоди, приятель, не так всё круто. Как насчет того, чтобы начать с системы безопасности в доме?

Я надеялся на наивность этого парня и не прогадал. Он помолчал немного, а потом неуверенно протянул:

– Ну это вроде как незаконно...

– Джей, взламывать банковские счета тоже незаконно. А сеть NASA тем более, – фыркнул я.

Парень снова замолчал. Я почти видел, как он тыкает в свою щеку пальцем, он делал так всегда, когда задумывался.

– Ты прав конечно, но... Это не совсем то, чем я занимаюсь. То есть, сигналки – это немного другое, не как взломать сайт. Но в принципе...

Я чувствовал, что зацепил его интерес. Хотя это было и не так сложно, стоило сказать слова «система» и «взлом», и Джей уже был на крючке. Осталось лишь пообещать ему желаемый восторг.

– Эй, Джей. Будет весело, – заверил его я. – Ни один из известных блэкхатов еще не мог похвастаться, что может взломать охранную систему дома.

– Правда?!

Вот и всё, он был уже готов начать. Я заверил его, что конечно же мои слова были чистой правдой, хотя я понятия не имел, так ли это.

Через пару дней Джей прикатил ко мне. Я, правда, думал, что мы сможем решить этот вопрос через телефон, но Ричи, фыркая, заявил, что таким предположением я переплюнул с наивностью даже самого Пирата.

А еще Джей притащил с собой какого-то парня. Это уже меня немного напрягло, не смотря на уверения самого Джея, что это его друг. Чтобы меня успокоить он сказал, что Сэм, так он его называл, был еще и другом Юпитера. На самом деле это напрягло еще больше. Но виду я не подал, отступить было поздно.

Несколько дней я наблюдал, как парни возятся с каким-то планом и схемой чего-то, с кем-то созваниваются. Пару раз мы приезжали к дому и один раз экстренно сваливали, потому что сработала сигнализация. Из всего, что они говорили, я лишь смутно улавливал что-то знакомое, вроде «перехватить сигнал» и «подключиться к внутренней системе безопасности». В конце концов они оставили меня одного и поехали сами.

А на следующий день у меня был код от сигнализации до-

ма Митчелла Моргана.

– Это было так круто!

Я провожал ребят на вокзале. Джей все никак не мог перестать восхищаться проделанной работой. Мы с Сэмом лишь снисходительно улыбались, слушая его.

– Это всё так круто работает! А еще этот мужик даже камеры не заметил, хотя Сэм ее даже особо не прятал. А как мы восстановили-то...

– Джей, – прервал этот бешенный восторг я и тепло улыбнулся другу. – Спасибо.

Джей-Джей расплылся в довольной улыбке и, прежде чем я понял, что он делает, обнял меня. Из моего горла вырвался какой-то нечленораздельный звук, похожий на писк. Сэм засмеялся.

– Поймали тебя врасплох, парень. Ладно, рад был познакомиться. Удачи.

Он махнул рукой и скрылся в автобусе. Я смог только кивнуть в ответ. Наконец Джей отстранился, смахнув рукой не прошенные слезы. Не прошенные мной.

– Ну... в общем... не знаю, зачем тебе это всё, но ты аккуратней будь, ладно? – смешно надув губы, сказал он.

Я со вздохом выдавил улыбку. Джей ни разу не спросил меня, зачем мне понадобилось взламывать систему безопасности этого дома, и я был чертовски благодарен ему. А еще я скучал.

– Конечно. У меня все под контролем.

Джей кивнул и улыбнулся. Он медленно поплелся за Сэмом. Я чувствовал, что он хотел мне еще что-то сказать, но настаивать не стал. Однако, подойдя к двери автобуса, Джей обернулся.

– Ты ведь... вернешься в Торонто? Ну, когда дела закончишь? – спросил он.

Я едва не рассмеялся. Неужели я мог предположить, что этот комок вечного счастья может угнетать что-то серьезное? Но судя по лицу друга, для него это и правда было важным.

– Да, Джей-Джей. Я вернусь, как только смогу, – пообещал я.

Он кивнул и залез в автобус, а я быстро пошел прочь. Я не врал ему, говоря, что вернусь, но все же не был до конца честен. Я понятия не имел, чем закончится вся эта затея, и смогу ли я выйти сухим из воды. Кто знает, может вернуться у меня уже не будет возможности. Но всё это сейчас было абсолютно неважно. Теперь у меня был допуск в дом этого ублюдка, и я готов был начинать.

***

– То есть, ты потратил целую неделю, чтобы взломать его сигнализацию? – Эмили смотрела на меня недоверчиво.

Я кивнул, спрятав улыбку за новым стаканом с горячим кофе.

– И зачем? Нет, я помню, ты сказал, что остался там жить.

Но зачем?

Я покосился на нее и фыркнул. Казалось, бывшая коллега хочет просверлить мне взглядом череп, чтобы получить ответ на свой вопрос. А я тянул с ответом. Мне нравилось смотреть, как она мучается от любопытства и непонимания, ничего не мог с собой поделать.

– Ну же! Ты забрался в дом к человеку, который тебя унижал и шантажировал. Я бы поняла, если бы ты что-то украл у него, что-то ценное, например, машину или сейф...

– Фу, как мелко, Эми, – перебил я, скривившись. – Думаешь, после всего, что он сделал, большее, что он заслужил, это хищение имущества?

Я закатил глаза, покачав головой. Эмили пожала плечами.

– Деньги для него значили всё, – протянула она.

Мои брови сами собой взлетели вверх. Я наклонился к ней, оперевшись локтями в стол, и внимательно посмотрел в ее лицо.

– Неверно. Для него значило всё ходить по чужим головам. Для него значило всё делать людям больно и получать от этого удовольствие. Для него значили всё его амбиции, самоуверенность и гребаное тщеславие.

Выдохнув, я снова откинулся на спинку стула и поднял взгляд на небо. Остатки внезапной глухой злости откатили так же быстро, как и появились. В этом уже не было смысла. Я уже победил.

– Для него значил всё только он сам. А не деньги, как ты

думаешь, – закончил я.

Эмили замолчала на минуту, пожирая меня взглядом, а потом все же спросила:

– И... что ты сделал?

Я усмехнулся, так и не глянув на нее.

– По большому счету, я всё-таки его обворовал. И украл то самое, ценное. Я украл у него... самого себя.

***

– Кто здесь?

Я, едва сдерживая смех, тихо прикрыл дверь, ведущую в подвал. Бесшумно спустившись вниз, я влез между щелью в стене и упал на подушку, стараясь заглушить свой хохот.

– Так он там с пистолетом бегаёт? – с невинным видом спросил Ричи, и я залился еще сильнее, почти задыхаясь от смеха. – Это значит «да».

В голосе друга послышалось удовлетворение. Он снова дернул за одну из веревочек, которая тянулась к колокольчику в спальне Митча, и, услышав топот, повалился рядом со мной.

Мы убили месяц на исследование дома, некоторых изменений в нем, наблюдения и составление плана действий прежде, чем начать. Благо на работе Морган пропал очень долго и домой возвращался поздно. Он мало спал, а я собирался лишить его этих сладких часов.

К тому же, Митч был не прочь пропустить пару бокалов скотча на ночь, что вызвало у меня удивление и восторг. Это

только играло на руку.

В свой подвал он ни разу не спустился за то время, что мы находились в этом доме, поэтому мы довольно быстро сделали там ложную стену из гипсокартона, оставив небольшую щель, и свалили туда несколько подушек и одеял. Наша игра в прятки под названием «Сведи с ума адвоката» началась.

Однако, я был не настолько сумасшедшим, чтобы бросаться в нее с головой. Митч был не так глуп, и к тому же он был осторожен, даже может быть мнителен. Всё же его профессия простой не была, а он в ней был охотником.

Я решился попробовать лишь раз, легкомысленно понадеявшись, что я переоцениваю противника. Но после того, как он едва не вызвал копов, когда дверца холодильника оказалась открытой, я залег на дно, снова занявшись планированием. Мы долго думали, как сбить его бдительность. У нас были тысячи вариантов, но каждый раз они опровергались. Пока меня вдруг не осенило.

Он же, черт возьми, вливал в себя одну и ту же горячительную жидкость каждый вечер и ни разу не проверил, что там налито. Кому еще мог Морган доверять, как ни самому себе? И я прекрасно знал, как совместить пойло и помешательство. Я, можно сказать, в этом деле собаку съел.

Правда, пришлось снова использовать бонус «Звонок другу» и долго убеждать Юпитера, что наркота не для меня. Но это было не самой большой моей проблемой. С Юпи я в конце концов договорился, и вскоре в нашей подвальной норе

появился ЛСД. Юпитер сам привез его мне, хмуро рассказав, как ему пришлось потратить кучу времени, чтобы найти врача, который бы выписал ему эту дрянь от якобы кластерных головных болей.

Я не знал, смеяться мне или пожалеть парня. Знал только, что рад был его повидать. Он, как и Джей, не стал спрашивать, чем я тут занимаюсь, и не задержался дольше, чем было нужно.

С тех пор я начал понемногу добавлять наркотик в скотч Митча. Действие ЛСД нельзя было предугадать, оно всегда было разным для всех. По крайней мере, именно это я знал про это вещество. Я старался рассчитать минимальную дозу, и вроде бы у меня получалось. Морган начал ловить легкие приходы, даже не подозревая, что он под кайфом.

Первым симптомом стала бессонница, и я едва ли не салсу танцевал в подвале. Я очень хорошо знал, как сказывается дефицит сна на организме, особенно при больших нагрузках. Особенно, когда ты при этом употребляешь.

Порой Морган звонил кому-то, жаловался на слабость и температуру. Иногда его начинал душить истерический смех. А я не мог удержаться, чтобы не посмотреть на это, поэтому протискивался в узких промежутках между стенами и трубами за ними, царапая руки и лицо. Через какое-то время я слегка увеличил дозу, и Митч начал галлюцинировать. Я был в восторге. А он совсем не понимал, что с ним творится.

Пока он боролся сам с собой и своей головой, пытаюсь ра-

ботать, мы с Ричи сделали пару незаметных дырочек в его стенах и пару щелей, в которые могли пролезть.

Итак, мы наблюдали месяц, как ЛСД нарушает нейронные связи в голове Моргана, смотрели, как вещество вызывает психическое расстройство, а рваный сон усугубляет состояние. Он говорил сам с собой, возвращался домой крайне вымотанным, стал дерганным, тревожным. А когда принимал снова, видел кого-то в своей квартире.

Несколько раз этот идиот чуть не вызвал копов, полчаса пробежав от кого-то по коридорам дома. Благо я успел отключить кабель, а его сотовый припрятать. Если бы я не успел, это был бы провал. Но обошлось, и после этого я не забывал обрубать любую связь с внешним миром.

И наконец настал тот момент, которого мы так долго ждали. Пора было вступать в игру, конкурируя с приходами наркотика. И я с удовольствием включился в нее.

Мы начали с малого, это больше походило на хулиганство. Выбросить всю бумагу из туалета и зубную пасту. Открыть молоко и опрокинуть его в дверце холодильника. Отключить будильник.

Морган ругался и говорил зеркалу, что он стал слишком рассеянным из-за этой чертовщины в доме. Мне лишь оставалось удивляться, как он не замечает у своего отражения зрачки во всю радужку.

Постепенно мы стали ужесточать наши фокусы. Добавля-

ли личинок в еду, запускали жуков в кровать, облили кислотой его портрет в гостиной. О, он так жутко потёк, я бы сам перепугался, если бы это было не моих рук дело. А с другой стороны, какой болван повесит свой же портрет в собственной гостиной?

Войдя во вкус, я однажды подвесил все ножи на леску на кухне Митча и, когда тот ночью встал за водой, обрезал ее. Я бы никогда не подумал, что Морган может так орать. Я бы никогда не подумал, что Ричи будет ругаться, говоря, что я не понимаю разницы между сведением с ума и случайным убийством.

Я бы никогда не подумал, что буду так радоваться тому, что я сам сумасшедший.

***

– То есть ты методично и медленно сводил его с ума? – тихо спросила Эмили.

Я пожал плечами.

– Я так и сказал.

Она надолго замолчала. Я думал, сейчас начнутся нотации на тему человечности и морали, но я ошибся. Как оказалось, задумалась девушка совсем не об этом.

– Тебе... тебе совсем не было там страшно? – ее голос стал еще тише, мне уже приходилось прислушиваться.

Но это не помешало мне удивиться.

– А что, должно было? Я делал то, что должен был. И то, что он заслужил, – ответил я.

Если честно, я не совсем понял, о чем она меня спрашивает. Хотя вопрос был элементарным, наверное, мне и должно было быть страшно, всё-таки я скрывался в доме человека, который меня едва не уничтожил. И я даже боялся, когда вернулся в этот город. Но мне не было страшно, я был захвачен диким азартом. Даже не жаждой мести, а интересом, насколько я далеко могу зайти.

Прелести безумства.

– Но ведь ты там был совсем один, – Эмили покачала головой. – Один на один с Митчем, и даже поделиться не с кем.

Я моргнул, тупо глядя на девушку, пока смысл сказанного доходил до меня. А потом покатился со смеху. Я честно пытался заткнуться и ответить ей хоть что-то вразумительное, но не мог. Люди оборачивались с недовольным видом, но я не мог успокоиться.

А что я мог ей сказать? Не переживай, со мной был мой глюк? Пусть я и решил рассказать ей эту историю, но это не значило, что она должна была узнать детали.

Кое-как отсмеявшись, я забрал ее стакан и сделал приличный глоток. Мой кофе уже закончился.

– Прости, прости, – посмеиваясь, выдавил я. – Только больше не задавай такие вопросы, а то я умру от смеха, а ты не узнаешь конца сказки.

Эмили качнула головой и подперла рукой шею.

– Зачем ты сводил его с ума? Ты же мог просто... ну... не знаю. Ты так много времени на это убил. Это какая-то

извращенная потребность мести или для чего-то так было нужно?

– Конечно нужно, – усмехнулся я. – Мне нужно было вывести его из игры на время. И я это сделал.

– Но ведь можно было по-другому... – начала бывшая коллега, но я ее перебил.

– Осуждаешь меня? – мой тон получился странно резким. Эмили покачала головой со слегка испуганным видом, и я фыркнул. – По-другому он раскусил бы меня в два счета. Он ублюдок, а не идиот.

– И... как это помогло? – осторожно спросила девушка, болтая в руках остатки напитка. Я подумал, что надо бы купить еще. Только в этот раз я собирался послать ее.

– Купи мне еще. Тогда расскажу, – усмехнулся я, кинув в нее стаканчиком.

Она улыбнулась, закатив глаза, и поднялась.

– Знаешь. Когда ты сходишь с ума, тебе совсем нет дела до своей жизни.

Эмили остановилась, резко обернувшись, но я сделал вид, что ничего не говорил. Она простояла за моей спиной еще минуту и, наконец, ушла к прилавку. Я бросил взгляд на другую сторону улицы и помахал валяющемуся на лавочке Ричи.

Я прекрасно знал, о чем говорю.

Внезапно мне безумно захотелось посмотреть на аквари-

ум Шедда⁷. Как будто бы я никогда его не видел. Засмеявшись, я достал ручку и, накидав пару строк на салфетке, перебежал дорогу. Не обратив внимания на дикие гудки машин за спиной, я стянул Ричи с лавочки.

– Пойдем. Я хочу гулять, – заявил я.

Друг усмехнулся.

– А твоя подружка?

– Она мне не подружка, во-первых, – я засмеялся и, приобняв парня за плечи, не спеша пошел по дороге. – А во-вторых, она придет завтра, куда я сказал. Я оставил ей записку.

Ричард засмеялся. Мы свернули с дороги в переулок между домами. Он весело покосился на меня.

– Ты в этом так уверен, – он даже не спрашивал. Я улыбнулся.

– На все сто процентов. Она спятит от любопытства, если не узнает конца этой чудесной истории. А я считаю, что этому городу уже хватит психов.

Ричи снова засмеялся, и я подхватил его смех.

---

⁷ Аквариум Джона Г. Шедда, англ. John G. Shedd Aquarium – публичный океанариум в городе Чикаго, штат Иллинойс. Открыт 30 мая 1930 года. В аквариуме представлено свыше 25000 экземпляров рыб, и одно время он был крупнейшим закрытым аквариумом в мире.

Глава 17

– Ну? Что было дальше? – сходу спросила Эмили, едва не налетев на меня.

Я блаженно щурился на солнце в Миллениум-парке, наблюдая за детьми, прыгающими вокруг фонтана Короны. Судя по сбившемуся дыханию, девушка ко мне бежала со всех ног. Я засмеялся.

– И тебе привет, – дернул бровью я.

Эмили глубоко вдохнула и выдохнула, переводя дыхание. Она обернулась на визг ребятни и снова посмотрела на меня.

– Наверное, тут не самое лучшее место для нашего разговора, да? – неуверенно спросила она, словно только что спохватилась.

Я окинул взглядом площадь и откинулся на спину, закинув руки за голову.

– С чего ты взяла? Я не зря сказал прийти сюда, – протянул я.

– Но здесь так много людей...

– И чего? – я хитро покосился на нее, приоткрыв один глаз.

Казалось, она чувствовала себя неудобно. Поколебавшись, она всё же присела рядом со мной, положив на колени сумочку. Я потянулся.

– Ты уверен в этом? – снова подала голос бывшая коллега.

– Конечно. А знаешь почему? Потому что всем вокруг по барабану на тебя и на твои разговоры.

Чудный вывод, который я вынес из своего сумасшествия. Единственное, чего можно было добиться от людей, – это неодобрительный взгляд. Люди не то чтобы не видят и не слышат тебя, им просто абсолютно плевать.

– А дальше Митч взял отпуск. Впервые за много лет, – как ни в чем не бывало произнес я.

Словно наш вчерашний разговор не заканчивался и не прерывался на целые сутки.

– Точно! – воскликнула Эмили. – Мы так удивились тогда... Но он сказал, что всем надо когда-нибудь отдыхать. Но постой.

Она повернулась ко мне, подогнув под себя одну ногу. Я слегка приподнял голову, бросив на девушку вопросительный взгляд.

– Он же сказал, что полетит куда-то, то ли в Париж, то ли в Италию.

На моих губах заиграла снисходительная улыбка. Прикрыв глаза, я снова удобно улегся, чувствуя, как солнце ласкает кожу на моем лице, а легкий ветерок треплет волосы.

– Ты забыла, что я сказал вчера? Он тщеславен. И даже путешествие кукухой не выбило из его головы эту спесь, – из моей груди вырвался смешок. – Он считал, что его дом – это его крепость. Слышала такое выражение? Он считал, что лучшего отдыха кроме как в его доме, больше нигде не

будет. Он так считал, даже несмотря на то, что там творилась какая-то чертовщина. И я был готов с ним поспорить в этом убеждении.

***

– Ты чего так долго? – спросил меня Ричи, едва я переступил порог дома Моргана.

Со стороны ванной послышался звон разбитого стекла, вскрик и мат. Из моей груди вырвался смешок, пока я вводил код, чтобы отключить сигнализацию.

– Надо было кое-что уладить, – пожал я плечами и пошел на кухню.

Сняв со стены ключик, я быстро запер дверь ванной, проходя мимо, и целенаправленно зашагал к холодильнику.

– Есть хочу, не могу, – пожаловался я, перебирая продукты на полках. – Что я пропустил?

Ричи пожал плечами, усевшись на столешнице.

– Ничего особо интересного. Он перевернул пару цветков, порвал постельное белье, говоря что-то про ползучих тварей, и видимо разбил зеркало в ванной, но это ты уже застал, – скучающе протянул он.

Я кивнул и, соорудив нам по бутерброду, уселся за стол. Значит, наш шикарный рисунок мылом на зеркале сработал. Я полночи выводил там страшную рожу, чтобы она проявилась от пара.

Из ванной раздался крик. Я усмехнулся, вытирая с губ крошки.

– Что ты сделал?

– Поменял перекинь на спирт, – обыденно отозвался Ричи. Я кивнул.

Мы еще полминуты спокойно ели, пока вдруг не рассмеялись, поймав взгляды друг друга. Это было так странно, но так весело: мы обсуждали то, что мы делали так, словно сведение человека с ума было также привычно-скучно, как обсуждать погоду.

Дверь в ванную дернулась, на секунду повисла тишина, а потом с той стороны начали ломиться.

– Кажется, пора возвращаться к нам в норку, – протянул я, поднявшись и подхватив из холодильника упаковку апельсинового сока.

Ричи перехватил ее у меня, сунув подмышку. Проходя мимо дверей ванной, я задержался, прислушавшись. Морган кажется звонил в какую-то аварийную службу, говоря, что замок заело, и он не может выбраться. И судя по его раздраженному голосу, с того конца провода ему говорили, что он кретин и скорее всего закрылся сам.

Я улыбнулся и тихо провернул ключ. Спокойно прошел по коридору, вернув ключик на место, и вошел в подвал следом за Ричи. Я успел услышать крик Моргана: «Вы там что, думаете, я совсем идиот?!», а следом тихий скрип открывшейся двери. Фыркнув, я залез в щель.

– Они не думают, Митч. Они знают, – едва слышно протянул я.

***

– Его крепость стала его частной психбольницей, – я сел и, потянувшись, достал из кармана пару купюр.

Эмили смотрела на меня, открыв рот, чем снова вызвала у меня смех. Что-то я слишком много смеялся последнее время.

– Хочу есть. Пойдем перекусим, – бросил я и поднялся.

Мимо меня пробежала кучка детей. Маленькая девочка, отбившись от них, присела на корточки недалеко от меня и посмотрела вслед убегающим друзьям. Она явно готова была вот-вот разреветься. Я улыбнулся и, с озорной улыбкой подмигнув Эмили, подошел к ребенку. Присев рядом, я зашептался с ней, а через минуту уже несся за остальной ребятней, посадив девчушку на плечи.

Бывшая коллега, вздохнув, опустилась обратно, с легкой улыбкой наблюдая за мной.

Пробегали с детьми мы достаточно долго, я еще больше захотел есть. А еще я был весь мокрый. Видимо идея бегать под струями воды была не самой блестящей, но однозначно веселой.

– Пошли, давай. Эх, я бы сейчас мамонта съел.

Не дав Эмили ответить, я схватил ее за руку и потащил за собой. Вскоре мы уже сидели в Старбаксе. Не самый лучший выбор, но почему бы и нет. Мне нравился их кофе, да и для перекуса годилось.

– Так ты свободно ходил по его дому? – наконец спросила

Эмили, прикончив свой круассан.

Я молча кивнул. Всё-таки я заказал дорогой десерт и имел полное право им насладиться. Девушка пытливо смотрела на меня, но так и не дождавшись реакции, воскликнула:

– Но он же мог тебя увидеть, Але... Оливер, – тут же исправилась она.

Я пожал плечами.

– И что? Это бы дополнило мой спектакль. Да и к тому же, один раз он увидел, – равнодушно отозвался я. – Слушай, так вкусно. Попробуешь?

Но она пропустила мимо ушей мое предложение.

– Как увидел? – она выглядела шокированной. – И... Как он отреагировал?

– А ты как думаешь? – со смехом фыркнул я, отправив в рот ложку.

***

– Эй, ты куда? – сонно спросил Ричи, приподняв голову.

– Пить хочу, – бросил я и выбрался из одеял.

Потянувшись, я сладко зевнул и встряхнулся. Мне снился сон, который меня и разбудил, какой-то странный, красочный и непонятный. Но точно не страшный. Как ни странно, кошмары мне не снились с того момента, как я вернулся в Чикаго.

Тихо поднявшись по лестнице, я аккуратно приоткрыл дверь и, не услышав ничего подозрительного, выскользнул в коридор. По дороге на кухню я завернул в туалет. Сделав

свои дела, я, не удержавшись, окунул палец в мыло и вывел на треснутом зеркале «Вон отсюда».

На кухне меня ждал графин с водой и лимоном. С недавних пор Митч начал пить ее вместо алкоголя. Но меня это не расстроило, напротив, если Морган отказался от алкогольных напитков, значит он считал, что в его состоянии они и виноваты. А я с радостью его собирался в этом разубедить.

С удовольствием выпив стакан, я налил в него еще немного, добавив крохотную щепотку наркотика. Всё-таки организм отвыкал от веществ, и я раз в неделю давал ему еще немного.

Кивнув самому себе, я зевнул и вышел в коридор.

– Кто здесь?!

Я резко остановился. Я настолько привык шарахаться по этому дому, не натываясь на хозяина, что совсем потерял бдительность и не услышал его шагов. В коридоре было темно, и первое, что пришло мне в голову, – быстро выскользнуть в гостиную и спрятаться в одной из наших потайных щелей за диваном. Я уже почти проскочил мимо, как мне в голову пришла совершенно сумасшедшая идея.

– Морга-а-а-ан, – мое шипение отразилось от темноты и эхом разнеслось вокруг.

Мой бывший начальник дернулся всем телом, сделал шаг назад и, запутавшись в своих ногах, грохнулся на пол. Я едва не засмеялся, но мне нужно было доиграть, раз уж я начал.

Я наклонился к нему, плавно подойдя ближе. В полусу-

мраке коридора я видел его лицо расплывчато и надеялся, что мое выглядит точно также.

– Или... можно называть тебя Митч? – всё с тем же шипением спросил я.

Морган открыл и закрыл рот, его губы дрожали.

– Ты... ты... это невозможно... ты...

– Я сожру тебя! – чуть повысив голос, я округлил глаза и потянул к мужчине руку.

Он заорал и, вскочив на ноги и запинаясь на каждом шагу, бросился прочь от меня. А я, давась смехом, помчался в подвал.

– Ричи! Блин, Ричи, вставай, нам надо свалить отсюда ненадолго, – похрюкивая от смеха, я растолкал друга.

Мы собрали кое-какие вещи на случай, если нам придется где-то тусоваться пару дней, аккуратно закрыли нашу щель и вышли из дома. Дверь и так была раскрыта настежь, сигнализация орала на весь район, а вот где бегал сам Морган в трусах, мы так и не поняли.

– Я тебя сожру? И это лучшее, что ты мог выдать? Да, Алекс, хреновый из тебя мстительный дух, – заявил Ричи, фыркнув.

Я закатил глаза, улыбнувшись.

– Можно подумать, ты бы спросонья придумал что-то лучше.

Мы сидели на параллельной улице от дома Моргана,

укрывшись в тени. Как и ожидалось, на звон сигнализации приехали копы. Митч всё орал, что за ним пришли и хотят убить, что у него завелся полтергейст, и еще много всякого бреда. Что очень меня забавляло, а копов раздражало. Они осмотрели дом, но и так было понятно, что это было сделано поверхностно, для галочки в протоколе.

Да и правильно, кто бы поверил этому придурку, орущему, что в его доме демоны. К тому же ни следов взлома, ни проникновения не было. Копы только рассеянно кивали, что-то записывая, и посматривали на часы.

– Ладно, пошли отсюда. Вернемся завтра, – вздохнул Ричи.

Я бросил последний взгляд на Митча и, усмехнувшись, пошел следом за другом.

***

– И как ты вернулся? – спросила Эмили, покручивая в руках стаканчик.

– Спокойно. Просто вернулся.

Я пожал плечами. Весь тот день мы проштатались по Чикаго, тратя последние деньги. Мне хотелось развлекаться. Да что там, мне хотелось петь и танцевать. Что я и сделал, найдя караоке бар. Ричи потом мне всю плешь проел, как я отвратительно пою.

– Пойду возьму еще этой штуки. Вкусная такая. Точно не хочешь? – спросил я, кивнув на остатки десерта.

Девушка покачала головой, а я достал несколько крупных

купюр, надеясь, что мне их разменяют.

– Откуда у тебя столько денег? – она склонила голову на бок, глядя на меня.

Я вылез из-за стола, усмехнувшись.

– Да так. В наследство получил, – уклончиво ответил я и пошел к очереди.

На самом деле я почти не соврал. Аманда кроме квартиры оставила мне некоторую сумму. Не слишком много, не слишком мало. Но все же этих денег бы мне не хватило на все махинации. Мне потребовалось достаточно много, чтобы заплатить за наркотики. Но мне все еще нужны были деньги, чтобы вывести Моргана на чистую воду. И после того дня у меня появилась отличная мысль.

Точнее, она уже давно неосознанно крутилась в моей голове, навевая воспоминания о прошлом. Было время, когда мне точно также нужны были деньги. И в то время мне помогли их достать.

***

– Ты думаешь, Моргана можно соблазнить двумя проститутками? – неуверенно спросил Ричи.

Мы валялись в гостиной на диване. Ричард рассеянно щелкал каналы на телевизоре, а я переписывался со старой подругой. Митч куда-то свалил еще утром, и мы решили воспользоваться этим. Того, что он может нас застукать, я не боялся. В конце концов, нам было, куда спрятаться, а включенный телек был бы еще одним плюсом в происходящее в

этом доме.

– А почему нет? Хочешь сказать, что нашего дорогого друга не интересует секс? – я бросил на парня рядом мрачный взгляд, и он отвернулся.

Я знал, что Ричи не одобряет эту идею, правда, не мог понять почему. Когда я сказал, что нам нужны деньги, а у Моргана как раз много лишней налички, он согласился. Но когда я собрался привлечь к этому делу пару знакомых лесбиянок, Ричи почему-то это не понравилось.

Не то чтобы я собирался его слушать. Мне казалось, что это будет более правдоподобно, чем просто вытащить бабки из сейфа.

Телефон в моих руках завибрировал, и я усмехнулся, показав Ричи экран, на котором высвечивался входящий звонок от Лилии.

– Я же говорил. Они бы не прошли мимо такой крупной рыбы. Привет, Лилия, как ты? – ответил на звонок я и, поднявшись, пошел в другую комнату.

Ричи потемневшим взглядом остался сверлить телевизор. Когда я вернулся, радостно сообщив, что девочки приедут через пару дней, ближе к выходным, друг вздохнул.

– Ничего хорошего из этого не выйдет, – проворчал он.

Я только глаза закатил. Снаружи раздался тихий скрежет гальки от шин въезжающей машины. Мы одновременно посмотрели на дверь.

– Может, шины проколоть? Че он раскатался? – задумчи-

во протянул я.

Ричи не сдержал смехок и поднялся, переключив на какой-то ужастик.

– Пошли уже, мститель чокнутый, – сказал он и потянул меня в подвал.

~~~

– А кто он такой? – поинтересовалась Роза.

– Да так. Один ублюдок, – уклончиво ответил я.

Я встретил девочек на вокзале, и мы сразу же пошли в ближайшее кафе. Они рассказывали, что дела в Торонто идут неплохо, спрашивали, когда я вернусь. Но формальная часть разговора быстро затухла, чем я был крайне доволен. Мне уже не терпелось воплотить в жизнь очередную идею, и я видел в глазах подруг такой же знакомый огонек. Отличие было в том, что их интересовали только деньги.

План был прост до отупения: подцепить Моргана в баре, пообещать незабываемую ночь, а дальше все по шаблону. Был конечно вариант, что Митч не клюнет. Всё-таки Ричи смог поселить во мне червячка сомнения. Но мы были готовы к этому, к тому же, это дело было явно долгоиграющим. Если Морган не клюнет в первый раз, то он должен будет согласиться во второй. Я был уверен, что мы сможем это устроить.

– А в бар-то он придет? – спросила Лилия, закинув на плечо сумку.

Мы договорились созвониться вечером, чтобы я сказал

им, куда нужно подойти. Они еще хотели посмотреть город.
– Не сомневайся, – усмехнулся я, мысленно потирая руки.

~~~

Как ни странно, но всё пошло, как по маслу. К сожалению, Моргана я знал слишком хорошо, но это сыграло мне на руку. Вытащить его в бар оказалось делом пяти минут: я всего-то набросал письмо, в котором просил о помощи лучшего в адвоката во всем Иллинойсе, и отправил ему на почту. Ну хорошо, всё было не так глупо, Митч бы не стал бросаться на первый попавшийся зов помощи. А вот на зов помощи одного достаточно влиятельного человека в Чикаго стал. Мне лишь потребовалось взломать почтовый ящик этого человека, мысленно благодаря Джея за невольный привитый интерес к хакерству.

Сдержаться и не посмотреть, как работают мои подруги, я не смог, и поэтому пришел в бар следом за Митчем, наплевав на осторожность. Он сидел за одним из столиков, а я поглядывал на него от барной стойки, спрятавшись за парой здоровенных мужиков.

– Я все еще думаю, что это дерьмовая идея, и мы зря тратим время, – вдруг раздалось рядом.

От неожиданности я вздрогнул, расплескав заказанное пиво. Ричи закатил глаза и забрал у меня стакан, сделав из него глоток. Я усмехнулся.

– Почему? Я уверен, что он немного поломается, выглядывая в толпе своего «клиента», а потом решит, что ему жиз-

ненно необходимо расслабиться. Все-таки мы здорово треплем ему нервы, скажешь нет?

Я передернул плечами, неотрывно наблюдая за Морганом. Поэтому не видел скептического взгляда друга.

– Он не пойдет домой с проститутками. Он же уважаемый человек, который лелеет свое положение в обществе, – твердо сказал Ричи.

Его уверенный тон вывел меня из себя. Резко обернувшись, я едва не зашипел ему в лицо.

– Положение лелеет? Он перетрахал половину Чикаго, о чем не стеснялся рассказывать. Он перетрахал всех своих сотрудников. И меня... – мой голос на мгновение сорвался. Я глубоко вздохнул и медленно выдохнул. – Плевал он на все условности. Он считает, что ему можно всё на свете, и это сойдет ему с рук. А я докажу, что это не так.

Резко выдохнув, я отвернулся от парня. Моя внезапная вспышка поразила меня самого. Но даже сейчас я ни разу не назвал имя Моргана. Такое у нас было негласное правило – не называть имен, когда мы говорим на людях. Плевать, что на меня смотрели, как на сумасшедшего, я и был сумасшедшим. Но нельзя было допустить, чтобы кто-нибудь раскрыл меня. А я привык, что у всего на свете есть уши.

– Спорим на 10 баксов, что он уйдет с ними сегодня, – немного успокоившись, сказал я, протянув руку Ричи, но не глядя на него.

Друг вздохнул, но все же сжал мою ладонь.

Лилия с Розой появились минут через пять. Я не раз видел, как они работают, и собирался снова насладиться этим зрелищем. С особым удовольствием.

Девочки сразу же подошли к стойке, смеясь над чем-то безобидным между собой. Ни одним движением они не показали, что знают меня. Заказав по коктейлю, они еще немного поболтали, а потом Лилия медленно потекла к столу, за которым сидел Морган. Он ожидаемо сослался на встречу, и девушка, пожав плечами, ушла обратно, не забыв провести ноготками по плечу Митча. Через минуту Морган обернулся. Я безошибочно поймал его взгляд на заднице блондинки и едва не подпрыгнул на стуле.

Через 15 минут к нему подошла Роза, наклонившись и прошептав что-то, кивнула на Лилию. Морган обернулся, подмигнув ей. А через полчаса он сдался. Даже я не предполагал, что это произойдет так быстро. Как и ожидалось от самовлюбленного подонка, он даже не поднялся. Поймав взгляд девочек, он махнул им рукой, и Лилия с Розой, хихикая, сели к нему за столик.

Победно улыбнувшись, я посмотрел на Ричи.

– Это еще ничего не значит. Ты еще не выиграл, – тихо сказал он, с внезапным интересом наблюдая за происходящим.

Я только фыркнул. Если эти две женщины сели за стол к мужчине, значит, они уйдут с ним. Я это знал, как и то, что

это случается не от очаровательности этой лесбийской пары.

Спустя час Морган уже бесстыдно обнимал Лилию, прижав ее к себе. Его самодовольному лицу не было равных. А я предвкушал, как эта гребаная улыбка сойдет с его лица.

Вскоре бар набился людьми под завязку, становилось душно и громко. Моргана за всеми этими телами я больше не видел, но я знал, чего ждать. Когда Роза появилась у барной стойки, заказав еще коктейли и бросив на меня равнодушно-безразличный взгляд, я соскользнул с места. Спрятавшись за кадкой с высоким цветком, я успел увидеть, как в руках Лилии блеснул маленький флакончик. Роза утянула Моргана в короткий поцелуй, а рука ее подруги мимолетно пронеслась над бокалом с виски, который пил Митч.

– Есть, – выдохнул я и, развернувшись, протолкнулся к выходу.

Через пару минут меня догнал Ричи.

– Ты куда?

– Занимать наблюдательную позицию, конечно, – ответил я, улыбнувшись.

По всей видимости, моя улыбка вышла какой-то плотоядной, или злорадной. В любом случае сумасшедшей. Ричи обернулся, но не остановился.

– Ты серьезно собираешься наблюдать за... их сексом? – в его голос скользнуло отвращение, и я рассмеялся.

– Да не будет никакого секса. Пошли быстрее, – качнул головой я и, взяв друга за руку, побежал к дому Моргана.

~~~

– До сих пор не могу поверить, – проворчал Ричи.

Я засмеялся, а девочки, которые моего друга не видели, переглянулись. Мы сидели на кухне, отмечая чаем удачное завершение первого этапа моей задумки. Морган давно уже дрых в своей кровати в окружении денег, вытащенных из сейфа.

– Извините, – не особо внятно выговорил я, посмотрев на Лилию и Розу. – Просто всё еще смешно.

Они усмехнулись. Собственно, я покатывался со смеху уже полчаса, так что ничего удивительного здесь не было.

– А самое идиотское, что ты сам себе проспорил 10 баксов, – фыркнул Ричард и тут же задумчиво продолжил, – но с другой стороны, ты у себя выиграл 10 баксов.

Я закрыл лицо руками, пытаюсь не засмеяться в голос. Этот кретин, который обычно исчезал, когда я с кем-то разговаривал, сейчас чертовски настойчиво отказывался свалить. А ответить я ему не мог, хотя бы чтобы не пугать девочек.

– Оливер, так что делаем завтра? – наконец спросила Роза, кинув в чашку уже четвертый кубик сахара.

Я постарался взять себя в руки. Получалось с трудом, потому что Ричи уселся рядом и пристально уставился на меня, подперев рукой голову и выпучив глаза.

– Зависит от того, сколько вы попросили за ночь, и сколько он якобы дал, – выдохнул я.

Девчонки снова переглянулись, обменявшись хитрыми взглядами. Это было настолько мимолетно, что я бы не заметил, если бы не смотрел на них неотрывно, стараясь игнорировать свою навязчивую галлюцинацию.

– Что? – спросил я, так и не дождавшись ни слова.

– У нас появилась одна идея, Оли, – с улыбкой протянула Роза. Лилия сразу же продолжила, слегка прищурившись:

– На самом деле она у нас появилась, когда ты только позвонил и сказал, сколько бабла у этого мужика, и что он урод.

– Мы иногда так делаем...

– Когда богатые папики оказываются полными кретинами.

Они засмеялись, а я надул щеки, ожидая, когда они всё выложат. Иногда эти девушки вели себя, как близняшки, заканчивая друг за друга фразы. Словно у них были одни мысли на двоих. Но, говорят, так бывает, если постоянно общаться с человеком. У нас с Ричи тоже такое бывало, разница была лишь в том, что он и был моей мыслью.

Из спальни послышался храп, и мы переглянулись, улыбаясь. А потом рассмеялись.

Мы просидели до самого утра, вспоминая не такие далекие времена. Девочки в конце концов рассказали мне о своей идее, которая привела меня в бешеный восторг. Они показали мне фальшивые деньги, сказав, что в сейфе Митча их можно менять на настоящие. Тогда он будет думать, что тратит не так уж и много, и не оборвет эти встречи. А мы

сможем взять гораздо больше, чем я планировал.

Это была гениальная идея. Меня волновало только, откуда взялись эти фальшивые деньжата. Точнее волновало не меня, а Ричи, но какая разница.

Немного помявшись, Лилия сказала, что деньги им подкидывает Том, и я успокоился. Конечно, фальшивые документы и фальшивые деньги были разными вещами, но я не стал заморачиваться. В конце концов, у Юпитера мог быть еще какой-нибудь загадочный друг, общий у него с Томом, как Сэм – с Джейем.

В сейфе кроме налички обнаружили и банковские карты, какие-то бумаги с счетами, даже пара золотых часов. Девочки сказали, что с этим тоже проблем не возникнет, и я не стал спрашивать, что именно они собрались делать. Всё-таки в обдирании клиентов они были профи.

Морган так и не проснулся, он даже с места не сдвинулся. Да и вырубился он через пять минут, как вернулся домой, успев лишь открыть сейф и расстегнуть рубашку. Нам лишь осталось инсценировать ночь незабываемого секса. Правда, раздевать Митча пришлось девочкам: я категорически отказался в этом участвовать, вылетев из спальни. А пока они этим занимались, Ричи донимал меня вопросами, что они ему такое подсыпали.

Если честно, я не имел ни малейшего понятия, что это такое. Вроде как афродизиак, но вроде бы снотворное. Или их смесь. И может быть наркотик. В общем-то, я и не горел

желанием узнать.

После первой встречи покатился двухнедельный марафон однообразных вечеров: Морган уходил, возвращался с Лилией и Розой, засыпал, а мы начинали пересчитывать деньги за чашечкой чая. Мой бывший начальник, не глядя, обналичивал банковские счета, спуская деньги, и даже не подозревал, что их становится все меньше.

Через пару дней мужчина взял у девочек номера телефонов и стал звать их домой, исключив из этой цепочки событий бар. Это еще больше упрощало нам задачу. Я даже ненадолго оставил Митча в покое, ограничиваясь лишь мелкими шалостями, вроде включающегося само собой телевизора и открывающихся дверей. И пока мой бывший начальник проводил отпуск с проститутками, я вернулся к своим делам.

А спустя две недели мы обчистили Моргана подчистую.

~~~

– Оли, ты спятил?!

– А что такое? – я с непониманием посмотрел на подруг, и они переглянулись.

– Тут половина, – протянула Роза.

Как будто бы это всё объясняло.

Я, нахмурившись, посмотрел на деньги в своих руках, на пачку банкнот в руках Лилии и тряхнул головой.

– Давайте я свою еще пополам поделю, так пойдет? – спросил я.

Девушки одновременно вздохнули, снова переглянув-

шись. Роза подошла ко мне, и внезапно я получил подзатыльник. Схватившись за голову, я с еще большим непониманием посмотрел на подругу.

– Да вы чего? Хотите, всё отдам, мне только пара тысяч нужна.

Я переводил взгляд с одной на другую, пока они сверлили меня сочувствующе осуждающими взглядами. Наконец Лилия закатила глаза:

– Нет, ты точно идиот, Бродяга. Мы ничего особо не сделали, да и приехали сюда помочь, а не заработать. Понимаешь?

Нет, я всё еще не понимал. Качнув головой, я обернулся на Розу, одним взглядом требуя перевода, и она засмеялась.

– Это очень много, Оливер. Мы думали ты вернешь нам только за расходы, а это даже не треть.

Я подумал, что они сейчас шутят. С каких это пор эти две лесбиянки отказываются от денег? Да еще и от таких? Я неверяще посмотрел сначала на одну, потом на другую. Но не встретив ни тени улыбки и поняв, что они серьезно, я вздохнул и покрутил пальцем у виска.

– Это вы спятили, дуры. Работали вместе, значит и делим на всех. Я и так взял больше на свою одну больную голову. И если вы опять переглянетесь, я решу, что вы читаете мысли друг друга, – фыркнул я, покосившись на девочек.

Они засмеялись, всё-таки глянув друг на друга. Я улыбнулся и взял за руку подошедшую ко мне Лилию.

– Слушайте. Было время, когда вы не дали мне умереть с голоду и остаться без дозы. Мне отчаянно нужны были деньги, и вы помогли. Просто дайте теперь мне вас обоих отблагодарить.

Мой голос прозвучал на удивление мягко. Я даже не ожидал, что в моих словах настолько явно прозвучит благодарность. Лилия с Розой сразу же бросились мне на шею, явно тронутые моим внезапным откровением.

– Ох, Оли! Спасибо тебе.

– Если мы что-то еще можем сделать для тебя, ты только скажи.

Я улыбнулся, погладив Розу по руке, и в этот момент в мою больную голову ворвалась еще одна совершенно безумная, но невероятно интересная идея.

– Вообще-то... есть кое-что... – задумчиво протянул я.

Девушки, отстранившись, с интересом посмотрели на меня. Моя улыбка превратилась в злорадный оскал.

***

Я улыбнулся воспоминаниям и, расплатившись на кассе, подхватил два десерта и кофе. То, о чем я попросил своих подруг, стало финальной стадией нашей с Ричи игры и окончательно свихнувшегося Моргана. Этот финал был воплощением безумия, адреналина, риска и опасности. Но это произошло намного позже.

Морган был защищен Ассоциацией, подкупными судьями и своими карьерными успехами. И перед тем, как оконча-

тельно добить его, мне нужно было вывести его из игры. Я не мог рисковать, не мог допустить, чтобы он слег на пару месяцев, а потом снова вернулся в строй.

Я пожертвовал своей спокойной жизнью, чтобы сбежать от него, и своим рассудком, чтобы отомстить. Я отдал слишком многое и собирался взять столько же.

И я занимался этим с самого начала. Пока Митч был на работе, пока он позже методично обдалбывался наркотиками в своем доме, пока развлекался с проститутками, я искал. Я перерыл кучу информации, вышел на многих людей и в конце концов отыскал достаточно компромата.

Наркотическая зависимость лечится, помешательство тоже. А вот если сломать карьеру юриста, восстановить ее будет почти невозможно, только не в Америке. Но нужно было знать, где ломать. А я знал.

Свести с ума Моргана было интересной и забавной задачей, но всё это делалось отчасти для того, чтобы он не смог мне помешать. Я не собирался его жалеть, не собирался мелочиться. Я собирался поломать его жизнь так, чтобы она больше уже никогда не стала нормальной.

Чтобы на его лицо больше никогда не вернулась эта гадкая самодовольная улыбка.

Глава 18

Озеро Мичиган полыхало отблесками солнца, ловя отражение в свой водный плен. Болтая в руках кофе, я не спеша шел по аллее парка имени Авраама Линкольна. Сейчас здесь было не так уж много людей, зато воспоминаний – в достатке. Множество раз я бродил здесь после школы, стараясь оттянуть время возвращения домой. Повзрослев, я частенько приходил сюда с Ричи. Пес любил валяться на пляже и с разбегу нырять в озеро, гоняясь за птицами.

А когда-то давно, еще в детстве, когда родители как-то раз привели меня сюда, я решил, что буду художником, настолько зачаровал меня вид озера в заходящих лучах солнца. Я хотел быть тем, кто сможет показать это, открыть другим людям, как прекрасен мир, и чудесна природа.

Тогда я еще не знал, что это несерьезно и непредставительно.

– Как ты это сделал? – протянула Эмили, не глядя на меня.

Я вздрогнул, совсем забыв о том, что она рядом. Розовая дымка воспоминаний резко растворилась, как от дуновения ветра. Вчера я снова сбежал от Эмили: ее лимит на мою историю был исчерпан. Я хотел сохранить интригу. А может быть, просто хотел поиздеваться, кто его знает.

– Что сделал? – вздохнув, рассеянно спросил я, сделав глоток из стаканчика.

Что-то я пристрастился к кофе за последние месяцы. А Ричи ругался. Но я же не псих, чтобы слушать свою галлюцинацию, верно? Я усмехнулся своим мыслям.

– Добился того, чтобы его лишили лицензии? – настойчиво спросила девушка.

– О...

На мое лицо сама собой напоззла улыбка. Эта часть истории мне нравилась даже больше, чем сведение с ума бывшего начальника. Точнее не так – этой частью я гордился.

– Это было сложно. Ты даже не представляешь, как сильно ему прикрывали задницу, – я засмеялся, а Эмили остановилась, развернувшись ко мне.

– Знаю. Именно поэтому я и спрашиваю. Я работала на него гораздо дольше тебя и знала, как много у него конкурентов в этом чертовом рейтинге юридических компаний. Но никто, слышишь, никто не смог найти на него что-то или хотя бы доказать, что он виноват.

– Значит, они плохо старались, – я рассмеялся, а поймав слегка раздраженный нетерпеливый взгляд девушки, засмеялся еще больше. – Ладно. Пойдем к Бассейну Лили⁸. Там всегда тихо и спокойно, я люблю это место.

Улыбнувшись, я обошел Эмили и пошел дальше, вспоминая.

---

⁸ Бассейн Лили Альфреда Колдуэлла, также известный как Бассейн Лили парка Линкольна, был разработан в 1936 – 1938 годах. Расположен по адресу 125 West Fullerton Parkway, между Стоктоном и Cannon Drives в Линкольн-парке, к северу от зоопарка Lincoln Park и рядом с консерваторией Lincoln Park.

***

– Не получилось? – сразу же спросил Ричи, когда я закрыл за собой дверь.

Я со вздохом покачал головой.

– А где этот? – поинтересовался я, и друг пожал плечами.

– Свалил куда-то.

Мы прошли на кухню. Через минуту Ричи опустил передо мной чашку ароматного кофе, и я с наслаждением принюхался. Морган отлично разбирался в кофе: он никогда не покупал один и тот же, но каждый раз напиток был потрясающим. И я успел к нему привыкнуть.

Друг опустился напротив, глядя на меня. Выглядел он так решительно, что я напрягся. А потом рассмеялся, подумав об абсурдности ситуации.

– И чего ты смотришь на меня, как будто бы мы грабим чужие дома и издеваемся над людьми?

Ричи моргнул и подхватил мой смех, кинув в меня полотенцем.

– Я просто хотел спросить, – покачав головой, сказал парень и улыбнулся, когда я кивнул с широким жестом рукой. – Болван. Я хотел спросить, для чего ты копаешь под Моргана? Понятно, что его уволят, если у тебя получится, но его фирма останется. Не думаю, что он один такой кретин в команде, а его люди – жертвы обстоятельств.

С моего языка едва не сорвалось, что я вот был как раз этой самой жертвой обстоятельств. Но я этого не сказал, по-

тому что было как минимум две причины. Первая – не такой уж я был жертвой, если разобраться. В конце концов, я с удовольствием занимался своей работой. До определенного момента и исключая некоторые обстоятельства. А вторая – Ричард был прав. И даже если бы я не знал всего, что успел выяснить о команде Митчелла, хватило бы просто вспомнить о первом и последнем корпоративе с моими бывшими коллегами.

Я вздохнул и потер лоб.

– Ты не прав, я копаю под всю его контору, но дело не в этом. Я не хочу, чтобы его просто уволили. Я пытаюсь добиться того, чтобы его выгнали из Ассоциации и лишили лицензии.

Ричи приподнял брови, а я снова вздохнул. Лицензия для адвоката – это все. Без этой бумажки адвокат не имеет права работать, так же как он не имеет этого права, не состоя в Ассоциации юристов. У меня тоже была такая лицензия, но я справедливо полагал, что давно отовсюду исключен. И слава богу.

– Это будет тяжело сделать. Половина юристов этого города кормится с компании Моргана. Чтобы доказать его вину, надо будет едва ли не носом их в это ткнуть, и сделать это при достаточном количестве свидетелей.

Я цокнул языком. Как будто бы я сам этого не знал. Я уже попробовал вскрыть пару нарывов, но все безрезультатно. Во-первых, все юристы, не глядя, прикрывали косяки всей

фирмы, да и не только фирмы Митчелла. А во-вторых, мало было подбросить факт. Нужно было подать хотя бы жалобу. Но я не светился, я вообще не хотел, чтобы моя личность хоть как-то фигурировала в этом деле. Я пытался скрытно пролить свет на все поганые вещи, которые нашел, но явно недооценил Моргана и его значимость в этой гнилой системе. Да и саму гнилую систему.

– Ал, ты понимаешь, что это война? Причем изначально неравная, – снова подал голос Ричи.

Я резко встал из-за стола, стул с противным скрежетом отъехал назад.

– Да знаю я! – слегка повысив голос, ответил я и заходил туда-сюда по кухне, постукивая пальцем по носу. – Я пытаюсь придумать, что делать, но пока не выходит. Я малодушно надеялся всё это время, что мне попадетс какой-нибудь борец за справедливость.

Пора было уже перестать верить в чудо. Ричи вздохнул и откинулся на спинку стула, покачиваясь на двух его ножках.

– Они будут его прикрывать до последнего. Все доказательства его деяний сыграют только усилителями, если он попадетс. А пока он не попалс с поличным, всё сольют в шредер, – протянул друг.

Я резко замер, открыв рот и уставившись на стену. Сам того не ведая, Ричи только что подал мне отличную мысль. И как я, черт возьми, не догадался раньше, учитывая всё, что мы творили.

– Ну конечно... – выдохнул я.

Еще секунд 10 я олицетворял памятник самому себе, а потом бросился прочь из кухни. Ричи окликнул меня, но я не обратил внимания, услышав краем уха, как он закинул чашку в мойку.

Сбежав по ступенькам в подвал, я забрался за стену и лихорадочно вытащил все бумаги из-под одеял.

– Ты что, притащил все доказательства сюда? Ты поехал еще больше, чем мы оба думали? – удивленно спросил Ричард, пролезая ко мне.

– Конечно нет, я же не идиот, – отмахнулся я, даже не подняв на друга взгляд. – Это копии, оригиналы спрятаны. Вот оно...

Я выцепил листок, жадно пробежавшись по строчкам глазами. Ричи, нахмурившись, смотрел на меня. Его явно не осенило так же как меня, и он ждал объяснений.

– Морган много чего творил. Фальсификация, подделка документов, введение суда в заблуждение. За всё это могут лишиться лицензии. Но если его поймают на коррупционном преступлении, то его навсегда лишат права заниматься юридической деятельностью, – звенящим голосом четко проговорил я. – Его должны поймать.

Я поднял голову, глядя на парня. Тот внимательно взгляделся в мои глаза и вздохнул, упав на подушку.

– Узнаю этот безумный блеск в твоих глазах. Значит, будет весело, опасно, и ты уже точно знаешь, как это устро-

ить, – усмехнулся он, а потом зарылся лицом в подушку и засмеялся. – Скажи мне, что это не то, о чем я подумал.

Я подхватил его смех и, взяв одеяло, упал на друга, изображая шутливую драку. Все бумаги разлетелись в узком пространстве нашей дыры веселым белоснежным фейерверком, укрыв собой каждый дюйм, но мне было плевать.

– Нет, это именно это. Мы подстроим всё так, что ему будет не отвертеться! Никому будет не отвертеться! И я смогу выставить его не только идиотом, но и преступником!

Я всё смеялся. Мы провозились довольно долго, пока не услышали звук открывшейся двери наверху. Зашикав друг на друга, мы сбавили громкость, всё еще посмеиваясь. Минут через десять Ричи, закинув руки за голову, спросил:

– И как ты собираешься это сделать, если не хочешь светиться? Сунешь ему в карман деньги с запиской «это взятка»? – он смешно фыркнул.

Я закатил глаза и, убрав бумаги обратно, тоже удобно улегся и достал телефон.

– Нет. Чтобы тебе было известно, мой необразованный глюк, коррупция – это далеко не только взятки. И чтобы создать такую потрясающую аферу, мне понадобится отличная актриса.

– Что ты имеешь ввиду? – друг повернул голову, посмотрев на меня, и я улыбнулся.

– Я просто подумал, что раз уж привлек к этому делу друзей, то надо привлекать всех. А у меня в друзьях как раз име-

ется одна энтузиастка, которая сможет отлично сыграть нужную мне роль...

– Не-е-е-ет... – протянул Ричи, перебив меня. В его глазах сверкнул укор, но улыбку он всё равно сдержать не смог.

– А еще она точно согласится. Точнее не так – она никогда в жизни не откажется от такого, – я готов был рассмеяться, как сумасшедший ученый из какого-нибудь средне-дерьмового ужастика.

Мы оба посмотрели на мой телефон, на экране которого над номером было написано «Лола».

~~~

Девушка приехала следующим же утром, было ощущение, что она угрожала водителю, чтобы он ехал быстрее. А увидев меня, повисла на моей шее мертвым грузом, чуть не сбив с ног и заставив опасаться за собственную спину. И она была единственной из всей компании, кто потребовал объяснений, едва я смог ее от себя отцепить. Пришлось кратко ввести ее в курс дела, избегая подробностей. Всё, что ей нужно было знать – это то, что именно из-за Моргана я едва не распрощался с жизнью с помощью наркотиков, сбежав в Торонто, и что я хочу отомстить. И этого оказалось достаточно.

– Отлично. Какой план, когда начинаем? Я готова ввязаться в эту авантюру немедленно, – через 10 минут моего рассказа выдала Кутила.

Я улыбнулся.

– Нужно предупредить, что это всё опасно и может хре-

ново кончиться для нас? – на всякий случай уточнил я и на-
рвался на такой взгляд, что тут же пожалел, что спросил.

– Бродяга, ты че? Прикальываешься? Или душой меня считаешь? – выгнув бровь, спросила Лола, и я поднял руки, капитулируя. – Вот и молчи, псих-одиночка. Никакие риски не испугают меня перед такой возможностью повеселиться. Рассказывай давай.

И я рассказал. С этого момента началась долгая и тщательная подготовка, чтобы воплотить в жизнь мою задумку, гордо названную «Последнее дело Моргана». Нам пришлось снова снять квартиру, но это больше не было проблемой. С утра до вечера я прорабатывал план, стараясь не упустить ничего из виду. Через пару дней прикатил Том, на сутки заставив нас забросить дело. Соскучился он, видите ли. Еще через пару дней приехал Джей. Они все хотели участвовать, а у меня для каждого нашлись роли.

Квартира быстро заполонилась бумагами, вырезками, они висели на стенах, перечерканные маркерами, соединяющими один лист с другим. Я иногда чувствовал себя, как детектив из фильмов в своей каморке. Или как сумасшедший ученный, исследующий признаки НЛО. Было важно проработать всё, любое развитие сюжета, почти каждое слово. Ребята посмеивались надо мной, но я только отмахивался. Я знал, что, если что-то пойдет не так, второго шанса может не быть.

Я не имел права на ошибку.

Прерывал я нашу работу лишь затем, чтобы поддерживать у Моргана уверенность в демонических силах в его доме.

***

– Так... то судебное заседание... это твоих рук дело? – спросила наконец Эмили.

Когда я замолчал, она еще долго сидела, глядя в одну точку, прибывая в глубокой задумчивости.

Я не знал, была ли она там тогда, но об этом суде еще долго говорили, да и до сих пор говорят. Я улыбнулся. Была она или нет, но я точно был в зале заседания. Я не мог пропустить такое, хотел видеть, как великолепная карьера и самоуверенность Моргана разлетятся в щепки по щелчку моих пальцев.

– Но как? Значит, того дела не существовало? Или ты подставил кого-то, чтобы оно было? Но ведь тебя там даже не было, всё это было похоже на оплошность Митча. Пусть идиотскую и непохожую на него, но всё-таки. Он ведь болел и... – она осеклась, а я засмеялся.

Теперь, когда она частично знала об этой «болезни» Моргана, всё становилось понятнее. Но дело, на котором прокололся великий адвокат, всё еще выглядело, как случайность. Так оно и должно было выглядеть. Потому что я не хотел, чтобы кто-то еще пострадал, кроме виновных.

– Преступника наказали, как ты можешь говорить, что дела не существовало, а? – с легкой издевкой спросил я. – Всё было по-настоящему. А Моргану... Моргану просто не по-

везло. Моими молитвами.

Я перевел взгляд на пруд имени знаменитого архитектора. Он навевал спокойствие и умиротворение своей красотой и бесконечной зеленью. Я бы мог любоваться им часами.

– Оливер. Я не понимаю, – настойчиво повторила девушка.

– Нечего понимать. Было дело. Морган прокололся. Вот и всё, – слегка рассеянно отозвался я.

Предполагая кучу вопросов, я поднялся, потянувшись. Эмили чуть не подавилась вопросом, уже почти сорвавшимся с ее языка, и уставилась на меня. Я знал, что ее терзало любопытство. И собирался оставить ее с ним наедине.

– Ты спросила, как я добился, чтобы его лишили лицензии. Так вот, он добился этого сам. Он ведь всегда добивался всего на свете и делал это самостоятельно. Это достижение исключением не стало. Я лишь слегка помог.

Обернувшись, я улыбнулся Эмили и кивнул. Она смотрела на меня с видом обиженного ребенка, которому не дали конфетку. Но какое мне было дело: ребенок был не мой, да и конфет у меня не было. Махнув рукой, я пошел по тропинке, оставив девушку в одиночестве. Она могла лишь догадываться, какое участие я принял в последнем провальном деле Митча, и меня это полностью устраивало.

***

– Ну, начинаем. Это заседание должно стать фатальным для нашего адвоката. Поехали, – с легким напряжением про-

изнес я и разбил наши соединенные руки.

Том, Лола и Джей одновременно кивнули и, переговариваясь о чем-то, вышли из квартиры. Я подошел к зеркалу, окинув себя критичным взглядом. Костюм сидел идеально. Глубоко вздохнув, я на пару секунд задержал дыхание и выдохнул, поправляя галстук слегка нервным движением.

– Не переживай. Всё пройдет отлично, вот увидишь, – подбодрил меня Ричи, положив руки на мои плечи.

Я тихо хмыкнул. Вот перед кем мне не нужно было натягивать на лицо фальшивую улыбку.

– Если он найдет хоть что-то, хоть одну зацепку, чтобы отмазаться...

Я не договорил, но Ричи и так меня прекрасно понял. Я не был уверен, что меня хватит, чтобы повернуть это дело еще раз. Слишком много сил я вложил, слишком многим рисковал. Если наш заговор раскроется, то уже мы, а не Морган, полетим в Преисподнюю. Я постарался сделать всё, чтобы в таком случае огородить друзей от беды, вплоть до обвинения самого себя в шантаже. И пусть они в унисон твердили, что это не я втянул их в это дело, а они сами решили участвовать, я бы себе не простил, если бы с ними что-то случилось.

Это была моя месть, не их.

– Ничего он не найдет. У тебя есть главное преимущество – он понятия не имеет, что его уже подставили. Он не успеет сориентироваться. Алекс, он человек, а не суперзлодей.

Улыбнувшись, Ричард развернул меня к себе и сам попра-

вил мой галстук.

– Ты потратил уйму времени, чтобы всё продумать. План идеальный. И если ты чего-то и не учел, всё спустится на эффекте неожиданности и на самоуверенности Моргана. Ты же сам всё время это повторял, – Ричи покачал головой.

Его слова успокаивали и придавали сил. Я наконец смог вздохнуть полной грудью, чувствуя, как волнение уступает место привычному азарту.

– Что бы я без тебя делал? – с теплотой спросил я.

Друг фыркнул, закатив глаза.

– Сдох бы от передоза год назад, – вполне логично ответил он, впрочем, он говорил так всегда. – Иди и закончи наконец это дело.

Я кивнул и улыбнулся. Заседание начиналось через 15 минут.

~~~

– Всем встать. Его честь Мэтью Тейлор, председатель судебного заседания.

Я поднялся, косо посмотрев на Лолу. Девушка с легкой улыбкой наблюдала за судьей со скамьи присяжных. Я усмехнулся. Очень уж хорошо я знал эту девчонку, чтобы точно сказать – судья ей понравился. Я даже не удивился бы, узнав, что через неделю он окажется в ее постели.

Том, не глядя на судью, перебирал бумаги, бесшумно шевеля губами. Со стороны это выглядело вполне естественно: обвинитель готовился к началу заседания. Но я знал, что под

пиджаком друга спрятан микрофон, а в ухе наушник. Это было нужно для связи с Джемом, сидящим в одной из пустующих приемных с ноутбуком на коленях.

Судья сел, и все сели следом. Я скользнул взглядом по Моргану и его подзащитному, директору крупной компании. Хотя я уже много времени жил в доме Митчелла и видел его каждый день, вид Морган в суде вызывал у меня неприятную дрожь. Сила ассоциаций оказалась сильнее. Но я был надежно спрятан за спинами в дальнем участке зала.

– Слово мистеру Сандерсу.

Я подался вперед, глядя на вставшего прокурора. Мужчина поправил галстук и вышел вперед. Я потерял руки, моментально забыв о неприятном ощущении. Представление начиналось.

Наш план был максимально прост и невероятно сложен. Несколько недель назад, когда мы занялись планированием, я понял, что мне нужно найти громкое и многообещающее дело, которым бы занялся Морган лично. Мне нужен был именно он, а не Дэниель или Эван, или кто-нибудь другой из команды Митча. А раз так, то нам нужно было найти настоящего виновника. Подделать такое даже со всеми нашими умениями, мы бы не смогли. То есть смогли бы, но Том здраво рассудил, что, чтобы учесть все нюансы, нам потребуется не меньше трех месяцев. Да и риск прокола значительно увеличивался.

Я знал, что Морган занимается финансовыми преступлениями. Это значило, что нам нужно было выловить рыбку покрупнее. И мы ее нашли.

Маргус Фин, исполнительный директор и председатель совета директоров Финсоушен, американской холдинговой компании. Эта компания являлась управляющей для большинства компаний в различных отраслях. Финсоушен являлась крупнейшим акционером авиакомпаний США. Ее же сфера деятельности строилась на инвестициях и финансовых услугах.

Компания проводила сбор средств на благотворительность в пользу детей-сирот, да и не только, буквально несколько месяцев назад. Я нашел кучу статей и был поражен числом собранных средств. Казалось бы, Финсоушен занимается благородным делом, хотя, учитывая ежегодный доход компании, они могли бы жертвовать крупные суммы и из бюджета. Но разве хоть одна компания обходилась без пиара?

Я решил ткнуть пальцем в небо и попытаться отследить переводы собранных денег. Во мне теплилось подозрение, что тут не обошлось без финансовых махинаций. В конце концов, людская жадность неискоренима. После этого решения к нашей команде присоединился Пират.

Джей-Джей с радостью и привычным восторгом занялся дорогим сердцу взломом. Наконец он взялся за что-то крупнее взлома сайтов и чужих счетов, поэтому парень был на

седьмом небе от счастья. Правда это было не так легко и просто, как показывали в кино. Поэтому мне пришлось пару дней подождать, изводя себе нервы. Благо у меня был человек, которому мог мотать нервы я.

Как ни странно, но я оказался прав: след денежных переводов затерялся, но на счета детских домов и фондов помощи деньги так и не поступили. Естественно, они ушли в карманы совета директоров. Я ликовал: дело наконец сдвинулось. Пока я возился с юридической частью, Том занялся созданием документов человека, который бы имел право подать на Филсоушен в суд. Где пропадала все это время Лола, никто из нас не знал.

В результате, спустя кучу убитого времени и сил, мы подали в суд иск на компанию, обвинив их в финансовой махинации и мошенничестве. Это дело было опасной войной, но мне было наплевать. Я вел другую войну.

Свести исполнительного директора и Моргана не составило никакого труда. Хватило лишь отправить сообщение на адрес компании, а в доме Митча оставить газету со статьей. Они сразу же спелись. Начиналось самое интересное, и главным для меня было нигде не засветиться.

Когда назначили судебное заседание, Лола ошарашила нас новостью, что она будет председателем присяжных заседателей. Том с Джем только плечами пожали, а я еще долго не мог подобрать с пола челюсть. Я знал, что сделать это непросто, и не имел ни малейшего понятия, кому она что

пообещала и кому в штаны влезла. Но добиться от Кутилы хоть какой-то подсказки мне так и не удалось: она только смеялась и отмахивалась, говоря, что я преувеличиваю сложность этого мероприятия.

В конце концов я отстал от нее. Это могло и подождать, были дела куда интереснее.

Первое заседание суда на связи в наушнике Тома был я. Как юрист, я знал все извороты заседания, примерные действия прокурора, судьи и конечно же нашего дорогого адвоката. Последнего я знал даже лучше, чем нужно было. И еще мне нужно было сориентироваться, куда дальше нас поведет это дело. В течение трех часов я подсказывал Тому, что говорить, а он подсказывал прокурору.

Как и ожидалось, первое заседание ничего не дало на первый взгляд. Это дело могло длиться месяцами, а то и годами, в конце концов, компания была крупная, и юристы могли драть с них деньги очень долго. Такие правила были в сфере юриспруденции и Ассоциации. Но мне, впрочем, было плевать на холдинговую компанию.

Заседание ничего не дало суду, но не мне. Я был доволен, всё шло по плану, пусть друзья и не понимали, чему я радуюсь. А я знал, что мне делать дальше, и тот факт, что я всё еще тусовался в доме Моргана, очень неплохо играл на руку.

Финсоушен быстро начали шерстить свою сеть после иска, стараясь уничтожить все улики. Но мы были быстрее, точнее был проворнее наш Пират, не вылезавший из-за но-

утбука сутками. К тому же, он начал сливать информацию из их сети задолго до этого. Однако всё, что он нарыл, я держал в стороне, говоря Тому, чтобы оперировал тем, что у нас есть. Тем, что может продолжать дело, а не круто завершить его. Он не понимал, но соглашался. А я не объяснял. Это ведь была моя игра, верно?

Когда Морган после третьего заседания позвонил Тому, тот прибежал ко мне с испуганными глазами. Митч пригрозил, что поймает его где-нибудь в темной подворотне и «прирежет как овцу, если он не перестанет совать нос в дела взрослых». А я радовался, как мальчишка игрушечному пистолету. Потому что пистолет оказался настоящим. Конечно же мы записали разговор, которого я ждал с самого начала.

Я шерстил компьютер Митча, пока Джей шерстил компанию. Я готовился к последнему сокрушающему удару. И наконец момент настал.

~~~

– Мистер Морган, – кивнул судья на адвоката.

Митч медленно поднялся, одернув пиджак. На его лице светилась привычная самоуверенность и самодовольство. У меня внезапно зачесались руки, так сильно захотелось ему врезать. Но я знал, что через несколько минут это выражение исчезнет с его лица.

– Как и сказал мистер Сандерс...

Бла-бла-бла. Ближе к сути Митч, хватит играть в игры.

– Господа присяжные заседатели, – Морган повернулся, и

я бросил взгляд на скамью присяжных.

Лола говорила, что пятеро из восьми были подставными, включая ее саму. Я хищно улыбнулся. Конечно же Морган даже не догадывался, что подставные они не по его сторону баррикады. На лице Лолы горела внимательность и очарованность адвокатом. Я едва не рассмеялся, спрятав смех за кашлем. Всё-таки актрисой она была потрясающей.

– Позвольте представить вам доказательства, о которых я упоминал в начале заседания. Совет директоров никак не мог быть причастен к этому, прости меня Господи, отвратительному преступлению.

Он резким движением развернул бумаги, до этого свернутые трубочкой в его руках, и начал зачитывать то, что было в них написано. Морган тоже был неплохим актером, но кого сейчас это интересовало. Точно не меня. Я слегка подпрыгнул. Он говорил о том, что совет директоров тщательно следит за всеми распределениями средств, зачитывал, что Маргус лично контролировал процесс, и по одной отдавал судье бумаги, в которых были официальные выписки движения денежных средств.

Еще пару официальных бумаг о зачислениях на счета дет. домов и социальной помощи, и вот, казалось бы, он почти оправдал исполнительного директора. Оставалась лишь пара моментов, которые можно было обсудить и на следующем заседании, пока идет проверка новых документов.

«Джей, пора», – я скинул сообщение Пирату и жадно вгля-

делся в Тома.

Друг слегка склонил голову, а потом повернулся к прокурору. Сандерс расплылся в улыбке.

– Ваша честь, у нас тоже есть новые доказательства, – торжественно оповестил он.

Вообще, так делать было нежелательно. Все бумаги представлялись до начала заседания, и, если кто-то начинал швырять документы во время, обычно бывали разборки. Все новые факты могли отклонить, оставив для разбора на следующее заседание. Но всё же это было возможно, и я воспользовался этой лазейкой, понадеявшись на удачу.

– У нас новый свидетель, – поднявшись, заявил Сандерс.

Судья недовольно вздохнул, но махнул рукой. И еще раз – на Митча, который стал протестовать. В зал заседания вплыл свидетель, один из бухгалтеров компании Филсоушен. И да, он был настоящим. Выступить в суде против руководства его подговорила Лола. Опять же, как она это сделала, мы спрашивать не стали.

Хотя я пытался. Но девушка лишь сказала: «У нас же и так все доказательства, мы точно их засудим. Вот он и согласился». А на мои возражения, что бедный бухгалтер мог просто уволиться, а не выступать в суде, Лола лишь пожала плечами, сказав, что я мог просто сказать спасибо. Да, я считал, что она с ним переспала. Потому что «лучше отжаться, чем объясняться» было жизненным кредо обольстительной ведьмы, а бедный бухгалтер даже сейчас, трясясь как осен-

ний листочек, пускал на Кутилу слюни.

Мужик неуверенно подошел к трибуне, еще неувереннее произнес клятву. А потом сглотнул и заложил всех начисто, начиная от директоров и заканчивая уборщиками кабинетов. Конечно, больше всех досталось Маргусу. Я даже при- свистнул, а Лола улыбалась, глядя на это воплощение мечты невролога.

– Но по документам мы видим, что мистер Фин никак не причастен к потере благотворительных денег. А Вы говорите, мистер Шоу, что он виновен больше всех. Как это понимать? – спросил судья, наклонившись к бухгалтеру.

– Вы давали клятву, – напомнил Морган, уперевшись локтями в стол и скрестив пальцы.

Он был уверен в себе, как никогда. Бухгалтер стушевался под таким напором, а я перевел взгляд на Тома.

– Ну давай, добивай его, – тихо прошептал я, потирая вспотевшие руки, – докажи всему суду, что документы подделка. Кто как не ты разбирается в этом лучше всего.

Друг словно услышал. Его спина выпрямилась.

– Ваша честь, позвольте. У меня есть документы, предоставленные мистером Шоу. Это выписки со счетов мистера Фина. Их собирает бухгалтерия в рамках декларационной компании.

Увернувшись от рук прокурора, Том поднялся и подошел к судье, протягивая бумаги. И «совершенно случайно» вдруг скинул на пол документы, предоставленные Морганом.

– Ох, извините мне мою неловкость, – пробормотал он, наклонившись.

Мое сердце в этот момент оглушительно стукнуло в ушах и упало вниз, замерев. Медленно подняв бумаги, Том откуда-то достал очки, нацепив их на нос, пробежался глазами по строчкам и ахнул.

– Боже... эти документы... они поддельные, – неподражаемым голосом, полным удивления произнес друг и поднял глаза.

Теперь ахнули уже все присутствующие. В зале заседания воцарилась мертвая тишина. Минуту все играли в гляделки: адвокат с прокурором, истец, ответчик, присяжные, судья. Я почти слышал в этой тишине скрежет зубов Митча.

– Потрудитесь объяснить, – наконец изрек судья.

Том кивнул.

– Вам известно, что я специализируюсь на ведении документации. Вот, посмотрите сюда.

Он повернулся к судье, показывая что-то и тихо говоря. Прокурор подошел сзади, тоже вглядываясь в эти бумаги. Я понятия не имел, о чем там толкует Том, но знал, что только профессиональный фальсификатор может с легкостью узнать поддельный документ и объяснить, почему он является подделкой. А то, что он поддельный мы знали изначально.

Я перевел взгляд на уловимо побледневшего Моргана. Судья наконец снял очки и потер переносицу.

– Отправить документы на экспертизу. Мистер Морган, Вы временно отстраняетесь от этого дела.

Я едва не вскочил с победным танцем. Но оказалось, что это еще не все.

– Как?!

Взгляды всех присутствующих обратились к скамье присяжных. Лола, вскочив, всплеснула руками и указала на адвоката. Весь зал замер в ожидании продолжения.

– Вы же мне угрожали, чтобы я принимала в суде Вашу сторону, а теперь Вас отстраняют?!

– Угрожали? – глухо переспросил судья.

Люди как в фильмах одновременно переводили глаза с одного на другого.

– Да! Он сказал, что если я не буду ходатайствовать о невиновности компании он трахнет меня в переулке, а потом прирежет!

– Да что Вы несете? – попытался влезть Морган, но Лола его даже не слушала.

– А если я буду на Вашей стороне, Вы обещали заплатить! И мне, и Элоизе, и Дону, и вот этим людям тоже!

Мой рот открылся сам собой. На моих глазах происходило лучшее из того, о чем я мог только думать.

– Вы сможете это доказать, мисс... – протянул судья, бросив на Митчелла быстрый взгляд. Лола скрестила руки на груди.

– Конечно смогу. У меня осталась запись с его угрозами.

И прежде чем Вы спросите, почему я не обратилась в полицию, я боялась. Мистер Морган был крайне убедителен.

Она перевела взгляд на Митча, такой зверский, что я на секунду сам поверил в ее слова. Том тут же решил тоже встать свои пять центов.

– Вообще-то... он и мне угрожал. У меня тоже есть запись разговора, Ваша честь. Я же, как квалифицированный и образованный человек, не стал поддаваться на жалкие угрозы, – он высокомерно вздернул нос, хмыкнув.

Рожа Моргана налилась насыщенным красным цветом. Судья на мгновение прикрыл глаза и поднялся.

– Заседание объявляется закрытым до выяснения всех обстоятельств, – объявил он. Люди не сдвинулись с места. – Мистер Морган, мистер Сандерс. В мой кабинет. А Вы... – он бросил взгляд на Лолу, а после на Тома. – Подождите снаружи. И Вы тоже.

Все недовольно зашевелились и начали потихоньку вставать со своих мест. А я так и сидел, словно пригвожденный к стулу, и смотрел, как едва не взрывается Морган, как он, скинув бумаги со стола, идет к Лоле. Видел, как завершала девушка, и Митча тут же перехватил офицер. Начинались разборки, которые никак не доходили до моего сознания. Я всё не мог понять, что этим поступком Митч только усугубил ситуацию. Видел, как Том что-то снова показывает на бумагах, но теперь еще кому-то.

Я рисковал остаться один сидеть посреди этого зала, рис-

ковал, что меня заметят, и не мог пошевелиться.

– Ты спятил? Пошли отсюда, – прошипели мне на ухо.

Я повернул голову и увидел улыбающееся лицо Джея. Он потянул меня за руку, и я поддался, выйдя следом за ним.

Пират вытянул меня на улицу, и первое, что я сделал – стрельнул сигарету. Что ж, я заслужил это. Мы отошли за соседнее здание, и пока я жадно вдыхал никотин, Джей с улыбкой смотрел на меня. Видно было, что он хотел что-то сказать, но я не мог вымолвить и слова.

– Короче, ты меня не спросишь, да? – наконец не выдержал Пират. – Значит так скажу. В общем, об этой истории завтра все узнают. Мне опять не спалось ночами, поэтому я растрепал об этом заседании одному журналисту. Думаю, он попал на самую крутую судебную фигню в своей жизни. Наверное, уже завтра об этом будет знать весь Чикаго, но может и...

– Ты сделал что?! – у меня даже сигарета из пальцев выпала.

Я уставился на Джея, словно он был святым апостолом, явившимся мне в припадке.

– Ну... журналиста позвал. Он выходил со всеми из зала, я его увидел, вот и...

Парень как-то понурился, опустив плечи. Удивленный моей реакцией, он явно подумал о том, что сделал что-то не так. Но договорить он не успел: я внезапно даже для себя притянул его к себе и крепко обнял.

– Ты понятия не имеешь, что ты сделал, Джей-Джей. Но это... о, просто спасибо.

Джей расслабился и засмеялся, обняв меня в ответ. Я всё еще не мог поверить, что мы смогли это сделать. До меня всё еще не дошло, что самую грандиозную битву этой войны мы почти выиграли. Я поднял глаза и наткнулся взглядом на Ричи. Мой друг стоял поодаль, спрятанный за тенью дерева, но его глаза светились. Медленно подняв руки, он бесшумно захлопал и одними губами сказал: «Поздравляю».

Я улыбнулся, кивнув, но, когда смахнул непрошеную неожиданную слезу, Ричи уже не было.

– Итак. Сегодня вечером мы идем в кабак и надираемся. За мой счет, – выдал я, отстранив Джея.

Пират взвизгнул, подпрыгнув, и засмеялся, что-то мне рассказывая. А я обернулся на здание суда.

«Иногда нужно уметь проигрывать. Жаль, ты никогда этого не понимал, Морган»

Глава 19

Джей-Джей оказался прав: уже на следующее утро новость о провале Моргана облетела весь штат Иллинойс. И если до этого у адвокатской палаты и Ассоциации была призрачная возможность отмазать Митчелла, сославшись на его состояние здоровья, например, то после утренней статьи не осталось ни шанса.

Следом за статьей полетели жалобы на компанию Моргана, телевизионные ток-шоу, гоняясь за сенсацией, приглашали на эфиры людей, так или иначе пострадавших от деятельности адвокатов. Я не остался в стороне, с готовностью отправляя анонимные сообщения в разные передачи со всем тем компроматом, что успел насобирать за эти месяцы.

В связи с этой невероятной шумихой Ассоциация созвала совет, по решению которого Моргана лишили лицензии, исключили из Ассоциации и лишили права заниматься юридической деятельностью. Коррупционное преступление, совершенное адвокатом и просочившееся в прессу, само по себе было большим ударом по Ассоциации. Поэтому никто бы не взял на себя ответственность прикрывать Моргану задницу. А благодаря телевидению и интернету люди были возмущены настолько, что офис Моргана пришлось закрыть, уволив и всех сотрудников.

Дело Финсоушен тоже быстро свернули, выставив компа-

нии счет. Вести дело, на котором полегла целая контора, никто не хотел, даже несмотря на то, что они могли вытянуть с компании еще много денег. Имидж был дороже. Маркус Фин был доволен, но всем было плевать.

Я ликовал. Я был на седьмом небе от счастья и охотно делился своей радостью с друзьями. Пока Морган истерил, круша собственный дом, пока он напивался, а потом ныл, жалея самого себя (я успел это увидеть, заглянув к нему, чтобы забрать кое-какие вещи), мы праздновали. Я всё никак не мог успокоиться, отмечая эту грандиозную победу.

Это был мой личный триумф, торжество справедливости.

Однако, это был еще не конец. Моя душа жаждала кровавой расправы, и я уже знал, что будет дальше. Я лишь выжидал время.

***

Спустя неделю я проводил друзей и начал готовиться к окончательной стадии завершения моей мести. Скоро должны были приехать Лилия и Роза, тихо, чтобы никто из компании не узнал об этом. Как я и просил перед их отъездом. Нужно было всё подготовить до того, как они вернутся.

Ричи без особой надежды пробовал убедить меня закончить на том, что есть, но я только отмахивался. Порой, лежа ночью на кровати номера отеля, куда мы перебрались после отъезда ребят, глядя на блики света уличных фонарей и фар проезжающих мимо машин на потолке, я ловил себя на мысли, что, возможно, я перебарщиваю. Возможно, я не на-

столько жесток. Возможно, с Моргана уже хватит.

Но потом перед глазами калейдоскопом пронеслась кровь на моих ногах на утро после выпускного, безумные вспышки света в клубе, оскаленное лицо начальника, пытающегося напасть на меня в грязном туалете, безжизненное тело пса на полу крематория вет. клиники. Крики, кошмары, наркотики, алкоголь, дикое желание смерти и огонь. Всепоглощающий огонь, когда-то давно отрезавший меня от жизни, которую я знал. Сделавший меня совершенно другим человеком, убивший и возродивший меня заново.

Тело тут же прошибал холодный пот, перед глазами темнело, а в голове вспыхивала первородная ярость, заменившая мне страх. Я определенно хотел крови. Не убийства, нет, но добить Моргана, окончательно растоптать его жизнь. Уничтожить.

Я не боялся угрызений совести, не боялся осуждения. Я возвращался в этот город, понимая, что у меня может не быть будущего. Я был готов к тому, что больше не вернусь к нормальной жизни, и был готов ею пожертвовать ради своей мести, если бы понадобилось.

Я не собирался отступать. Я бы себе этого не простил.

***

Через пару дней приехали девчонки, и мы с Ричи вернулись в дом Митча, оставив им номер в отеле.

Морган все еще занимался саможалением и обвинением в своей судьбе каждого, кто приходил в его пьяную голову.

Он был настолько занят этим, что я свободно передвигался по дому, не боясь нарваться на него. Я снова добавлял в его алкоголь наркотики, стараясь не прислушиваться к завываниям о его испорченной жизни какими-то ничтожествами. Но все же я слышал его и не мог не поражаться, насколько сильна была в нем гордыня. Оказавшись на дне, он, жалкий и брошенный покровителями, до сих пор считал свое превосходство неоспоримым.

Говорят, тщеславие – любимый грех дьявола. Оно не терпит конкуренции, идет бок о бок с мелочностью и завистью. Тщеславие словно наркотик, который я подсыпаю в бутылку с алкоголем. И наблюдаю, как Морган жадно поглощает его, в промежутках между глотками повторяя, что «они» не имели права, что «они» не могут безнаказанно убрать лучшего из лучших. «Они» – это абсолютно любой, кого он вспомнит в следующую секунду.

Я усмехаюсь с мрачной радостью и спокойно спускаюсь в подвал. Митч не замечает ни мелькнувшей на полу тени, ни скрипа дверей, ни шагов на лестнице. Он слишком поглощен собой, чтобы заметить меня, даже если я пройду мимо него. И всё это только подтверждает то, что я всё делаю так, как надо. Мне совсем не жаль его.

Я готов начать.

***

Мы потратили несколько дней, чтобы вытащить Моргана из его маленького уютного кокона алкоголизма и депрессии.

Не до конца, конечно, он все еще пил, заглатывая вместе с алкоголем и наркотики, но с полностью бессознательным телом мы мало что могли сделать. Мне нужно было, чтобы он был в сознании.

Лилия с Розой легко вступили в игру, вернувшись в жизнь Митча. Он сначала не слишком-то и обрадовался, послав их в известном направлении половых органов, но на другой день передумал. Ричи изумленно присвистнул, пока мы слушали, как нетрезвый Морган набирает номер знакомых проституток, назначая встречу. Он был скорее удивлен, что это произошло так быстро, чем тем, что это вообще произошло. Но я прекрасно понимал, что бывшему адвокату необходимо сбросить скопившееся напряжение. И найти свободные уши.

Я не просто это понимал, я знал на собственной шкуре.

Я дал им три дня. Ровно три дня, пока Морган развлекался с парой лесбиянок, перетекая из бара в бар и щедро разбрасывая направо и налево фальшивые деньги, которыми мы же его и снабдили. Вечера заканчивались по-прежнему: он засыпал, упав на кровать, предполагая, что его сексуальная потребность удовлетворена. Однако ночью его будили завывания ветра, чьи-то шаги по всему дому, шепот ночи и страшные звуки: не то стоны, не то крики.

Мы развлекались, как могли, подкидывая в его постель незнакомые вещи, бегая по дому и прячась в наших потайных щелях. Каждый вечер, пока он был в отключке, я отключал электричество, и с улыбкой наблюдал из-за угла, как

тщетно Митч пытается поймать призраков в неясный свет фонаря.

Естественно, Лилия и Роза присоединились к нашему веселью. Сменив каблуки на мягкие туфли, они завывали снаружи и внутри дома, изредка стараясь подавить рвущийся наружу смех. А утром всё уже было в порядке, и мы начинали заново.

Будь Морган трезв и в своем уме, то возможно он и заметил бы и неплотно прикрытые шторы, из-за которых порой кто-то выглядывал, и приглушенный смех после надрывного стона, но нашими партнерами были виски и наркотики, так что он безоговорочно верил в весь наш нелепо воспроизведенный фильм ужасов.

Я бы с удовольствием свел его с ума окончательно именно таким образом, так это было увлекательно. Но у меня были другие планы.

Вечером третьего дня троица привычно завалилась домой. Мы с Ричи сидели в подвале, слушая, как заплетается язык Моргана, как он нервно, с какими-то нелепыми истерическими нотками смеется над безобидной шуткой Лилии. Девочки отвели его в спальню, уложив в кровать.

– Красавицы... – едва выговорил Морган, икнув. – Я, наверное, сегодня недееспособен.

Лилия с Розой игриво рассмеялись.

– Тогда мы зайдем завтра, – елеиным голосом протянула Роза.

– Стой, подожди! – тут же отозвался Митч.

В его голосе послышались отголоски паники, пробивающиеся сквозь опьянение, и я вышел из подвала, подойдя к дверям спальни. На всякий случай. Заглянув туда, я увидел, что Морган держит девушку за руку, неотрывно глядя на нее. В его хмельном взгляде угадывался потаенный страх.

– Вы, это, не уходите. Оставайтесь. Я заплачу, за всю ночь и утро заплачу, – сбивчиво и быстро проговорил мужчина.

Лилия обернулась ко мне за спиной Розы, и я кивнул. Всё пока шло именно так, как я и планировал. Девочки разулыбались и сели на кровать рядом с Морганом.

– Ну ладно, сладкий. Давай тогда еще выпьем. А может быть еще даже... – Роза обернулась к Лилии, поймав в ее глазах отражение своего шаловливого взгляда.

– Может быть нам стоит попробовать кое-что другое, расла-а-абиться, – томно протянула блондинка, привычно закончив фразу за подругой, и вытянулась рядом с Митчем.

Роза с той же улыбочкой подняла свою сумку, вытащив из нее туго свернутый косяк. Глаза Моргана сверкнули, а губы расплылись в улыбке. Той самой самодовольной улыбке, которую я так ненавидел. Мои руки сами собой сжались в кулаки, но я заставил себя отойти от двери. Девочки дальше справятся сами, говорил я себе, а мне пока есть, чем заняться.

***

– А он не проснется? – неуверенно спросил я, глядя на

распластавшегося на кровати Моргана.

Лилия с Розой засмеялись.

– Ты шутишь? Да обдолбавшись до такой степени он может вообще не проснуться, – легкомысленно отмахнулась Лилия, но осеклась, напоровшись на мой мрачный взгляд.

– Я не убить его хочу, Лили, – резковато бросил я.

Девушка закатила глаза, передернув плечами. Она терпеть не могла, когда ее называли Лили, а не Лилия, но мне она ничего не сказала.

– Ладно вам, давайте начнем уже. У нас несколько часов, прежде чем он из непробудного тела превратится в... просто отвратительное тело, – произнесла Роза.

Мы тихо рассмеялись и вышли из комнаты. Итак, представление началось.

Пока я вытаскивал из подвала здоровенный мешок, оставляя за ним кровавый след, а Ричи вешал на место потекший от кислоты портрет Митча, который тот выбросил, Лилия и Роза занялись сейфом. Надев перчатки и вытащив содержимое, они полностью вытерли его. На всякий случай. После они вернули на место фальшивые деньги, заботливо выложили на полочках такой знакомый мне порошок, таблетки, несколько грамм героина, заставившего меня вскинуть брови, когда я это увидел. «Юпи», – пожала плечами Лилия, словно это всё объясняло. Хотя действительно объясняло. Завершающим штрихом они аккуратно уложили под банковские карты Моргана номера банковских счетов и ко-

ды к ним, тех самых, что взламывал Джей.

Оценив работу, я с трудом поднял притащенный мешок и вытряхнул содержимое на кровать рядом со спящим. Девочки приглушенно вскрикнули от неожиданности. Кровь черными ручейками, точно щупальцами, пропитывала алые простыни на постели.

– Боже мой, фу! Где ты взял эту мерзость? – воскликнула Роза, поморщившись.

Я пожал плечами и посмотрел на свиную голову, прижавшуюся к плечу Моргана щекой. Они так гармонично смотрелись, словно дальние родственники, что я невольно залюбовался. Морган точно был свиньей: лживой, поганой, мерзкой свиньей. На секунду представив, как бы он выглядел с этой свиной башкой на своих плечах, я усмехнулся.

– На рынке, – ответил я.

Лилия слегка нахмурилась.

– А это не слишком, Оли? – осторожно спросила она.

Я задумался, глядя на срывающиеся на пол темные капли. Возможно. Возможно было слишком сломать студента, только закончившего колледж, ради прибыли и наживы. Возможно было слишком развратить его веру в справедливость и человечность ради имиджа компании. Возможно было слишком караулить его у дома, сводя с ума.

Возможно было слишком лишить одинокого человека его единственного друга.

– Нет. Он всё равно не поверит в то, что увидит, – бросил

я и вышел из комнаты.

Но, уходя, успел заметить улыбки на лицах подруг.

Мы с Ричи навели небольшой хаос в гостиной: сдвинутая мебель, наглядно выдернутый и изрезанный провод телефона. Мобильник Моргана я без сожалений проткнул ножом, пригвоздив его к прикроватной тумбе. Я был уверен, что где-то там, внутри памяти гаджета, всё еще хранятся мои фотографии.

Пока мы бесшумно бегали туда-сюда, я успел пару раз шугнуться этого ужасного потекшего портрета. Ричи сразу начинал ржать, а я матерился сквозь зубы. В подвале мы подготовили еще один подарок, хотя я не был уверен, что Морган до него доберется. Чтобы нагнать жути, я заменил лампочки в люстрах на более дешевые и к тому же выкрашенные гуашью. Свет в доме приобрел тусклый красновато-темный оттенок, и я улыбнулся. Нам впору было снимать фильм ужасов в этом помещении. Когда почти всё было готово, я зашел на кухню и оторопел.

Мои подруги, настолько бледные, что сливались с потолком над ними, аккуратно надрезали кожу на своих руках и ключицах – по ним стекали капельки крови, теряясь в складках изорванной одежды. Они одновременно подняли глаза, переглянулись друг с другом и снова перевели на меня взгляд.

– Вы чего творите?! – я почти заорал, но вовремя спохватился, поэтому из моего рта вырвалось змеиное шипение. –

Вы себя видели вообще? Выглядите так, словно... словно вас...

Я осекся. Меня внезапно осенило, зачем они устроили этот цирк. Девочки видно тоже поняли, что до меня дошло, и дружно рассмеялись.

– Так же достовернее, правда? Ты ведь сам всё это придумал и сам же офигел. Думаю, эффект того стоит, – фыркнула со смехом Роза. Лилия кивнула, подтверждая ее слова.

– Мы не раз такое проворачивали. Всегда прокатывало. Белая пудра, несколько порезов, разодранная одежда, и – вуаля! – ты становишься бедной жертвой. Остается добавить только паники в глаза и пару слезинок, – Лилия засмеялась и прикрыла веки.

Через секунду на ее лице блеснули слезы, смазывая макияж, и я присвистнул. Какое полезное умение – плакать, когда тебе хочется.

– К тому же, у меня очень нежная кожа, – продолжила блондинка, – и, если сильно надавить на нее, вот так, – она крепко сжала руку на своем предплечье, убрала ее, и на том месте, где были ее пальцы, проявились фиолетовые пятнышки, – появляются синяки.

Лилия усмехнулась. Роза, закатив глаза, схватила ее за плечо, оставляя точно такие же маленькие кровоподтеки на идеально ровной бледной коже. Они снова засмеялись, а я покачал головой с легкой улыбкой и бросил взгляд на часы.

– Пора, – сказал я, кивнув.

Девушки кивнули в ответ и, забрав с собой нож, скрылись в спальне. Я вернулся в гостиную, еще раз окинув ее беглым взглядом, проверил лежавшие в кармане пульты от телевизора и светильника в спальне и улыбнулся Ричи, стоявшему у дверей и покачивающему на пальце ключи от дома.

Он ответил на мою улыбку и вышел на улицу, включая сигнализацию. Я еще раз обернулся, мысленно пожелав девочкам удачи, и вышел следом, закрыв за собой дверь, оставив в замке ключ.

***

Ровно в три часа ночи в доме бывшего адвоката Митчелла Моргана на всю громкость заработал телевизор.

Митч, лежа в своей постели, недовольно поморщился и перевернулся на бок, стараясь нашарить подушку. Так и не найдя ее, он закрыл ухо рукой, но через пару секунд поднес ладонь к лицу. На ней было что-то липкое, с мерзким запахом, но что именно, он так и не смог разглядеть в темноте. Морган сел, потеряв глаза второй рукой, но тут же отдернул ее. И внезапно в спальне зажегся тусклый, словно потусторонний, свет.

С замирающим дыханием Митч оглянулся, и через секунду дом сотряс вопль. Рядом с ним на кровати лежала лоснящаяся и мерзкая свиная голова, злорадно оскалившаяся в его сторону, ее глаза блестели и подмигивали. Рядом лежала мертвая девушка, извернувшаяся в немыслимой позе, а в ее грудь, прямо там, где сердце, был воткнут кухонный нож.

Морган, вскочивший с кровати, попятился и, запнувшись обо что-то, упал. Кое-как оторвав взгляд от кровати, он посмотрел вниз и снова заорал, увидев труп второй девчонки.

– Чт... что... я... это...

Он никак не мог сформулировать ни одного связного слова. Вскочив на ноги, он выбежал в гостиную и тут же отшатнулся назад. На него смотрел он сам, но не такой, каким он знал свое отражение в зеркале. Его лицо стекало, словно таяло, один глаз сплыл на подбородок, второго вообще не было видно. Тело распухло и расходилось лоскутами. Телевизор внезапно затих, погрузив комнату в тишину.

– Что здесь происходит?! – закричал Митч, но ответом ему была тишина, слишком осязаемая после орущего телевизора.

– Думай, думай же! – высоким голосом произнес бывший адвокат, схватившись за голову. – Что делать? Что же делать? Надо спрятать трупы, да, и убираться отсюда, а лучше – из страны...

Его бессвязное бормотание оборвал стук в спальне. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук-тук-тук-тук-тук!

Морган бросился в сторону, скрывшись за диваном, который стоял совсем иначе. Под ногами хрустело разбитое стекло. Стук прекратился так же внезапно, как и начался, но Митч не сразу решился выйти из своего сомнительного укрытия. В окно сзади него внезапно что-то врезалось, забилось, стекло прыснуло осколками, и на пол рядом упала

мертвая птица. Тут же заорала сигнализация, и Морган, подскочив, бросился ее выключать. Если приедут копы, как он объяснит им трупы?

Дрожащими руками справившись с неугомонной сиреной, мужчина бросился обратно в спальню и замер на пороге. Никаких трупов, никаких свиных голов больше не было. Только кровь заливала весь пол и кровать. А может не кровь, а вино из бутылки, опрокинутой рядом.

Митч попятился и врезался спиной в стену. Что, черт возьми, творилось в его доме? Телевизор снова включился, заставив мужчину подпрыгнуть. Он аккуратно прокрался обратно по коридору, выглянул из-за угла, но в гостиной было пусто. Из-за дверей подвала доносился какой-то неясный звук, похожий на детский плач, и у Моргана всё похолодело внутри.

– Нет... я же тебя убил... – сорвалось с его губ.

Дрожащей рукой он потянулся к дверной ручке, крепко сжал ее и, собравшись с духом, резко открыл. Из темноты до него донеслось тихое мяуканье. Медленно вдохнув, Морган на несколько секунд задержал дыхание и также медленно выдохнул. Он пощелкал выключателем, но свет не включался. Тогда он не спеша ступил на лестницу и начал спускаться. В нос сразу же ударил отвратительный запах гнили.

Спустившись, Митч остановился, давая глазам привыкнуть к темноте, и пошел на звук, как тут в его лицо уткнулось что-то склизкое, волосатое, тошнотворно воняющее. Едва

сдерживая рвотный позыв, крик и дрожь, Морган кинулся в бок, туда, где у стены стоял старый стеллаж, на котором должен был быть фонарь. Он нашарил его, едва не уронив, а когда включил и направил вперед, то не смог сдержаться от нового вопля.

Перед ним висели сотни, нет, тысячи мертвых кошек. С них стекала вонючая, гадкая слизь, они медленно раскачивались, кто на хвостах, кто на лапах. Свальявшаяся шерсть выпала клоками кое-где, открывая лоснящуюся кожу. И они всё мяукали, мяукали, теперь уже не один жалкий котенок, а тысячи разъяренных котов. Мертвых котов.

Волосы на голове Митча встали дыбом, но он никак не мог сдвинуться с места, не мог отвести глаз от животных в дрожащем свете фонаря. Пока наверху не хлопнула дверь. Этот звук словно вывел его из оцепенения: Морган, отбросив фонарь, метнулся вверх по лестнице, врезался в дверь, едва не упав. Бросившись к входной двери, он налетел на нее плечом, но она не поддалась. Он пошарил по стене в поисках ключей, – он ведь всегда оставляет их в одном и том же месте! – но их не было.

Морган изо всех сил дернул за ручку, но она осталась у него в руках. Тупо уставившись на нее, Митч на мгновение замер, пока из спальни снова не раздался стук. Взыв, он снова бросился в подвал. Быстро, очень быстро пробежать через всех этих котов, схватить топор, стоящий, как он помнит, у дальней стены, и обратно. Главное – не останавливать-

ся.

Рванув дверь, Морган начал быстро спускаться по ступенькам, и вдруг его нога соскользнула на этой слизи с мертвых котов. Он попытался ухватиться за перила, но рука зачерпнула воздух, и мужчина полетел вниз. Митч даже не успел почувствовать боли, только чувство полета и внезапная темнота.

***

Сознание приходило медленно, какими-то урывками. Сначала почувствовалась тупая ноющая боль в голове, потом – в бедре. Митчелл Морган медленно разлепил веки, зажмурился и вдруг резко сел. Воспоминания нахлынули безжалостным потоком, дыхание сразу же сбилось. Он испуганно огляделся вокруг.

Да, он явно был в подвале своего дома, но никаких мертвых животных не было. Тряхнув головой, Митч ударил себя по щеке, но ничего не изменилось: подвал как подвал. Встав на ноги, он недоверчиво медленно поднялся по лестнице и, приоткрыв дверь, выглянул наружу. Гостиная встретила его привычным приглушенным светом, телевизор был выключен, вся мебель стояла на своих местах. Только мертвая птица лежала рядом с разбитым окном.

Задержав на ней взгляд, Морган прокрался к спальне. Там все тоже было как обычно: смятые простыни, пролитая бутылка вина. Как будто бы, надрывшись до свинячьего визга, он просто вырубился, даже не удосужившись поднять упав-

шую подушку. До свинячьего визга... Митча передернуло.

Но все же напряжение медленно уходило из тела. Глубоко вздохнув, он вышел обратно в гостиную и, подняв глупую птицу, разбившую ему окно, отнес ее в урну на кухне. Давно пора было сменить эти окна на пластиковые, но он считал себя консерватором и поэтому убеждал всех (и себя в том числе), что старые окна смотрятся куда гармоничнее.

– Надо завязывать пить, – пробормотал он.

Сердце все еще колотилось, словно никак не могло вспомнить нормальный ритм.

Решив, что нужно умыться и лечь спать, Морган побрел в ванную. Но стоило ему открыть дверь, как свет резко потух, во всем доме, словно провода обрубил. Его будто подбросило изнутри, паника накрыла разум. Лампы, моргнув, снова включились, и Митч завопил, не узнавая своего голоса.

Перед ним в окровавленной ванне лежали два тела. Две хорошенькие девушки, проститутки, которых он просил остаться с ним на ночь. И повсюду кровь: она капала с бортика ванной, со свисающей ноги одной из проституток, выливалась из переполненной раковины, вкраплениями орошала ободок унитаза, даже на потолке были алые брызги. Волосы блондинки почти насквозь пропитались ей, сделав рыжей, а вот на голове второй девушки... вместо ее головы была та самая усмехающаяся свиная голова.

Морган орал до тех пор, пока его голос не сорвался в хрип, его взгляд метался от лица на морду, от раковины на пол. А

когда голос сел, он вихрем пронесся по дому, почти скатился в подвал, едва снова не приложившись головой о ступеньку, а спустя полминуты вылетел обратно.

В его руках была канистра.

Бормоча что-то бессвязное и беспрерывно посмеиваясь, бывший адвокат методично заливал каждую комнату ее содержимым. Вскоре тяжелый запах бензина пропитал весь дом. В последний момент Митчелл спустился в подвал. Вылив остатки бензина на пол, он скинул на пол бутылочку с керосином и резко опустил на нее ногу. Бутылка треснула с глухим хлопком, горячая маслянистая смесь растекалась лужицей под ногами мужчины.

Он на негнущихся ногах поднялся наверх и достал дрожащими руками зажигалку Zippo из кармана своего пальто, висевшего при входе. Зажечь ее получилось не с первого раза, но все же удалось. Бросив зажигалку на моментально вспыхнувший пол, Митчелл прикрыл руками голову и с диким криком бросился в разбитое птицей окно, брызнувшее осколками, переливающимися в свете пламени.

***

Моей первостепенной задачей во всем этом плане было достать девчонок из окна спальни Моргана, когда тот убежит оттуда. Вообще само нахождение их рядом с обдолбанным наркотиками человеком было затеей опасной, но они настояли на этом. В унисон твердили, что так будет реалистичнее и веселее. Я согласился только с условием, что сра-

зу же их вытащу, как только Митч покинет комнату. В том, что он сбежит оттуда, я не сомневался – обычная реакция на уровне животных инстинктов.

Ричи наблюдал с другой стороны, от входной двери, чтобы подать мне знак, если что. Первой я достал Лилию, которая вполголоса и едва сдерживая смех, рассказывала мне, что сунула нож в кофту, а этот придурок в приступе паники видимо подумал, что он воткнут в сердце. Когда я доставал Розу, из моего кармана неожиданно выпал пульт. Я слышал, как замолчал телевизор, и выругался сквозь зубы: что за пульт такой, который работает сквозь стену.

Однако всё оказалось гораздо прозаичнее: Ричи поставил таймер, и телек выключился спустя определенное время. В повисшей тишине я слышал, как кричит Морган, как он что-то говорит про трупы. И в этот момент Роза задела ногой оконную раму, тихо стукнувшую о стену. Мы замерли. Видимо, замер и Митчелл, судя по резко образовавшейся тишине.

Я опустил девушку на землю, и она, переглянувшись с подругой, вдруг взялась за раму, снова ударив ею по стене.

– Ты чего делаешь? – зашипел я на нее, но она отмахнулась.

– Да брось, он же не в адеквате. Подольем масла в огонь, – тихо ответила она и задолбила по стене.

Когда из дальней комнаты послышался топот, мы втроем одновременно присели, прижавшись спинами к стене до-

ма. Девчонок распирал смех, а я все еще не мог отойти от того, что мы едва не спалились. Я не думал, что Митч бы вдруг раскрыл коварный заговор, я боялся, что он, в приступе представив себе каких-нибудь зомби, действительно бы причинил вред моим подругам.

Довольно быстро выяснилось, правда, что Морган бежал не к нам, а от нас. Стоило заорать сигнализации, как мы подпрыгнули и бросились к фасаду дома. Первое, что я увидел, был Ричи, умирающий от смеха в кустах, а потом уже я заметил разбитое окно. Махнув девочкам, чтобы отошли за угол дома, я тенью скользнул к другу, краем глаза наблюдая, как Митч отключает сигнализацию, полностью сосредоточившись на этом.

– Ты чего тут творишь? – спросил я.

Правда я хотел, чтобы мой голос звучал строго, а не весело. Ричард глянул на меня и снова рассмеялся, не глядя махнув рукой на окно. Я так ничего и не понял, только намного позже я заметил чучело ворона, стащенное нами из одного кафетерия в мой День Рождения. Но в тот момент было не до этого.

Я увидел, как мне машет Лилия из-за угла, она должна была приглядывать за спальней. Значит, Морган уже успел увидеть пропажу трупов. Я бросился к ней, на бегу снова включив телевизор и перебросив пульт Ричи, и остановился рядом с металлической дверью, ведущей в подвал. На ней висел древний замок, не поддающийся ни времени, ни погоде,

но мне и не надо было его вскрывать. Роза протянула мне колонку, которая была спрятана здесь же, за камнем, и я, подключив ее к телефону, включил заранее скаченное приложение со звуками котов. Положив колонку под дверь, я нажал на кнопку с изображением пушистого котенка, на которой было написано «зовёт».

На самом деле, я не был уверен, сработает ли это. Будь я на месте Моргана, я бы давно бросился прочь из этого дома с привидениями, но Митч меня удивил. Он пошел на звук к моему крайнему изумлению и безумной радости девчонок.

– Оли, дай попробуем, – зашептала Роза, протягивая руки к моему телефону.

– Ну дай потыкать, там же много еще чего есть, – вторила ей Лилия.

Я молча отдал им телефон и подошел к подзывавшему меня другу. Пока девочки развлекались, тихо хихикая над мяуканьем котят, Ричи отдал мне пульт и рассказал о фразе, случайно брошенной Морганом. Я нахмурился. Какие еще тайны ты скрываешь, Митч? Неужели я до чего-то не смог докопаться, или же это вообще никакая не тайна?

Морган, казалось, даже и не заметил, что телевизор снова не работает. Но и я забыл об этом, погрязнув в своих мыслях, поэтому, когда хлопнула дверь в подвал, я едва сам не вскрикнул. У меня совсем вылетела из головы эта маленькая деталь. На дверях подвала был какой-то странный доводчик, то ли он уже был старый, то ли изначально бракованный. Из-

за него эта дверь закрывалась медленно, очень медленно, но в конце хлопала так, словно кто-то очень зло пнул ее, проходя мимо. Эта дверь едва не стояла нам всей игры в первые дни в этом доме.

Мы стояли почти напротив окна, и, когда Морган пулей вылетел из подвала, я успел на секунду подумать, что мы попались. Но он, не глядя по сторонам, бросился к выходу. Я видел, как он шарит по стене в поисках ключей, как дергает ручку, заботливо нами открученную и оставшуюся у него в руках. Услышав знакомый стук рамы из спальни, я покосился на Розу, тихо смеющуюся на углу дома. Она поймала мой взгляд и развела руки, мол, прости, не удержались.

А потом из подвала послышался грохот, и всё стихло. Мы напряженно прислушались, но из дома больше не доносилось ни звука.

– Убился, – без сожаления протянула Лилия, подойдя ко мне и пожав плечами.

Я забрал у Ричи пульт и снова включил телевизор, но реакции не последовало. И тогда я словно замороженный пошел к двери. Ричард зашипел на меня, но я, не слушая, повернул ключ и пошел в подвал, словно ведомый какой-то неведанной силой. Я действительно успел подумать, что он умер. И как ни странно, я испытал не страх, а острое разочарование.

Как просто! Я тоже хотел умереть. Я пытался умереть. Но я жил со всем тем дерьмом, что подарил мне Митчелл Мор-

ган, я нес его в себе до сих пор. И этот ублюдок не мог отделяться так легко.

Но спустившись вниз и приложив палец к его сонной артерии, я облегченно выдохнул.

– Живой, – сказал я оставшимся в дверном проеме ребятам.

Встав на ящик, брошенный посреди подвала, я вкрутил обратно лампочку, зажмурившись от вспыхнувшего яркого света. Девочки аккуратно спустились следом за мной, Ричи присел посреди лестницы на ступеньку.

– Это что... мертвые кошки? Где ты их взял? – тихо спросила Роза, оглядев подвал. В ее голосе сквозило плохо скрытое отвращение.

Я бросил взгляд на Ричи и рассмеялся.

– На свалке. Ходил, собирал в мешок, – со смехом протянул я, но еще больше рассмеялся, увидев, как вытянулись лица девочек. – Да шучу я, это игрушки.

Сдернув одну из кошек с балки, прибитой к ней строительным степлером, я показал игрушку девчонкам. Она обмякла в моей руке, как и все эти странные игрушки-подушки с маленькими шариками внутри. Лилия прищурилась, вытянув шею, а потом подошла, протянув руку к игрушке, но тут же ее отдернула.

– В чем она, блин?

Я снова бросил взгляд на друга, сидящего на лестнице.

– В желе. Яблочное, между прочим, – усмехнулся я, сунув

игрушку под нос блондинке.

Она принюхалась, удивленно хмыкнула, а потом неожиданно лизнула ее. Я сначала опешил, а потом засмеялся.

– Ты чокнутая, – сказал я.

Ричи на лестнице приподнял брови, мол, кто бы говорил вообще.

Сейчас, при свете лампы, эта игрушка, измазанная в желе, выглядела как игрушка, измазанная в желе. Но в темноте, тем более когда находишься в крайнем напряжении, можно разглядеть всякое. А когда в твоём организме свободно разгуливает ЛСД, подкрепленное алкоголем, можно даже не обладать большой фантазией – наркотик все сделает за тебя. И опять же, я знал это на собственном опыте. Именно на это я и ставил.

– Давайте приберемся, – подбросив кошку в руке, сказал я.

До меня только сейчас дошло, какой прекрасный шанс и поле для деятельности оставил нам Митчелл своим неудачным полетом с лестницы. И это привело меня в восторг, мной снова завладел азарт. Я снял всех кошек (к слову их там висело всего-то штук шесть), засунув их в щель за гипсокартоном, за которым мы так много времени провели с Ричи, протер первой попавшейся под руку тряпкой полы от стёкшего желе. Пока я убирался, рассказывал о той мысли, что пришла мне в голову. Друзья, оценив коварность этого хода, убежали наверх – убирать учиненный нами беспорядок.

Мы старались действовать быстро: никто не знал, сколько времени дал нам Морган. Я помог Ричи вернуть мебель в гостиную на места, тут же я и увидел ворона, и меня сложило пополам от смеха. Мы стащили это чучело со словами: «Пригодится еще». Я прикрутил обратно дверную ручку, повесил на место ключи, поменял лампочки. Девочки тем временем сменили постельное белье и протерли протекшую со свиной головы кровь. Мы умудрились обставить все так, словно ничего и не было.

И я собирался всё так и оставить, ведь не сомневался, что след спущенных Морганом фальшивых денег всё равно приведет к нему. Оставалось надеяться, что он не успеет к тому времени избавиться от наркоты в своем сейфе. Но я был уверен, что его приступы жалости к себе любимому продолжаться, а когда жалеешь себя, ни до чего другого руки просто не доходят.

Но, вопреки логике, у этих троих психов, включая мою спятившую окончательно галлюцинацию, были свои планы.

Они показали мне ванную комнату, измазанную с пола до потолка в крови из свиной башки и мяса из холодильника. Хохоча, вылили в раковину две бутылки дорогого красного вина. Естественно, пока они все это делали, – эти две лесбийские дуры, – они и сами заляпались в крови и вине еще больше, чем изначально.

– Вы совсем поехали?! – с остервенением шипел я, пока девушки смеялись, а друг с легкой усмешкой сдерживал ме-

ня, положив руки на плечи. – А если он что-нибудь сделает? Мало ли, что ему стукнет в голову! Может он решит, что вас надо тут же распилить на куски и закопать на заднем дворе?! Вы башкой совсем не думаете?

Но они всё смеялись, выпроваживая меня из дома.

– Поверь, Бродяга, эта игра стоит свеч, – говорила Лилия.

– Если он и решит нас пилить, то ему сначала как минимум нужно будет сбегать за чем-то острым, и мы успеем удрать, – пожимала плечами Роза.

– Мы сумеем дать сдачи, если что, ты не недооценивай нас. Всегда хотела поиграть в восстание мертвых и сняться в таком фильме ужасов, – смеялись они обе.

Я определенно был против, но в этот раз меня никто не спросил. Ричи, тихо посмеиваясь, вытолкнул меня из ванной, а после и из дома. Не знаю, как все это выглядело, но никому не было дела, в том числе и мне. На улице я накинулся на друга, всё говоря о том, что мы слишком рискуем, но он отмахивался от меня, как от назойливой мухи, и твердил, что мы рисковали уже придумав этот чертов план еще в тот день, когда приехали в Чикаго.

Я пытался объяснить, что одно дело рисковать своей жизнью, на которую мне, по большому счету, плевать, и другое дело рисковать жизнями друзей. Но Ричард легкомысленно отвечал, что это их полное право – сходить с ума, что они со своей профессией рискуют не меньше каждый день, и вообще думать об этом нужно было тогда, когда я втягивал по-

друг в это дело.

В результате мы затаились в кустах перед домом и стали ждать. Казалось, мы просидели там целую вечность, но стрелки часов в гостиной Моргана двигались еле-еле, словно их само время заставляло совершать какие-то движения. И наконец Митч медленно, осторожно, как кошка в мясной лавке, выполз из-за дверей подвала.

Я привстал, наблюдая за ним: на его лице четко обозначилось смятение и непонимание. Он прокрался вглубь дома, явно завернув в спальню, и через минуту снова появился в гостиной. На этот раз он выглядел увереннее. Подобрал с пола моего «пригодившегося» ворона, он скрылся вместе с ним.

Какое-то время всё было тихо. В моей голове вырисовывались красочные картины того, как Лилия поскользывается на крови и падает, раскалывая череп о бортик ванной. Как Роза, пытаясь пробежать мимо Митча, случайно запинается, и они вместе падают на пол, а он сворачивает ей шею еще в полете. Пару раз я пытался забежать в дом, и пару раз Ричи останавливал меня, умоляя дать девчонкам шанс.

И наконец я услышал этот рвущий душу крик. И если бы не мое беспокойство за Лилию и Розу, этот крик был бы сладчайшей музыкой для моих ушей. Я знал этот крик, этот крик снился мне в кошмарах миллионы раз. Этот крик значил, что жизнь твоя в этот самый миг оборвалась и больше никогда не станет прежней. Крик, который преследовал меня с тех

пор, как я очнулся под лапающими меня руками Моргана и до тех пор, пока я снова не вернулся в Чикаго.

Это был мой собственный крик. И я четко слышал в нем надрывный собачий вой.

А потом я увидел Митчелла с канистрой в руках, и внутри всё похолодело. Я не бросился внутрь не потому что Ричи снова смог удержать меня, а потому что я словно прирос к земле. Я стоял у самого окна, даже не думая больше скрываться, но меня никто не замечал. Я чувствовал запах бензина даже отсюда, видел, как Морган щедро поливает им мебель, как бегаёт из комнаты в комнату, орошая каплями всё пространство вокруг.

Когда он снова скрылся в подвале, из дома вылетели мои подруги, тщетно пытаюсь подавить смех. Словно их кто-то бы теперь услышал. Они схватили меня за руки и потащили за собой на соседнюю улицу. Но я все равно успел увидеть Моргана, в руках которого горел огонек зажигалки. И он падал, падал...

***

Мы сидели, надёжно укрытые деревьями и кустами, глядя на разгорающийся дом. Девчонки всё хихикали, рассказывая друг другу о том, что они там делали, будто они не были вместе, и словно это была какая-то старая шутка, но я даже не слушал. Морган бегал от окна к окну, непрерывно смеясь, говоря что-то про изгнание демонов, про очищение, про свободу.

Когда из соседних домов начали подтягиваться соседи, эти коршуны, падкие на любое зрелище, которое можно будет потом слухами разнести меж своими друзьями, девочки вернулись к дому, усевшись в обнимку на тротуаре и напустив на лица выражения отчаяния и пережитого страха. Я был уверен, что на их ресницах блеснут слезы.

Вдалеке слышался вой пожарной сирены, люди, с напускным равнодушием и сочувствием на лицах, прячущим животное любопытство, медленно подходили ближе. Кто-то охал, кто-то звонил копам, кто-то открыто и нагло снимал на телефон.

А я всё смотрел на огонь, не в силах отвести от него глаз. Я не мог даже моргнуть, застывшим взглядом сверля пляшущие языки пламени, уже лизавшие крышу, словно пробуя ее на вкус. Любопытно, что огонь, при всем его желании казаться гурманом, на самом деле абсолютно всеяден. Он может проглотить тебя целиком, только дай ему волю.

Морган уже не бегал, он уселся недалеко от входной двери, скрестив ноги, и, также, как и я, смотрел на эту бесконечную, безграничную силу, заключенную в стихии, рожденной одной лишь искрой.

Я знал этот огонь. Знал его также хорошо, как этот город со всеми его небоскребами, как излюбленную простоту юридических законов, как увлечение каждого из своих друзей. Как чувства умирающей Аманды и бесконечно преданный взгляд моего пса.

Этот огонь был и в моей жизни. Огонь, разделяющий жизнь пополам. Яркой чертой, красно-желто-оранжевым всполохом расчерчивая ее на «до» и «после». И теперь я был не один: неполноценный, разломанный надвое.

Мой взгляд скользнул на Моргана: он так и сидел у дверей своего бывшего дома, на пороге своей прошлой жизни и смотрел на нее сквозь пелену огня.

Этот огонь с каждой вспышкой хоронил под своим удушающим жаром моих внутренних демонов. И наконец, спустя долгое, даже слишком долгое, время, наполненное потерями, смертями и болью, мою душу окутывало умиротворение.

Глава 20

Когда вдалеке показалась полицейская машина, я, с трудом поднявшись, подошел ближе, смешиваясь с толпой. Пожарные подъехали минут пять назад и теперь бегали туда-сюда, протягивая пожарные рукава. Один из них оттащил Моргана подальше от дома, пытаясь выяснить, остался ли кто-нибудь внутри. Митч только тупо смотрел на него, не произнося ни слова.

Другие двое мужчин завернули в одеяло моих подруг, задав тот же вопрос. Девочки, покачав головами, с трудом сквозь слезы ответили, что кроме них там никого не было. Один из пожарных остался с ними, дожидаясь копов, другой убежал помогать коллегам.

Вскоре улица пестрела огнями полицейских машин и скорой. Почти сразу подъехали и репортеры. Морган, выйдя из оцепенения, рассказывал копам про демонические силы, заставшие его поджечь дом. Он нес околесицу про дьявола, про то, что он законченный католик, но небеса отвернулись от него. Полицейский качал головой и периодически кидал взгляды на своего коллегу, разговаривающего с Лилией и Розой.

Девочки дрожащими тихими голосами рассказывали, что они давно знают Митчелла, познакомились когда-то в баре и с тех пор иногда проводили вместе время. Сегодня вече-

ром Морган позвал их в гости, и сначала всё шло хорошо. Они поели, выпили по бокалу вина, а когда девочки собрались уходить, в Митча слово бес вселился. Он избил их, достал нож, сказал, что никуда они сегодня не пойдут. Они говорили, что видели, как мужчина доставал из своего сейфа какие-то таблетки и принимал их, даже пытался заставить подруг выпить эти колеса, но они отказались. Тогда он начал резать их кожу и говорить, что убьет их, если они не будут слушаться.

Всё это время он продолжал пить, поливая вином и девочек тоже. «Это продолжалось целую вечность», – говорили они, – «а потом он вдруг куда-то исчез, а через минуту уже везде разливал бензин».

Они сказали, что чудом выбрались из окна, когда дом начал полыхать, и остались недалеко, не в силах куда-то идти, потрясенные произошедшим. Еще они рассказали, как Морган орал кому-то, что убил его. Я просил их об этом.

Полицейский всё больше хмурился, записывая их показания, периодически отгоняя назойливых охотников за сенсациями, кружащих вокруг с камерами.

Вскоре девчонок увезли снимать побои, а Моргана – в участок. Пожарные заканчивали свою работу, люди понемногу рассасывались: всё-таки через пару часов многим предстояло идти на работу. Я был уверен, что на работу пойдут даже те, кто хотел прикинуться больным сегодня. Все они, толпящиеся вокруг, были первооткрывателями сенса-

ции, и по их лицам гуляло дикое желание рассказать об этом всем.

Я наблюдал, как оставшиеся копы оцепляют участок, когда-то бывший домом известного адвоката, когда Ричи потянул меня за руку прочь отсюда.

– Пойдем, Ал, – тихо произнес он. – Тебе нужно отдохнуть.

Я хотел ответить, но не смог произнести ни слова. С трудом оторвав взгляд от сгоревших обломков, я покорно пошел следом за другом. Мы вернулись в отель, и я сразу же скрылся в душе. Стоя под обжигающе-горячими струями, я думал, что сегодня не смогу уснуть. Но стоило коснуться головной подушки, как сон укрыл меня мягкой пеленой.

***

После того дня нам оставалось только ждать. Что мы и делали, наслаждаясь внезапно выглянувшим солнцем, которое словно говорило, что через месяц начинается лето.

Мы бродили по улицам Чикаго, как когда-то точно также исходили половину Торонто. Иногда я ловил на лице Ричи рассеянно-задумчивое выражение, но он тут же ставился прежним, стоило ему заметить, что я смотрю на него.

Лилия с Розой вскоре присоединились к нам. Они дали показания в участке, но копы сказали, чтобы они пока не уезжали из города. Девочки должны были еще выступить в суде.

От копов им удалось выяснить пару интересных момен-

тов, которыми они с радостью прибежали делиться со мной. Оказалось, там уже завертелось целое расследование по делу Митча. Вскрытый сейф пробудил неподдельный интерес, явив на обозрение следователей все наши подарки: и наркотики, и фальшивые деньги, и взломанные счета. Естественно, след денег быстро отследили, но это было еще не самое интересное.

В крови Моргана, помимо алкоголя и подсыпанных мной наркотиков, были обнаружены и другие вещества, что говорило о том, что Митчелл употреблял и без моего вмешательства. Оставалось загадкой, подсел ли он с моей легкой подачи несколько месяцев назад, или употреблял и до этого, но это было не особенно важно.

Через недели полторы девчонок снова дернули копы, и когда они вернулись, рассказали еще одну занимательную историю, раскрывшую мучавшую меня загадку случайно брошенных слов Моргана в тот день.

Пока они были у следователя, успели увидеть там заплаканную женщину. Возможно, девушки бы не обратили на нее внимания, если бы внимательная Лилия не услышала в разговоре знакомое имя. Они выцепили эту женщину на остановке, стоило им освободиться. Сначала она не хотела с ними разговаривать, прожигая подозрительным взглядом, но стоило девочкам немного рассказать, чего они натерпелись от Моргана, и женщина разрыдалась.

Лилия с Розой утащили ее в ближайший кафетерий, а ко-

гда женщина немного успокоилась, согревая руки о чашку кофе, рассказала им ужасную и довольно мерзкую историю.

Оказалось, что Патрисия, именно так звали женщину, шесть лет назад была одной из многих любовниц Митчелла Моргана, но конечно же думала, что она единственная. Он убеждал, что любит ее больше всего на свете, что их ждет впереди целая жизнь полная любви и нежности, и она, молодая тогда еще дурочка, верила каждому его слову.

– Он был так мил. Такой романтичный, обходительный, вежливый. Настоящий джентльмен, – говорила Патрисия, а в глазах ее сквозила старая потаенная боль.

Она была влюблена в него до потери пульса. Но оказалось, что ему просто нужны были ее деньги, доставшиеся ей в наследство от погибших родителей. И когда он их получил, открылся совсем с другой стороны, сбросив свою слащавую маску. Митч, ее прекрасный принц, оказался алчным демоном, жестоким по отношению к каждой живой душе. В нем не было ни сострадания, ни жалости, когда он бесцеремонно выбрасывал рыдающую девушку на улицу.

– Почему Вы в полицию не обратились? – удивленно спрашивала Роза.

– А кто бы мне поверил? Он уже тогда был уважаемым человеком, – вздыхала Патрисия. – Да и я всё еще любила этого мерзавца.

А вскоре оказалось, что она беременна. Вместо потери появился смысл, на смену горечи пришла надежда. И Патри-

сия лелеяла ее темными вечерами, укачивая своего нерожденного малыша. Она не стала говорить Моргану о своей беременности, не пошла к нему, боясь, что он потребует аборт. Спустя девять месяцев тяжелой беременности у нее родился чудесный мальчик, так сильно похожий на его отца.

Когда малышу исполнился месяц, девушка собрала вещи и отправилась к Моргану. Она была уверена, что как только он увидит эти крохотные ручки, глазки, которые с такой любовью смотрели на мир, Митч просто не сможет их прогнать. И они заживут вместе, как Морган и обещал ей, маленькой дружной семьей.

– Это была самая большая ошибка в моей жизни, – тихо шептала Патрисия, а на глаза ее наворачивались слезы.

Увидев ребенка, Морган пришел в ярость. Он кричал, что это не его сын, что она не сможет ничего доказать, орал, чтобы она убиралась прочь. Тогда Патрисия сказала, что кроме него у нее не было мужчин, пыталась успокоить его, предложив провести ДНК-тест. Она видела, что Морган боится, читала по его лицу также свободно, как если бы смотрела в книгу.

Но его страх был связан совсем не с опасением, что ребенок чужой.

Выйдя из себя, Митч забрал у нее малыша, а саму девушку выставил из дома. Она рыдала и колотила в дверь, она умоляла его отдать ей сына, но он не слушал. А потом и вовсе вызвал копов. Полицейские выслушали ее сбивчивые объяс-

нения о том, что Морган забрал у нее ее мальчика, послушали Митча, обвинявшего «эту сумасшедшую» во вторжении на частную собственность. Но, осмотрев его дом, никакого ребенка стражи порядка не нашли. Бедная Патрисия могла лишиться не только ребенка, но и свободы, однако Морган не стал писать заявление. Сказал только: «Уберите эту бешенную подальше от моего дома».

– Мне запретили появляться рядом с его домом, они сказали, что в следующий раз посадят меня, – давясь слезами, рассказывала Патрисия. – Но я ходила за ним попятам.

В конце концов Морган не выдержал, сказав, что утопил «это отродье» в ванной, и предупредил, чтобы она отстала от него, иначе будет всё очень плохо. Он говорил, что спрятал ребенка в подвале, когда подъехали копы, и он жалобно пищал там, словно маленький котенок. И когда у Моргана сдали нервы, он утопил его, как топят котят. Его сердце не дрогнуло, душа не отозвалась, если что-то из этого у него вообще когда-то было. Такой человек, как Митчелл Морган, не мог иметь внебрачного ребенка, который мог навредить его репутации.

Патрисия кинулась в полицию: она рассказала и о деньгах, украденных Митчем, и о ребенке, убитом им. Но никто ей не поверил, да и она никак не могла это доказать. Едва избежав ареста, она бежала из страны в Мексику и вернулась только сейчас, узнав о том, что Митчелла поймали.

– Мне все равно никто не верит даже сейчас, – с вьевшей-

ся за многие года печалью в голосе протянула женщина. – Да и времени прошло так много. Но я рада, что он понесет наказание. Хотя бы так...

Она снова разрыдалась. Девочки купили ей еще кофе, а потом проводили до отеля, в котором она остановилась. Они очень душевно попрощались, Патрисия пожелала им удачи, советуя не верить мужчинам с красивыми словами.

– Она не может больше иметь детей, – опустив уголки рта, протянула Роза, и я верил, что она грустит об этой незнакомке совершенно искренне.

Потрясение еще долго не отпускало меня после этой истории. Но поздно ночью, пока я курил, стоя на балконе отеля и глядя на сверкающие огни Чикаго, я думал о том, что Патрисия была не первой и не последней жертвой этого ублюдка.

Он совершенно точно заслужил всё то, что с ним случилось и, я был уверен, еще случится. Пусть это будет уже не моей заслугой.

***

После этого пошли долгие и длинные судебные разбирательства. Я больше не вмешивался, потому что этого уже не требовалось. Репортаж с места преступления у дома Моргана быстро облетел всю страну. К тому же Лилия с Розой перед тем, как вернуться в Торонто, внезапно проявили весьма своеобразное сострадание к Патрисиис.

Заручившись помощью Джея по телефону, они рассказали ужасную историю этой женщины, пустив ее на растерза-

ние соц. сетей. Интернет работал еще быстрее, чем новости, так что и об этом вскоре уже всюду судачили на улицах, тихо передавали друг другу в кафетериях, прячась за чашками, словно это была грязная тайна, о которой не говорят вслух. Я ловил обрывки истории Патрисии из каждого окна, каждого поворота на многолюдных улочках Чикаго. А потом увидел и саму эту женщину на одном из заседаний.

Она выглядела намного старше своих лет, горе и отчаяние оставило на ней свой неизгладимый отпечаток, который не сотрешь ни словами, ни временем. Она всё еще носила траур по своему покойному сыну, но в тот момент, когда она сидела на заседании суда, не так далеко от меня, на ее лице угадывалась твердость. Ее глаза горели, и я чувствовал, что она переживает свое маленькое тихое торжество справедливости. Патрисия появилась лишь однажды, и после этого я больше ее не видел.

Я не знал и не мог предположить, как сложится ее судьба. Сможет ли она найти в себе силы жить дальше, снимет ли когда-нибудь это черное траурное платье. Но одно было ясно – она смогла дожждаться своего часа отмщения.

Не имело значения по какой причине Лилия с Розой сделали всё это: действительно ли из сострадания, или по каким-то своим эгоистическим соображениям. Знали они или нет, но они сняли с плеч Патрисии тяжелую почти непосильную ношу, которую она тащила на себе из года в год. И я был рад, что теперь она сможет хотя бы наполовину, но всё же

свободно вздохнуть.

Глядя на остальных людей, приходящих на заседания, я всё гадал, сколько из них тоже пострадали от рук этого ублюдка. Думал об этом и пытался отбросить эти мысли, убеждая себя, что меня это не касается. Ричи, смеясь, называл меня мессией, говоря, что я спас множество угнетенных от зла Моргана. Но я отмахивался от него, в конце концов, Морган, пусть и ублюдок, но всего лишь человек. А я... я мстил за себя. Эгоистично и мелочно я вершил свою месть: око за око, жизнь за жизнь. В юриспруденции и морали есть категория, называемая талион, также известная как равное возмездие. И я вершил его не для того, чтобы спасти кого-то, не для того, чтобы очистить свое имя. Я сделал это для того, чтобы хотя бы частично вернуть себе свою жизнь.

Спустя так много времени я наконец снова мог дышать полной грудью, я наслаждался каждым порывом ветра, не сдерживал улыбку, когда мне улыбались прохожие. Я снова чувствовал вкус жизни, отдающий ароматом кофе с корицей.

Впервые за всю свою жизнь я, наконец, был счастлив.

***

В конце концов Моргана посадили. После всего произошедшего, после всех постов в социальных сетях, общественность была настроена категорически против него. Меня буквально разрывало от истерического смеха, когда судья зачитывал приговор. Но я стоически досидел до конца, чтобы одним из первых вылететь из зала вместе со стуком молотка

судьи, оповещающим об окончании заседания.

Я прекрасно знал, что на этом злоключения Моргана не закончатся: его ждали в тюрьме. Он успел поломать немало жизней, и эти искалеченные люди ждали его там, за решеткой. Конечно, тот факт, что Митчу оставили право на условно-досрочное освобождение немного меня раздосадовал, да и срок был не так уж и велик, на мой взгляд. Видимо, адвокатская палата все-таки смогла немного договориться. За бывшие заслуги. Но это уже было совершенно неважно. Это жирное пятно на его репутации уже никогда бы не позволило Моргану вернуться к нормальной жизни. А его самодовольство из него успеют выбить в тюрьме.

Пора было собираться домой. Меня грели эти мысли, я думал о том, что теперь у меня есть собственная квартира в Торонто, в этом прекрасном городе, в котором я так долго мечтал побывать. И пусть радость моя была слегка печальной из-за воспоминаний о бывшей хозяйке квартиры, но даже они не омрачали ее.

– Ал, мне надо с тобой поговорить, – вздохнул Ричи.

Я перевел на него слегка рассеянный взгляд. Мы гуляли с ним по почти безлюдным в это время улицам Чикаго, наслаждаясь первыми днями лета. Друг, до этого о чем-то самозабвенно рассказывающий, вдруг остановился, глядя на меня. Я улыбнулся. С тех пор, как назначили день последнего заседания, Ричи всё чаще терялся где-то в своих мыслях. Но

стоило мне спросить, как он отмахивался, говоря, что мне кажется. Я только пожимал плечами и оставлял его в покое. В конце концов, думал я, он всё равно мне всё расскажет.

И вот этот момент настал.

– Давно пора, – кивнул я.

В глазах Ричи мелькнула подозрительность, но быстро пропала, стоило мне лениво потянуться. Не знаю, что беспокоило его, но после всего, что мы пережили, я не думал, что может быть еще что-то серьезнее.

Конечно меня иногда беспокоило, что друг всё-таки исчезнет. Ведь мое сознание было подорвано Морганом, и я серьезно опасался во время всей своей мести, что, когда финальная точка в этом деле будет поставлена, Ричи пропадет.

Но он всё время был рядом, появляясь из ниоткуда, когда был мне нужен. И я убедил себя, что сумасшествие не лечится мстью. Нужен был мне мой глюк или нет, но он бы никуда от меня не делся без вмешательства каких-нибудь препаратов. И меня, впрочем, это полностью устраивало.

– Так рассказывай. А то ты сам не свой в последнее время. Уж не завалилась ли в моем подсознании проблема, о которой я забыл? – слегка насмешливо протянул я.

Но Ричи моей шутки не оценил. Нахмурившись, он качнул головой и, сунув руки в карманы, медленно пошел выше по улице.

– Не здесь. Давай вернемся в номер, – бросил он.

Я пару секунд просто смотрел ему вслед, а потом, рассме-

явшись, догнал, обняв друга за шею.

– Ладно, ладно. Давай вернемся. Только не хмурься, тебе совсем не идет, – весело сказал я. – Только сначала зайдем за кофе.

Полюбившийся мне кафетерий был как раз по дороге. Ричи уже хотел что-то сказать, возможно даже возразить, но я со смехом рванул вперед, ловя грудью потоки ветра. Мне было легко и весело, ветер шаловливо трепал волосы, солнце неуклюже просовывало лучи сквозь кроны деревьев и щели домов. Разве могло быть что-то важнее этой свободы?

– Алекс, подожди! – крикнул Ричи и кинулся следом.

Я обернулся, всё еще смеясь.

– Догоняй! – бросил я, скрываясь за углом дома.

***

Я сидел за излюбленным столиком, прикрыв глаза и подставив лицо солнцу. Кафетерий встретил нас привычными ароматами кофе и выпечки и отсутствием народа. Только пара мужчин в деловых костюмах за дальним столиком, заскочивших на перекус, да молодая девушка, расположившаяся в тени с ноутбуком. Наверное, студентка, по крайней мере, мне так показалось. Наступала пора дипломов у выпускников, и то здесь, то там можно было увидеть сгорбленные над ноутбуками или заваленные бумагами фигурки, кропотливо работающие над текстами доклада и составлении презентаций.

Я думал о том, что мой диплом к этому времени был уже

написан, ведь когда-то давно только он спасал меня от деспотичных родителей и запланированных ими важных встреч. И мне действительно нравилось заниматься этой дипломной работой. Хотя возможно мне только так казалось. Тряхнув головой, я отбросил эти мысли. То была совсем другая жизнь.

Наконец вернулся Ричи, поставив передо мной огромный капучино. На моем лице расплылась блаженная улыбка, и я, взяв горячий стаканчик в обе руки, с удовольствием сделал глоток.

– Надо отучать тебя от кофе, – ворчливо произнес друг. – А то подсел он, понимаешь, нельзя так много кофеина хлестать.

Я засмеялся. Как будто бы этот разговор был впервые.

– Да брось, лучше же, чтобы я сидел на кофе, чем на наркотиках, правда?

Взгляд Ричи, брошенный на меня, был настолько красноречивым, что я только больше рассмеялся. Я не видел в моем новом пристрастии ничего страшного. Да и как можно было отказаться от этого прекрасного ароматного напитка.

– Лучше бы ты сидел на жопе ровно, – вздохнул Ричи, улыбнувшись.

Он ненадолго замолчал, пока я наслаждался кофе и рассматривал редких прохожих.

– И что теперь? – неожиданно спросил он. – Что будем делать дальше?

Его голос был тихим, слегка задумчивым. Я отставил стакан, глядя на покачивающиеся кроны деревьев. Я чувствовал, что это не просто посредственный вопрос о планах на день, мы и так оба знали, что сейчас вернемся в отель, чтобы собрать вещи и поговорить.

Ричи спрашивал о том, о чем мы никогда не говорили за эти месяцы, не зная, что с нами будет. Он спрашивал о будущем, и я задумался.

– Ну... Вернемся в Торонто. Я найду работу или постараюсь вернуться на прежнюю. Надо только придумать, как объяснить им мое долгое отсутствие. А потом...

Я замолчал. Мой взгляд скользнул на стол, но я успел заметить, как внимательно смотрит на меня друг. Я растерялся. В конце концов, в моей жизни всегда была определенная цель. Сначала это было образование, после стремление выжить, а потом и вовсе сбежать от жизни. В конечном счете всё свелось к Моргану, на нем и закончилось.

Действительно. Что теперь?

Я слегка нахмурился, а Ричи наоборот улыбнулся.

– Эй, – тихо протянул он, сжав мое плечо. – Давай начнем с того, что ты уже сказал. А дальше что-нибудь придумаем.

Его слова звучали ободряюще, и я снова улыбнулся. К тому же, раз он так говорил, то и пропадать не собирался. Отбросив все сомнения, я кивнул.

– Да. Да, ты прав. Пора бы уже просто пожить.

Ричи кивнул в ответ, и я с улыбкой сделал глоток. На дру-

гой стороне улицы бежали дети, весело хохоча и размахивая палками. Они так же, как и я, наслаждались началом лета и долгожданными каникулами. Крича друг другу что-то, имитируя разговоры по рации, они скрылись за кустами, вытащив оттуда рыжего кота.

– Миссия выполнена, преступление рыбного вора раскрыто, приём, – донеслось до меня.

Я засмеялся, и дети, оглянувшись на меня, убежали, всё ещё заливаясь хохотом. Кот меланхолично размахивал хвостом, болтаясь на плече мальчишки. Ричи качнул головой и отвернулся, пряча улыбку.

Мы просидели в кафе не меньше получаса, когда я всё-таки допил безнадежно остывший кофе, что не делало, впрочем, его вкус хуже.

Не спеша двинув в сторону отеля, мы все болтали о какой-то ерунде. Я ловил на лице друга странное нетерпеливое выражение и тихонько посмеивался, теряясь в догадках.

До отеля оставалось полмили, когда меня вдруг окликнул знакомый голос.

– Але... Оливер!!! Оливер, подожди!

Я обернулся, вздохнув, глядя, как Эмили машет мне, перебегая дорогу. Перед ней резко затормозила машина, взвизгнув шинами. Водитель рассыпался в ругательствах, высунув из окна голову. Девушка, извинившись, быстро подбежала ко мне, стараясь отдышаться.

Я лишь покачал головой, глядя вслед уехавшему автомобилю, и посмотрел на Эмили.

– Ты с ума сошла? Так и убиться можно, – протянул я.

Девушка ослепительно улыбнулась, пожав плечами.

– Я пыталась тебя догнать, – просто сказала она. – Хотела поздравить с завершением дела и может быть пригласить вечером на чашку кофе.

Я закатил глаза. Не знал бы я ее, то возможно бы в мою душу закралась идиотская мысль о том, не собирается ли Эмили меня соблазнить. Однако, я знал ее слишком хорошо, чтобы понять, что она всё еще надеется узнать окончание моей истории.

Только вот я не собирался ей больше ничего рассказывать.

– Прости, Эм. Я уезжаю вечером.

– Куда? – через небольшую паузу спросила она, на ее лице появилось недоумение.

Я невольно улыбнулся.

– Домой, – ответил я. Это одно слово отозвалось теплотой где-то глубоко внутри.

Девушка молча слегка склонила голову на бок, но, когда я уже почти отвернулся, снова улыбнулась.

– Ну может быть тогда немного прогуляемся? Сегодня на удивление замечательная погода. И может быть ты меня уже познакомишь со своим другом? – ее голос снова стал заискивающим.

Я закатил глаза.

– Нет. Прости, но мне правда некогда, – немного грубо ответил я.

И тут до меня внезапно дошло.

Опешив, я резко повернулся к бывшей коллеге, вытаращив на нее глаза.

– Погоди... Что ты сказала?

Мой голос прозвучал внезапно глухо. Эмили с непониманием посмотрела на меня, а потом перевела взгляд на Ричи. Я тоже посмотрел на него, с трудом повернув голову. Друг по-прежнему стоял рядом, слегка нахмурившись, глядя на девушку. Его руки были спрятаны глубоко в карманы, а на лице гуляла непонятная мне обреченность.

– Оливер... Так... ты нас представишь? – снова подала голос Эмили. Она явно не понимала, что происходит.

К сожалению, она была не единственной.

Ее голос словно вывел меня из оцепенения: вздрогнув, я отступил на шаг, уперевшись в девушку взглядом.

– Ты что... видишь его? – тихо спросил я.

Эмили нахмурилась.

– Это что, шутка какая-то? Тогда я ее не понимаю, Оливер.

Ричи рядом со мной вздохнул, тихо выругавшись про себя.

– Я Ричард, друг Оливера, – нехотя представился он.

Лицо Эмили разгладилось, она снова улыбнулась, протянув Ричи руку.

– Эмили. Мы работали вместе с Оливером когда-то, – выпалила она.

Друг буркнул что-то вроде: «Знаю» и, едва коснувшись ее ладони, спрятал руку обратно в карман.

Я ошарашенно переводил взгляд с одного на другую, не в силах выдавить ни слова и медленно отступая от этих двоих. Эмили посмотрела на меня, в ее глазах зажглось беспокойство. Ричи, вздохнув, обернулся, и тут я не выдержал. И сделал единственное, что мог сделать в этот момент. Отвернувшись, я бросился прочь.

Я слышал, как они кричали мне вслед, видел краем глаза, как Ричи побежал следом. Но я не остановился.

В моей голове взрывались фейерверки, я абсолютно ничего не понимал и не хотел понимать. Кто-то там наверху снова подготовил для моей жизни веселую шутку, но я больше не хотел участвовать в этом шоу.

Я просто бежал, не разбирая дороги, врезаясь в случайных прохожих. Легкие горели, заставляя слезы наворачиваться на глаза, и ветер ожесточенно хлестал по щекам, не давая им пролиться.

Глава 21

Бежал я долго, подгоняемый ветром и страхом, что у меня снова пытаются отобрать какую-то важную часть жизни. Я кожей чувствовал, что Ричи не отстаёт от меня ни на шаг, но не мог остановиться.

Пропетляв по улицам, пугая прохожих, я вылетел на Лейкфронт Трейл⁹ и, оказавшись у самой кромки воды, встал как вкопанный. Вода весело серебрилась, ловя лучи солнца в свой водный плен, фонарные столбы пускали солнечных зайчиков, дразня бутоны любопытных цветов.

Я стоял, глядя на спокойное озеро, плавно покачивающее поверхность воды, и старался отдышаться. Я слышал, как остановился Ричи, застыв буквально шагах в пяти от меня, но не мог повернуться. Я просто боялся снова на него взглянуть.

– Алекс... – пару минут спустя тихо окликнул меня друг.

Я замотал головой, вцепившись в волосы пальцами.

– Ничего не понимаю... Что всё это значит? Что вообще происходит?! Какого черта?! – мой голос взвился до крика и резко сорвался.

– Я... я хотел тебе сказать... – протянул Ричи и осекся,

---

⁹ Лейкфронт Трейл – частичная трасса совместного пользования длиной 18,5 миль для прогулок, бега, катания на скейтборде и велосипедных прогулок, расположенная вдоль западного берега озера Мичиган в Чикаго, штат Иллинойс.

замолчал.

Что он хотел сказать? Из хаоса, образовавшемся в моей голове, услужливо вылезла мысль, что друг хотел мне о чем-то рассказать, он ведь так торопился вернуться в отель. Но я все равно ни черта не понимал.

– Ну и? Говори сейчас! Что? Я окончательно съехал с катушек? Всё вокруг ненастоящее? Я что, сдох от передоза всё-таки год назад, и это мой персональный ад? Или я всё еще под наркотой, только не понимаю этого?! Что, черт возьми, ты хочешь мне сказать?!

Голос снова сорвался на высокой ноте, глаза предательски щипало, и я изо всех сил старался позорно не разреветься. У моей жизни было паршивое чувство юмора, это я понял уже давно, но не ждал очередной шутки сейчас. Всё только наладилось, мой мир едва снова обрел краски, но за моей спиной уже снова замахнулась нога, чтобы столкнуть в новую бездну. Это было обиднее всего.

– Я ведь почти поверил, что могу просто пожить спокойно, – вслух додумал я свою мысль. Мой голос был надломлен.

Покачав головой, я опустил ее, чувствуя, что земля начинает опасно расплываться перед глазами. Ричи порывисто шагнул ко мне и снова замер, крепко сцепив перед собой руки.

– Что ты несешь? – с ноткой тревоги спросил он. – Успокойся, Ал, ты не спятил, и мир всё еще на месте. Это... это всё моя вина.

Он слегка нахмурился, и я, взглянув на него через плечо, отвернулся, ожесточенно потерев лицо руками. Я слышал, как друг тяжело вздохнул.

– Выслушай меня. Пожалуйста. Я всё объясню, – взмолился Ричи.

Я скорее почувствовал, чем увидел, что он сделал еще шаг ко мне. Побоявшись открыть рот, я просто махнул ему рукой. Я не хотел знать, что он скажет. Я хотел вернуться в начало этого прекрасного дня, но разве у меня был какой-то выбор?

Ричи снова вздохнул.

– Я... Я никогда не был твоей галлюцинацией. А ты никогда не был сумасшедшим, – выпалил Ричард.

Я кожей чувствовал его взгляд, но не сказал ни слова.

– То есть, ты конечно поехавший, тот еще придурок, но... Ал, я это действительно я. Не плод твоего воображения. Я хотел сказать тебе, когда Моргану вынесут приговор, но... немного не успел и...

– Бред, – перебил я. Мой голос звучал глухо, а в голове отчаянно вертелся калейдоскоп мыслей. Они никак не хотели укладываться хоть во что-нибудь разумное. Я всё еще ничего не понимал. – Тебя же никто не видел. Сколько ребята были рядом с нами, сколько людей крутилось вокруг.

Ричи хотел ответить, но я резко развернулся к нему, и он закрыл рот. Во мне начинала закипать злость.

– Я с самого начала думал, что это дурацкая шутка. Я ис-

кал тебя по всему Торонто, но нигде, слышишь, нигде не упоминалось твое имя. Даже когда я описывал тебя, люди говорили, что такого не знают! Я так долго свыкался с тем, что я чокнулся, а теперь ты мне говоришь, что это не так? Я же видел!

Я не стал уточнять, что именно я видел, это было бы лишнее. Я видел, что моего друга никто не замечает. Я видел, как он неожиданно появлялся, когда был мне нужен, и исчезал, если кто-то находился рядом. Я постоянно незримо чувствовал его присутствие и знал, что он возникнет передо мной, стоит мне только позвать.

Ричи вздохнул.

– Ты видел только то, что хотел видеть, Ал. Ты так быстро поверил в то, что свихнулся, что я даже опешил.

– А что, по-твоему, черт возьми, я еще должен был сделать?! – заорал я. Мои нервы были на пределе возможности принятия таких потрясений. – Как ты можешь вообще всё это объяснить? Ты же не невидимка! И если ты не глюк, то я точно поехавший, раз не замечал этого!

– Да ты сам настолько сильно хотел верить в это, что мне даже не пришлось делать ничего особенного! – Ричи вдруг тоже перешел на крик.

От неожиданности я резко заткнулся, отупело уставившись на него. В его словах определенно был смысл, но я совсем не хотел его понимать и тем более принимать. Друг снова вздохнул и опустился на траву, отведя взгляд и растрепав

волосы обеими руками.

– Ты хоть представляешь, насколько людям вокруг плевать на твое существование и на тебя самого? – тихо спросил он. Его голос внезапно прозвучал очень устало.

Я медленно опустил глаза, уставившись на землю под ногами. О да, я прекрасно это представлял. Я представлял, насколько может быть плевать на тебя твоим самым близким людям, так что тут говорить об окружающих.

– Ты спрашивал обо мне в кафе, магазинах и других общественных местах, в которых мы бывали, но ни разу не задался вопросом, а запоминали ли они нас вообще, – все так же тихо говорил Ричи. – Это было просто проверить, знаешь ли. Продавцы помнили мое лицо и даже то, что я обычно заказываю. Но ни моего имени, ни моего друга они вспомнить не могли. Или скорее не хотели. Ведь они работают, а не участвуют в интервью, а у меня не было полицейского значка, чтобы они ответили хоть на один вопрос. Да и у тебя, впрочем, тоже.

Я рассеянно кивнул, вспоминая, как я всеми силами пытался доказать самому себе, что не спятил. Или я все же доказывал себе обратное?

– Спрашивать о чем-то в библиотеке было изначально паршивой идеей. Ты вообще видел эту мигеру? Да она бы на электрическом стуле говорить ничего не стала, просто из принципа, – друг слабо улыбнулся, и мои губы тоже дрогнули.

– Но... я ведь пересмотрел все читательские билеты в ее базе данных, – вспомнил я, слегка нахмурившись.

Ричи невесело усмехнулся.

– Алекс. Ты жил в Торонто с другим именем и поддельным паспортом. Неужели в твою голову ни разу не пришла мысль, что я тоже мог использовать другое имя?

Я вскинул на него удивленный взгляд. Как бы глупо это ни было, но я действительно не задумывался об этом, пока друг не сказал. Весьма опрометчиво с моей стороны, учитывая, что я не доверял никому вокруг. Меня настолько поразил этот, казалось бы, очевидный вопрос, что я тоже опустил-ся на землю. Теперь мы сидели друг напротив друга, беспорядочно дергая молодую траву на маленьком участке земли между нами.

– Значит, на работе ты тоже значился под другим именем? – спросил я, снова отведя взгляд.

Ричи качнул головой.

– Нет. Я никогда там не работал. Прошел собеседование, но они долго не звонили, поэтому я нашел другую работу.

– А зачем соврал? – без особого интереса спросил я. Друг пожал плечами.

– Без понятия, если честно.

Я снова кивнул и на какое-то время замолчал. Пазл в моей голове медленно начинал складываться, выбрасывая детальки из полного переполоха, творившегося там. Но еще оставалась самая главная центральная часть. Ведь мое помеша-

тельство началось не с библиотеки или работы Ричи.

– Но как ты объяснишь ребят? Они ведь не видели тебя с самой первой встречи. Да и сколько раз потом, уже здесь, в Чикаго. Мы постоянно были вместе, пока планировали всё это дело с Морганом, – я неопределенно махнул рукой.

Конечно, в моей голове уже было предположение. Я был чокнутым, а не идиотом, хотя теперь я уже не знал, во что верить. Во всяком случае я хотел услышать это от самого Ричи. Но друг молчал, немного нервными движениями разрывая траву на кусочки. Я посмотрел на его руки, а потом поднял глаза, вглядываясь в его лицо.

– Ну. Скажи это, – минут через пять тихо попросил я. Я чувствовал себя невероятно уставшим и вымотанным.

Ричи вздохнул.

– Я подговорил их. Встретился до того, как ты потащил меня в эту компанию, и попросил об услуге. Тогда они согласились. Но когда один за другим они начали приезжать сюда, это оказалось сложнее, – он снова вздохнул, а я, не удержавшись, выругался сквозь зубы.

Подлое чувство предательства против воли развернулось в груди, обжигая душу гадкими лапками.

– С Джем было проще всего, – продолжал Ричи. – Он настолько наивен, что мне даже не пришлось ничего толком объяснять. С Томом и Лолой было сложнее, пришлось просветить их в некоторые детали, чтобы они меня поддержали. Я не сказал ничего такого, чего потом не рассказал ты! – вос-

кликнул он, подняв руки, когда поймал мой мрачный взгляд.

Я промолчал, внимательно глядя на него, но всё же кивнул, чтобы друг продолжил.

– С Юпитером, к счастью, мне не пришлось слишком тесно пересекаться. А вот с твоими подругами проститутками пришлось намного сложнее, – он растрепал волосы, а я внезапно вспомнил, как сильно Ричи не желал их участия в этом деле.

Он так долго меня отговаривал, а потом еще не раз ворчал и повторял, что это было откровенно плохой идеей – звать их.

– Они не хотели тебе подыгрывать? – задал я очевидный вопрос, и Ричи качнул головой.

– Эти две бабы абсолютно себе на уме. Я успел даже пару раз поругаться с ними, они совершенно невменяемы, ни один аргумент они даже толком и не выслушали. Я был уверен, что с их приездом всё рухнет. Но нет. Я до последнего ждал, что они станут меня хотя бы шантажировать. Но они просто уехали, выполнив твою просьбу, и также просто вернулись во второй раз.

На лице Ричарда появилось задумчивое выражение. Видимо, он до сих пор задавался вопросом, что руководило двумя лесбиянками. Я лишь криво усмехнулся. Эти девушки были чокнутые на всю голову, в которой творилось нечто, что было неподвластно к анализу самому черту. Однако...

Меркантильными и циничными они возможно и были. Но

совсем не были злыми или лишенными сочувствия и эмпатии. В этом я был уверен с самого начала, и тем более сейчас, после всего.

– Невероятно, – протянул я. – Мы ведь вчетвером торчали в одном помещении ни раз, но они даже жестом тебя не выдали.

Ричи усмехнулся.

– Ты ведь сам говорил, что они отличные актрисы. Да и я им совсем не нравился, а разве не в природе девушек врожденное умение начисто игнорировать таких типов?

Я неожиданно рассмеялся, уловив в голосе друга сексистские нотки. От смеха стало немного легче. Но у меня все еще остались вопросы.

– Как ты попадал в квартиру Аманды?

– Забрал ключи у Лолы, – нехотя ответил Ричи.

Я не дал ему передышки, засыпая другими вопросами, которые всё еще не укладывались в моей голове и требовали ответа.

– Как ты оказался в хосписе, когда я приехал к Аманде?

– Я с тобой и прилетел. Если ты забыл, билет покупал тебе я. Было не сложно взять два, вместо одного, в разных концах самолета. А вход в сам хоспис открыт всегда. Я же не мог бросить тебя в такой ситуации.

Я, помедлив, кивнул и продолжил.

– Как ты умудрился ни разу не спалиться Моргану?

– Я просто был осторожнее, чем ты, – просто ответил друг,

пожав плечами. Я фыркнул.

– Как ты находился со мной на людях? – снова спросил я.

– Я же говорил. Людям плевать на тебя и на то, что ты делаешь.

– Но ты исчезал всегда, если появлялся кто-то из знакомых. Ты же не мог знать в лицо каждого, кто меня знает.

– В моем положении приходилось быть крайне осмотрительным. А если я и не доглядывал, когда кто-то подходил к тебе, достаточно было просто уйти. Людей мало интересовал парень, находившийся рядом, да и мало ли, кем я мог быть. Может, сигарету подходил стрельнуть. Твоих знакомых я интересовал в последнюю очередь.

Одного человека все же заинтересовал. Я слегка нахмурился.

– Как ты узнал про Эмили?

– Смеешься? Ты же сам про нее рассказывал еще в Торонто. Было просто понять, что это она, когда посреди кафетерия появилась мадам в деловом костюме, называющая тебя настоящим именем.

– Но тебя не было рядом, когда она налетела на меня с расспросами в кафе.

– Мне просто повезло, что я в этот момент был у кассы. А ты уже и без того привык не искать меня взглядом, когда появлялся кто-то знакомый. Ты же не хотел вызывать подозрение у окружающих, – повторил Ричи мои же слова, и я кивнул.

– Но сегодня ты не исчез как обычно, – я наклонил голову на бок, все также внимательно глядя на друга.

Ричи закатил глаза.

– Я этого совсем не ожидал. Меня больше волновало, как тебе рассказать, что всё это время я вводил тебя в заблуждение и гадал, какая у тебя будет реакция.

«Как красиво ты завуалировал слово „ложь“», – мелькнула мысль в моей голове, но я ее отогнал.

– Но ты остался рядом, – настойчиво повторил я, и Ричи, не сдержавшись, цокнул языком.

– А куда я по-твоему должен был деться? – слегка раздраженно спросил он. – Мы были одни на почти безлюдной улице, где даже зарослей деревьев не было. Согласись, если бы я внезапно куда-то побежал, было бы подозрительно, – вздохнув, он потер шею. – Едва она появилась, я понял, что меня раскрыли. Убежать я не мог, взять тебя за руку и утащить в отель от нее тоже. Так глупо...

Он удрученно покачал головой. Мне пришлось признать, что он прав. В такой ситуации ему оставалось только малодушно надеяться, что Эмили его проигнорирует. Действительно, глупо.

Я вздохнул и, запрокинув голову, уставился в небо. В голове мелькали воспоминания, места, где мы с Ричи были вместе. Если подумать, то в тот день, когда мы отмечали мой День Рождения, друг особо не скрывался. Но я не обращал внимания. Он был прав, я настолько привык считать его

галлюцинацией, что даже не замечал взгляды, направленные прямо на него, а не сквозь.

Если подумать, я ведь тоже был человеком, которому было плевать на окружающих.

Возможно, Ричи был прав не только в этом. Возможно, мне действительно настолько сильно хотелось верить в собственное сумасшествие, что я с категоричной настойчивостью игнорировал все признаки существования друга.

Это было досадно.

Наклонив голову на бок, я снова посмотрел на Ричарда. Уголки его губ были опущены, отчего выражение лица отдавало горечью. Понуро опустив плечи, он молчал, глядя куда-то сквозь землю.

– Прекрасный спектакль, – спустя долгие минуты молчания, тихо протянул я.

Ричи вздохнул.

– Злишься? – без выражения спросил он.

Я мрачно усмехнулся. Странно, но нет. Я не злился. Я вообще ничего не чувствовал, кроме досады. Мне казалось, меня опустошили, выжали изнутри.

– Нет, – протянул я. – Я хочу быть героем какого-нибудь другого фильма.

Ричи кивнул, он меня понимал. Он меня всегда понимал, но раньше я хотя бы знал почему.

– Почему ты это сделал? – наконец спросил я.

Этот вопрос должен был быть первым, после того, как всё

вскрылось, но я всё тянул. Мне нужно было знать, что руководило этим парнем, кем бы он ни был, но с другой стороны, я боялся услышать ответ.

– Потому что если бы ты не отомстил Моргану, то не смог бы жить дальше. Я достаточно долго наблюдал за всеми твоими бедтрипами и кошмарами, чтобы это понять, – друг снова вздохнул и поднял глаза, поймав мой взгляд. – Но ты бы никогда не решился, если бы не считал себя сумасшедшим. Никогда бы не сделал того, что сделал. И я решился на эту игру, зная, что возможно ты никогда меня не простишь.

Его голос звучал твердо, да и он сам выглядел уверенным в своих словах. Он словно говорил мне: «Оно того стоило». С одной стороны, я не мог с ним не согласиться. Если бы не кое-что еще.

– Я спросил не об этом, – я качнул головой, не разрывая зрительный контакт. – Я спросил, почему ты это сделал. Какое тебе вообще дело до меня? Зачем тебе понадобилось меня спасать? И кто ты вообще такой?

Вопрос повис между нами тяжелой стеной. Ближе Ричи у меня никого не было последний год, а может быть и никогда. Он всегда был рядом, поддерживал, что бы ни случилось, был на моей стороне, что бы я ни задумал. Он понимал меня, как никто. И, пока он был моей галлюцинацией, этого было достаточно. А теперь... Если подумать, я совершенно ничего о нем не знал.

Ричи долго смотрел на меня, а потом отвернулся. Его

взгляд застыл на озере за моим плечом.

– А ты и правда не помнишь, – протянул он с грустью.

На его лице проявилась печальная задумчивость. Я нахмурился.

– Чего не помню? – в мой голос против воли скользнуло напряжение.

Ричи, словно очнувшись, перевел на меня взгляд и улыбнулся уголками губ.

– Мы дружили еще в детстве, – пожал плечами друг.

Я уронил челюсть. Нет, этот парень точно сведет меня с ума, пусть и говорит, что мое сумасшествие придумано. Я окончательно запутался и тряхнул головой.

– Что? Что ты несешь? В каком детстве?

Друг улыбнулся.

– Дай мне рассказать до конца, – попросил он и продолжил. – Мы жили с матерью недалеко от вас. Отца у меня не было, он ушел, когда мать забеременела. Наши матери общались, по-соседски, конечно, но общались. Видимо, твои родители считали, что нужно поддерживать хорошие отношения с соседями. По крайней мере, так мне рассказывала мама.

Он вздохнул, поведя плечом. Я молчал, ожидая продолжения.

– Твои родители были всё время заняты. Даже когда ты родился, твоя мать переживала, что потеряет много, если будет сидеть дома. Поэтому мама предложила, чтобы она

оставляла тебя у нас. И твоя мать согласилась, – он снова улыбнулся, его взгляд снова заскользил по водной глади, но он вряд ли видел ее. Он вспоминал. – Мы так и росли вместе. Твои родители забирали тебя вечером и приводили утром. Иногда ты оставался ночевать. Почти все время мы проводили вместе, называли друг друга братьями. Потом пошли в одну школу, хоть и в разные классы.

На этом месте улыбка друга дрогнула, на лбу обозначилась морщинка.

– А когда мы должны были переходить в среднюю школу, твои родители решили, что нам нужно меньше общаться. Они считали, что я буду отвлекать тебя от получения образования и прочего, чего они там уже напридумывали. Моя мама пыталась убедить их, что мы еще дети, да и не мешает дружба учебе. Но твоих предков мало в чем можно было убедить. Поэтому наши родители разругались, а нам запретили общаться друг с другом.

Он вздохнул и перевел взгляд на небо, ненадолго замолчав. Я нахмурился, пытаюсь это вспомнить. Я не помнил своего детства, где-то на задворках памяти лишь мелькал образ какой-то женщины и мальчика, но слишком смутно. Меня всегда учили думать только о будущем. И я думал, стараясь учиться отлично, сосредотачивая свое внимание только на этом, чтобы родители могли мной гордиться. «Чтобы не опозорить свое имя», – эхом пронесся в голове голос отца.

– Когда мы встречались в школе, я пытался подговорить

тебя хоть иногда сбежать из дома, но ты отказывался и уходил. Со временем ты вообще перестал общаться со мной, уходил сразу после уроков, приходил пораньше и сидел в классе в окружении книг. Я злился, но что я мог поделать, — он вздохнул. — Мама говорила, что твои родители совсем промыли тебе мозг, постоянно повторяла что-то про зомбирование и о том, что они лишили тебя детства. А я просто наблюдал. И когда ты поступил в колледж, я пошел за тобой и туда.

Его взгляд скользнул по моему лицу, и я нахмурился еще больше. Неужели этот парень учился со мной? Я пытался вспомнить его, но не получалось. Я пытался вспомнить хоть кого-то со своего потока, но не помнил ни одного лица. Я же говорил, я ни с кем не общался, мне было не до этого. Мне нужно было получить образование и отметить это галочкой в материнском блокноте.

— В какой группе ты был? — задумчиво спросил я, вспоминая, сколько вообще нас там было.

Ричи печально улыбнулся.

— В твоей, Ал, — с грустью в голосе сказал он. В его взгляде, направленном на меня, я читал какое-то непонятное мне смирение.

Я снова задумался. Не мог же я забыть собственного одноклассника. Но, если подумать, я никого из них не помнил. Я даже не присутствовал на групповом фото, а фотографии с выпуска и не забирал. Мне было не до того.

– После церемонии выпуска я звал тебя отмечать с нами, но ты сбежал от меня, – сказал Ричи, вытягивая меня из тщетных попыток вспомнить хоть одного студента из группы.

И тут яркой вспышкой передо мной возник образ из того далекого дня.

«Эй, Алекс! Пойдем с нами? Мы хотим отметить с ребятами. Всё-таки, мы долго к этому шли»

Парень улыбался, на его лице светилось счастье, он был рад и хотел делиться этим с другими. А я даже не смог вспомнить его имени. И мне в тот момент стало так паршиво, так завидно, ведь я не чувствовал абсолютно ничего. И, скомканно извинившись, я убежал, чтобы через пару минут налететь на Митчелла Моргана и закрутить ту цепь событий, из-за которой оказался здесь.

– Вот дерьмо... – тихо выругался я, вызвав у Ричи улыбку.

– Я видел, как ты уходил с Морганом. Мы знали, вся наша группа, что твои родители хотят устроить тебя работать в его фирму. Но про него ходили такие откровенно мерзкие слухи, что я не удержался и пошел за вами. Странно, что ты сам не слышал этих слухов. Но ты веселился вместе с ним, и я, понаблюдав в окошко того бара, поймал себя на мысли, что веду себя как маньяк какой-то. Поэтому я ушел к нашим ребятам. А когда вернулся домой на следующее утро, мама рассказала, что видела, в каком виде ты вернулся домой.

Невольно я тоже вспомнил то утро. Как бежал из отеля

сломя голову, как рассказывал родителям о том, что произошло. По спине скользнул холодок, где-то глубоко внутри царапнуло уже позабытое в том дне чувство беспросветного отчаяния. Я ведь едва не покончил с собой в тот день.

Из воспоминаний меня снова выдернул голос Ричи.

– Пару раз я приходил к тебе, но твои родители меня выгоняли. Я знал, что тебя взяли в фирму Моргана, видел, как по утрам ты бежишь на работу. Сам я не работал, мама сильно болела, и я сидел с ней, думая, что еще успею. Но, наблюдая за тобой, я не мог избавиться от мысли, что здесь что-то не так. Я пытался выяснить, что же произошло тогда, после выпуска, но так и не смог. Не удержавшись, я как-то даже залез в ваш дом. Точнее не залез, а просто вошел, у мамы все еще оставались ключи от вашего дома с тех далеких времен. Наши родители про них совсем забыли, а я утащил их к себе.

На его лице снова мелькнула тень улыбки. Шкодной, какой-то мальчишеской. словно ему было лет 14, и идея пробраться в чужой дом была чем-то сродни захватывающему приключению.

– Вы все были на работе. Но в твоей комнате я нашел два пузырька антидепрессантов, оба наполовину пустые. Понять, что всё намного дерьмовее, чем я думал, было не сложно. Я забрал таблетки с собой и смылся, едва не попавшись твоему отцу. Я продолжал наблюдать, как каждое утро ты уходишь на работу. С первого взгляда всё было нормально, но с тобой явно происходило что-то, что-то ужасное. Я слы-

шал крики по ночам из твоей комнаты, когда бродил по улице, мучаясь от бессонницы из-за мамы. И вот в одну из таких ночей я увидел, как полыхнул ваш дом.

Он покачал головой, снова ненадолго замолчав. Его слова снова вернули меня назад, в прошлое. Я помнил ту удушающую пустоту внутри. Помнил вспышку света за деревьями и разбитый телефон, канувший в пучине ручья под мостом.

– Ты меня видел? Пошел за мной? – тихо спросил я, не дождавшись продолжения этой истории.

Ричи кивнул.

– Да. Я прибежал на вокзал буквально за пару минут, как ты уехал. Понять, что ты захочешь уехать отсюда, было не сложно. Любой поступил бы также. А о Торонто ты рассказывал еще с детства с каким-то благоговейным трепетом. Куда ты еще мог поехать. Я запрыгнул в автобус почти на ходу, даже не боясь, что ты меня заметишь. Я был уверен, что ты там, и не прогадал.

– Ты просто бросил всё и поехал со мной черт знает куда? – недоверчиво спросил я, вглядываясь в лицо друга.

Тот пожал плечами с легкой улыбкой.

– Ну да. Я снял квартиру в соседнем доме, наблюдая за тобой дальше и гадая, как же мне помочь. А потом ты попал в эту странную компанию, и я понял, что больше не могу оставаться в стороне. Дальше ты и сам уже знаешь, – он вздохнул, растрепав волосы. – Я все думал, узнаешь ли ты меня. Пусть не друга детства, но хотя бы одноклассника. Но

ты так и не узнал, и я плюнул на это. А потом ты рассказал мне, что произошло между тобой и Морганом, и я всё понял. Понял, что не зря поехал следом за тобой.

Он замолчал на долгое время. Молчал и я, пытаюсь уложить в голове то, что я только что услышал с тем, что я помнил. Всё складывалось и накладывалось друг на друга. Я словно заново пережил последние два года. Вот только внезапно оказалось, что кому-то я всё же был важен. Оставался только один вопрос, не дающий мне покоя.

– Но зачем? Зачем тебе было нужно всё это? Ты говоришь, что следовал за мной почти всю жизнь, с тех пор, как мои родители запретили нам общаться. Какое тебе было дело до меня и моей жизни? Если это было простое любопытство, то в моей голове не укладывается, зачем ты поехал за мной в Канаду. Это уже далеко не любопытство, – я отчаянно вглядывался в лицо Ричи, пытаюсь понять, а он только печально улыбался, глядя на меня. – Какое тебе было дело до меня и моей поломанной жизни? Ты бросил всё из-за меня, ты пошел на преступление вместе со мной, влезая в чужой дом. Ты обокрал Моргана вместе со мной и помог его посадить. Почему? Я не понимаю.

Я замотал головой. Вряд ли в моей жизни был человек, ради которого бы я мог стольким пожертвовать. Почти всем.

Ричи тихо засмеялся.

– Да всё просто. Когда-то в детстве мы поклялись защищать друг друга, чтобы не случилось. Мы на крови клялись

между прочим, так что мы почти что кровные братья.

Он поднял ладонь, на которой едва заметно прорисовывался корявый шрам. Я отупело уставился на свою руку. На моей ладони, начиная от указательного пальца и почти до запястья, белел точно такой же. Иногда я пытался вспомнить, откуда он у меня, даже спрашивал как-то у матери. Но она лишь пожимала плечам и говорила, что, наверное, упал в детстве.

– Пусть ты забыл об этом, но я всё еще помню. Когда ты бежал из страны, спалив к чертям собственный дом, я не задумался ни на секунду, бросившись следом. Я обещал быть рядом, обещал много лет назад. И я свое обещание держу. Ты всегда можешь на меня положиться. Я хочу, чтобы ты помнил об этом, даже если никогда не простишь мне мою ложь.

Его голос был твердым, во взгляде лучилась железобетонная уверенность. Глаза предательски защищало, и я, поднявшись на ноги, отвернулся, глядя на озеро Мичиган. Всю свою жизнь я хотел, чтобы рядом со мной был человек, который поддержит меня. Не потому что я хороший юрист, не потому что я мозговитый и ответственный парень. А потому что я это я. Мне так хотелось, чтобы я был нужен кому-то, просто так.

И такой человек с самого начала был рядом. Незаметной тенью следуя за мной годами, он незримо наблюдал за мной, готовый в любой момент протянуть руку, чтобы не дать мне упасть.

Я почувствовал ладонь, сжавшуюся на моем плече. Глаза заволокло прозрачной пеленой, слеза скользнула по щеке и, сорвавшись, впиталась в землю под ногами.

Я не понимал до конца его пугающей искренности, не понимал, как может кто-то так бескорыстно хотеть помочь другому человеку. Не понимал, что я значу для него, раз он смог бросить ради меня собственную жизнь. И, наверное, никогда не смогу понять. Но, не смотря на всё это, я был благодарен ему всем своим существом за то, что он даже сейчас просто был рядом.

– Спасибо, – едва слышно выдохнул я.

Ричи не ответил, только его рука чуть сильнее сжалась на моем плече.

Озеро переливалось, весело и беззаботно сверкая в лучах июньского солнца, ветер слабо шевелил кроны деревьев, выпустивших в палитру этого года гамму зеленых цветов. А мы так и стояли, молча глядя на воду, и в этом молчании скрывалось больше смысла, чем во всех словах этого мира.

***

– Точно не хочешь заехать домой? – спросил Ричи, крутя в руках телефон.

Мы вернулись в отель собрать вещи, чтобы наконец уехать из этого города, бывшим когда-то моей ловушкой.

Еще по дороге сюда друг спросил меня об этом, не хотел бы я навестить родителей перед тем, как снова уехать. Я промолчал. Да и сейчас молча покачал головой.

Я не знал, куда уехали родители, когда наш дом сгорел. Не знал, искали ли они меня, продолжают ли работать, живут до сих пор вместе или разъехались. Я не узнавал и не хотел этого знать.

Я больше не хотел соприкоснуться с прошлым, боясь, что оно может снова захватить меня в свой плен.

Ричи, поняв всё по одному выражению моего лица, вызвал такси.

Через 15 минут мы, пройдя через ресепшен, вышли из отеля и сели в машину, понесшую нас на вокзал. Ричи смотрел в окно, на его лице гуляло странно задумчивое выражение. Я с опозданием подумал, что возможно он не просто так спрашивал про дом.

– А ты... ты не хочешь навестить матушку? – неуверенно спросил я.

Я не был уверен, что это вообще мое дело. Но и не спросить я не мог, я чувствовал вину за то, что он оставил ее.

Ричи покачал головой.

– Она умерла. Через пару месяцев, как я уехал из Чикаго, – тихо ответил он.

Меня словно парализовало. Я смотрел на него во все глаза, ожидая хоть какой-то реакции. Я вспомнил, как он исчез на какое-то время тогда, в Торонто, а когда вернулся, сказал, что у него умер отец.

Может быть он как раз ездил на похороны своей матери. Но у меня язык не повернулся спросить об этом.

– Чем она болела? – через какое-то время выдавил я.

Ричи обернулся, одарив меня печальной улыбкой.

– У нее был рак. Ее должны были забрать в больницу как раз перед тем, как я уехал. Уже тогда она была не в себе. Ее забрали на следующий день. Я был с врачами на связи постоянно, но она так и не пришла в сознание, умерев во сне, – рассказал он.

В его улыбке сквозила боль утраты. Уже притупившаяся, та, которая преследует тебя с момента потери близкого человека и до конца жизни.

Неволью я вспомнил Аманду. Пусть она не была моей матерью, но я отчасти понимал чувства друга. Я тоже потерял близкого мне человека, но я хотя бы успел с ней проститься. Пересев чуть ближе, я сжал плечо Ричи.

– Мне жаль, – вырвалось у меня.

Друг кивнул, отвернувшись к окну.

– Главное, что она не мучалась. Знаешь, я верю, что где-то в другом мире она счастлива. И когда-нибудь мы вновь увидимся. И тогда я больше ее не оставлю, – тихо протянул он.

Его слова отдавали сентиментальностью, но разве я мог его винить за это. Наоборот, гадкое чувство вины больно кольнуло сердце. Ведь Ричи уехал из-за меня, оставив ее одну умирать. Друг видимо это почувствовал, потому что повернулся, посмотрев на меня.

– Не вини себя. В конце концов, это был мой выбор.

Я только кивнул. Было всё так просто.

Через несколько минут, мы уже были на вокзале. Купив билеты, мы уселись на самых дальних местах автобуса, уютно огородив себя сумками от остальных людей. Теперь я хотя бы мог с ним разговаривать, не боясь, что люди не так поймут меня.

– Ну что? Едем домой? – улыбнувшись, спросил Ричи, когда мы тронулись.

Я ответил ему такой же улыбкой. Слово «дом» привычным теплом отозвалось в моей груди.

– Да. Домой, – кивнул я.

Его разноцветные глаза сияли теплом и добротой. И я укутался их светом, как одеялом. Вряд ли кто-то еще смотрел на меня так в этой жизни. Вряд ли кому-то я был настолько важен, как этому человеку, считавшему меня своим названным братом. И я сомневался, что найду еще кого-то, кто будет смотреть на меня так же.

Я был нужен кому-то. Я был важен. Моя жизнь всё же имела смысл. Убаюканный этой мыслью, я уснул, уронив голову на плечо друга.

А автобус нес нас в город моей детской мечты, успевший стать для меня домом.

Глава 22

Найти новую работу было не так просто, как я рассчитывал. На моей прежней работе были рады узнать, что со мной все в порядке. Правда пришлось врать насчет болезни матери, живущей в глуши, где нет связи. Не знаю, поверили мне или нет, в любом случае на мое место уже нашли другого человека.

Руководство обещало позвонить, если вдруг найдется вакансия, но я особо не рассчитывал на них.

Ричи повезло больше: он почти сразу же устроился в ту фирму, где якобы работал до этого, и где я не смог его отыскать, когда думал, что спятил. Впрочем, в деньгах мы пока не нуждались – у меня еще была приличная сумма, сворованная у Моргана.

Между собеседованиями я занимался своей новой квартирой. Переклеил обои, сменил плинтуса. Подумав, заменил кое-какую мебель. Квартира преобразилась, стала светлее и просторнее, но не потеряла тот шарм, который здесь создала Аманда. Я сделал всё, чтобы та часть души, которую она вложила в это место, осталась со мной.

Когда с квартирой было закончено, я занялся проявлением фотографий со старого фотоаппарата Аманды. С этим возникли небольшие проблемы: фотоаппарат был действительно древний, так что мне пришлось поискать человека,

который проявил бы мне эту пленку.

Фотографий было много, и какие это были фотографии! Где только не побывала эта чудесная женщина в последние дни своей жизни: Италия, Испания, Франция, Швейцария, Мексика. От фоток итальянской пиццы и пасты текли слюни, Барселона поражала своими виноградниками и винодельнями – кажется Аманда даже успела побывать на дегустации вин. Там была и очаровательная в своей банальности фотография на фоне Эйфелевой башни, чудесный ресторан на Елисейских полях, тихоокеанское побережье в Акапулько, потрясающее воображение своими пальмами, поражающий своей зеленью Медный каньон¹⁰. Каждая фотография – словно обложка на книгу или картина на выставку. На каждой фотографии Аманда, как героиня приключенческого рассказа или романа. Собственно, она такой и была: дерзкой, свободной, загадочной, способной охватить взглядом весь мир и поселить его в своем сердце. Она была невероятной.

Я пересмотрел все эти фотографии ни один раз, с восторгом и грустью вспоминая эту женщину.

Том познакомил меня с одной художницей, и мы вместе с ней занялись альбомом. Она расписала каждую страницу, на которую я бережно клеивал фотки, а после сделала потрясающую обложку. Я назвал его так, как и просила Аманда. «Последнее путешествие мечты». И чуть ниже витиеватыми

---

¹⁰ Медный каньон – национальный парк Мексики, часто сравниваемый с Гранд-Каньоном США.

золотыми буквами была выведена надпись – «Жила-была те-тушка Аманда, которая любила кино и мечтала путешество-вать».

Когда работа была закончена, я, взяв альбом, поехал в ко-лумбарий.

– Здравствуйте, Аманда, – тихо произнес я, глядя на ее имя на мемориальной доске и прижимая альбом к груди.

Я чувствовал себя неловко, в конце концов, я никогда ни к кому не ходил на могилы и в колумбарии. Я никогда не разговаривал с теми, кого уже не было на этом свете. Я видел такое только в фильмах и не понимал, что должны чувствовать эти люди, ведущие монологи перед куском гранита.

Но Аманда любила повторять, что некоторых вещей и не дано понять, пока сам не пройдешь через них. И я считал, что поступаю правильно, приехав сюда.

Потоптавшись с ноги на ногу, я глубоко вздохнул и про-тянул альбом к мемориальной доске.

– Я сделал то, о чем Вы говорили, хоть Вы и не просили об этом прямо, – неуверенно протянул я и замолчал.

Ответом мне была тишина и приглушенное пение птиц. Постояв полминуты с вытянутыми руками и не дождавшись ничего, я снова вздохнул.

– Боже, чем я занимаюсь... – пробормотал я.

Усевшись на пол, я раскрыл альбом, снова глядя на фо-тографии, каждую из которых изучил до малейшей детали,

так, что они отпечатались в моей памяти.

Вот одна из последних фотографий, сделанных в Швейцарии. Аманда покачивалась в лодочке на водах озера Блау¹¹. Она рассказывала когда-то про это озеро, говорила, что оно получило название в честь синей воды. Существовала легенда об этой синей воде: местные говорили, что голубоглазые девушки плакали на берегу этого озера, а потом умирали от разбитого сердца. Я только посмеялся над этой легендой, но прекрасно видел, как горели глаза Аманды. Всё-таки порой она бывала законченным романтиком.

Найдя одну из фотографий, сделанных в Италии, я улыбнулся, проведя кончиками пальцев по глянцевой поверхности.

– Вы тут выглядите молодой и красивой, словно Вам и правда всего лишь чуть меньше сорока, – тихо сказал я.

На фотографии Аманда в пышном аляповатом платье и шляпкой с широкими полями прогуливалась по живописным улочкам Рима. Словно она вовсе не умерала, а приехала искать себе жениха иностранца. На следующей фотографии женщина с довольным видом ела прекрасную неаполитанскую пиццу. Фотограф успел запечатлеть ее, когда она растягивала зубами сыр с треугольничка пиццы. Я рассмеялся.

– Интересно, а Вам вообще можно было такое есть? Хотя неужели бы Вы еще и спрашивали разрешения. Я уверен, если бы кто спросил, Вы бы сказали что-то вроде: «О, я и так

---

¹¹ Озеро Блау – расположено в долине реки Кандер, Швейцария.

умираю! Имеет право леди перекусить напоследок?»

Я рассматривал фотографию за фотографией, то смеялся, то восторгаясь, то слегка возмущаясь. Я всё говорил и говорил, и внезапно оказалось, что это так просто – общаться с тем, кого уже нет. Мертвые не осудят, не станут возражать. Положив альбом рядом, я улегся на спину, закинув руки за голову, и рассказывал ей о последних событиях в моей жизни.

Я рассказывал о Моргане, о том, что он сделал со мной, о том, что сделал ему я. Я говорил про Ричи, вслух гадая, что не так с этим парнем, который пожертвовал стольким ради какого-то меня. Рассказал, как я преобразил ее квартиру, и о том, что мы живем там с Ричи. Я спал в своей комнате, а Ричи в гостиной, куда мы купили новый диван. Комнату Аманды мы не трогали, только периодически я протирал там пыль.

– Я сменил тюль на Вашем окне, повесил такой легкий, он развеивается от каждого дуновения ветерка. Выглядит очень здорово, Вам бы понравилось, – улыбнулся я.

На подоконник ее окна я поставил полевые цветы, ее любимые, и менял букет каждый раз, когда предыдущий начал увядать. Поэтому в комнате Аманды всегда стоял аромат цветов. Почему я оставил ее комнату такой, я не знал. Может быть в знак уважения, может быть, чтобы оставить частичку Аманды в этой квартире, которая не дала бы нам сделать из нее холостяцкую берлогу. Может быть просто прошло еще слишком мало времени, чтобы я отпустил память о ней чуть

дальше ее спальни. Я не хотел в этом копаться, просто сделал, как чувствовал.

Я совсем потерял счет времени, пока рассказывал ей обо всем на свете. И был безмерно удивлен, когда посреди рассказа о просмотренном недавно фильме понял, что уже давно стемнело. Сев, я слегка растерянно огляделся и заметил фигуру, приближающуюся ко мне.

– Так и знал, что ты здесь, – с легкой улыбкой протянул подошедший Ричи и посмотрел на мемориальную доску. – Как она?

Я улыбнулся, пожав плечами.

– Наверное, неплохо. Она в лучшем из миров.

Поднявшись, я оттряхнул брюки, тоже посмотрев на имя Аманды, высеченное на камне. Друг положил руку на мое плечо, вызывая мимолетное чувство дежавю.

– Во всяком случае, если умершие и правда могут за нами наблюдать, я думаю, она рада, что ты ее навестил, – просто сказал он.

Я благодарно кивнул, положив ладонь на руку друга. Пусть я и рассказал ей о своей жизни всё только после ее смерти, но мне стало легче. Я знал, что она бы меня поняла и приняла любым. Опустив глаза, я улыбнулся: Аманда смотрела на меня со страниц альбома с улыбкой, навечно запечатленной на бумаге и в моем сердце.

Я уходил из колумбария с альбомом под мышкой, а в душе моей было спокойствие, умиротворение и легкий оттенок

грусти, который, я знал это, останется со мной навсегда, как и память об этой удивительной женщине.

***

Работу я все-таки нашел. Не такую интересную, как моя прошлая, но всё же не самую плохую.

Жизнь текла привычным калейдоскопом, лишь изредка напоминая о том, что мы пережили. Кошмары мне уже давно не снились, но иногда я видел во сне родителей и вечный материнский блокнот. Иногда мне снились наркотики, но ненавязчиво, словно напоминание, что они всегда будут рядом, пытаясь меня соблазнить. Я об этом прекрасно помнил, но не собирался больше поддаваться соблазну. Гораздо чаще мне снился огонь, он поглощал то мой дом, то дом Моргана. Но больше он не пугал. Он спокойно пожирал всё на своем пути, безвозвратно меняя чужие жизни.

С ребятами мы теперь встречались изредка. Лола нашла работу и пропадала там. Хоть для Кутилы это было достаточно странно, о чем мне и сказал Ричи, но я знал, что пока эта чертовка чем-то действительно увлечена, она будет лучшей в своем деле. Оставалось только надеяться, что это увлечение не станет мимолетной блажью. Юпитер уехал по каким-то загадочным, как и он сам, делам в Нидерланды. Когда он вернется, мы не знали. Но периодически он отписывался, что жив и пока еще на свободе.

Том с Джемом периодически забегали в гости. Пират наконец, после перебежек от одной работы к другой, устроился

программистом в престижную фирму. Его радости не было видно никакого предела, он с ходу передумал быть черным хакером, решив посвятить свои немалые знания на пользу миру. В очередной раз я был оглушен его бешеным восторгом, но всё же был искренне рад за него.

Через пару месяцев Том уехал в Онтарио, тоже найдя себе какое-то место. Конечно, мы общались с ним почти всё время в социальных сетях, но времени для встреч у всех убавилось. Остались лишь постоянные и вечные, как само мироздание, обещания обязательно собраться всей толпой в ближайшее время. Это и называлось взрослой жизнью, верно?

Лилия с Розой объявились спустя еще месяц после отъезда Тома. Они куда-то пропали с тех пор, как вернулись из Торонто, после того, как помогли мне упрятать Моргана за решетку. Я успел испугаться, что обидел их чем-то.

Но оказалось, что подружки тоже были заняты поисками заработка. Мы просидели с ними почти всю ночь в знакомом клубе, впервые без алкоголя и наркотиков. Чувство от возвращения в это место было довольно странным и смазанным, но лишь поначалу. Девочки рассказывали, что открыли свое дело. Какое именно дело я не стал углубляться и спрашивать. Оно в любом случае было связано с тем, чем подружки занимались до этого, и я не был уверен, что хочу знать эти детали.

Веселило меня больше не это во встрече с Лилией и Розой. Мы просидели до утра, разойдясь, уже когда землю мяг-

ко окутал рассвет, но за все эти часы они ни разу даже не посмотрели в сторону Ричи, который сидел со мной рядом. Я, не выдержав, даже признался им, что коварный замысел моего друга раскрыт, и я всё знаю. На что Роза лишь пожала плечами, а Лилия равнодушно спросила: «И что?»

Они игнорировали его до последнего, а после того, как мы распрощались, я еще долго откровенно ржал над скептическим выражением лица Ричарда, который молча покачивал головой.

– Как думаешь, чем ты им так не угодил, а? – кое-как отсмеявшись, спросил я уже дома.

Ричи пожал плечами.

– Женский мозг – это инопланетная не поддающаяся изучению субстанция, извечно меняющая форму и не приемлющая ни единого аргумента. Он мог просто внезапно решить, что игнорировать факт моего существования – потрясающая идея. Это, впрочем, не значит, что женский мозг не может изменить это навечно единожды принятое решение. Так что если одна из них завтра внезапно захочет за меня замуж и кучу детей, это совсем не будет удивительным, – абсолютно ровным тоном произнес парень эту высокопарную речь, деловито взбивая яйцо в миске.

Меня снова надолго сложило пополам, я уже давно так много не смеялся, хотя стоит признаться, что научился этому заново.

– Все-таки ты сексист, – весело заметил я.

– Слова про женский мозг принадлежат моей матери, – фыркнул Ричи. – А я склонен был ей верить в этих вопросах. Зато у меня никогда не было проблем с девушками, и я никогда с ними не ссорился. Потому что в этом нет никакого смысла. Помоги мне, хватит ржать, – бросил друг, глянув на меня через плечо, но я успел увидеть улыбку на его губах.

Пара лесбиянок уехала на следующий день. Куда они поехали, я не стал спрашивать, а они обещали как-нибудь еще приехать в скором времени.

Я вернулся в простоту и скуку однообразных будней. Никогда бы не подумал, что буду так радоваться рутине, но после всех безбашенных событий моей жизни, ясность и уверенность в завтрашнем дне делала меня счастливым. К тому же у моих друзей жизнь тоже налаживалась, и это успокаивало и вдохновляло.

Я определенно был счастлив.

***

В начале сентября объявилась Эмили.

– Привет, Оливер, – радостно приветствовали меня с того конца провода, когда я взял трубку. – Это Эмили, узнал? Слушай, может быть встретимся? Скажи, куда подъехать, есть новости.

Я вздохнул, дожидаясь, когда кончится этот запал – Эмили трещала без остановки. Махнув коллегам, я не спеша вышел на улицу, усевшись на скамейке.

– Эми, откуда у тебя мой номер? – спросил я, перебив девушку.

Я не был удивлен, не злился и не был раздосадован. Словно знал, что когда-нибудь это случится. Я уже ждал кучу отговорок вроде «нашла через знакомых», или «спросила у твоих коллег». Я заранее знал, что это будет ложью, потому что не оставил ни единой зацепки в Чикаго, чтобы хоть кто-то смог меня найти. Жизнь за короткое время научила меня перестраховываться. Но Эмили меня поразила.

– Когда мы с тобой сидели в кафе, и ты ушел еще взять кофе, я взяла твой телефон и позвонила сама себе. Я конечно не была уверена, сменишь ты номер или нет, но подумала, что пригодится. И пригодился, мне правда есть, что рассказать. Если ты не против, конечно, – снова протараторила она.

Я ответил не сразу. Ожидая чего угодно от бывшей коллеги, я совершенно не ждал от нее только одного – искренности. Но казалось, она просто хочет передать мне последние сплетни, словно я ее давешняя подружка. Я прекрасно понимал, что скорее всего речь пойдет о Моргане. Эта тема была единственной, которая связывала меня и Эмили, и я предполагал, что я тоже остался единственным, с кем она могла это обсудить. Мы оба понимали, о чем речь, даже не говоря об этом вслух.

– А по телефону нельзя? – наконец спросил я.

Не то чтобы я не хотел видеть эту девушку, или раскрывать ей, где я живу. Я задавался вопросом, а нужно ли мне

знать то, что она хотела рассказать. Действительно ли я хочу снова слышать об этом человеке. И я искренне собирался отказаться от этой встречи, именно такой был первый порыв.

– Нет, нельзя. Это не для телефонных разговоров. Ты не переживай, он всё еще там, где должен быть, но случилось кое-что. Это займет буквально пару минут, обещаю, – воодушевленно отозвалась Эмили.

– И ради двух минут разговора ты поедешь в Торонто? – заинтересовался я.

Она замолчала на долгую минуту, пока до нее доходило, а потом радостно прошептала:

– Ну конечно! Жди, я скоро буду! – пообещала она и сбросила.

Я вздохнул, покачав головой, убрал телефон в карман и пошел обратно в свой офис. Теперь нужно было отпроситься с работы на вторую половину дня.

Это ведь было чистой случайностью: я случайно оговорился, где я, и теперь, раз уж это мой косяк, надо было встретиться с бывшей коллегой, чтобы раз и навсегда закончить это общение. Мне совсем не до нее сейчас, и вообще этим людям больше нет места в моей жизни. Всё было именно так.

А совсем не потому, что меня сжирало лютное любопытство.

***

– Только телефон мой больше не бери, а то я на тебя заявление напишу, – предупредил я и под звонкий смех Эмили

ушел за кофе.

Мы уселись на пока еще открытой летней веранде кафетерия «Кофе Джимми». Я часто забегал сюда: обожал их латте. Правда, чаще всего кофе было забито под завязку, поэтому я брал напитки с собой, лишь изредка в выходной отвоевывая себе столик, чтобы почитать за чашкой кофе. Но сегодня нам повезло.

Вернувшись с двумя чашками капучино, прихватив для девушки пирожное, я удобно устроился на стуле, вполуха слушая болтовню Эмили. Я дал ей десять минут, чтобы она рассказала мне всё, что творилось в ее беспокойной голове, начиная от погоды в Чикаго и заканчивая тем, какие красивые бокалы она себе купила.

– Эми, ты хотела рассказать мне что-то, – напомнил я.

– Точно! – спохватилась она.

Качнувшись назад и едва не нагнувшись, она облокотилась о стол, наклонившись ко мне. Я инстинктивно тоже наклонил голову. Словно она собиралась открыть мне какую-то страшную тайну, а я собирался ее выслушать. От этих мыслей я едва не рассмеялся.

– Ты помнишь Чака? – тихо спросила Эмили.

Я нахмурился.

– Вроде как. Мы с ним последний раз виделись после моего выпускного, насколько я помню, – протянул я, вспоминая.

Если я правильно помнил, с Чаком мы пересекались на празднике по случаю юбилея Адвокатской палаты.

– А кстати, куда он делся? Он говорил, что работает в команде Моргана, но когда я вышел, то его не видел.

– Морган уволил его, после того, как Чак проиграл дело. Хотя он это нарочно сделал, не хотел больше в его команде работать. Ушел в другую, – отмахнулась Эмили. Она даже действительно наглядно махнула рукой, чтобы показать, что это не так уж и важно. – Так вот, друг Чака работает в тюрьме, где сидит Морган. И он ему тут такое рассказал, что Чак сразу же приехал ко мне. Хотя мы мало общались после его увольнения, да и Морган был против, говорил, что мы конкурентам помогаем. Но мы все равно иногда встречались. И он ко мне приехал, а я вот к тебе.

Я понятия не имел, в какой тюрьме сидит Морган. Я не собирался бегать к нему на свиданки. И, убеждал я себя, мне не очень-то интересно, что стряслось с ним в тюрьме.

Однако, сколько бы я себя не убеждал, дикое желание потрясти девушку за плечи, зашипев, чтобы она сказала уже наконец, никуда не исчезало. Какая мне вообще была разница общались они с этим Чаком или нет?

– Я вообще сначала хотела на автобусе приехать, но потом подумала и все-таки взяла свою машину...

– Эмили! – не выдержал я.

– А, ну да. Так вот, Чак сказал, что нашего Моргана там опустили. Ну, ты понимаешь, – она приподняла бровь.

– Он не наш, – автоматически ответил я, но вряд ли понял, что сказал.

Казалось, мое открытое для восприятия сознание мгновенно остекленело, и слова Эмили, со звоном ударившись о стекло, сползли по нему клейкой субстанцией. Это не было неожиданностью, но я был в шоке.

– Как тебе? Говорят его нашли, когда его уже изнасиловал кто-то из главных там, и собирался еще кто-то. А может и не один раз, мне такие подробности не очень-то рассказывали.

– Куда охрана смотрела? – одеревеневшим голосом спросил я. С охраной в американских тюрьмах все было предельно четко – она была лютая и беспощадная.

Эмили пожала плечами, помешав сахар в своем стаканчике.

– Как-то пропустили. С кем ни бывает, – из ее груди вырвался смешок. – Чак сказал, что они специально это допустили. Потому что не могли просто так заключенные оказаться в блоке, где держали Моргана. Правда, эта информация строжайше секретна, там пригрозили всех поувольнять, если новость просочится за пределы тюрьмы, но...

Она неопределенно обвела ложечкой круг в воздухе. Я проследил за этим движением и медленно откинулся на спинку стула, переваривая информацию и уставившись в одну точку.

Меня обволакивало странное состояние: я был в шоке, но удивлен не был.

– Сотрудников, конечно, наказали, тех, кто допустил это, но не уволили. По крайней мере пока это остается в преде-

лах тюрьмы. Переполох был знатный, но больно уж организованный. Чак говорит, что не удивится, если потом окажется, что это мероприятие было кем-то куплено.

Эмили все говорила, рассуждая о происшествии, о сотрудниках, о том, чья это вина. А я довольно на долгое время выпал из реальности, слова девушки звучали фоном на уровне проезжающих мимо машин. Собственно, она чудесно могла беседовать и сама с собой.

Она говорила, а я все думал, думал, гонял в голове воспоминания и мысли, как мячики в марблс¹², и они, ударяясь друг о друга, медленно выстраивались во что-то определенное.

– И как там Морган? – наконец спросил я.

Эмили резко замолчала, уставившись на меня. Я был уверен, что мое лицо сейчас, окаменев, не выражает ни единой эмоции. Она еще пару секунд вглядывалась, ища подвох, а потом пожала плечами.

– Ну... насколько я знаю, он вроде как попробовал повеситься, но его из петли вытащили, обкололи успокоительным, и теперь он на жестком контроле, – неуверенно протянула она. – Разве это важно?

Я медленно покачал головой. Откуда ей было знать, что это было не важно. Это было необходимо. Я улыбнулся девушке, и она, расслабившись, снова начала о чем-то без

---

¹² Марблс – детская игра в небольшие разноцветные шарики, сделанные из стекла, глины, стали или агата.

умолку болтать. Я слушал ее, не вникая, а на моих губах гуляла легкая улыбка.

Бумеранг деяний вернулся к Митчеллу Моргану сторицей. И я думал, что мне захочется посмотреть ему в глаза, молча, просто, чтобы увидеть всё то, что я видел в собственных глазах. Я думал, что мне захочется рассмеяться ублюдку в лицо. Но на самом деле мне не было никакого дела до этого человека.

Единственное, что я чувствовал в этот момент – свою жизнь. Я чувствовал свою жизнь, которую вернул в свои руки, отобрал обратно то, что по праву рождения всегда принадлежало именно мне. И мне казалось, что никто не понимает, насколько это невероятно прекрасно – просто знать, что ты можешь жить своей жизнью.

Люди порой совершенно не ценят таких вещей, думая, что никто у них не сможет это отобрать. Мало, кто знал цену своей жизни. А я знал.

Эмили заливисто засмеялась какой-то своей шутке, запрокинув голову. Солнце озарило ее лицо, потерялось в волосах. Она словно помолодела на несколько лет, снова стала студенткой, еще не знающей разочарований. Глядя на нее, я невольно улыбнулся шире. Да, она тоже знала эту цену. Определенно.

***

Мы с Ричи не спеша шли по дорожкам Островного парка, болтая о работе. Солнце медленно укрывалось горизонтом,

туда-сюда вокруг нас слонялись люди, состоящие в основном из туристов. По крайней мере народу было не так много, как летом, все-таки не сезон.

Я хотел добраться до озера и посидеть там, мне нравилось смотреть, как огромная водная гладь ловит в отражение разноцветные огни живущего своей ночной жизнью Торонто. Город жил постоянно, гудя миллионами разговоров, реклам и гудков машин. А озеро, словно эталон спокойной невозмутимости, беззвучно воспроизводило Торонто, скрадывая его беспокойность.

Две недели назад, проводив Эмили, я рассказал Ричи об ее визите. Он лишь пожал плечами.

– Говорят, в тюрьме свои законы, которые нас не касаются. И я согласен. В конце концов, не мы виноваты, что он там. Если бы он жил правильно, то не оказался бы в подобном месте, – протянул друг, закрыв этим тему.

Я был не совсем согласен, но всё же с удовольствием забыл об этом.

Наконец я мог вспоминать свою прошлую жизнь без отягчающего чувства удушения и страха. Наконец прошла боль. С прошлой жизнью меня связывал только легкий отголосок грусти, связанный с тем, что я потерял хорошего друга.

А ведь об этом до сих пор никто не знал.

– Будь осторожнее, – донеслось до меня, и я обернулся.

Ричи, присев на корточки, отряхивал кофту какого-то мальчугана. Рядом валялся самокат. Видимо парнишка на-

летел на Ричарда, заигравшись с друзьями, которые толпой торчали чуть поодаль в ожидании друга.

– Смотри вперед, когда так несешься. А то можешь кого-нибудь покалечить, да и сам покалечишься. Понял? – шутливо нахмурившись, спросил Ричи, и пацан с улыбкой закивал.

Ричи поднял его самокат, и мальчишка, взявшись за руль, вдруг выдал:

– А у тебя глаза разноцветные!

Я прыснул, а Ричи улыбнулся.

– Так и есть. А знаешь почему?

Мальчишка, замороженно уставившийся на него, покачал головой.

– Потому что моя мама была волшебницей.

– Правда?! – с придыханием спросил мелкий, и Ричи кивнул.

Я отошел подальше, чтобы дети не слышали моего смеха. Не хотелось рушить такой момент.

– И знаешь, что она мне сказала? Что твоя мама тоже волшебница, самая лучшая. Но чтобы ее сила не иссякала, маму нужно любить и помогать ей. Ты понимаешь? Чем больше ты будешь любить ее, тем сильнее она будет. Так что ты можешь сделать ее самой могущественной волшебницей в мире!

– Прямо как Гарри Поттер?! – спросил парнишка. Его глаза полыхали.

Ричи кивнул.

– Почти как Гарри Поттер. Только без волшебной палочки. И шрам маме тоже не пойдет, согласен? – мальчик кивнул. – Троллей она убивать не сможет, конечно, но для тебя любое чудо сможет сделать. А теперь беги.

Ричи поднялся, потрепав пацана по волосам, и подошел ко мне. Мы пошли дальше, но я все смотрел через плечо на этого ребенка. Он, подъехав к друзьям, что-то быстро сказал им и покатил в другую сторону. Он скрылся за поворотом, но я успел услышать чуть приглушенный восторженный детский голос: «Мама! Мама! Мальчик с разноцветными глазами сказал, что ты волшебница!»

В этот момент мы свернули на другую дорожку. Я рассмеялся.

– Ты был бы отличным братом, Рич, – заметил я.

Парень скосил на меня глаза, улыбнувшись.

– А я и так отличный брат, скажешь нет? – парировал он.

Я не мог не согласиться. Лучший кровный брат на свете. Я снова засмеялся.

– А знаешь, я ведь никогда тебе не рассказывал. Хотя ты, наверное, и так в курсе, – я посмотрел на друга и, пожав плечами, продолжил. – У меня ведь пес был, и его звали точно так же, как тебя. Стремно, конечно, это звучит, но вот так.

Я усмехнулся, слегка щурясь от порыва ветра, долетевшего от озера.

– Он был единственным, кто меня понимал и поддерживал. То есть, когда я еще учился, я думал, что родители меня

любят, но какой-то своеобразной любовью. Где-то глубоко в душе. Ну очень глубоко, – я качнул головой. – Но после всех этих событий с Морганом, родители для меня словно умерли. И остался только пес. Он меня защитил как-то от Моргана: мы гуляли в парке, а этот ублюдок решил присоединиться. Ты бы это видел!

Я засмеялся. Ричи молча шел рядом, слушая меня, касаясь локтем моего локтя. Я думал, что давно уже надо было завести этот разговор. Пока я говорил, становилось легче, как будто бы от меня отвязывали последний булыжник, отягчающий мне жизнь.

– А после ночи выпускного он спас меня от... ну в общем от смерти, – не решившись произнести вслух слово «суицид», протянул я. – Никогда бы не подумал, что собака может это сделать. А когда я закидывался прозаком до потери пульса, он стащил его у меня. Знаешь... я ведь хотел послать тебя тогда, когда ты подошел ко мне в клубе. Это ведь надо было быть наглухо отбитым, чтобы захотеть со мной подружиться. Но стоило тебе назвать свое имя, и у меня из головы все мысли вылетели. Как я мог за тобой не пойти.

Мы вышли к пляжу и медленно побрели по песку. Я улыбнулся. Город начинал разгораться разноцветными бликами, отражаясь в воде, но еще не стемнело окончательно. А я хотел дождаться ночи.

– Ты, наверное, видел его, раз говорил, что залезал в наш дом и нашел эти таблетки, – я улыбнулся. – Может быть, я

и назвал его так в честь тебя. Пусть я смутно помню наше детство, но подсознательно всегда знал.

Мы остановились почти у кромки воды, глядя на темнеющую воду, покачивающую белые точки яхт. Ветер мягко растрепал волосы, и я тряхнул головой, скидывая их с лица.

– И... что с ним случилось? – немного напряженно спросил Ричи.

Моя улыбка стала грустной.

– Он... он умер. Чтобы не оставаться с Морганом после работы, у меня всегда была готова причина – я гулял с собакой. Я не подумал, что пес может стать мишенью, и дорого поплатился за это. Ублюдок надоумил родителей, что собака мешает мне в работе, и они отвезли его в клинику. Усыпить. Я... я не успел его спасти. Это стало последней каплей, я вообще смутно помню, что было дальше. Только отдельные образы.

Мы замолчали на какое-то время. Темнота медленно окутывала Торонто, делая его огни еще ярче и насыщеннее. Вода с тихим шуршанием стелилась под ногами темным покрывалом.

– Ал, но...

– Это всё уже не важно, – перебил я, глубоко вздохнув. – Пусть все было так погано, пусть я потерял друга, но в конце концов оказался здесь. И это прекрасно, так ведь?

Я улыбнулся, глянув на Ричи. Друг, слегка нахмурившись, смотрел на меня. Что ж, история моей жизни никогда не бы-

ла красивой и приятной. Но я вполне мог с этим жить. Теперь мог.

Задержав на несколько секунд дыхание и прикрыв глаза, я шумно выдохнул и сделал шаг вперед, намереваясь продолжить нашу прогулку.

– Алекс.

Я обернулся, насторожившись. Голос Ричи был каким-то странным, напряженным, неестественным. Я слегка склонил голову набок.

– Что?

– У тебя... у тебя никогда не было собаки.

Глава 23

– Оливер, ты подготовил отчет?

– Да, Эван, он на твоём столе! – крикнул я, прокатившись мимо мужчины на своём кресле.

Эван показал мне большой палец из-за перегородки, и я, усмехнувшись, открыл крышку сканера. Чудом не путаясь в бумагах, я сканировал документы, зажав телефон между щекой и ухом.

– Мы прекрасно знаем сроки исполнения, всё будет сделано к назначенному числу, – скучающим тоном протянул я раздражённому мужчине на том конце.

На самом деле я его почти не слушал, это была стандартная практика – позвонить поорать. Он сказал ещё что-то, я повторил пару заученных дежурных фраз, услышал слова об окончании аргументов, заключающиеся в нескольких грязных ругательствах, и наконец надоедливый дядя отключился. Я успел только слегка закатить глаза, как пролетевший мимо вихрь, толкнувший меня в плечо, выбил телефон.

– Ой, блин, прости-прости! – стараясь подавить смех, тут же проговорила Хелена.

Цокая длиннющими каблуками, она вернулась, подняв мобильник с пола и протянув его мне. Я покосился на неё с весельем в глазах.

– Ничего страшного. Лучше летающий телефон, чем ле-

тающая ты, – не выдержав, мы оба прыснули. – Убьешься ты на своих ходулях когда-нибудь.

– Я люблю лилии, – невпопад выдала она.

Точнее это мне показалось, что невпопад.

– Причем тут лилии? – на моем лице пронеслась тень недоумения, а Хелена только больше рассмеялась.

– Так на могилку принесешь!

Все еще смеясь, она подхватила из моих рук часть бумаг, и мы двинули к моему столу. Ее шпильки были у нас чем-то вроде локальной шутки. Хелена всегда ходила исключительно в обуви на высоком каблуке, но при этом не проходило и двух дней, чтобы она не врезалась куда-нибудь или в кого-нибудь, не уронила что-то, или чтобы не упала сама. Буквально неделю назад я успел поймать летящую в кофемашину лицом девушку, за что едва не лишился коленной чашечки. Так что да, упавший телефон был наименьшей проблемой. К тому же он был рабочим.

– Пойдешь мимо бухгалтерии, забрось им эти бумаги, ладно? – попросил я, когда вся груда бумаг упала на мой стол.

Хелена кивнула, бросив взгляд в протянутые мной документы.

– Ты сегодня опять без обеда, Оли?

– Ага.

Я согнулся перед монитором компьютера – стул-то остался у сканера. Последнее время я постоянно забывал обед дома. То в прихожей, то на столе, то даже из холодильника не

вытаскивал. Ричи ругался, а я со смехом называл его ради-
вой женошкой. Я же просто по утрам мыслями был уже на
работе.

Зато внезапно у всего офиса появилось маниакальное же-
лание меня накормить.

– Эх, правильно Элеонора говорит – надо откармливать
тебя. Тебе бы к ней на воспитание на пару недель, был бы
как Стив, – покачав головой, протянула девушка.

– Я все слышу! – донесся откуда-то сзади возмущенный
голос Стива. А Стив был довольно упитанным малым.

Я засмеялся.

– Хватит уже вам. И Элеоноре скажи, чтобы переставала
навязывать всем мысль, что меня нужно кормить. Вот как
раз ей документы и отдашь, – весело ответил я, не обернув-
шись.

Хелена со вздохом снова посмотрела на бумаги в своих
руках и поцокала в сторону бухгалтерии. Я надеялся, что мне
не придется оставшееся время после обеда бегать от Элеоно-
ры, нашей бухгалтерши. Она была пышной женщиной в го-
дах, с неиссякаемым жизнелюбием, вечными синими теня-
ми и бесконечными булками в пакете, которые она всучива-
ла всему коллективу. Эдакая мамочка всей нашей дружной
оравы.

– Может быть кофе тебе сделать? – обернувшись, спроси-
ла Хелена.

– Давай, – крикнул я в ответ, поймав свой стул, запущен-

ный в меня через весь коридор прицельным пинком заботливого Эвана.

Когда это я отказывался от кофе?

***

Прошло два месяца с того странного разговора на пляже. Я не стал слушать Ричарда, мне больше не хотелось гадать, где чья правда.

– Как это не было?

– Ал, я же постоянно вертелся рядом, думаю, уж пса бы я заметил, – с ноткой тревоги протянул друг.

Я уставился на воду застывшим взглядом. Память услужливо подкидывала картинки прошлого, пестрившие рыжей шерстью. Проблема была в том, что пса я помнил. А вот друга, стоявшего рядом, совсем нет. И во что я должен был верить?

– Алекс, слушай...

– Нет, – перебил я его. – Я не хочу слушать. Я не хочу ничего знать.

Я устал. Я хотел только одного – спокойной жизни.

– Но...

– Нет, Рич, – я посмотрел в его глаза внезапно потяжелевшим взглядом, и он замолчал. – Давай просто забудем об этом.

Я тряхнул головой и, раскинув руки в стороны, помчался в воду. Ричи окликнул меня, но я не обернулся.

Мне было не привыкать считать себя сумасшедшим, но я

больше точно не хотел выяснять это наверняка. Я попросил Ричарда больше никогда не поднимать эту тему, и он согласился. Мне казалось в тот момент, что он опечален, но я постарался просто не обращать внимания.

И конечно же меня это не слишком спасло от назойливых мыслей. Как самое ценное сокровище я перебирал свои воспоминания тихими ночами. Калейдоскопом проносились моменты моей жизни, когда мы с моим псом бегали на заднем дворе и по паркам, рыжими всполохами мелькали горки и качели, хот-доги и гамбургеры, поделенные нами пополам.

Я тосковал по нему, спокойно, тихо, как тоскуют о мертвых. Где-то в моей душе жил отголосок боли потери, который останется со мной навсегда.

Он не мог быть ненастоящим, это было просто нереально. Я не мог выдумать его, обезумев от одиночества в собственной семье. Или мог? В конце концов, когда-то я точно знал, что родители не могут не любить своего ребенка.

Через неделю я задал Ричи один единственный вопрос – уверен ли он в том, что сказал мне тогда на пляже. Он только кивнул.

И тогда я с головой окунулся в суету будней, получая удовольствие от каждого прожитого дня. Только ночью меня настигали эти мысли, окрашенные эхом паранойи, но слишком расплывчатые для уставшего за день сознания.

Мне было нечем подтвердить. Все фотографии и документы сгорели вместе с домом. Мне было не у кого спросить.

Морган сидел в тюрьме, двинувшись умом, а где мои родители, я не имел ни малейшего понятия. И разыскивать их я не хотел. А больше у меня никого и не было.

Но, как бы я не прятался, я знал, что когда-нибудь меня настигнет эта загадка. Я не мог убежать вечно.

***

– Привет, Бродяга.

Я обернулся, едва не уронив телефон. Что-то напасть была сегодня с телефоном, очень не вовремя разрядилась блютуз гарнитура. Недалеко от перехода, на котором я переминался с ноги на ногу, поджидая зеленый, стоял Юпитер. На его губах гуляла легкая улыбка, когда он кивнул мне.

Вскинув брови, я протолкался к нему через толпу людей.

– Привет, Юпи, – с некоторым удивлением ответил я, пожав приятелю руку. – А ты чего здесь?

– Да так, в гости решил наведаться. Не переживай, я завтра утром улетаю обратно.

Я фыркнул, с чего мне было переживать. Мы отошли подальше, чтобы нас не снесло потоком людей.

– Понятно. А меня как нашел?

Юпитер пожал плечом, посмотрев на улицу поверх моей головы, и снова перевел взгляд на меня.

– Да я чисто случайно тебя увидел, вот и решил поздороваться.

В мой взгляд скользнул скепсис, а бровь сама собой приподнялась. Всё, что только что сказал Юпитер, было не про

Юпитера. Если этот парень бы и увидел меня случайно, он бы не подошел и не окликнул. Юпи был не тем человеком, который будет тратить время на светские беседы, он никогда ничего не делал просто так или «случайно».

Я знал, что он ждал меня. Оставался вопрос, зачем ему это было нужно. Только вот было у меня подозрение, что ответа я могу и не узнать. Загадка феномена «Юпи».

Вздыхнув, я кивнул на кофейню через дорогу.

– Пойдем, может, поболтаем, кофе выпьем? – предложил я.

– Можно, – согласился Юпи.

Чем только подтвердил мои догадки. Юпитер, которого я знал, не изменил бы планов ради чашечки кофе.

Мы устроились у высокого стола с двумя стаканчиками средней дерьмовости кофейного напитка. Я спросил у парня, как дела в Амстердаме. Оказалось, что Юпи уже давно улетел оттуда. Из Нидерландов он рванул в Бразилию, в Рио-Жанейро, и уже чуть больше полутора месяцев дрейфовал по Южной Америке. Добрался до Чили, оттуда – в Перу. После Колумбии внезапно для себя оказался на Кубе. Опять же, я сильно сомневался в этом «внезапно для себя».

– Из Мексики в Штаты. И прямой дорожкой до дома. Устал шляться по странам, решил взять отпуск небольшой, дома посидеть. Пару дней, – он задумчиво поджал губы, а я едва не прыснул.

Отпуск в пару дней, только Юпитер так мог.

Я увлекся его рассказом не на шутку, взяв себе на заметку, что тоже нужно будет куда-нибудь съездить. Если подумать, то я и мира не видел еще, а у меня была такая возможность. Мы простояли довольно долго, уже начинали гудеть ноги, да и я начал замерзать.

– В Чикаго, кстати, был, оттуда и в Торонто вернулся, – как бы между прочим бросил Юпи, отрешенно глядя в опустевший стаканчик.

Я невольно напрягся, словно само название родного города сулило какую-то беду.

– Ну и как там? Мичиган еще не высохло?

Я постарался, чтобы мой голос звучал как можно более непринужденно. Получилось или нет, но Юпитер не подал виду.

– Да нет, еще колышется. Красиво там, конечно, но у нас лучше. А ты не слышал последние новости оттуда? – внезапно спросил он.

Я нахмурился.

– Нет, а что? Что-то интересное произошло?

Юпи пожал плечами, с отстраненным видом глядя на проезжающие мимо машины.

– Да там всегда что-нибудь да происходит, мы же про Чикаго говорим, – хмыкнул он.

Не знал бы я этого парня, может и поверил бы, что он задал свой вопрос просто так. Я промолчал, ожидая продолжения, и Юпи всё-таки протянул через пару минут:

– Просто слышал мимоходом одну новость. К тому же ты сам там был не так уж и давно. Подумал, что раз уж ты адвокат, то тебя заинтересует, возможно. А может и нет. От Лолы ничего не слышно? – внезапно сменил он тему разговора.

Я слегка опешил этой перемене. Я не совсем понимал, что он хочет мне сказать, было только ясно, что Юпи не собирается говорить об этом прямо.

– Ну... она работает...

– Всё там же? – по-деловому осведомился парень, бросив стаканчик в стоявшую рядом урну.

– Ну да, насколько я знаю, ей еще не надоело. Только она почти не вылезает из офиса, – мой голос звучал лишь слегка растерянно. Юпитер кивнул и закинул на плечо стоявший на земле рюкзак.

– Пойду попробую вытянуть. Хотелось бы поболтать, пока я еще не уехал. Удачи, Бродяга, будь на связи.

Он тряхнул мою руку и пошел прочь, оставив меня удивленно хлопать глазами. Через минуту я все же кинулся следом.

– Юпи, погоди! Так что там в Чикаго произошло?

Парень обернулся, дернув плечом.

– Да ничего интересного. Если хочешь – поищи в сети, – крикнул он мне в ответ и скрылся за поворотом.

Я вернулся к столику, весьма озадаченный этой встречей и всем разговором. Я никак не мог понять, зачем Юпитер вообще меня нашел. Связано ли это действительно с про-

изошедшим в Чикаго, или он хотел донести до меня что-то еще? И почему он просто прямо не сказал о том, что случилось? Да и к тому же, он просто внезапно развернулся и ушел. Впрочем, Юпи был таким всегда.

Я выбросил стаканчик и медленно побрел домой, всё еще гадая, что же это было. «Если хочешь – поищи в сети». Ну уж нет, специально что-то узнавать я точно не собирался. Да и было бы это важно, мне бы уже сообщили, так ведь?

– И зачем вообще приезжал? – тихо пробормотал я под нос и, тряхнув головой, побежал за проезжающей мимо машиной такси.

Я без проблем выбросил этот странный разговор из головы уже через несколько минут.

***

Ответ на свой вопрос я получил спустя пару дней.

– Оли! Ты пешком домой?

Я обернулся, улыбнувшись. Чуть ли не носом вывалившись из крутящихся дверей, за мной мчался один из коллег, застегивая на ходу куртку.

– Думаю, да, сегодня не так уж холодно. А что, ты хотел меня подвезти, Тревор? – я засмеялся, глядя, как он дёргано обматывается шарфом.

У Тревора была вечная проблема: чуть ветер на горло подует, и оно сразу же дает пинка ангиной. Тревор Нежное Горлышко, так его называли на работе, и это часто было при-

чиной многих шуток. Хотя бы потому что словосочетание «нежное горлышко» мало ассоциировалось с болезнью. Тревор же просто добродушно называл нас кучкой больных извращенцев.

– Да нет, у меня машина в сервисе. Хотел попроситься в твою компанию, не против? – выдохнув облачко пара, улыбнулся мужчина.

Я кивнул и медленно пошел дальше, но все равно не удержался, чтобы не поддеть.

– Ты только горло не настуди, а то потом я буду виноват еще, что оно у тебя болит, – еле сдерживая смех, протянул я. – Это конечно наше личное дело, но перед мужиками неудобно будет.

Тревор, закатив глаза, ударил меня в плечо.

– Придурок, – вздохнул он, и я согласился.

Мы не спеша шли по припорошенным снегом дорогам, обсуждая работу и последние сданные отчеты. Потом тема плавно съехала на Элеонору. Оказалось, бухгалтер решила, что настало время ей вмешаться и помочь Тревору с его горлом.

– Я взрослый человек, я женат, у меня двое детей! А она мне, представляешь: «Я бы тебя на недельку к себе забрала, кормила бы только полезными витаминами! Твой иммунитет бы мне потом такое спасибо сказал!» – причитал бедный Тревор под мой веселый смех. – А когда я сказал, что не в иммунитете дело вообще, она пообещала принести керосин!

– Керосин-то зачем? – выдавил я сквозь хохот.

– Не поверишь! Горло полоскать! Говорит, что если пару раз прополоскать, то больше никогда не заболит. Я думаю, что она в чем-то права. Ведь если я закурю, то сгорю к черту, а там уже действительно ничего болеть не будет! Нечему будет болеть!

Я, загибаясь от смеха, отошел к ближайшему зданию, оперевшись о стену. Трев подошел ко мне, продолжая говорить. Видимо ему надо было кому-то высказаться, он, может, поэтому со мной и увязался. Мне бы только донести до него мысль, что я сейчас задохнусь.

Я пытался поднять руку, чтобы остановить этот безумный поток, но не получалось: я ей опирался на колено, чтобы не сползти по стенке на асфальт. Кое-как смахнув слезы, я поднял глаза на коллегу, когда мой взгляд зацепился за что-то интересное. Всё еще смеясь я повернул голову, глядя на газету в руках стоящей рядом девушки. Девушка на нас не обращала никакого внимания – в ее ушах были наушники. Музыка играла так умопомрачительно громко, что я слышал ее, даже стоя в паре шагов от нее.

Слегка покачиваясь в такт, девушка энергично надувала пузыри из жвачки, скользя взглядом по строчкам. Я тоже невольно вгляделся в газету и замер. Вся веселость тут же испарилась. Всего-то стоило увидеть знакомое лицо, занимавшее половину разворота.

Не успев понять, что я творю, я выхватил газету из рук

девчонки, почти уткнувшись в нее носом. Тревор озадаченно замер, так и не закрыв рот и не опустив руку, которую скидывал в каком-то жесте. Девушка с шоком в глазах уставилась на меня.

– Оли, ты чего?

– Эй!!! Отдай сюда!

В один голос заговорили эти двое, но я, не слушая, оттолкнул Тревора и помчался по улице. Я мог извиниться и потом перед коллегой. Мне срочно нужно было домой.

– Ой, ну и ладно. Мог бы просто попросить. Псих, – фыркнула девушка и, сунув руки в карманы, зашла в магазин.

Тревор лишь озадаченно почесал голову, но почти тут же чихнул.

– Да твою же мать...

***

– Смотри!!! – заорал я, ворвавшись в квартиру.

Ричи обнаружился на кухне, он сегодня работал из дома. Он успел вытащить наушники, когда я оказался рядом, кинув в него газетой.

Приподняв брови, друг раскрыл ее, пробежавшись глазами по строчкам.

– И что это?

– Читай! – снова сорвался на крик я. Почему-то говорить спокойно совсем не выходило.

– Митчелл Морган, бывший директор Адвокатской палаты... бла-бла-бла... Так, что тут... – он замолчал на какое-то

время, вчитываясь в текст, а потом поднял на меня глаза. – Ну? Он подал апелляцию.

– Я видел! Читай дальше! – я всё не успокаивался.

Ричард, вздохнув, снова посмотрел на страницы желтой прессы.

– Ого... Как они это допустили? Хотя может быть специально, – он задумчиво поджал губы.

Я выдрал газету из его пальцев, сунув вместо нее свой телефон с открытой видеозаписью. На ней диктор чуть более подробно раскрывала этот случай полнейшего абсурда.

«...при транспортировке на рассмотрение... вследствие проявленной халатности сотрудниками...»

Я начал ходить туда-сюда по кухне, нервно покусывая ноготь на большом пальце.

«...подвергся нападению бездомного пса, заявляет наш корреспондент... скорая помощь своевременно... заседание суда было перенесено...»

Когда запись закончилась, Ричи снова посмотрел на меня. Я не мог понять, что отражали его разноцветные глаза: жалость? недоверие? непонимание? скуку? Глубоко вздохнув, я задержал дыхание на несколько секунд.

– Ты понимаешь, что это значит? – немного успокоившись, спросил я.

– То, что Морган помер? – вкрадчиво, как психиатр с пациентом, ответил мне Ричи вопросом на вопрос.

«Митчелл Морган скончался в отделении реанимации.»

Причиной смерти установили обширную потерю крови после укусов... По данным свидетелей происшествия на бывшего директора Адвокатской палаты напал пес породы лабрадор с шерстью рыжей окраски...»

– Это мой пёс. Это Ричи, – вырвалось у меня.

Друг вытаращил на меня глаза. Он точно не ожидал, что я скажу именно это. На самом деле даже я не ожидал. Хотя я вообще не знал, что думать, я был слишком шокирован самим фактом смерти Моргана.

– Алекс, ты сказал, что твой пёс умер, – протянул Ричи.

– А ты сказал, что его не существует, – парировал я.

Ричи аккуратно положил мой телефон на стол и развернулся ко мне.

– Что ты хочешь сказать? Что твоя собака восстала из мертвых мести ради? Ты сам себя слышишь вообще?

– Я не о том, я... – а о чем я собственно? – Совпадение слишком странное, тебе не кажется? Откуда-то вдруг появляется рыжий лабрадор, загрызает насмерть человека, перевернувшего с ног на голову всю мою жизнь, и бесследно исчезает на улицах Чикаго. Если это не знак, то я не знаю, что еще.

Парень напротив меня слегка склонил голову набок, в его глазах теплилось любопытство с чем-то еще, чем-то, чего я не понимал.

– Какой знак? Что собака всё-таки была, а я просто ее не заметил?

Я резко остановился, уставившись на него. Весь наш разговор, как и ситуация, был на редкость идиотским. Я совершенно точно не понимал, что происходит. Внезапно вспомнилась наша встреча с Юпитером. А не об этом ли мне говорил приятель? Но если об этом, то почему он не рассказал прямо? И откуда он вообще знал про Моргана?

Я тряхнул головой. Вопросов было явно больше, чем ответов. И теперь я уже не мог это игнорировать.

– Собирайся, поехали, – бросил я, направившись в комнату.

– Куда? – донесся до меня голос друга.

Я вздохнул.

– В Чикаго. Мы снова едем в Чикаго.

Казалось, мой голос отразился от стен обреченным эхом. Этот город, город моего детства, никак не хотел оставить меня, словно я не мог от него сбежать.

Через полчаса мы снова сидели в автобусе, как и год назад, несшим нас обратно домой.

***

– Зачем мы вообще сюда пришли? – протянул Ричи.

Мы стояли напротив дверей моего бывшего офиса, глядя на корявую табличку с надписью: «Закррито». На стенах были видны плохо смытые следы краски. Видимо недовольные люди устроили здесь маленький бунт, пока шло следствие. Я вспомнил многочисленные телепередачи, кучу криков и возмущений пострадавших от коррупционной деятельности

юристов и хмыкнул.

– Наверное, надеялся, что здесь кто-то остался, – неуверенно ответил я.

Я и сам толком не знал, почему пошел именно сюда. Как бы по-идиотски это не звучало, но в этом городе у меня были только родители и коллеги. Вздохнув, я набрал номер Эмили.

– Черт...

– Не отвечает? – поинтересовался Ричи, и я кивнул:

– Вне зоны действия.

Я медленно побрел по улице, прокручивая контакты в записной книжке. Хотя и так прекрасно знал, что никого не найду, у меня не было других телефонов, принадлежавших хоть кому-то в этом городе. На номере с именем «Аманда» мое сердце дрогнуло, и я убрал телефон в карман.

– Скажи мне, Ал, зачем мы сюда приехали? Узнать, была ли у тебя собака? – через минут 15 спросил друг.

Его взгляд задумчиво блуждал по зданиям и проезжающим мимо машинам. На удивление народа на улице было совсем мало, что было странно для Чикаго.

– Я не знаю. Просто слишком много странных вещей произошло за короткое время. У меня такое чувство, что я чего-то не доглядел. Чего-то важное упустил здесь, что мне обязательно нужно узнать, – я снова вздохнул, чувствуя взгляд Ричарда.

Он снова замолчал на несколько минут. Ему самому слов-

но что-то не давало покоя, хотя я мог и ошибаться. Мне просто хотелось уехать отсюда как можно скорее.

Не особо задумываясь, куда иду, я автоматически шел знакомыми до боли дорогами и поворотами, заученными мной где-то глубоко на подкорке сознания. Ричи молча следовал за мной.

– А говорил, что больше не хочешь выяснять, где чья правда, – внезапно сказал он.

Я остановился, обернувшись к нему.

– Так и есть. Я устал собирать пазлы собственной жизни. Я бы сильнее всего на свете хотел просто работать, возвращаться домой, готовить ужин и смотреть кино. И забыть обо всем этом дерьме, как о страшном сне. Но мое прошлое категорически меня не отпускает, запутывает еще больше, – я тряхнул головой. – И видимо не отпустит, пока я не разберусь со всем этим. И мне придется разобраться, чтобы наконец спокойно жить.

– Ну тогда разберись уже наконец, – ответил друг и кивнул мне за спину.

Я обернулся, почувствовав, как перехватило дыхание. Мы стояли на пепелище моего дома. Вся моя прошлая жизнь щерилась на меня сквозь почерневшие провалы окон, выбитая дверь пульсировала мраком изнутри. И этот мрак звал меня внутрь, мрак, который породил я сам, однажды просто нажав на кнопку.

Я чувствовал, как вдоль позвоночника скользнула ледя-

ная змейка, на висках выступил пот.

Я думал, что почувствую горечь, вину, тоску. Но почему-то я чувствовал только страх, он сковывал меня, оголял перед глазами картину полыхающего огня, пожирающего всё на своем пути, не оставляющего права на отступление, и этот огонь был создан моими руками.

– И где сейчас твои родители?

Я вздрогнул всем телом и обернулся. Голос Ричи выдернул меня из этой поглощающей пучины жути, в которую я падал. Судорожно вздохнув, я пожал плечами.

– Ты чего? – удивленно спросил друг.

Я отвернулся.

– Я понятия не имею, где они. Я не пытался связаться с ними, да и мне, честно говоря, было глубоко плевать, – слегка севшим голосом протянул я, снова покосившись на дом.

Обычный сгоревший дом, ничего примечательного в нем не было. Почему интересно здесь все оставили вот так?

– Тогда надо их найти.

– Где? Где мы будем их искать в Чикаго? Может быть они вообще уехали из этого города. Можно было бы заглянуть к ним на работу, но они скорее всего уволились после того, что я устроил. Честь и достоинство же превыше всего. Да и вообще...

На мое плечо мягко опустилась ладонь Ричарда, сжав его.

– Алекс. Успокойся, ладно. Твои родители – известные юристы. Наверняка о них писали все газеты после этого по-

жара, – спокойно протянул он.

Я не ответил, понимая, что он прав. С удивлением я поймал себя на мысли, что где-то в моей груди поселилась паника.

Ричи потянул меня прочь от этого проклятого места, взяв за руку.

– Мы можем посмотреть архивы газет. Можно поискать информацию в интернете в конце концов. Мы найдем их. Только давай для начала уйдем отсюда, – успокаивающе проговорил он.

И я пошел за ним, с легкостью поддаваясь на уговоры и его спокойный тон. Я готов был идти куда угодно, только бы подальше отсюда, только бы с ним.

И думал я в этот момент не о родителях, не о пожаре, изменившем всю мою судьбу. Я думал о том, почему Ричи не сделал этого раньше, намного раньше – не взял меня за руку и не увел прочь из этого дома.

Глава 24

Запах пыли, типографской краски, газет и журналов, картонных карточек и фанерных ящичков каталога окутывал меня с головы до ног. Такой привычный и родной запах библиотеки, в который примешивались запахи буфета – кофе и булочки. Я старался пропитать ими всю полость своих легких, снова почувствовать то умиротворение, которое дарили мне надежные книжные стеллажи. Половину своей жизни я прятался за ними, как за самыми крепкими стенами, огораживающими меня от этого мира.

Однако, впервые в жизни я не чувствовал себя в единении с этой атмосферой. Не ощущал привычного спокойствия и внутренней гармонии. Напротив, я был на грани срыва.

Ричи едва слышно копошился где-то сзади, затерявшись в тени стеллажей, пока я крутил колесико мышки компьютера, выискивая сводки новостей двухгодичной давности. Паника хватала меня за горло липкими ручонками, страх ползал вдоль позвоночника ледяными струйками пота. Меня трясло, словно я снова ловил отходняки после наркотиков.

Я не мог объяснить все эти чувства, но меня настойчиво преследовало дерьмовое предчувствие, которое, я точно это знал, себя оправдает.

Мы провели в библиотеке не меньше полутора часов, а может двух. Я по третьему кругу пересматривал все крича-

щие заголовки газет и сенсационных статей, но нигде не упоминались ни мои родители, ни пожар. То есть вообще ничего, последняя статья, в которой упоминалась моя семья, была о праздновании юбилея Адвокатской палаты Моргана. Там даже была моя фотография: я стоял на сцене с каменным лицом позади Моргана, рядом стояла Андреа, эта чертова выскочка, и чуть подальше отец, с осуждением косящийся на меня.

При одном взгляде на эту фотографию меня передернуло, и я быстро пролистал дальше. Но больше так ничего и не нашел. Как будто бы про нас все забыли, словно наша семья исчезла.

Безумная мысль внезапно молнией пронзила мою голову: а вдруг не было никогда моей семьи?

Вдруг не было собаки, не было родителей, не было... меня? Может быть никогда не существовало Алекса Брайна, что если я плод воображения своего совершенно сумасшедшего сознания? Возможно я всегда был Оливером Уилсоном. Возможно я на самом деле какой-нибудь Джордж и всю свою жизнь провел в психушке. Я оттуда сбежал? Или я всё еще там, а моя шизофрения играет со мной в искаженные реальности?

Меня сковал ужас. Я уперся взглядом в монитор, совершенно не видя перед собой больше ни единой буквы, ладонь вцепилась в мышку, едва ли не ломая пластик. Мне казалось, что я задыхаюсь, как будто бы в одно мгновение разучился

дышать. Еще никогда в жизни я не чувствовал подобного.

Хотя нет, чувствовал. Однажды в номере отеля Митчелла-мать-его-Моргана. Морган был реален, в этом я был уверен. Даже самая поехавшая крыша не сумела бы нагнать такой жути, которую нагонял на меня этот человек. Мой ночной кошмар.

Я попытался сглотнуть, но в горле застрял огромный ком, не дающий сделать ни вдоха. Я чувствовал, как волосы на голове и руках встают дыбом, но не мог пошевелиться.

Кто же я? Кто?!

– Нашел.

Я едва не навернулся со стула от этого спокойного голоса рядом. С трудом повернув голову, я столкнулся со слегка обеспокоенным взглядом разноцветных глаз Ричи. Сколько он уже сидел рядом за соседним компьютером?

– Ты в порядке? – слегка нахмурившись спросил он, и я наконец-то шумно выдохнул, запустив дрожащую ладонь в волосы.

– Да. Нет. Не знаю. Что там? Где ты нашел, я же везде посмотрел? – сбивчиво проговорил я, привстав, но друг положил руку на мое плечо.

– Сиди. Сейчас покажу.

Он со вздохом подвинул стул ко мне и быстро застучал по клавиатуре. Спустя несколько секунд он отстранился от монитора, и я уставился туда внезапно отупевшим взглядом.

Я пробежался глазами по ровным машинописным строкам, но не понял ни слова. Покосившись на Ричарда, я придвинулся чуть ближе к столу, снова читая заголовок.

– Что это значит? – наконец выдавил я.

Ричи вздохнул.

– Это некролог, Алекс. Ты не открыл ни одного некролога.

Его голос был тихим, размеренным, как и всегда убаюкивающим мои страхи. Я перевел дыхание, всё еще тщетно пытаясь понять, о чем он говорит.

– А зачем мне смотреть некрологи? Они живы, я просто пытался узнать, куда они уехали и...

– Алекс, – перебил меня друг.

Он аккуратно развернул мой стул так, что я оказался с ним лицом к лицу, и положил руки на мои плечи. Я недоуменно склонил голову набок, казалось, мое сознание напроочь отказывается понимать его слова.

– Они умерли, Алекс. Умерли.

– Да нет же, они уехали, они...

Неожиданный звук, громом раздавшийся в тихой библиотеке, внезапно оглушил меня. До меня не сразу дошло, что это звук пощечины, прилетевшей мне от Ричарда.

Тихий гул шепотков, гуляющий по помещению, словно жужжание улья, моментально сменился гробовой тишиной. Взгляды немногочисленных людей, сидевших в библиотеке, устремились на нас, но мы даже не обратили внимания. Я медленно перевел взгляд обратно на друга.

– Но... как? Когда? – едва уловимым шорохом ветра вырвалось из моих губ.

Ричи вздохнул и окинул взглядом людей вокруг.

– Что? Заняться нечем? – неожиданно жестко спросил он.

Его вопрос словно возобновил ход времени, до этого застывший. Люди резко отвернулись, вернув библиотеке привычные звуки, даже шум машин с улицы казалось воспроизвелся заново.

– Два года назад, – тихо ответил на мой вопрос Ричи. – Они сгорели в вашем доме. Когда ты уехал в Торонто.

Он говорил об этом сухо и коротко, как будто бы сообщал прогноз погоды на неделю. И эти сухие факты разбивались в моей голове крошечными льдинками. Я снова обернулся на монитор, глядя на фотографию. Наконец до меня начало доходить. Чему рад я не был.

– Но ведь... их машины не было рядом с домом. Я посмотрел, их не могло быть в доме...

– А ты к ним в комнату вообще заходил? Машина не показатель, мало ли куда они могли ее отвезти.

– Ты просто не знаешь моих родителей, если машины не было, то и их не было. Да и, в конце концов, отец бы услышал, как я шарюсь по кухне, он бы вышел посмотреть. И мать бы услышала, да и она последние дни всё на диване спала, а в тот вечер ее не было, – слова полились из меня как пулеметная очередь.

Я всё говорил и говорил, стараясь убедить то ли себя, то

ли Ричи в чем-то... только в чем? Я осекся. Я пытался убедить нас обоих в том, что я...

– Я не убийца! – задушенным шепотом выкрикнул я, тут же закрыв рот ладонью.

Взгляд друга снова скосился в сторону, проверяя, не слушает ли нас кто-то, но люди увлеченно занимались своими делами. Даже как-то чересчур увлеченно.

Меня начинала колотить нервная дрожь, но Ричи, взяв меня за руки, посмотрел мне в глаза, и я снова потерялся в их коричнево-голубой бездне.

– Ты не убийца, – твердо повторил он мои слова. – Это был несчастный случай. Трагический несчастный случай, слышишь?

Я медленно кивнул. Конечно, это было неправдой. Я помнил, что я сделал. Я знал, что я натворил. Но я не мог не верить ему. Я стремился душой к каждому сказанному слову, даже зная, что это ложь.

Я покосился на некролог, не желая знать, что там написано. Что там могло быть написано, кроме привычных пустых фраз, составленных редакцией по стандартным шаблонам?

– И это всё? – севшим голосом протянул я.

– О чем ты?

– Всю свою жизнь они стремились быть лучшими. Они были уважаемыми, почитаемыми в обществе. Выглядели... презентабельно, – даже сейчас это слово отдало налетом отворачивания и зубной резью. – Они потратили всю жизнь на

свою работу. И после их смерти всё, что осталось, всё, что дало им общество, это... жалкий некролог в уголке газеты.

Ричи не ответил. Мне тоже было нечего сказать. Наверное, мне должно было бы быть обидно за родителей, может быть я должен был чувствовать печаль.

Но этот некролог выглядел настолько жалким, и вся жизнь родителей внезапно показалась такой же. Пустой, никому не нужной. Как будто бы ее и вправду не существовало.

– Ну и... кому они были нужны?

Вопрос повис в пустоте. Ричи тоже посмотрел на монитор. Мы еще пару минут смотрели на безликую фотографию моей семьи, а потом я поднялся и молча пошел к выходу.

Друг проводил меня взглядом и вышел следом.

– Что будем делать? – спросил он, когда мы стояли за углом здания библиотеки.

– Надо снять комнату. Или номер в отеле, – выдохнув струйку дыма, ответил я, задумчиво глядя на сигарету в своих пальцах.

Видимо, бросить курить мне с такой жизнью не суждено. Вздохнув, я достал телефон и набрал знакомый номер.

– Привет, Том. Мне снова нужна твоя помощь. Надеюсь, в последний раз.

***

– В каком смысле три тела? – шокированно спросил я, на что Ричи только дернул плечом.

Мы уже два дня торчали в ненавистном мной городе, до-

жидаясь Тома. Я всё чаще слонялся по улицам, пытаюсь привыкнуть к мысли, что убил собственную семью. Мысли никак не хотели приходить хоть в какое-то подобие порядка. Может быть я подсознательно знал это с самого начала и именно поэтому так настойчиво гнал от себя воспоминания о родителях, прячась за убеждением, что мне на них плевать. Хотя в этом тоже была доля правды.

Удивительно, но больше в моей душе не было паники, тревоги и страха. Меня окутывал кокон полной апатии, и я знал, что это затишье временное. Но все равно был благодарен за возможность немного спокойно подумать. Словно мне посчастливилось побыть психопатом на короткий, неопределенный срок.

Я ловил на себе тревожные взгляды Ричи, когда уходил из снятого нами номера, но он молчал. Я молчал тоже. Мне нужно было побыть одному, и казалось, мы оба это понимаем.

Сегодня приехал Том. Я забрал у него документы, избегая вопросов, которых не последовало, сухо попрощался и ушел. Он не окликнул меня и не пошел следом.

Но когда я вернулся в номер, Ричард показал мне ролик на ютубе, с вырезкой из новостей. Всё-таки о родителях говорили в одном из эфиров, но какой в этом был толк.

Однако ровный голос диктора, сообщающий, что в доме было обнаружено три тела, поверг меня в шок.

– Это невозможно, – я качнул головой, уставившись в пол

застывшим взглядом. – Они же не могли кого-то оставить ночевать? Или у них деловая встреча была?

– Или кто-то забежал в горящий дом, чтобы помочь, и не выбрался, – логично предположил Ричи.

Я перевел на него взгляд. Его слова звучали правдоподобнее, чем мои собственные, но легче от этого не становилось. Получается, кроме своих родителей я убил еще и невинного человека.

Тряхнув головой, я накинул только снятую куртку.

– Куда ты? – окликнул меня Ричи на пороге.

– В участок. Я должен знать, кто еще погиб из-за меня, – бросил я уже с лестницы.

Ричард ничего не ответил, просто молча закрыл за мной дверь.

***

– Мне нужно дело о пожаре в доме Брайнов, – сходу выдал я, влетев в участок.

Копы посмотрели на меня, как на умалишенного, переглянулись.

– Ты кто такой? – спросил один из офицеров.

Я нахмурился и шлепнул о стол раскрытым паспортом. Моим настоящим паспортом. Мужчина пробежался по нему глазами, его брови взлетели вверх. Он передал документ другому офицеру, на лице которого отразилась почти зеркальная реакция. Они оба уставились на меня, и я вздохнул.

Почему просто нельзя дать мне ответы? Хотя я прекрасно

знал, что так просто мне никто ничего не расскажет. В любом случае, у меня была готова легенда.

– Я работал в фирме Митчелла Моргана. Два года назад уехал в Нью-Йорк получить лицензию того штата и поработать там. Мистер Морган считал, что это принципиально важно, – удивительно, мой голос даже не дрогнул на его имени.

– Можно взглянуть на Вашу лицензию? Желательно, обоих штатов, – ожил наконец один из офицеров.

Я пожал плечами и небрежно бросил ему лицензии, достав их из внутреннего кармана куртки. Одна моя, другая поддельная. Я не боялся, что они меня вдруг поймают на фальсификации, мне было до чертиков интересно узнать, что черт возьми произошло в моем доме два года назад.

– Лицензия штата Иллинойс не подтверждена, – задумчиво протянул мужчина, и я фыркнул.

– Ну естественно, меня же два года не было в Чикаго, – процедил я, едва не назвав его тупицей.

Я бы мог попросить Тома сделать мне новую лицензию моего штата, но это было еще рискованней. В конце концов, я скорее всего давно был исключен из реестра адвокатов.

Я нетерпеливо постучал пальцами по столу, и мужчина наконец оторвался от созерцания бумаг. Вместо этого он повернулся к своему коллеге, тихо спросив: «Как это возможно?». Но не так тихо, чтобы я не услышал.

– Я вернулся домой и сразу отправился в фирму, но она

закрыта. А когда я пришел к своему дому, то оказалось, что он сгорел. Что тут вообще произошло?

Я позволил просочиться в голос нотке истерии. Я ведь должен быть в замешательстве и на грани паники, если верить моей легенде. Просто я в шоке и вообще довольно сдержанный человек.

Я едва не рассмеялся.

– Итан, принеси то дело, – прочистив горло, сказал офицер кивнувшему парню и снова повернулся ко мне. – Вам это не понравится.

И я всё-таки рассмеялся.

***

Я уже минут 10 сидел за столом, сверля взглядом лежащее передо мной дело, и не мог заставить себя его открыть. Руки мелко тряслись, но я не обращал внимания. Это становилось слишком реальным. Как только я открою эту папку, то точно стану убийцей. Дороги назад уже не будет.

– Вы не смотрели новости?

Я поднял взгляд, недоуменно посмотрев на офицера, сидевшего напротив. Какие еще новости? Мужчина тут же спохватился.

– Я имею ввиду в Нью-Йорке. О пожаре, конечно, особо не говорили, но дело Моргана гремело на всю Америку, – поделился он.

Я пожал плечами.

– Мне было некогда рассиживаться перед телевизором.

Вы не представляете, какая там бегодня. Уж точно не до новостей про мистера Моргана, – небрежно бросил я, снова посмотрев на папку.

Я не пропустил ни одного выпуска этих чертовых новостей. Я создавал эти новости.

– Так, ладно...

Корочка папки глухо стукнулась о стол, открыв мне фотографию сгоревшего дома. Я перевел дыхание и заскользил взглядом по строчкам. Всё списали на несчастный случай: утечка газа, короткое замыкание. Если отбросить все эмоции, то стоит признаться – я на это и рассчитывал. Если конечно рассчитывал вообще хоть на что-то в тот момент.

Было обнаружено три тела. Двое мужчин и женщина. Личности установлены не были.

На этом моменте я запнулся, с непониманием уставившись на страницы. Дальше был запрос об эксгумации спустя несколько месяцев после происшествия, повергший меня в изумление, а потом меня взорвало.

– Вы тут совсем спятили?! Почему не отправили тела на экспертизу сразу же?! – заорал я, вскочив и чудом не опрокинув стол.

Мужчина, сидевший рядом, дернулся от меня, едва не упав. Остальные копы тоже обернулись к нам. Я всё орал, что засужу их за халатное отношение, что они не имели права, что все тут работающие – больные ублюдки.

Мой запал исчез также быстро, как и появился. Ноги под-

косились, и я упал на стул, запустив пальцы в волосы. Надо было посмотреть остальные документы, но я не мог сдвинуть руку.

– Расскажи ему, парень должен знать, – услышал я тихий шепот в тишине, повисшей в отделе.

Кто-то вздохнул, сел рядом, положив руку на мое плечо. Я закрыл глаза.

Истина была где-то рядом, та, из-за которой я снова и снова возвращался в этот город, из-за которой не спал ночами, которая мучила меня кошмарами уже два года. Я хотел знать. И совершенно не хотел. Моя жизнь расходилась опасными трещинами эти два года и сейчас могла разбиться окончательно.

– Прости, мальчик мой, надо было предупредить тебя, – неожиданно мягко начал офицер. – Человек, который занимался этим делом изначально, повел себя крайне халатно. Его уволили сразу же, когда...

Он осекся и замолчал на долгую томительную минуту, пока я рассматривал красные всполохи за закрытыми веками.

– Произошел несчастный случай. Семья погибла. Других родственников у Брайнов не было, на их работе никто не требовал подтверждения личностей. Поэтому дело закрыли и забросили в ящик. До тех пор, пока чуть меньше года спустя не вернулся твой отец. Это было где-то в середине октября.

Я дернулся, скинув всё-таки что-то со стола, и вытаращил глаза на офицера. Пару раз я открывал и закрывал рот, не в

силах даже слова выдавить.

Какого черта?

– От... о-откуда в-вернулся? – проямлил я.

В голове вертелось невероятно странное предположение – с того света. Перед глазами на миг всплыли фильмы про зомби, но я постарался отогнать эти мысли.

– Из командировки, – вздохнул мужчина. – Не помню, куда он ездил, в Вашингтон что ли. А потом приехал, а дома нет. Мы, честно говоря, немного испугались, когда он пришел в участок.

Офицер невольно хохотнул, но быстро стер улыбку с лица, заметив мой ошалевший взгляд.

– Вот у него был такой же взгляд, когда ему рассказали о случившемся. Он потребовал уволить сотрудника, который вел дело. Само дело мы подняли, запросили эксгумацию и экспертизу. Был жуткий скандал. А потом был вызов, и мы... в общем...

– Нашли твоего батю в петле рядом с вашим домом, – подсказал тот самый услужливый Итан.

Я медленно повернул голову в его сторону, уронив челюсть. Следом за моим взглядом в Итана полетела статуэтка со стола, запущенная офицером рядом со мной.

– Скройся с глаз, – зашипел он.

Итан быстро ретировался из помещения, а коп вздохнул.

– Ну... в общем... Да, так и было. Тело мы забрали. Что касается остального... человек ведь не может умереть два-

жды, а он числился мертвым, поэтому...

Офицер развел руками, словно бы это что-то объясняло. Я опустил взгляд на папку, всё еще лежащую передо мной.

– Потом пришло заключение экспертизы. Мы вложили его в дело, и снова его закрыли. И уж точно не думали, что с того света к нам вернется еще один член вашей семьи.

Я посмотрел на него пустым взглядом. Это было жестоко: сказать, что родители умерли, потом вернуть мне отца буквально на пару минут и снова забрать его.

Но что-то не сходилось, что-то было не так.

– Что... что показала экспертиза? – сипло выдавил я, едва слыша собственный голос и не узнавая его.

Мужчина снова вздохнул.

– Она показала, что женщиной была твоя мать, одним из мужчин – соседский мальчишка, а вторым... вторым женщиной был ты, Алекс.

Все мысли из головы моментально испарились. Я с недоверием посмотрел на полицейского, обвел взглядом остальных. Все смотрели на меня так, словно это я им должен был что-то объяснять.

Я снова ни черта не понимал и в этот раз – окончательно. Экспертиза редко когда ошибается, но это же нереально. Всё, что они тут говорят.

– Вы спятили тут все, да? – спросил я. К горлу начинала подступать истерика, рискуя вырваться смехом. – Я же вот тут сию, живой, здоровый.

Только, видимо, головой поехавший.

– Вот же я! Я же здесь! Я же живой!!! – заорал я, вскочив со стула.

Тот с грохотом упал. Мужчина подскочил следом за мной, стараясь перехватить мои руки, успокоить, что-то сказать, но я не слушал. Рванув запрос на эксгумацию, я дергаными движениями открыл лист с результатами экспертизы и замер, глядя на свое имя, напечатанное ровными машинописными буквами.

Это действительно был я. Один из почерневших трупов, с едва ли угадывающимися чертами. Пустой, мертвый силуэт того, что когда-то было человеком.

– Этого просто не может быть...

Офицер потянулся ко мне, дотронулся до моей руки, и это стало последней каплей. Я отскочил от него, как ошпаренный, даже не заметив, что заключение экспертизы осталось в моих руках.

– Не прикасайтесь!!! – заорал я и бросился к дверям.

Не знаю, пытались меня догнать или нет. Я просто бежал по пустым дорогам города, не пытаюсь понять, куда именно. Ветер свистел в ушах, слезы срывались с ресниц, подхватываемые порывами, которые пытались выдрать из моих рук листы бумаги. Легкие горели огнем, казалось, еще совсем немного, и они сгорят, развеются пеплом.

Чикаго быстро погрузился в холод сумерек, солнце будто

пряталось от меня и этого проклятого места.

А я всё неся, спотыкаясь, не встречая ни одной живой души на своем пути. Да и откуда им взяться, если ты мертв?

Я бежал так долго, что ноги запинались сами за себя. Еще немного, и я упаду. Упаду и больше никогда не поднимусь. Я уже чувствовал обжигающую боль, которую подарит асфальт моему лицу при встрече. Я видел мрак, который опустится на меня и поглотит.

Еще немного...

И внезапно я налетел на кого-то, кто неожиданно вырос на моей дороге. Человек удержался, не упал. И мне не дал упасть, заключив в такие знакомые объятия.

– Успокойся, Ал. Не надо, – тихо сказал он мне. – Это всё равно не поможет.

Я поднял голову следом за этим голосом, с трудом разлепил воспаленные веки, снова утонув в коричнево-голубой бездне, которая сейчас смешивалась в один грязно-зеленый цвет.

– Ты знал? – еле различимо спросил я. – Знал всё это время?

Я думал, он не услышит меня, я сам себя не слышал. Но Ричард услышал. Он медленно кивнул, на дне его глаз отражалась горечь и печаль, которые я замечал и раньше, но не мог понять, что это за чувства.

– Но почему? Почему ты мне не сказал?

– А ты бы поверил? – тихо спросил он.

Я окинул взглядом его волосы, перебираемые ветром, уставшее лицо, опущенные плечи.

– Но... почему...

Я не смог закончить. На губах Ричи мелькнула тень знакомой улыбки.

– Почему я тоже здесь?

Я кивнул. Я даже не понимал, где это «здесь», но в данный момент меня это интересовало гораздо меньше.

Друг покачал головой, сдержав вздох.

– А ты до конца дочитал заключение экспертизы, Алекс?

Его вопрос всколыхнул что-то в моей памяти, что-то такое, что когда-то очень хорошо помнил, а потом забыл. Я опустил взгляд на бумагу, всё еще зажатую в моих пальцах.

Три тела. Моей матери, мое собственное и соседского мальчишки.

«...Мы жили с матерью недалеко от вас...»

Я слегка отстранился, ровно настолько, чтобы протиснуть между нами дрожащую руку. Чтобы не потерять чувство тепла рук, обнимающих меня и до сих пор не дающих упасть.

Буквы расплывались перед глазами, не желая складываться в слова, оберегая от того, что я уже и так знал. Я почти насильно заставил себя сфокусировать взгляд.

«Ричард Джонатан Бейкер»

Моя рука затряслась еще сильнее и беспомощно повисла

вдоль тела. Бумагу подхватил ветер, так долго дожидаящийся своей игрушки, и понес вниз по улице, шурша листьями.

Я уперся невидящим взглядом в лицо друга, рассматривая его, и не видя.

– Но... как? Как ты оказался там? Зачем?

– Я же говорил, – голос Ричи был спокоен и умиротворен, в нем лишь слегка проскальзывала грусть. – Я увидел огонь и пошел за тобой.

Я нашел взглядом его глаза, отыскивая там эту страшную правду. И я видел ее, тяжелую, густую как смоль. Правду, которая заставляла меня раз за разом возвращаться в этот город. Правду, которая не давала мне спать.

Я мог спать спокойно, только когда рядом был Ричи, только в эти ночи моя вина и тоска отпускала ненадолго.

И дело было вовсе не в Митчелле Моргане. Вся истина, спрятанная за лживыми образами несуществующей жизни, заключалась в том, что я своими руками убил человека, ближе которого у меня никогда не было.

И я вспомнил...

***

Два года назад

Я стоял на кухне, глядя на духовой шкаф. И в моей голове рассеянно металась мысль о том, что я делаю что-то не так.

Куда я собрался? Зачем? Я мог сбежать из города, но не мог сбежать от самого себя. Я не мог скрыться от того, что

сам сделал со своей жизнью. Морган лишь показал, насколько я жалок в своей уверенности, что живу правильно и достойно.

Я не был достойным, не был успешным. Я был пустышкой, которая служит средством достижения цели своих родителей и является игрушкой и забавой для своего начальника. Разве у меня не было выбора? Я не видел его, но я не старался рассмотреть. А теперь моя жизнь кончена.

Я скинул рюкзак, из которого градом рассыпались деньги, открыл газ, закинул вилки в духовку. Выглянув в окно и не обнаружив отцовской машины, я вздохнул. Может быть даже с облегчением. Родителей нет дома, тем проще.

Сев на стул, я крутил в руках телефон, высвечивающий пропущенные звонки начальника. Комната наполнялась газом, мне даже казалось, что я вижу, как он расплывается, раздражая реальность, искажая ее.

Я закрыл глаза и представил, что стою на мосту недалеко от дома, оперевшись о парапет. Я почти ощущал, как ветер ласково перебирает волосы, как тишина убаюкивает мысли, как отражение Луны на водной глади поет мне колыбельную.

Глубоко вздохнув, я открыл глаза. Телефон высветил очередную смс от Митча, но я не открыл ее. Вместо этого я открыл приложение, мой палец на секунду завис над кнопкой включения духового шкафа, но все же медленно опустился на сенсорный экран. Кнопка загорелась зеленым, и духовка пикнула, подтверждая свое рабочее состояние.

Я улыбнулся, глядя на нее, и бросил мобильник в раковину. Вот и всё.

Снова прикрыв веки, я ждал. Ждал, когда всё это дерьмо наконец закончится. Его было достаточно в моей жизни, чтобы она закончилась несчастным случаем. И никто ничего не узнает.

– Прощай, Рич. Я пойду искать свою собаку в аду, – сорвался с моих губ тихий шепот, и в ту же секунду меня оглушило взрывом.

К сожалению, дерьмовость моей жизни оставалась со мной до конца, не дав умереть сразу же.

С трудом разлепив затекшие кровью веки, я попытался зажать руками уши. Хоть как-нибудь избавиться от этого ужасного звона. Но рука двигалась только одна.

«Сломал», – безучастно подумал я.

Кровь заливала глаза и всё лицо, стекала по плечу и сломанной руке. Но боли я не чувствовал. Пока что не чувствовал.

Закашлявшись, я сплюнул кровь и пополз к двери. Нет, я не собирался выбираться отсюда. Просто хотелось сесть там, где всегда стояли миски моего пса.

Двигаться было невероятно тяжело, дезориентация сбивала меня в сторону. Но я упорно полз к стене, думая о том, когда же этот звон окончательно затихнет. Когда я наконец был на месте, то просто лег там, облегченно вздохнув и вновь закашлявшись. Вот теперь точно всё. Можно было отдохнуть.

Вокруг разверзлось пламя, голодными языками заглывая кухонные шкафы. Дом стонал и кричал, мучаясь в агонии. Он умирал вместе со мной, корчась от боли. Секунды растягивались в бесконечность, и я всё думал, попал ли я уже в ад, или еще дышу.

Как же долго...

– Алекс!!! Алекс, где ты?!

Я моментально распахнул глаза, услышав знакомый голос, срывающийся в крике. В нем отчетливо звучала паника и ужас, и моя душа откликнулась таким же безграничным страхом, внезапно окутавшим меня полностью.

Был единственный человек на свете, который когда-либо был мне близок, с которым я умел когда-то давно смеяться и радоваться жизни, который дарил мне надежду. Он умел смеяться так, что все беды казались абсурдом, а его рука на плече давала ощущение покоя.

Человек, которого я старательно избегал и игнорировал вот уже несколько лет. Потому что я свято верил словам своих родителей, я верил в то, что так будет лучше.

И сейчас он полз ко мне, сгибаясь от кашля, закрыв лицо футболкой. Он продирался ко мне сквозь удушающий дым, а его разноцветные глаза горели лютым ужасом.

– Ты спятил?! Господи, что с тобой? погоди, я вытащу тебя, сейчас, всё будет нормально, держись только, – затараторил он, едва сдерживая рвущий горло кашель.

Он подхватил меня под руки, стараясь вытянуть к выходу,

но я успел уцепиться целой рукой за косяк.

– Уходи! Уходи немедленно! Ты же погибнешь! Оставь меня! – закричал я, тут же подавившись дымом.

Я попытался пихнуть его к двери ногами, а потом и рукой. Уже хрипел, но убеждал его уйти, молил спастись. Боже, только не он! Кто угодно, только не он!

– Ричи! Свали к черту отсюда! Ты мне не нужен!

Мне удалось ударить его по колену, и он упал. Его замутненный взгляд устремился ко мне.

– Плевать. Я не оставлю тебя, слышишь? Мы поклялись, и я никогда не оставлю тебя! – задыхаясь, сквозь зубы проговорил он.

Поднявшись, он подошел ко мне на полусогнутых дрожащих ногах и протянул руку.

– Ну давай же, Ал, братишка. Мы всё сможем. Я помогу, я не брошу тебя. Только пойдем со мной, – шепнул он.

Я его и не слышал, я читал по его губам. И я снова поверил ему, как верил всегда. Мои пальцы дрогнули, потянулись к его руке, а на его губах мелькнула улыбка, когда сверху вдруг послышался скрежет и грохот. Словно в замедленной съемке я видел, как с потолка срывается балка, как летит к нам, лишенная разума и чувств, а оттого беспощадная.

И через мгновение Ричи упал рядом.

– Беги... – сорвалось с его губ, перед тем, как его взгляд остекленел.

Меня сковало словно параличом, и тут время возобновило привычный ход. Медленно из-под головы Ричарда расплзлась лужа крови.

– Не-е-е-е-т!!! Нет-нет-нет-нет, пожалуйста, нет!

Я упал с ним рядом, потратив остатки кислорода, впусив жар в свои легкие. Из последних сил подвинувшись к нему, я попытался толкнуть, хоть немного сдвинуть к выходу. Но сил уже не было. Я знал, что больше не встану.

– Прости меня, прости, пожалуйста, прости меня...

Я задыхался. Образ Ричи расплывался перед глазами, как бы я не пытался не закрывать глаза. Рука отозвалась ослепляющей болью, но было уже плевать.

Легкие снова обожгло, и сознание утекло от меня, мрак, такой желанный и такой ненавистный, укутал полностью, скрадывая в неведение последний хриплый вздох. Последней яркой точкой мелькнула мысль, что лучше бы я никогда не знал Ричарда Бейкера, ведь тогда бы он не погиб из-за меня.

По моей вине.

***

– А спустя секунду я сидел в автобусе, понятия не имея, кто ты такой, – протянул я, глядя на темное небо, собирающее в кучу тучи.

– Знаю. Я был рядом. Я и разбудил тебя в городе твоей детской мечты, – эхом отозвался Ричи.

Да, я помнил, что был парень, разбудивший меня.

Мы сидели на пороге моего дома. Точнее на ступеньках того, что когда-то было моим домом. Здесь всё начиналось, здесь и закончилось. Подтянув колени к груди, я обнял их и уперся в них подбородком. Ветер шелестел листвой деревьев, но я не видел их больше. Не видел и соседних домов. Казалось, что остались только мы, едва виднеющаяся дорожка от крыльца в неизвестность и обломки сгоревшего дома за нашими спинами, где оборвались наши жизни.

Я вновь посмотрел на небо. Оно, задумавшись, уронило вниз пару капель.

– Что это за место? – тихо спросил я.

Ричи усмехнулся.

– Это ты мне скажи. Твое сознание породило его.

– Мы умерли?

– Очевидно, – друг пожал плечами, как будто бы этот вопрос был обыденностью.

– Но кто же мы тогда? Кем мы стали? – я посмотрел на него, повернув голову.

– Кто знает.

Мы снова замолчали, думая каждый о своем. Я вспоминал последние два года. Такие насыщенные на события, на взлеты и падения. Я помнил всё с пугающей четкостью. Разве это могло быть неправдой?

– Но ведь всё было таким реальным... – вырвалось у меня.

– Ты верил в эту реальность. Пока ты верил, она была реальна. Она и сейчас реальна, разве не видишь?

Он улыбнулся и, подняв маленький камушек, кинул в меня. Тот ударился в мое плечо, прокатился по руке и весело скатился обратно на ступеньку. У меня вырвался смешок.

– Как же ты... как же ты жил всё это время, зная правду?

Ричи откинулся на локти, запрокинув голову и прикрыв глаза, на его губах так и осталась блуждать легкая улыбка.

– Да нормально. Было странно поначалу, но потом я привык. Я знал, что мы оба умерли в тот день. Знал с тех пор, как открыл глаза в автобусе до Торонто. И еще я знал, что ты не помнишь меня. Ну и что? – склонив голову в бок, он посмотрел на меня. Его глаза лучились привычным теплым светом, озаряющим все вокруг, и мое сердце невольно сжалось. – Ты не помнил, но помнил я. Хотя я до конца не верил, что ты меня забыл, пока сам не убедился. Но я мог помнить и за двоих. Я обещал не оставлять тебя. Обещал быть рядом. Я и был.

Он замолчал ненадолго, снова прикрыв глаза, и я отвернулся. На глаза наворачивались слезы, чувство вины давило на плечи непомерным грузом.

– Я часто думал о том, надолго ли мы здесь. Что мы здесь делаем. Потом понял, что в этой реальности, или чем бы это ни было, нас держишь ты. И я думал, что всё дело в Моргане. Но когда у ублюдка поехала крыша, и его упекли за решетку, внезапно оказалось, что не он главная причина. А потом как-то ночью я услышал, как ты зовешь меня по имени. Как раньше. Только ты называл меня вторым именем.

Я это помнил. Теперь помнил.

– Ты кричал: «Не умирай, Джо, пожалуйста, не умирай».

Когда твое сознание отключалось во сне, ты всё продолжал жить в огне.

– Но почему ты не сказал? – тихо спросил я.

– Потому что ты должен был сам. Я не знаю, почему. К тому же ты больше не хотел пробираться через тернии прошлого, а мне было все равно в каком из миров быть рядом.

Снова повисла тишина. С Ричи она никогда не была тягостной, мы могли молчать ночи напролет, и это было прекрасно. Но именно сейчас я хотел говорить. Если мы сейчас исчезнем, то я бы хотел заполнить эти мгновения нашими голосами.

Голосами, которые помнят друг друга.

– Ты сказал, что у меня не было собаки.

– В этой реальности не было. Подумай, после того, что случилось, ты видел хоть одного пса? Здесь или в Торонто?

Я честно задумался. И не вспомнил. Не было собачников по утрам и вечерам, покорно идущих за своими хвостатыми друзьями, ничья довольная морда не выглядывала из проезжающей машины, никто не лаял под окнами посреди ночи. Почему?

– Для тебя потеря пса была большим ударом. Поэтому ты убрал их из этого мира, также, как и память обо мне.

Я обернулся к нему, но тут же отвернулся. На моих щеках блестели слезы.

– Джо... Твоя мама...

Его мать, Аманда Бейкер, которая была женщиной, заменившей мне мою собственную мать. Которая была рядом всегда, даже здесь, после нашей смерти. Женщина, которую я похоронил в Торонто.

– Она умерла. Здесь по крайней мере. И мы с тобой ходили к ней, ты даже притащил альбом с ее фотками, – его голос дрогнул, но лишь слегка. – Что она говорила тебе перед смертью?

– Что... что у нее был сын. Добрый и отзывчивый мальчик. И что... что я похож на него. Она сказала, что он погиб, несчастный случай...

Я замолчал, не договорив. Аманда говорила, что ее жизнь разрушилась после смерти сына. Наша соседка Аманда, которая постоянно задерживала автобус, чтобы я успел в колледж, когда опаздывал.

Аманда, которая оставила мне квартиру.

Это не укладывалось в голове. Я знал только то, что и в ее смерти виноват я. Я был той раковой опухолью, забравшей ее сына, а потом и ее жизнь.

– Я тебе уже говорил. Я верю, что она жива. Там, где нас больше нет, – слышался тихий голос Ричи.

Он сел рядом, привычно толкнув меня плечом в плечо, и я улыбнулся сквозь слезы.

– Она была чудесной...

– Да. Такой она и была, – эхом откликнулся Ричи.

В тишине ночи сзади дома скрипнула ветка. Я закрыл глаза, глубоко вздохнув. Я не имел понятия, откуда я знал, но знал, что отец повесился на ней.

– Копы сказали, середина октября... Как раз, когда ты уезжал.

– Я сказал тебе, что умер отец, но не говорил, чей. Я приехал проститься за тебя, – ответил Ричи, сразу же поняв, о чем я говорю.

Он чувствовал меня так же, как и раньше. Как чувствовал меня всегда.

С неба всё-таки начал накрапывать мелкий дождик, как будто бы оно все же решилось, но пока еще не совсем уверенно в своем решении. Шорох капель об асфальт и плитку уютно заполнил маленький пяточок земли, который было видно.

– А Эмили? Она тоже умерла?

– Не думаю. Она была скорее твоей связью с прошлым, с тем миром, где ты испытал боль и старался очистить его от нее. Эмили была точно такой, какой ты ее помнил. Думаю, она выполнила свою задачу и пропала из твоей жизни. На этот раз окончательно.

Я задумался. К Эмили у меня были смешанные чувства. Она вызывала отвращение и жалость, я и понимал, и не понимал ее. И я был бы рад больше никогда ее не увидеть. Но Ричи был прав, она помогла мне. По-своему, но помогла. И я был ей благодарен.

– А как же ребята? Лола и остальные? Они же тоже были

рядом, почти всё время.

Ричи сел, посмотрев на меня. Он несколько секунд вглядывался в мое лицо, ища что-то, а потом качнул головой.

– Ты разве еще не понял? Они – это ты.

Я вскинул голову, глядя, как в свете прокравшейся меж туч Луны, появляется моя шестерка. Ребята улыбались мне, как и все это время, мы все были рядом.

И я понимал.

Лола, мой полный антипод, человек, который может позволить себе всё то, чего никогда не позволял себе я, села рядом, просто положив голову на мое плечо. Том присел на ступеньку ниже, подкурив две сигареты и одну протянув мне привычным жестом. Моим привычным жестом. Он и был мной, а я был им.

Алекс Томас Брайн. Это был я.

Джей-Джей, улыбнувшись своей ослепительной улыбкой, вскочил на качели, стоявшие в нашем дворе много лет назад, когда я был еще ребенком. Я так и качался на них, как сейчас Джей, этот солнечный парень, не познавший еще горя, свесив вниз голову, до тех пор, пока не приходил отец.

Юпитер только головой покачал, глядя на него. Как всегда собранный, уверенный в себе, он все эти два года был моим гласом разума, всегда знающий, как будет лучше, и не разменивающийся на сантименты. Теперь я знал его настоящее имя. Он кивнул мне с понимающей полуулыбкой на губах, и я кивнул ему в ответ.

И две моих подружки-лесбиянки, Лилия и Роза. Красивые цветы, которые я любил и ненавидел. Они ассоциировались с удовольствием, похотью и развратом, а еще с бездной, которая затягивает и погружает в пучины мрака. Цветы моего выпускного, стоящие на сцене, цветы, распускающиеся в номере отеля Митчелла Моргана.

Девчонки, тихо хихикая, легонько раскачивали смеющегося Джея.

Всё, что было во мне, что оставалось в моей душе, воплотилось в них. Я был не в состоянии вытерпеть эту боль, которая жгла изнутри, как последний вздох моей жизни. И я разделил её на семерых. Мне было бы безумно жаль их потерять, но я знал, что они всегда будут со мной.

Дождь усиливался вместе с моими слезами, смех Джея и Лилии с Розой сливался с ним в единую какофонию. Луна спряталась в покрывале неба, снова укрыв тенью двор. Больше я не видел своих ребят. Лола, мягко отстранившись, невестомо поцеловала в меня в висок и отошла туда, где мелькал огонек сигареты Юпитера. Я чувствовал только, что Том все еще рядом со мной. Но Том и так был рядом всегда.

– Пойдем, Алекс. Тебе нужно отдохнуть.

Голос Ричи укутал меня теплотой. Он взял меня за руку, потянув за собой, и в этот раз я пошел за ним. Мы вошли в дом, отдающий запахом гари, тоски и печали. В темноте ночи я видел знакомые очертания гостиной, слышал тихий храп своего пса из моей комнаты. Тиканье старых маминых

часов.

Ричи потянул меня за собой, и я, держась за его ладонь, ступил на лестницу. Мы поднялись наверх и зашли в мою комнату, закрыв за собой дверь. В гулкой тишине зевнул пес.

Друг толкнул меня на кровать и сам лег рядом. Его тепло окутывало мое холодное тело, замерзшее под дождем. На ноги опустилась привычная тяжесть, слегка щекоча шерстью лодыжки. А я вцепился в Ричи, не в силах подавить рвущееся изнутри рыдание.

Я был так рад, что он рядом, я был так виноват перед ним.

– Прости меня, Джо... прости меня... я не хотел, чтобы все вышло так. Я никогда не хотел, чтобы ты погиб по моей вине, – срывающимся голосом шептал я в темноту.

Но в этот раз я знал, чувствовал каждой клеточкой, что меня слышат. Меня слушают.

– Ты не виноват, Ал. Никогда не был. Ты конечно конченный придурок, раз решил, что лучшим выходом в твоей ситуации будет спалить себя вместе с домом, но ты не виноват в моей смерти. Мы же обещали, что всегда будем рядом, будем защищать друг друга. Помнишь?

– Помню.

Теперь я помнил. Помнил и не собирался больше забывать. Неважно, в этом мире, в следующем, в преисподней, но больше я не забуду. Никогда.

– Мне так не хватало тебя, – тихо сказал я.

Ричи едва слышно рассмеялся.

– Мне тебя тоже. Но мы провели вместе полтора года. И это было здорово. Я хотел попросить у тебя прощения, Ал.

Это было так внезапно, что крик, рвущийся из моей груди, вырвался удивленным вздохом. Это я должен был просить прощения, возможно до конца света.

– За что? – выдохнул я.

– За то, что оставил тебя. Позволил думать, что ты поступаешь правильно. Позволил считать, что ты остался один. Дал влипнуть в такие неприятности и не вытянул тебя силком из них, когда ты отнекивался от моей помощи. Простишь, братишка?

Я не сразу нашелся с ответом. Завис на несколько долгих секунд, а потом обнял друга за плечи. Как обнимал когда-то в детстве, когда мы были братьями, когда кроме нас не было больше ничего важного.

– Конечно, я тебя прощаю, идиот. И ты... ты меня тоже прости за то, что отталкивал тебя все эти годы. Я без тебя потерялся в черно-белом мире.

– Сам ты идиот, – добродушно поддел Ричи. – Я никогда не был в обиде. Только ты тоже должен простить себя, Алекс. В конце концов, сейчас мы снова рядом. И будем рядом всегда. Я обещаю.

Я вздохнул, улыбнувшись. Тепло, мягко, радостно. Как не улыбался очень и очень давно. Я снова, как и много лет назад, вдруг почувствовал царапину на своей руке, кровь, выступившую на ладони. Не задумываясь о том, что делаю, я

взял руку Ричи, чувствуя на ней такой же порез.

– Обещаю, – эхом повторил я.

За окном сверкнула молния, осветив комнату, выхватив всполохом света лицо Ричи. Его глаза блестели, ловя отблески неба, треснувшего на части.

– Спи, Ал. Спи. Всё будет хорошо. Теперь точно всё будет хорошо, – сказал он легким тоном, словно и правда нет никаких проблем в этом мире, а завтра будет новый день.

И я, убаюканный его голосом, позволил темноте захватить меня в объятия. Но теперь я не падал в ее жуткую бездну, а мягко покачивался в ласковом бархате, сулящем мне новый рассвет.

Глава 25

– Не забудь, сегодня в пять конференция в «Джонс Дей». Тебе обязательно нужно встретиться с профессором Миллегером.

– Я помню, мам, – отзываюсь я.

Уже минут 10 я просто пытаюсь выйти из дома, но мать ходит за мной попятам с блокнотом, в котором – мое расписание. Маразм.

– В два часа тебе нужно заехать на фирму к отцу. Он представит тебя Джорджу Ли. Будь с ним любезен, этот человек может помочь тебе в будущей работе.

– Я помню, мам.

Да сколько уже можно?

А действительно, сколько...

Я резко застыл посреди коридора каменным изваянием. Где-то я всё это уже видел и слышал.

Я скользнул взглядом по нашей прихожей, по аккуратно и педантично расставленной обуви. Медленно обернувшись, посмотрел на мать.

– Мама... – вырвался из моих губ тихий шепот.

Она подняла глаза, уставившись на меня с недоумением, а потом и с опасением, когда заметила, как на моем лице расплзается глупая улыбка.

Поддавшись порыву, я притянул ее к себе, крепко обняв.

– Как же я рад тебя видеть.

И это было правдой.

Воспоминания бешеным калейдоскопом мелькали перед глазами. Я не понимал, что происходит, но моя мать стояла передо мной. Живая. Теплая. Такая привычно надменная.

Отпустив ее, я заглянул в гостиную, встретившись глазами с таким же, как и у матери, недоуменным взглядом отца.

Из кухни лениво вышел лабрадор, зевнув во всю ширину пасти. На моих глазах заблестели слезы. Я бросился к нему, упав на колени и обняв за шею, путаясь пальцами в рыжей шерсти, чувствуя его теплое дыхание у своего уха. Вот он был рад внезапному вниманию, весело помахивая хвостом. Я еле заставил себя расцепить руки. Еще успею наобниматься с ним, а пока что были более важные дела.

Обернувшись, я снова наткнулся на ошалевший взгляд матери, стоявшей в дверях, все еще сжимающей блокнот. Я подошел к ней, светясь улыбкой, мягко достал блокнот из ее ладоней, пробежавшись глазами по строчкам.

– Ты знаешь, мам, я тут подумал, к черту эту конференцию. И профессора этого, пожалуй, туда же. А Джорджу Ли плевать и на меня, и на отца, и на всё, кроме собственной лощеной задницы.

Мать, охнув, прикрыла рот ладонью. Я слышал, как встает отец, явно готовясь выдать целую тираду в мой адрес. Но это не имело никакого значения.

Снова притянув мать к себе, я поцеловал ее в щеку. А по-

том и в другую.

– Береги себя, мамочка. Ты мне нужна здоровая, ладно, – я улыбнулся, глядя, как внезапно она зарделась. Как появилась на ее лице непривычная робкая улыбка, а в глазах застыло удивление.

– Папочка, а ты тем более. Мы, если что, всегда будем рядом. Мы же семья, – я говорил совершенно искренне, возможно впервые за всю жизнь.

Отец с оглушенным видом опустил обратно в кресло, словно его ноги подкосились. Может быть не я один когда-то считал, что наша семья лишь для вида. Возможно, моим родителям тоже нужно было дать уверенность, что они нужны мне.

Жаль, я не замечал этого раньше, погрязнув в саможалении. Но больше этого не повторится.

Не удержавшись, я снова потрепал пса по голове и вылетел в коридор.

Впрыгнув в кроссовки, в теории, оставленные мне для занятий спортом, я накинул на себя куртку, зажав блокнот в зубах.

– Я буду поздно сегодня, ужинайте без меня. До вечера, мама, папа, – крикнул я и скрылся за дверью, не дожидаясь ответа.

Выбросив блокнот в ближайшую урну, я помчался в колледж.

Я добежал до остановки, по дороге передумав ехать на ав-

тобусе, когда заметил знакомую фигуру.

– Алекс! Алекс, беги быстрее, а то уедет сейчас!

– Боже мой... – вырвалось у меня.

Замерев на пару мгновений, я бросился к этой чудесной женщине, которая стояла, поставив ногу на ступеньку автобуса, не давая ему уехать. Чтобы я не опоздал.

Она никогда не переставала заботиться обо мне, ни единой секунды моей жизни. Всегда незримо была рядом, поддерживая там, где не могли поддержать мои родители. Она была моей крестной феей. Моей второй матерью, любившей меня так же сильно, как и собственного сына.

Сорвавшись с места, я подбежал к ней, но вместо того, чтобы залезть в автобус, я подхватил ее на руки, отстранив от тут же рванувшего прочь транспорта, а когда она снова коснулась ногами земли, крепко обнял.

– Ох, Алекс, да что это с тобой сегодня? – засмеявшись, спросила она, но, не задумавшись, обняла меня в ответ.

И я почувствовал в ее объятиях грусть и легкую тоску, отдающую запахом лаванды. Эта невероятная женщина скучала по мне, но ни одним жестом никогда этого не показала. На мои глаза снова навернулись слезы, а сердце сжалось от нежности и благодарности, переполнявшей меня.

– Простите меня, Аманда, простите за всё, если я когда-то Вас обижал. А я обижал, знаю, не спорьте. Просто хочу сказать, что больше этого никогда не повторится, – я слегка отстранился, заглянув в ее всепонимающие глаза, и улыбнулся.

ся. – Вы не будете против, если я загляну сегодня вечером на ужин? Мы с Ричи могли бы даже что-нибудь приготовить для Вас?

Ее глаза неожиданно озарились, она за секунду словно помолодела на несколько лет. И пусть в ее глазах, как и в моих, заблестели слезы, но лицо озарила искренняя счастливая улыбка.

– Конечно, сынок, с радостью. Буду Вас ждать. Ой, что же, надо же тогда убраться, – сразу захлопотала она.

Я еще раз крепко обнял ее, оборвав бешеный поток слов, и, отстранившись, помчался дальше, махнув ей на прощание.

Я бежал по улицам, не останавливаясь, и память подкидывала воспоминания о том, как я ходил здесь на работу к Моргану, как в кафе по другой улице мы с Эмили пили кофе. А в кафе напротив мы пили с ней кофе, когда я сводил Моргана с ума. Вот по той дальней улице мы с Джем бегали наперегонки, а еще чуть дальше обсуждали с Лолой прелести пирсинга.

Я всё это помнил. И я был рад этой памяти, я не хотел забывать ни минуты, ни секунды. Потому что вся боль, которую я пережил, страх, через который я прошел, дарили ощущение полета. Я был счастлив.

И как я мог не замечать этого раньше?

Но, пройдя через всё, что со мной было, побывав по ту сторону жизни, я наконец это понял. И я, не переставая, бла-

годарил небо за подаренный шанс.

Заблудившись в своих мыслях, я налетел на кого-то. Вокруг разлетелась куча листочков, а я с удивлением уставился на женщину, сидевшую у моих ног.

– Извините меня, – тут же сказал я, подняв ее, и присел, собирая листы.

Она, улыбнувшись, сделала то же самое. Ее цветастое платье развевалось на ветру, и я подумал, как ее спасает от ветра эта легкая кофточка на плечах.

Вручив ей собранные листы, я стянул с себя куртку и накинул на ее плечи.

Она удивленно посмотрела на меня, но промолчала, только ее глаза блеснули за стеклами цветных очков.

– Спасибо большое! – радостно сказала она, и я улыбнулся.

– Пожалуйста!

И она рассмеялась, беззаботно, легко.

– А ты молодец. Многие бы ответили: «Не за что».

Я только пожал плечами.

– Вы меня поблагодарили, и я ответил благодарностью. Берегите себя и одевайтесь теплее. Всего доброго!

Я махнул ей рукой и побежал дальше.

А женщина еще долго с улыбкой смотрела мне вслед слегка задумчивым взглядом.

– Надо же. Как разноцветный карандаш в упаковке с простыми. Надеюсь, его глаза и дальше будут так светиться, как

сейчас, – тихо сказала она пролетавшему мимо ветру.

Он что-то ответил ей, и она, кивнув своим мыслям, пошла дальше.

***

Я влетел в колледж, почти выбив дверь. Коридоры кишели студентами, то тут, то там слышались привычные разговоры о преподавателях, о парах, о не сделанных рефератах.

Я окинул взглядом всех ребят и улыбнулся. Как здорово было видеть эту простую жизнь. Как было здорово знать, что она у меня такая же простая.

Но в данный момент меня не волновали ребята. Меня интересовал один конкретный человек.

Промчавшись по коридору, едва не уронив пару людей, я взлетел по лестнице на третий этаж, где у нашей группы должна была быть лекция. Удивительно, что я помнил это, а с другой стороны, я ведь вчера изучал расписание, верно?

Меня словно вело шестое чувство, и оно не ошиблось. Открыв дверь, я сразу же увидел вдали знакомую фигуру и, не задумавшись, рванул к ней. В ушах яро свистел ветер, улыбка сползала на скулы от скорости, с которой я бежал. Трое парней, идущих впереди, быстро приближались.

– Ричи!!! – заорал я во всю мощь легких.

Кажется, весь колледж содрогнулся. По крайней мере, два парня точно вздрогнули. А мой друг лишь спокойно обернулся, чтобы в следующий момент упасть на пол вместе со мной.

Я замер на долгую минуту, стараясь перевести дыхание, Ричи молча похлопывал меня по плечу. Приподнявшись, я заглянул в его глаза, ловя за коричневой линзой знакомые голубые всполохи, и неожиданно рассмеялся. Ричи подхватил мой смех.

Мы валялись посреди коридора юридического колледжа под недоуменными взглядами одноклассников и смеялись. Смеялись так легко, так звонко и чисто, словно снова были пятилетними детьми, играющими в песочнице.

– Я тут подумал... – всё еще посмеиваясь, протянул я, – а не сходить ли нам в кино вместо этих нудных пар? А вечером к тебе махнем, я твою маму предупредил.

Я глянул на друга, на его лице была та самая теплая улыбка, согревающая даже в самые холодные дни, заставляющая улыбаться, даже в самые дерьмовые моменты.

– Что скажешь?

Ричи приподнялся на локтях, не вставая. Да и как бы он встал, я все еще сидел на нем.

– Я не против. Выбирай фильм. Только, чур, не ужастик. Пожалуй, хватит ужастиков с нас обоих, – тихо ответил он.

Его улыбка отразилась на моем лице. Я кивнул, протянув ему руку. И когда старые шрамы на наших ладонях соприкоснулись, я понял, что черная полоса в моей жизни наконец-то закончилась. Теперь все будет хорошо. Точно будет.

И я ни за что не собирался упускать этот чудесный шанс, дарованный мне кем-то: самой судьбой, дьяволом или богом.

Шанс, дающий мне право на счастье.

Этот шанс начать жизнь заново.

Эпилог

Через полтора месяца мы с Ричи забрали документы из колледжа.

Конечно, мои родители были не в восторге, но на удивление и разбора полетов устраивать не стали.

Я сказал, что буду подавать документы в университет искусств, лелея детскую мечту стать художником. Отец еще поворчал пару дней насчет представительности, но стоило мне сказать, что, когда я прославлюсь, я посвящу ему свою лучшую работу, как он внезапно заткнулся. Лишь иногда застывал, оторвав взгляд от бумаг, а на его лице появлялась совершенно новая для него, но так ему подходящая легкая улыбка.

Мама неожиданно увлеклась готовкой, соскребая с памяти все рецепты, которые знала. Получалось у нее пока неважно, но я верил, что у нее будет получаться лучше и лучше. Во всяком случае, я, не уставая, хвалил ее блюда.

А спустя еще год мы с Ричи переехали в Торонто.

Сняли квартиру в знакомом районе, подали документы в учебные заведения, устроились на работу. Вскоре в квартире появилась приставка и телевизор, хотя мы все равно чаще гуляли.

Блуждая по улицам и паркам, я не переставал искать взглядом Лолу и компанию. Я всё ждал, что вот сейчас из-за куста на меня выпрыгнет Джей, тут же послышится смех

Лилии с Розой. Том предложит сигаретку, а Лола с Юпитером, иронично изогнув брови, будут поджидать на лавочке.

Я думал, что эта привычка пройдет еще не скоро, но, впрочем, это было даже неплохо. Ричи тоже это видел, но ничего не говорил.

Лабрадора мы тоже перевезли с собой, и теперь этот рыжий счастливый засранец в любое время дня и ночи тянул нас к озеру. И пока он барахтался в воде, мы валялись на берегу, обсуждая всё, что угодно, говоря обо всем на свете, не в силах наговориться.

Довольно быстро мы перевезли в Канаду и Аманду. Она сразу же влюбилась в Торонто, без устали обходила все его переулки, с радостью гуляла с нами, да и просто была счастлива.

И я был до безумия рад видеть это счастье в ее глазах, больше не замутненное застаревшей болью и потаенной печалью.

Пару раз к нам даже приезжали мои родители, погостить. Нет, они остались такими же чопорными и сухими, точно также сходили с ума, плавая среди законов и кодексов, но что-то неуловимо в них всё же изменилось.

Как ни странно, но я любил их. И чувствовал, что эта любовь взаимна, пусть и проявляется у нас по-разному. Мне всего лишь потребовалось открыть им свое сердце.

И каждую ночь, ложась спать в уютной тишине своей комнаты под мерное сопение пса, я проводил пальцами по ста-

рому шраму на ладони.

Теперь это уже была не детская клятва дружить. Это было обещание жить и помнить, нерушимая клятва, связавшая жизнь и смерть, память и забвение. И я помнил.

Я помнил, что у меня есть своя большая семья, ради которой стоит жить. Я важен. Я нужен. И есть те, кто живет ради меня.

И больше я не забуду об этом.

Обещаю.

Благодарности

Моей дорогой мамочке. Она одной из первых начала читать эту книгу. Нещадно капала мне на мозги, чтобы я писала дальше, и миллионы раз, психуя, просила рассказать, чем она закончится.

Моя милая, ты оказала мне неоценимую поддержку в этой работе.

Моему многолетнему соавтору и близкой подруге. Она долгое время оставалась единственной, кто знал конец книги, и так и осталась единственной, кто знал все нюансы, все скрытые подтексты и все завороты сюжета.

Дорогая, спасибо за идею со свиной головой, этот чудесный вечер с вином я никогда не забуду. И спасибо за хэппи энд, который здесь появился благодаря тебе.

«А на самом деле, это всё сон собаки» (с)

Моему любимому. Он был рядом на протяжении всего написания. Он стойчески сносил все мои истерики и порывы удалить книгу к черту. Он консультировал меня по ходу всего сюжета, давая незаменимые советы.

Солнце мое, спасибо тебе за терпение и понимание.

Моему другу-автору. Только он умеет так раскритиковать книгу, что она даже и тебе начинает нравиться. В течение полугода он пинал меня, заставляя писать дальше, на все мои: «Я больше не хочу, не буду», говоря, что я просто чокнутая. Никто больше не выслушал столько моего нытья, сколько он.

Спасибо тебе, сволочь ты эдакая, без тебя эта книга писалась бы еще год. И я желаю тебе удачи в твоём проекте.

«Ешь стекло из своего романа» (с)

Моей лучшей подруге, которая была одним из главных оценщиков и важным консультантом в вопросах медицины. Даже ее: «Да я откуда знаю, загугли», были незаменимы и полезны. Особенно неоценимая помощь была в сцене смерти Аманды.

Спасибо тебе, моя девочка, ты всегда готова читать всё, чтобы я ни написала.

Моей близкой подруге. Человек, который из критичного недостатка времени все же откуда-то выцарапывал минуты, чтобы читать мою книгу. И при каждой встрече она неустанно повторяла: «Ты отлично пишешь, пиши дальше, мне очень нравится, это невероятно». И множество других лестных слов.

Спасибо, моя рыжая красотка, твои слова всегда мотивировали и заставляли верить в себя.

Моему другу, который долгих две недели консультировал меня по довольно щепетильной теме наркотиков. Это было нечто.

Я не раскрою тебя, мой бородатый друг, но спасибо тебе большое. Если бы не твои знания, то огромного куска этой книги не было бы.

Гостю нашего дома. Не друг, не враг, но близкий человек. Внезапно и убедительно.

Я хочу сказать тебе особое спасибо за то, что ты переступил через себя, прочитав роман, за то, что смог дать конструктивную оценку и разложить по полочкам свои мысли. Я знаю, что ты такое не читаешь. Моя тебе огромная благодарность и признательность.

Моей невероятной знакомой из Тюмени.

Хочешь верь, хочешь нет, но первый пинок в написании этой книги прилетел от тебя. Благодаря тебе я начала писать и не смогла остановиться. Спасибо, моя хорошая, ты дала веру в то, что всё может получиться.

Моей первой любви.

Когда-то в далеких лохматых годах популярности аниме и субкультур ты был моим личным эталоном любительской

прозы и стихов. Именно тогда и благодаря тебе я впервые взяла в руки блокнот и ручку, пробуя на вкус рифмы и сочинения. Благодаря тебе я начала писать.

Спасибо тебе за то, что ты был в моей жизни и за подаренное вдохновение, пронесенное сквозь года.

И спасибо всем вам, кто прочитал эту книгу.

В нее было вложено невероятно много сил и времени. И ваша поддержка, дорогие читатели, давала силы, чтобы двигаться дальше.